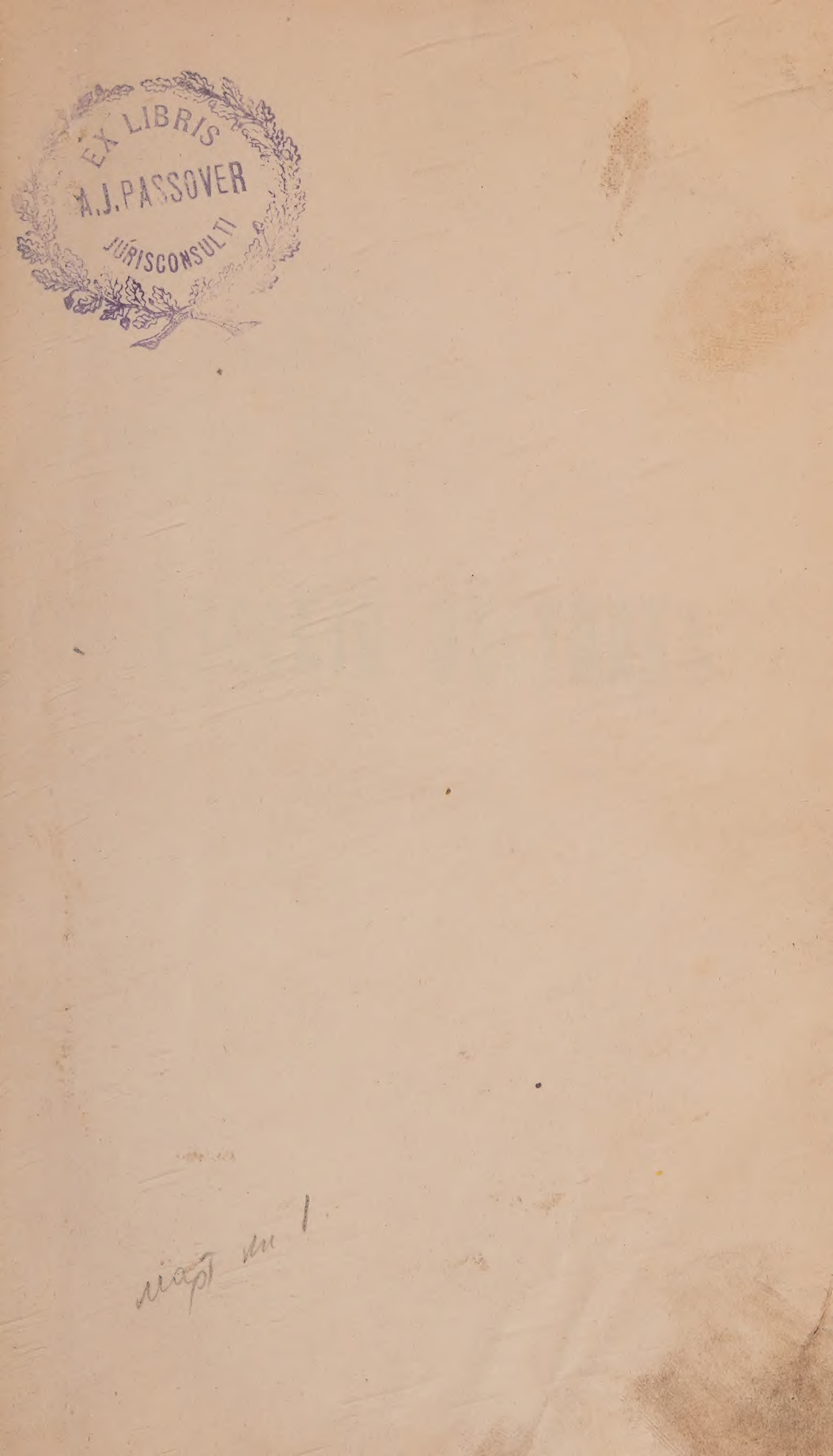
RUSSKII VIESTNIK
V. 2, 1856

EX LIBRIS
A.J. PASSOVER
JURISCONSULTI

Partly t. 2 and 2
As a whole incomplete

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ

МОСКВА

Въ Типографіи Т. Волкова и Комп.

—

1856

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Марта 2 дня, 1856 года.

Ценсоръ Н. Фонъ-Крузе.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРАГО ТОМА

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

МАРТЪ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МАРТЪ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

АПРѢЛЬ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

АПРѢЛЬ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

Н. И. НАДЕЖДИНЪ.

АВТОБІОГРАФІЯ.

Двадцать седьмаго декабря 1855 года было собраніе этнографическаго отдѣленія Русскаго Географическаго Общества, въ квартирѣ Надеждина. Явно упавшій физическими и нравственными силами, онъ въ послѣдній разъ предсѣдательствовалъ въ ученомъ собраніи, привыкшемъ къ его живой рѣчи; но едва нѣсколько невнятныхъ словъ вырвалось у него въ этотъ вечеръ, и всѣ присутствовавшіе вынесли грустное впечатлѣніе о безнадежномъ положеніи своего даровитаго и любимаго сочлена.

Двѣ недѣли волочилъ онъ еще, послѣ того, тяжкую жизнь, постепенно ослабѣвавшую въ немъ въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ. Въ ночи на одиннадцатое января послѣдовало новое пораженіе лѣвой его стороны, сопровождаемое судорожными страданіями и отнятіемъ языка, а утромъ одиннадцатаго числа, въ четверть перваго, вырвалось послѣднее дыханіе изъ его груди.

Нова еще могила, унесшая столько мысли, столько знаній и дарованій (покойному было отъ роду лишь пятьдесятъ одинъ годъ); для жизнеописанія Надеждина, которое можетъ быть глубоко-поучительно, не такъ скоро настанетъ время. Долгъ бывшихъ къ нему близкими — сохранить для будущаго біографа черты столь примѣчательной личности.

Краткія свѣдѣнія объ ученомъ поприщѣ Надеждина помѣщены въ «Біографическомъ Словарѣ профессоровъ Московскаго университета». Не повторяя того, что̀ тамъ сказано, я могу сообщить новый матеріалъ для его жизнеописанія: собственную его автобіографію, которую онъ приготовлялъ, но не успѣлъ ни докончить, ни доставить въ срокъ, для названнаго «Словаря». Неизлишне сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ составилась эта автобіографія.

Готовясь праздновать свой столѣтній юбилей, Московскій университетъ заблаговременно разослалъ къ бывшимъ своимъ профессорамъ и воспитанникамъ приглашенія о доставленіи біографическихъ свѣдѣній. Такое приглашеніе получилъ и Надеждинъ; но, по обыкновенію своему, отложилъ тогда въ сторону, какъ бумагу, не требующую скораго отвѣта, а потомъ, по безпечности, и совсѣмъ оставилъ ее безъ исполненія, тѣмъ болѣе, что ему не хотѣлось писать о себѣ. «Кто нибудь да напишетъ», говорилъ онъ. Вскорѣ неожиданный ударъ едва не лишилъ его жизни и умственныхъ способностей, и навсегда оставилъ калѣкою. Врачи запретили ему всякую головную работу, да и самъ онъ былъ уже неспособенъ къ продолжительнымъ и серіознымъ занятіямъ. Нѣсколько мѣсяцевъ занималъ онъ себя диктовкой перевода на русскій языкъ «Землевѣдѣнія» Риттера; но и этотъ трудъ утомилъ его, и онъ вскорѣ погрузился въ совершенное бездѣйствіе. Въ это время убѣдилъ я его, для развлеченія, написать свою автобіографію по приглашенію Московскаго университета, хотя я и зналъ, что она уже не поспѣетъ къ изданію въ «Словарѣ». Больной обрадовался предложенному занятію: карандашемъ, едва удерживаемымъ въ дрожащей рукѣ, чертилъ онъ понемногу, на лоскуткахъ бумаги, свои воспоминанія; племянники его тотчасъ же переписывали неразборчивую рукопись,—и такимъ образомъ, въ теченіе двухъ, трехъ осеннихъ мѣсяцевъ 1854 года, составилась предлагаемая автобіографія, доведенная до возвращенія его изъ-за границы въ 1841 году. Я дозволилъ себѣ присовокупить къ ней лишь нѣсколько подстрочныхъ, большею частью библіографическихъ, примѣчаній.

П. Савельевъ.

Я родился Рязанской губерніи Зарайскаго уѣзда въ селѣ Нижнемъ-Бѣломутѣ, 1804 года, октября 5 дня. Отецъ мой, во время моего рожденія, былъ при тамошней церкви діакономъ, но спустя мѣсяца два получилъ тамъ же санъ священника. Этого званія достигъ онъ изъ причетниковъ, какимъ былъ изъ малолѣтства, не получивъ потому никакого школьнаго образованія, не бывъ ни въ семинаріи, ни въ низшихъ училищахъ, какихъ въ то время по Имперіи еще и не было. Онъ умѣлъ только читать и пѣть; но за то былъ одаренъ отъ природы счастливыми и быстрыми способностями, обширною памятью, наблюдательностью и страстью къ чте-

нію. Чтобы удовлетворить этой послѣдней, онъ несмотря на крайнюю недостаточность домашнихъ средствъ и на тяжкіе физическіе труды, къ которымъ долженъ былъ прибѣгать изъ насущнаго хлѣба, тратилъ послѣднія добываемыя имъ копѣйки на пріобрѣтеніе книгъ, какія попадались ему подъ руку на базарахъ, бывающихъ еженедѣльно въ селѣ Бѣлоомутѣ, и у носящихъ, а иногда собственноручно переписывалъ тѣ, которыя удавалось ему достать гдѣ нибудь для прочтенія. Такимъ образомъ накопилась у него собственная библіотека, книгъ до ста или и болѣе. Разумѣется, это были книги все русскія, и притомъ безъ всякаго выбора, даже нерѣдко оборванныя, безъ начала, или безъ конца, и разрозненныя, если книги были въ нѣсколькихъ томахъ,—отъ иной одинъ первый или одинъ послѣдній томъ, или нѣсколько изъ среднихъ. Такъ я помню первый томъ «Всеобщей Исторіи» Ролленя и два послѣдніе тома «Сокращенія Исторіи Натуральной», изданія, сдѣланнаго для тогдашнихъ народныхъ училищъ. Вообще должно сказать, что отецъ мой преимущественно любилъ книги историческія и нравоучительныя, но не пренебрегалъ и другими, какого-бы онѣ ни были содержанія.

Такъ дожилъ я въ домѣ родительскомъ до десятилѣтняго возраста, когда, по обычаю и по закону, въ то время существовавшему, дѣтямъ духовнаго званія слѣдовало поступать въ духовныя учебныя заведенія. Отцу моему не хотѣлось такъ рано отослать меня отъ себя, хотя онъ очень понималъ важность и необходимость дальнѣйшаго моего обученія. Его пугало въ особенности опасеніе за нравственность дитяти, оторваннаго отъ родительскаго дома и надзора въ столь нѣжномъ возрастѣ, а притомъ и дороговизна содержанія въ далекомъ губернскомъ городѣ, особенно чувствительная при его недостаточныхъ средствахъ, на которыя онъ долженъ былъ содержать, кромѣ собственныхъ дѣтей, многолюдную семью сиротъ, оставшихся на его рукахъ по смерти отца его и дѣда. Чтобы помочь этому послѣднему неудобству, онъ вознамѣрился просить для меня причетническаго мѣста при той же самой церкви, въ которой онъ былъ священникомъ. Съ сею цѣлію, за собственнымъ недосугомъ, онъ отправилъ меня одного въ Рязань

къ преосвященному, которымъ тогда былъ Ѳеофилактъ, въ послѣдствіи экзархъ-митрополитъ Грузіи.

Живучи дома, я самоучкою выучился писать стихи, то есть, излагать свои мысли стихотворнымъ размѣромъ, которому я навыкъ наслухомъ, читая частію бывшія у насъ книги, между коими помню особенно сочиненія Ломоносова, Хераскова и «Аониды» Карамзина, частію изъ рукописныхъ сборниковъ, привозимыхъ въ домъ нашъ пріѣзжавшими на вакаціи родственниками семинаристами. Отецъ приказалъ написать просьбу къ преосвященному и еще сочинить родъ рѣчи, для устнаго предъ нимъ произнесенія *стихами*. Это было мною исполнено съ посильнымъ усердіемъ. Прибывши въ Рязань, я отведенъ былъ знакомыми мальчиками въ домъ архіерейскій, гдѣ, въ толпѣ просителей, смѣло явился предъ архіереемъ и возбудилъ удивленіе его своею рѣчью и просьбою. Преосвященный, отличавшійся любовью къ литературѣ, принялъ меня очень милостиво, удостоилъ меня подробными распросами о томъ, что̀ я еще знаю, если знаю. Онъ особенно пораженъ былъ моими свѣдѣніями въ исторіи и географіи, которыми я смѣло могъ похвастаться предъ многими старыми семинаристами, тѣмъ более, что по тогдашнему порядку оба послѣдніе предмета вообще въ то время преподавались въ семинаріяхъ очень слабо. Заключеніемъ всего этого было, что архіерей объявилъ мнѣ, что, несмотря на мое витійство, въ причетники онъ меня не опредѣлитъ, а оставитъ въ семинаріи, и тутъ же отослалъ меня къ смотрителю Рязанскаго духовнаго уѣзднаго училища, для испытанія и усмотрѣнія, въ какой классъ училища могу я поступить. Смотритель нашелъ, что я могу поступить прямо въ высшій классъ училища, куда я дѣйствительно и отправился (въ 1815 году). Впрочемъ, для вспомоществованія отцу моему въ издержкахъ моего содержанія, великодушный пастырь съ тѣмъ вмѣстѣ предоставилъ мнѣ право, въ продолженіе ученія пользоваться доходами съ просимаго мною причетническаго мѣста, исправляя соединенныя съ нимъ обязанности чтенія и пѣнія въ церкви во время вакацій, когда семинаристы отпускаются въ домы родителей.

Чрезъ годъ послѣ того, я, наравнѣ съ прочими товарищами, перешелъ въ семинарію на классъ риторики, а потомъ чрезъ два года—на классъ философіи.

Мнѣ не было еще пятнадцати лѣтъ отъ роду, какъ я кончилъ курсъ философіи. Но тутъ наступила очередь отправлять изъ Рязанской семинаріи успѣшнѣйшихъ воспитанниковъ для высшаго духовнаго образованія въ Московскую духовную академію. Обыкновенно для сего избираются воспитанники, уже окончившіе полный семинарскій курсъ, то есть изъ класса богословія. Я потому не имѣлъ повода готовиться къ сему въ эту пору, и уже другіе были выбраны; но въ это время пріѣхалъ къ намъ визитаторъ изъ академіи, нынѣшній высокопреосвященный митрополитъ новгородскій и санктъ-петербургскій Никаноръ, тогда бывшій еще архимандритомъ и ректоромъ Спасо-Виѳанской духовной семинаріи. Ему благоугодно было назначить меня въ студента академіи, куда я и отправленъ въ слѣдъ за тѣмъ. Это было въ 1820 году. Преосвященнымъ былъ въ Рязани тогда Сергій, нынѣ уже опочившій. Онъ былъ также очень милостивъ и продолжилъ мое пользованіе вышеупомянутымъ причетническимъ на родинѣ моей мѣстомъ на академическій курсъ. Съ этихъ поръ, можно сказать, началось мое настоящее воспитаніе.

Тогда всѣ вообще духовныя академіи, учрежденныя съ 1809 года, были еще въ пылу юношескаго развитія. Учили и учились въ нихъ очень усердно. Московская духовная академія находилась подъ непосредственнымъ руководствомъ и попеченіемъ нынѣшняго высокопреосвященнаго Филарета. Направленіе, господствовавшее въ ней, было, кромѣ полнаго и отчетливаго преподаванія богословскихъ наукъ, по преимуществу философское. . . . .

При академіи занималъ тогда каѳедру философіи нынѣшній флота и арміи оберъ-священникъ, протопресвитеръ В. И. Кутневичъ, отлично знавшій свой предметъ, который слушалъ въ первомъ курсѣ Санктъ-петербургской духовной академіи у знаменитаго въ свое время выписаннаго изъ-за границы профессора Фесслера. Весьма естественно, что и я увлекся паипаче этимъ предметомъ. Чтобы выяснить направленіе и духъ тогдашняго преподаванія философіи въ Московской академіи, привожу здѣсь одинъ фактъ. Помню, что когда мы явились въ нее, можно сказать, со всѣхъ концевъ Россіи, намъ задана была для предварительнаго испытанія слѣдующая тема: Perpendatur pre-

tium atque eruantur desiderata systematis Wolfiani tam in toto, quam in singulis partibus considerati, то есть: представить оцѣнку и открыть недостатки Вольфовой системы (философіи), разсмотрѣвъ оную какъ въ ея общности, такъ и по частямъ. Знакомые съ историческимъ ходомъ духовнаго нашего образованія знаютъ, что до учрежденія духовныхъ академій, по новому уставу духовныхъ училищъ, Вольфова система философіи господствовала во всѣхъ семинаріяхъ. Итакъ отъ насъ требовалось дать полный и строгій отчетъ въ томъ, чему насъ до тѣхъ поръ учили. Мнѣ удалось при этомъ написать довольно обширную диссертацію, которая заслужила одобреніе. Я уже читалъ тогда Канта и другихъ новыхъ философовъ нѣмецкихъ, и со всѣмъ юношескимъ жаромъ возсталъ на Вольфа и вообще на эмпиризмъ, главную характеристическую черту основанной имъ школы. Въ этомъ духѣ я началъ заниматься философіею и въ академіи. Многимъ, очень многимъ обязанъ я былъ при этомъ тогдашнему баккалавру (адъюнктъ-профессору при академіи) Ѳ. А. Голубинскому, который читалъ въ помощь профессору исторію философскихъ системъ и читалъ отлично, съ жаромъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Признаюсь, что слушать его для меня было высочайшее наслажденіе, и я два года слѣдилъ за нимъ безъ устали, стенографируя въ классѣ его вдохновенныя импровизаціи. Тутъ развился во мнѣ и обще-историческій взглядъ на развитіе рода человѣческаго, который профессоръ примѣнялъ не къ одной только философіи. Тутъ я началъ понимать, что въ событіяхъ, составляющихъ содержаніе исторіи, есть мысль, что это не сцѣпленіе простыхъ случаевъ, а выработка идей, совершаемыхъ родомъ человѣческимъ постепенно, согласно съ условіями мѣста и времени. Вслѣдствіе того я началъ заниматься и изученіемъ вообще исторіи гражданской и церковной, хотя офиціяльно шелъ по академіи не по историческому, а по математическому отдѣленію. Начальство замѣтило въ этомъ отношеніи мою специяльность, и потому при дальнѣйшемъ продолженіи курса поручило мнѣ заняться церковно-историческимъ изслѣдованіемъ о значеніи въ Православной Церкви символа Св. Софіи, которой посвященъ извѣстный храмъ въ Константинополѣ и потомъ въ разныхъ мѣстахъ нашего благочестиваго отечества.

Наконецъ, послѣ четырехъ лѣтъ, кончилъ я академическій курсъ, и въ 1824 году, съ утвержденія коммиссіи духовныхъ училищъ, академическою конференціею возведенъ на степень магистра богословскихъ наукъ и опредѣленъ въ Рязанскую духовную семинарію профессоромъ русской и латинской словесности, при чемъ семинарскимъ правленіемъ поручена была мнѣ при той же семинаріи должность библіотекаря (1824 года ноября 23 дня), въ каковой должности утвержденъ 1825 года февраля 14 дня. Сверхъ того, въ продолженіе службы при семинаріи, съ разрѣшенія Императорскаго Московскаго университета, приглашенъ былъ начальствомъ Рязанской губернской гимназіи для преподаванія въ оной, въ званіи старшаго учителя, языка латинскаго, чѣмъ и занимался въ теченіе года.

Отъ означенныхъ должностей по семинаріи, а вмѣстѣ и изъ духовнаго званія, по опредѣленію коммиссіи духовныхъ училищъ, согласно моему прошенію, по причинѣ болѣзни, уволенъ для поступленія въ гражданскую службу 1826 года октября 9 дня.

Мой докторскій экзаменъ былъ весьма значительною эпохою въ моей жизни. По выходѣ изъ духовнаго званія и оставленіи службы при семинаріи, я переѣхалъ на житье въ Москву, гдѣ впрочемъ не имѣлъ никакого опредѣленнаго плана и цѣли для жизни, кромѣ мѣста домашняго наставника въ частномъ домѣ. Тутъ раскрылся предо мною дотолѣ мнѣ совершенно незнакомый во всѣхъ отношеніяхъ міръ. Смутно чувствуя, что это еще не жизнь, а только вступленіе мое въ жизнь, я тотчасъ понялъ, что мнѣ надо какъ нибудь положительно пристроиться, рѣшиться избрать себѣ что̀ называется «карьеру». У меня не лежало сердце къ службѣ по гражданской части; да и способовъ къ вступленію въ оную не было безъ связей и покровительства. Баринъ, въ домѣ котораго я жилъ, былъ большой баринъ; но онъ посвятилъ себя исключительно воспитанію своихъ дѣтей, и потому я не могъ никакъ надѣяться, чтобы онъ помогъ мнѣ своимъ вліяніемъ найдти гдѣ нибудь внѣ его дома другое для себя мѣсто. Тутъ у меня мало по малу стала развиваться и крѣпнуть мысль о продолженіи своего умственнаго образованія. Къ этому, по счастію, были у меня подъ руками средства. Въ домѣ была богатая библіотека, составленная преимущественно изъ новѣй-

шихъ французскихъ книгъ, такихъ, которыхъ я дотолѣ и въ глаза не видывалъ. Я принялся ихъ читать, и началъ, какъ теперь помню, съ Гиббонова « Décadence et chûte de l'Empire Romain», во французскомъ переводѣ Гизо. Я обратился на это многотомное сочиненіе потому, что еще въ домѣ родительскомъ имѣлъ случай читать въ русскомъ переводѣ отрывокъ изъ него объ Юстиніанѣ Великомъ, найденный мною въ нѣсколькихъ разорванныхъ книжкахъ «Вѣстника Европы». Мнѣ тогда этотъ отрывокъ понравился чрезвычайно. Теперь, начавши читать все твореніе Гиббона подъ рядъ, я не могъ оторваться отъ него и прочелъ дважды отъ доски до доски, отъ первой страницы до послѣдней. Удивленіе мое было неописанное, когда я на каждой страницѣ, или лучше на каждой почти строкѣ, видѣлъ имена и факты совершенно мнѣ извѣстные, но въ свѣтѣ такомъ, который никогда не былъ мною и подозрѣваемъ. Весь образъ мыслей моихъ, который уже сомкнутъ былъ въ нѣкоторую систематическую цѣлость и стройность, вдругъ перевернулся; я понялъ, что одна и та же вещь совершенно измѣняется по мѣрѣ того, какъ будешь ее разсматривать. Значительные интересы, которые я считалъ уже вполнѣ удовлетворенными академическимъ курсомъ, воскресли во мнѣ съ новою силою. Я не остановился на Гиббонѣ. Отъ него перешелъ я къ Гизо, котораго курсы тогда только начали лишь выходить въ свѣтъ. Это новое чтеніе своею краткостію и намеками только лишь раздразнило меня; чтобы ознакомиться съ подробностями средневѣковой исторіи, я принялся за двѣнадцать томовъ «Исторіи италіянскихъ республикъ» Сисмонди, и можно сказать проглотилъ ихъ. Потомъ все это обобщилъ при помощи и руководствѣ Галлама (Le Moyen âge). Все это дало мнѣ способы переработать прежній запасъ историческихъ моихъ свѣдѣній по новымъ взглядамъ. Но и прежнее было во мнѣ заложено такъ прочно, что не разрушилось, а только просвѣтлилось и украсилось новою, облагородствованною физіономіею. Вспоминая теперь минувшее, я сознался, какъ важна была въ исторіи моего образованія его первоначальная двойственность, шедшая путемъ правильнаго развитія. Не будь положенъ во мнѣ сначала школьный фундаментъ старой классической науки, я бы потерялся въ такъ называвшихся тогда высшихъ взглядахъ,

новыхъ романтическихъ мечтаніяхъ, которыя были à l'ordre du jour. Теперь, напротивъ, эти новыя пріобрѣтенія вѣка настилались во мнѣ на прочное основаніе; и дѣло шло своимъ чередомъ.

Такъ жилъ я, проходя скромное званіе домашняго наставника, въ совершенномъ, можно сказать, удаленіи отъ свѣта, никому неизвѣстный, и самъ никого не зная, кромѣ членовъ того семейства, въ которомъ находился.

Въ это время Москва кипѣла литературною дѣятельностію, поддерживаемою соперничествомъ съ петербургскою литературою. Въ 1829 году въ Москвѣ выходило не мало журналовъ, изъ которыхъ шесть были чисто-литературные. Странное было то время. Характеръ журналистики былъ тогда по преимуществу полемическій. Живѣе всѣхъ дѣйствовалъ, или по крайней мѣрѣ громче всѣхъ кричалъ «Телеграфъ», журналъ, издававшійся покойнымъ Н. А. Полевымъ, московскимъ гражданиномъ, при участіи и сочувствіи всѣхъ почти тогдашнихъ литературныхъ знаменитостей. Полевой былъ въ то же время и частнымъ дѣйствователемъ по всѣмъ отраслямъ литературной дѣятельности. Онъ издавалъ книги, судилъ и рядилъ обо всемъ и умѣлъ снискать себѣ такой авторитетъ, какимъ рѣдко кто пользовался въ русской словесности. Извѣстна главная тенденція этого весьма талантливаго и во всякомъ случаѣ замѣчательнаго русскаго писателя. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ разрушителемъ всего стараго, и въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ благотворно на просвѣщеніе, пробуждая застой, который болѣе или менѣе обнаруживался всюду. По несчастію, всему у насъ суждено быть заимствованнымъ. Такъ было и въ эту эпоху движенія. Тогда на европейскомъ Западѣ, преимущественно во Франціи, откуда всегда былъ главнѣйшій притокъ къ намъ идей и мнѣній, горѣла жаркая битва между такъ называемымъ «романтизмомъ» и «классицизмомъ». Тамъ это было явленіе естественное, имѣвшее смыслъ не въ одномъ только приложеніи къ литературѣ. У насъ не было ничего подобнаго. Не было классицизма, потому что не было строгаго классическаго образованія въ томъ смыслѣ, какъ это понимала Западная Европа; тѣмъ болѣе не было романтизма, ибо это также было чуждо Россіи. Но, по привычкѣ называть все свое

именемъ европейскимъ, слова эти зашли къ намъ, и тотчасъ утвердилось мнѣніе, что и у насъ есть свои «классики», то есть всѣ тѣ писатели, которые признавались образцовыми, какъ-то Ломоносовъ, Державинъ, и прочіе покойники, о которыхъ говорилось ученикамъ въ классахъ, изъ которыхъ брались примѣры въ риторикахъ и піитикахъ. Есть и романтики, въ число которыхъ помѣщались писатели новые, въ особенности Жуковскій и Пушкинъ. Споръ открылся по поводу нововышедшей тогда поэмы Пушкина: «Бахчисарайскій Фонтанъ». Въ отживавшемъ уже тогда вѣкъ свой журналѣ: «Вѣстникъ Европы», начали осуждать эту поэму по старинной рутинѣ, по правиламъ Баттё и другихъ учебниковъ, имѣвшихъ краснорѣчиваго истолкователя въ Московскомъ университетѣ въ лицѣ знаменитаго тогдашняго профессора А. Ѳ. Мерзлякова. «Телеграфъ» принялъ подъ свою защиту поэму Пушкина, и тутъ же далъ ему полную абсолюцію во всѣхъ замѣчаемыхъ грѣхахъ, на томъ основаніи, что это-де *романтизмъ*, а *романтизмъ* не подлежитъ правиламъ. Издателю «Телеграфа» пришлось это по душѣ, и онъ, правый въ своихъ сужденіяхъ о Пушкинѣ, завлекся своею обыкновенною запальчивостію слишкомъ далеко въ своемъ ученіи о несовмѣстности романтизма съ какими бы то ни было правилами, а еще болѣе обнаружено имъ при семъ ненависти къ правиламъ, ко всему ученому и основанному на преданіи. Тутъ весь университетъ, вслѣдствіе своего охранительнаго характера, принялъ участіе въ спорѣ. «Вѣстникъ Европы» издавался тогда Каченовскимъ, старцемъ достопочтеннымъ, врагомъ всякаго увлеченія, ветераномъ учености, со врожденною наклонностью къ скептицизму во всемъ, тѣмъ болѣе въ томъ, что̀ противорѣчило всему что̀ доселѣ было принимаемо. И меня за живо взялъ этотъ споръ. Я видѣлъ, что все происходило отъ недоразумѣнія, что спорщики не понимали, о чемъ они спорятъ, и потому, будучи съ одной стороны правы, большею частію несли дичь. Но въ особенности досадовалъ я на ту наглость, съ которою дѣйствовали поборники такъ называемаго романтизма, топтавшіе въ грязь все, чѣмъ по справедливости гордилась отечественная словесность, и обнаруживавшіе крайнее невѣжество въ томъ, что они проповѣдывали вовсе не по убѣжденію, но съ чужаго, дурно понятаго голоса.

Я сталъ въ душѣ моей за классицизмъ, то есть за сознательное творчество, руководствующееся отчетливымъ пониманіемъ минувшаго. Особенно сердцу моему больно было, какъ почтенныхъ стариковъ забивали голословными фразами, взятыми изъ нѣмецкихъ учебниковъ, на которыя они отвѣчать не умѣли, потому что не знали, откуда онѣ взяты. Но я не смѣлъ подать отъ себя голоса, по крайней моей малоизвѣстности. Между тѣмъ обстоятельства познакомили меня съ Каченовскимъ, который тогда былъ профессоромъ русской исторіи въ университетѣ. Старикъ допустилъ меня въ весьма близкое съ нимъ обращеніе. Въ это время онъ занимался исторіею Ганзы и вообще исторіею средне-вѣковой торговли. Разговаривая съ нимъ объ этомъ любимомъ предметѣ, я замѣтилъ ему однажды, что онъ напрасно упускаетъ вовсе изъ виду торговыя поселенія Итальянцевъ на сѣверномъ Черноморьѣ, въ предѣлахъ нынѣшней Новой Россіи. Каченовскій, ухватясь за это, тотчасъ подстрекнулъ меня заняться этимъ предметомъ и написать объ немъ статью для «Вѣстника». Я согласился, и эта статья была первое мое напечатанное сочиненіе. Черезъ напечатаніе этой статьи сношенія мои съ нимъ сдѣлались чаще и тѣснѣе (1). И тутъ онъ внушилъ мнѣ мысль примкнуться къ университету. Но какъ? Чтобъ быть профессоромъ, надобно было имѣть университетскую степень; а я былъ только магистръ духовной академіи. Подумалъ, подумалъ, и рѣшился держать въ университетѣ экзаменъ. На магистра мнѣ уже не хотѣлось; рѣшено было подвергнуться экзамену на доктора. Шагъ важный и тѣмъ болѣе страшный, что въ Московскомъ университетѣ давно уже не было примѣровъ докторскихъ экзаменовъ кромѣ какъ по медицинскому факультету. Я однако не оробѣлъ, и вотъ въ одно прекрасное утро явился къ тогдаш-

---

(1) Въ засѣданіи 8 марта 1829 года, Н. И. Надеждинъ избранъ былъ въ соревнователи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, а въ торжественномъ собраніи, 14 мая, онъ прочелъ, вмѣсто вступительной рѣчи, «Предначертаніе историческо-критическаго изслѣдованія древне-русской системы удѣловъ». Статья эта напечана въ V-й части «Трудовъ и Лѣтописей Общества» (1830), стр. 92—105.

Въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1830 года, часть IV, стр. 254, помѣщена была критическая статья Н. И. о Гораціи и его переводчикахъ, по поводу изданнаго г. Орловымъ перевода Гораціевыхъ одъ. *П. С.*

нему ректору университета И. А. Двигубскому съ просьбою о допущеніи меня къ испытанію на степень доктора по словесному факультету. Старикъ Двигубскій смотрѣлъ на меня во всѣ глаза, тѣмъ болѣе, что я, какъ уже сказалъ, былъ до тѣхъ поръ никому неизвѣстенъ. Онъ однако принялъ мою просьбу и внесъ ее въ совѣтъ. Совѣтъ затруднился по той причинѣ, что счелъ себя не въ правѣ допустить на испытаніе для степени доктора по словесному факультету магистра богословія. По счастію, въ дипломѣ моемъ стояла фраза, что я имѣлъ степень magistri sanctiorum *humaniorumque* litterarum. Это послѣднее слово выручило меня. Рѣшено было впрочемъ представить этотъ казусъ на благоусмотрѣніе и рѣшеніе министра народнаго просвѣщенія, которымъ былъ тогда князь Ливенъ. Пошло въ Петербургъ. Прошли мѣсяцы, ничего. Я началъ сомнѣваться въ успѣхѣ; профессоры же рѣшительно отчаявались. Въ это время случилось одно обстоятельство, которое могло бы совершенно измѣнить мою судьбу. Тогда составлялась новая миссія въ Китай, и требовалось для нея нѣсколько молодыхъ людей. Я рѣшился было рискнуть ѣхать туда и уже началъ, сколько могъ, приготовляться къ тому; взялъ даже нѣкоторыя мѣры, и уже назначенъ былъ день, въ который долженъ я былъ подать офиціально просьбу объ этомъ, какъ вдругъ удивленъ былъ пріѣздомъ ко мнѣ Каченовскаго, до тѣхъ поръ никогда меня не посѣщавшаго, который заѣхалъ ко мнѣ прямо изъ университетскаго совѣта съ извѣстіемъ, что о докторствѣ моемъ пришло разрѣшеніе министра, и что дѣло передано въ словесный факультетъ, съ тѣмъ чтобы онъ началъ испытаніе по всѣмъ правиламъ. Все тотчасъ перемѣнилось. Я явился къ Мерзлякову, который былъ тогда деканомъ факультета. Тотъ понапугалъ меня порядочно разказомъ о томъ, чего отъ меня будутъ требовать. Но я устоялъ и наконецъ получилъ приглашеніе на экзаменъ словесный. Страшно было мнѣ предстать предъ ученый ареопагъ, къ лицамъ, большею частію мнѣ неизвѣстнымъ. Меня экзаменовали устно сначала профессоры Мерзляковъ, Каченовскій, Снегиревъ, Ивашковскій и Побѣдоносцевъ, въ присутствіи профессоровъ Цвѣтаева и Чумакова, какъ депутатовъ отъ прочихъ факультетовъ университета. По тогдашнему положенію слѣдовало выдержать

два устные экзамена; другой я выдержалъ уже смѣлѣе. Затѣмъ слѣдовалъ экзаменъ письменный, гдѣ я долженъ былъ, въ присутствіи экзаменаторовъ, написать на двухъ языкахъ, латинскомъ и русскомъ, отвѣты на нѣсколько вопросовъ, вынутыхъ мною по жребію изъ всѣхъ наукъ факультета. Тутъ спросили меня, выбралъ ли я себѣ предметъ для окончательной диссертаціи, которая, по положенію, отъ доктора требовалась непремѣнно на латинскомъ языкѣ. У насъ уже прежде рѣшено было съ Каченовскимъ, чтобы писать диссертацію о животрепещущемъ тогда вопросѣ, о романтизмѣ. Факультетъ утвердилъ для меня эту задачу въ слѣдующемъ видѣ: De Poëseos, quae Romantica audit, origine, indole et fatis, dissertatio historico-critico-elenchica (2).

Процессъ экзамена познакомилъ меня съ корпусомъ тогдашнихъ университетскихъ профессоровъ. Всѣ они единодушно поддерживали во мнѣ желаніе пріютиться какъ нибудь къ университету. Но для этого надлежало выжидать удобнаго случая. Въ то время профессоры поступали въ университетъ не на вакансіи лицъ, а на вакансіи каѳедръ. Было положено уставомъ нѣсколько ординарныхъ профессорскихъ каѳедръ, которыя и замѣщались по мѣрѣ ихъ упраздненія. Во всѣхъ факультетахъ всѣ каѳедры тогда были заняты. Вдругъ упразднилась по словесному отдѣленію философскаго факультета каѳедра теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи, за смертію профессора М. Г. Гаврилова. Почтеннѣйшій старецъ былъ долго боленъ, такъ что не присутствовалъ и на моемъ докторскомъ экзаменѣ. Съ этою каѳедрой соединено было еще преподаваніе славянскаго языка, которое впрочемъ считалось только временнымъ личнымъ порученіемъ покойнаго профессора, а не принадлежащимъ самой упразднившейся каѳедрѣ. Университетъ, по сему случаю, открылъ публичный конкурсъ, которымъ вызывалъ желающихъ представить къ извѣстному сроку программу преподаванія

---

(2) Напечатана въ 1830 году, въ университетской типографіи, in 8, 146 стр. Извлеченія изъ этой диссертаціи, въ русскомъ переводѣ, помѣщены были въ первыхъ книжкахъ «Вѣстника Европы» и «Атенея» того же года. Полевой жестоко напалъ на это сочиненіе въ «Московскомъ Телеграфѣ». Болѣе безпристрастный разборъ этого разсужденія, написанный г. Камашевымъ, явился въ «Московскомъ Вѣстникѣ», 1830 года, ч. III, стр. 44. *П. С.*

теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи, съ тѣмъ чтобы ищущій имѣлъ необходимыя условія, требовавшіяся уставомъ для ординарнаго профессора, то есть степень доктора по словесному факультету и т. д. Я вступилъ въ этотъ конкурсъ и представилъ требуемое сочиненіе. У меня было нѣсколько соперниковъ, коихъ имена покрыты были, какъ и слѣдуетъ, тайною. Сочиненіе мое, вмѣстѣ съ прочими, разсматриваемо было въ факультетѣ, деканомъ котораго былъ, вмѣсто покойнаго А. Ѳ. Мерзлякова, въ то время заключившаго славное свое поприще смертію, достопочтенный профессоръ А. В. Болдыревъ. Наконецъ, уже весною въ началѣ 1831 года, я получилъ отъ совѣта университета офиціяльное увѣдомленіе, что, изъ представленныхъ въ конкурсъ на сказанную каѳедру сочиненій, факультетъ отдалъ предпочтеніе тому, которое, по вскрытіи маски, оказалось принадлежащимъ мнѣ, и потому совѣтъ приглашалъ меня въ назначенный срокъ, для окончательнаго по закону рѣшенія, дать, въ присутствіи его, устно пробную лекцію, послѣ чего совѣтъ приступитъ къ окончательному выбору. Я принялъ предложеніе и явился къ сроку въ совѣтъ, гдѣ прочелъ составленное мною чтеніе о значеніи, цѣли и методѣ эстетическаго образованія. Чтеніе сіе было потомъ напечатано въ издаваемомъ мною учено-литературномъ журналѣ «Телескопъ» (3). По прочтеніи послѣдовалъ выборъ, о послѣдствіяхъ котораго я также былъ увѣдомленъ съ требованіемъ отъ меня всѣхъ о званіи моемъ бумагъ для представленія г. министру народнаго просвѣщенія. Пошло своимъ порядкомъ. И наконецъ уже въ слѣдующемъ 1832 году пришло отъ министра утвержденіе мое въ должности ординарнаго профессора теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи (съ 26 декабря 1831).

Еще въ сочиненіи моемъ на конкурсъ, равно какъ и въ пробной лекціи, я изъяснилъ, что цѣль моего преподаванія археологіи есть историческое оправданіе той теоріи изящныхъ искусствъ, которую я долженъ былъ читать моимъ слушателямъ, а потому буду излагать эту науку, то есть археологію, какъ исторію искусствъ по памятникамъ. Это было одобрено, и

---

(3) См. слѣдующее примѣчаніе.

отъ того моя археологія распространилась въ объемѣ своемъ значительно противъ прежнихъ предѣловъ. До тѣхъ поръ, въ кругъ ея допускались только памятники двухъ классическихъ народовъ: Грековъ и Римлянъ. Я предположилъ касаться памятниковъ искусствъ у всѣхъ древнихъ народовъ, какіе только оставили по себѣ памятники. Вслѣдствіе того, какъ начало моего курса приходилось въ половинѣ года, то я началъ съ сей послѣдней, то есть съ археологіи, и именно съ древней Индіи. Руководствъ по этой части, которыми бы я могъ пользоваться, въ то время на русскомъ языкѣ не было, да и нынѣ нѣтъ. Я прибѣгнулъ къ единственнымъ тогда бывшимъ у меня подъ рукою источникамъ: Герену, въ его «Ideen», и къ другимъ изслѣдователямъ древностей. Методъ преподаванія моего былъ слѣдующій: я не писалъ лекцій, но предварительно обдумавъ и вычитавъ все нужное, передавалъ живымъ словомъ, что̀ мнѣ было извѣстно, а студенты записывали и давали въ слѣдующій классъ мнѣ отчеты. Такимъ образомъ ни одной лекціи моей не было напечатано; но сохранились у меня кипы тетрадей студентскихъ, которыя я обыкновенно просматривалъ по очереди и исправлялъ, или пополнялъ, гдѣ было нужно. Такимъ образомъ, съ 1831 академическаго года до вакаціоннаго времени, я успѣлъ прочесть исторію памятниковъ всѣхъ древнихъ народовъ собственно до Грековъ (4).

Съ наступленіемъ слѣдующаго 1832 года пришла очередь теоріи изящныхъ искусствъ. Слѣдуя тому же порядку, я постановилъ, и въ слѣдующіе классы преподаванія сей науки, держаться

(4) Съ января 1831 года началъ Н. И. издавать свой «Телескопъ, журналъ современнаго просвѣщенія», 24 книжки въ годъ, съ еженедѣльными прибавленіями подъ заглавіемъ «Молва, журналъ модъ и новостей». Съ 1832 года листки «Молвы» выходили по два раза въ недѣлю. Изданія эти прекратились съ отъѣздомъ Н. И. въ Вологодскую губернію, въ 1836 году. Много писалъ Н. И. для своего журнала; но статьи эти печатались безъ подписи его имени; только критика въ первой книжкѣ на «Бориса Годунова» Пушкина подписана его псевдонимомъ «Н. Надоумко», подъ которымъ онъ выступилъ на поприще полемики еще въ «Вѣстникѣ Европы», да одна ученая статья въ III томѣ, подъ заглавіемъ: «Необходимость, значеніе и сила эстетическаго вкуса» (стр. 131—154), подписана начальными буквами его имени и фамиліи «Н. Н.»

Съ декабря 1831 года, Н. И., по приглашенію дирекціи Императорскихъ театровъ, преподавалъ въ театральной школѣ логику, миѳологію и русскую словесность, что̀ познакомило его съ театральнымъ міромъ *П. С.*

отчасти Бутерверка, Бахмана и другихъ нѣмецкихъ эстетиковъ. При семъ не могу также не упомянуть, что мнѣ много послужили въ этомъ случаѣ лекціи эстетики, которыя я слушалъ въ духовной академіи у баккалавра, покойнаго П. И. Доброхотова, преподававшаго сей предметъ съ знаніемъ дѣла и съ живымъ одушевленіемъ. Чтобы имѣть твердую, положительную опору въ своихъ умозрительныхъ изслѣдованіяхъ, я начиналъ съ психологическаго анализа эстетическаго чувства и отсюда выводилъ идею изящнаго, показывая, какъ потомъ эта единая идея раздробляется и съ какими оттѣнками является въ мірѣ изящныхъ искусствъ подъ творческими перстами генія, сообразно требованіямъ вкуса. Изъ этихъ лекцій тоже не было ничего напечатано. Остались однѣ лишь студентскія записки. Между тѣмъ я вскорѣ замѣтилъ, что, при этомъ преподаваніи, важнымъ препятствіемъ для студентовъ было совершенное незнакомство ихъ съ общими правилами умозрѣнія. Тогда не преподавалась въ университетѣ даже логика. Это лишало ихъ возможности слѣдить за теоріей. Я обратилъ на то вниманіе совѣта, вызываясь отвратить это неудобство собственнымъ безмезднымъ преподаваніемъ логики. Совѣтъ призналъ пользу этого, и исходатайствовалъ мнѣ разрѣшеніе высшаго начальства преподавать логику студентамъ всѣхъ факультетовъ университета перваго курса, что̀ и исполнялось мною чрезъ цѣлый годъ, по два, а потомъ и по три раза въ недѣлю.

Преподаваніе шло тѣмъ же порядкомъ, то есть импровизаціею; но планъ самой науки я расположилъ по своему, не придерживаясь никакого образца. Я велъ логику совершенно параллельно съ эстетикою, то есть начиналъ съ психологическаго разбора чувства истины, или того, что̀ называется убѣжденіемъ, удостовѣреніемъ, и такимъ образомъ восходилъ до идеи истины, которой извѣстныя формулы, называемыя иначе началами мышленія, разъяснялъ потомъ со всею подробностію; наконецъ заключалъ теоріею науки вообще или архитектоникою системъ, что̀ обыкновенно относилось къ такъ называемой прикладной логикѣ. Между тѣмъ жестокія болѣзни, которыми я страдалъ постоянно, заставили меня обратить вниманіе на свое здоровье. Докторъ призналъ необходимымъ, чтобы я на лѣто съѣздилъ за границу. Это заставило меня

просить увольненія отъ службы съ дозволеніемъ совершить путешествіе. Разрѣшеніе на то и на другое, въ видѣ отпуска, дано было мнѣ въ іюнѣ 1832 года.

Я отправился въ Германію, Францію и Италію, и провелъ въ этомъ путешествіи до конца сей годъ, возвратясь въ Москву въ концѣ декабря мѣсяца. Въ это путешествіе я не упускалъ изъ виду обязанностей своихъ по университету, и потому преимущественно оставался тамъ, гдѣ ожидалъ для себя пользы и наставленія. Скажу между прочимъ, что я пробылъ нѣсколько времени въ Геттингенѣ, гдѣ пользовался бесѣдами съ тогда живымъ еще старцемъ Гереномъ и также съ знаменитымъ Отфридомъ Мюллеромъ, тогда собиравшимся въ послѣднее свое путешествіе къ памятникахъ древней Греціи. Въ тѣхъ же видахъ, въ столицѣ Франціи, я лично познакомился съ знаменитымъ Рауль-Рошеттомъ, и былъ у него на лекціяхъ, которыя онъ читалъ въ королевской публичной библіотекѣ. Но главное и долговременнѣйшее пребываніе мое было въ Италіи, надъ тамошними памятниками древности, которые тогда сдѣлались для меня въ первый разъ предметомъ нагляднаго изученія. Сверхъ того, для той же цѣли, при возвратѣ въ отечество, я совершилъ довольно продолжительную экскурсію у себя дома, на берегахъ Чернаго моря, отъ Одессы до Керчи, изучая также памятники, собранные на этой классической почвѣ монументальныхъ развалинъ. Къ сожалѣнію, здоровье мое не возстановилось, и я долженъ былъ снова просить объ окончательной отставкѣ отъ службы, что̀ и воспослѣдовало въ октябрѣ 1835 года (5).

Вскорѣ за тѣмъ произошелъ рѣшительный переворотъ во всей моей судьбѣ, вслѣдствіе котораго я долженъ былъ оставить Москву и провесть около года на жительствѣ въ Вологод-

(5) Въ бытность при университетѣ, Н. И. неоднократно исполнялъ обязанности визитатора гимназій и уѣздныхъ и приходскихъ училищъ Московскаго учебнаго округа и члена училищнаго комитета и комитета для испытанія гражданскихъ чиновниковъ. Въ 1833 году онъ былъ утвержденъ секретаремъ университетскаго совѣта, и произнесъ, въ торжественномъ собраніи университета 6 іюля того же года, рѣчь «О современномъ направленіи изящныхъ искусствъ», которая напечатана въ первомъ томѣ «Ученыхъ Записокъ Московскаго Университета», и также отдѣльною книжкой (in 4°, 60 стр.).

Въ 1836 году издано имъ, въ 12 частяхъ in 12°, подъ заглавіемъ: «Сорокъ одна повѣсть лучшихъ иностранныхъ писателей», собраніе переводныхъ повѣстей, напечатанныхъ въ разныхъ годахъ «Телескопа». *П. С.*

ской губерніи. Это разорвало меня окончательно съ эстетикой и археологіей. Я перенесъ мои занятія совершенно на другое поприще, и именно на поприще географіи и этнографіи, сверхъ того, на сотрудничество въ издававшемся тогда «Энциклопедическомъ Лексиконѣ». Я обратился къ исторіи вообще и отечественной въ особенности (6).

---

(6) 1836—1838 годы были едва ли не самые дѣятельные въ жизни Надеждина, по крайней мѣрѣ судя по числу напечатанныхъ имъ статей. Изъ Устьсысольска доставлено имъ для «Энциклопедическаго Лексикона» около *ста* статей на букву ***В***, которыя помѣщены въ VIII, IX, X, XI и XII томахъ этого изданія. Статьи эти весьма разнообразны, относятся къ исторіи церковной и гражданской, русской, древней и новѣйшей, къ географіи, философіи и эстетикѣ; нѣкоторыя изъ нихъ значительнаго объема, въ печатный компактный листъ и даже болѣе. Вотъ списокъ этихъ статей:

а) *По части церковной исторіи:* Введеніе Пресвятыя Богородицы во храмъ,—Веельзевулъ, — Веельфегоръ, — Великая седьмица, — Великая четыредесятница, — Великая Церковь, — Великіе поклоны,—Великій господинъ, — Великій канонъ,—Великій первосвященникъ,—Венададъ, — Веніаминъ и Веніаминово колѣно, — Веніаминъ Румовскій, — Веніаминъ монахъ, — Веселеилъ, — Ветхій деньми, —Вечерня,—Вечеря Тайная,— Вещественники, матеріялисты, секта, — Веѳиль, — Веѳоронъ, — Веѳсанъ, — Викарій, — Виѳанія, — Владыка, — Власти, —Вода: святая, обличенія, освященія, — Водоосвященіе, водосвятіе, — Воздвиженіе, — Возложеніе рукъ, —Вознесеніе,— *Восточная Каѳолическая Церковь,— Вселенскіе патріархи, — *Вселенскіе соборы, — Входъ во Іерусалимъ.

б) *По философіи, эстетикѣ, реторикѣ и піитикѣ:* Введеніе,—Вводное предложеніе,—Вводныя слова,—Великій,—*Версификація,—Вещество,— Вещь, — Вкусъ, — Внятіе, — Возбужденіе страстей, — Возглашеніе.

в) *По древней и новой исторіи, политической и литературной:* Варлаамъ, ученый Грекъ XIV вѣка,—Варронъ (три статьи), — *Варѳоломеевская ночь,—Веймарское великое герцогство и городъ Веймаръ,—Веіи,— Вергиній Романъ, — Вероника, — Верресъ, — Веррій Флаккъ, —Веспасіанъ, — Вестрицій Спуринна, — *Вестфальскій миръ, — Ветурія, — *Вечерня Сицилійская, — Вибіи, — Вигиланцій, — Вигиліи, — Викторины, — Викторы, — *Виргилій, — Виріатъ, — Виссаріонъ, — Виттелески, — Вителліи, — Виченца.

г) *По русской и славянской исторіи, географіи и этнографіи:* *Великая Россія,—Великій князь,— Великій царь,—*Венеды, Венды и Винды (три статьи), — *Весь, — Вогуличи, — Великій Устюгъ, — *Вологодская губернія и Вологда, — Вымъ, рѣка, — Вычегда.

Отмѣченныя звѣздочкой представляютъ довольно полные трактаты о предметѣ.

По возвращеніи моемъ съ дальняго сѣвера, болѣзнь моя усилилась такъ, что я съ глубочайшею благодарностію принялъ предложеніе ѣхать на жительство въ южную Россію, и именно въ Одессу. Тутъ я проводилъ время съ покойнымъ Д. М. Княжевичемъ, тогда попечителемъ учебнаго Одесскаго округа, память котораго запечатлѣлась въ сердцѣ неизгладимыми чертами. Покойный Д. М. Княжевичъ съ жаромъ принялся тогда за водвореніе въ этомъ новомъ краѣ истиннаго русскаго просвѣщенія; между прочимъ, онъ основалъ въ Одессѣ Общество Исторіи и Древностей, котораго и былъ первымъ предсѣдателемъ. Это открыло мнѣ новое поприще учено-литературной дѣятельности. Я писалъ много для этого общества, и наконецъ въ 1840—41 году совершилъ, по порученію его, обширное путешествіе по юго-восточной Европѣ, продолжавшееся болѣе года (7).

Въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1837 года напечатаны три примѣчательныя изслѣдованія Н. И.:

«Объ историческихъ трудахъ въ Россіи» (томъ XX, отд. III, стран. 93—136).

«Объ исторической истинѣ и достовѣрности» (тамъ же, стр. 137—174), и

«Опытъ исторической географіи русскаго міра. Статья первая.» (тамъ же, томъ XXII, стр. 27—79).

Въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду», преобразованныхъ въ 1837 году, помѣщена историческая статья, состоящая въ нѣкоторой связи съ послѣднею, подъ заглавіемъ: «Съ чего должно начинать исторію?» (№ № 13 и 14). Въ той же газетѣ напечатаны его «Очерки Швейцаріи» (№ № 22—24). *П. С.*

(7) Къ періоду одесской литературно-ученой дѣятельности Надеждина принадлежатъ слѣдующія статьи:

«Свѣтлѣйшій Князь Потемкинъ-Таврическій, образователь Новороссійскаго края», въ Одесск. Альман. на 1839 годъ, стр. 1—96.

«Русская Альгамбра», тамъ же, стр. 371—487.

«Прогулка по Бессарабіи», въ Одесск. Альм. на 1840 г. стр. 308—447.

«О важности историческихъ и археологическихъ изслѣдованій Новороссійскаго края, преимущественно въ отношеніи къ исторіи и древностямъ русскимъ», въ книгѣ: «Торжеств. Собр. Одесск. Общ. любит. Ист. и Древн.», 1840, in 4°, стр. 25—58.

«Геродотова Скиѳія, объясненная чрезъ сличеніе съ мѣстностями», въ I томѣ «Записокъ Од. Общ. Ист. и Древн.», стр. 3—114.

«О мѣстоположеніи древняго города Пересѣчена, принадлежавшаго народу Угличамъ», тамъ же, стр. 235—256.

«Критическій разборъ сочиненія доктора Линднера: Skythien und die Skythen von Herodot, ibid., стр. 393—431.

ДОПОЛНЕНІЯ.

I.

Автобіографическая записка Надеждина доведена до возвращенія его изъ путешествія по южнославянскимъ землямъ, въ сентябрѣ 1841 г. Остается дополнить ее свѣдѣніями о послѣдующихъ его трудахъ и занятіяхъ.

Въ Одессѣ пробылъ Николай Ивановичъ менѣе года, занимаясь преимущественно печатаніемъ перваго тома Записокъ мѣстнаго Общества Исторіи и Древностей. Въ мартѣ 1842 года, онъ, по прошенію, опредѣленъ былъ въ гражданскую службу по министерству внутреннихъ дѣлъ, и въ половинѣ августа отправился въ Петербургъ, гдѣ вступилъ въ должность редактора «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ». По волѣ новаго министра (Льва Алексѣевича Перовскаго), журналъ этотъ долженъ былъ подвергнуться коренному преобразованію, и съ 1843 года явился въ новомъ видѣ, подъ редакціей Надеждина. Первая книжка начиналась его статьей о новороссійскихъ сте-

---

«Отчетъ о путешествіи, совершенномъ въ 1840 и 1841 годахъ по южно-славянскимъ странамъ», ib., 518—548. (Другая записка о томъ же путешествіи, представленная Надеждинымъ въ бывшую Россійскую академію, напечатана въ XXXIV томѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1842, отд. II, стр. 87—106).

«Родъ Княжевичей», Одесса, 1842, in 8° min., 102 стр.; напечатана отдѣльною книжкой, въ небольшомъ числѣ экземпляровъ.

Въ Альманахѣ «Утренняя Заря на 1839 годъ», помѣщена статья Н. И.: «Народная поэзія у Зырянъ»; въ «Сынѣ Отечества» 1840 года напечатана статья: «Палладій Роговскій, первый русскій докторъ» (томъ IV, стр. 598—628).

Во время пребыванія въ Вѣнѣ, Н. И. напечаталъ въ тамошнихъ Jahrbücher der Litteratur (1841 Bd. XCV) статью о нарѣчіяхъ русскаго языка, о чемъ мнѣніе его высказано было первоначально въ статьѣ «Великая Россія», въ IX томѣ Энциклопедическаго Лексикона.

Во второмъ томѣ изданія «Сто Русскихъ Литераторовъ» (1841 года) помѣщенъ литературный разказъ, написанный Надеждинымъ, подъ заглавіемъ: «Сила воли», къ которому приложенъ и очень схожій портретъ автора (стр. 399—558).

Въ «Москвитянинѣ» 1841 года, т. VI, стр. 515—525, помѣщено «Письмо изъ Вѣны о сербскихъ пѣсняхъ», заключающее въ себѣ сообщенное Н. И. извѣстіе объ изданіи Вука Стефановича съ изложеніемъ плана изданія и отрывками пѣсенъ. *П. С.*

пяхъ. Редакція журнала поглотила все его время. На каждую доставленную статью смотрѣлъ онъ какъ на сырой матеріялъ, который слѣдовало обработать, чтобы придать ему ученую и литературную форму. Не было въ журналѣ (исключая статьи, подписанныя именами извѣстныхъ авторовъ) ни одной страницы, которой бы не коснулось перо Надеждина, въ рукописи или корректурахъ, — и какихъ корректурахъ! Типографія страшилась ихъ, потому что нерѣдко отъ поправокъ его не оставалось ни одного слова перваго набора. Новая корректура испытывала немного меньше поправокъ, и хотя бы присылали ему пятую или шестую корректуру того же листа, онъ все находилъ въ ней мѣста, требующія измѣненій. Это недовольство собственнымъ трудомъ было не слѣдствіемъ неувѣренности или дѣйствительныхъ недосмотровъ въ текстѣ, а происходило отъ желанія сдѣлать какъ можно лучше. Такимъ образомъ, можно сказать, что восемь томовъ журнала, вышедшіе въ первые два года его редакціи, всѣ написаны его рукою. Съ 1845 года поступилъ въ помощники по изданію журнала бывшій профессоръ восточныхъ языковъ въ Одесскомъ Ришельевскомъ лицеѣ, теперь предсѣдатель Оренбургской Пограничной Коммиссіи, В. В. Григорьевъ, значительно облегчившій Надеждину труды по редакціи, которые вскорѣ и совершенно отошли къ помощнику редактора; а Николай Ивановичъ, по порученію оцѣнившаго его министра, получилъ важныя офиціяльныя занятія по вѣдомству внутреннихъ дѣлъ, которымъ онъ предался съ рвеніемъ неофита: составлявшіеся имъ отчеты, проекты, предложенія, циркуляры и другія бумаги нерѣдко испытывали, въ копіи, участь прежнихъ журнальныхъ корректуръ, и неоднократно переписывались, прежде чѣмъ писавшій оставался ими доволенъ; за то и отличались онѣ образцовою ясностью, послѣдовательностью изложенія и точностью выраженій. Печатные образцы ихъ можно читать въ нѣкоторыхъ офиціяльныхъ статьяхъ журнала этого министерства, первыхъ годовъ его редакціи.

Въ отношеніи къ ученымъ статьямъ, помѣщаемымъ въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», Надеждинъ поступалъ, какъ богачъ, тратящій по мелочи свои богатства: онъ надѣлялъ каждаго плодами собственныхъ знаній, бросая то свѣтлыя замѣтки, то умныя сближенія при отчетливомъ пониманіи русскаго міра и тепломъ сочувствіи ко всему родному. Это и придало единство и характеръ изданію. Изъ собственныхъ его статей, ни одна не была подписана его именемъ. Чуждый авторскаго самолюбія, онъ заботился лишь о достоинствѣ порученнаго ему журнала (8).

---

(8) Кромѣ введеній, приписокъ и примѣчаній къ разнымъ полуофиціяль-

Служебныя занятія, возлагаемыя довѣріемъ просвѣщеннаго министра, болѣе и болѣе поглащали дѣятельность Надеждина, особенно съ того времени, когда поручены были ему дѣла, требовавшія философско-богословскихъ знаній. Это всегда было спеціяльностью его обширной эрудиціи, и тутъ онъ былъ незамѣнимъ. О дѣятельности его на этомъ поприщѣ свидѣтельствуютъ кипы «дѣлъ», собственноручно имъ написанныхъ отъ первой строки до послѣдней. Сверхъ кабинетныхъ занятій по этимъ дѣламъ, онъ получалъ и особыя командировки: въ 1845 и 1846 годахъ пробылъ въ разныхъ губерніяхъ и за границею десять мѣсяцевъ (съ половины мая до половины марта), въ 1847 и 1848— пять мѣсяцевъ (съ 7 августа по 15 января). Кромѣ того, по предмету своихъ занятій, онъ составилъ въ то же время обширное и глубокомысленное «изслѣдованіе» (384 и 120 стр. in-8°), напечатанное въ 1845 году въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Эти полезные труды Надеждина не могли не обратить на него особеннаго вниманія министра: кромѣ денежныхъ пособій, Николай Ивановичъ, въ теченіе семи лѣтъ гражданской своей службы, получилъ въ награду чины статскаго (въ 1845) и дѣйствительнаго статскаго совѣтника (въ декабрѣ 1851), и ордена Анны второй степени (въ 1846) и Владиміра третьей (въ 1848 году).

нымъ и частнымъ статьямъ (изъ нихъ особенно замѣчательны составленныя Н. И., вмѣстѣ съ Неволинымъ, подстрочныя дополненія къ разысканіямъ Погодина о городахъ и предѣлахъ древнихъ русскихъ княжествъ, въ **XXIII** и **XXIV** части Журнала, 1848 года) — Николай Ивановичъ помѣстилъ въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» слѣдующія свои статьи:

«Новороссійскія степи» (часть I, стр. 5—73).

«Сѣверо-западный край Имперіи, въ прежнемъ и настоящемъ видѣ» (тамъ же, стр. 207—241 и 382—449).

«Племя русское въ общемъ семействѣ Славянъ» (тамъ же, стр. 163—170).

«Гиржавскій монастырь въ Бессарабіи» (часть II, стр. 167—199).

«Армяно-Григоріанская Церковь» (ч. III, 167—237).

«Избраніе верховнаго патріарха-католикоса Армяно-Григоріанской Церкви» (тамъ же, 331—382).

«На что должно обращать вниманіе при исчисленіи народонаселенія»? (ч. **VI**, 457—469).

«Изслѣдованія о городахъ русскихъ. Введеніе. I. Вліяніе гражданственности азіятской. II. Вліяніе гражданственности европейской». (**VI**, 3 — 52. **VII**, 207—256; 323—364).

«Объемъ и порядокъ обозрѣнія народнаго богатства, составляющаго предметъ хозяйственной статистики». (**IX**, 5—39 и 269—290).

«Городъ Зарайскъ, въ старину и нынѣ» (**XXI**, 371—402).

Для возстановленія своего здоровья, Николай Ивановичъ, съ разрѣшенія господина министра, лѣто 1851 и 1852 годовъ провелъ въ Крыму, гдѣ пользовался сакскими грязями и купался въ морѣ. На южномъ берегу, близь имѣнія Меласъ (графа Л. А. Перовскаго), онъ купилъ себѣ, по случаю, небольшую полосу земли, называемую по-татарски Кучукъ-Кёй, «Малая-Деревня». Здѣсь мечталъ онъ провести дни старости, заслуживъ себѣ напередъ пенсіонъ; но не такъ судила судьба!

Изъ поѣздокъ въ Крымъ онъ возвращался всякій разъ съ обновленными силами и твердый на ногахъ, такъ что иногда могъ ходить и безъ клюки (ревматизмомъ въ ногахъ онъ страдалъ еще въ Москвѣ, а усилилась боль вѣроятно отъ простуды ихъ во время частыхъ зимнихъ поѣздокъ и особенно въ время пребыванія его въ Вологодской губерніи). Но это было только временное облегченіе: отъ сидячей жизни вскорѣ вновь усиливались боль въ ногахъ и геморроидальная болѣзнь.

Въ исходѣ 1852 года, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Перовскій, по случаю кончины генералъ-фельдмаршала князя П. М. Волконскаго, получилъ министерство удѣловъ и управленіе кабинетомъ Его Величества, съ увольненіемъ отъ управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Надеждинъ остался по прежнему редакторомъ журнала. По волѣ новаго министра, планъ журнала долженъ былъ опять подвергнуться измѣненію. Съ половины 1853 года Николай Ивановичъ снова принялся за журналъ съ тою же ревностью, съ какою возсоздавалъ его десять лѣтъ тому. Въ жаркіе іюньскіе дни, онъ безвыходно трудился въ своемъ кабинетѣ надъ грудою рукописей, предназначаемыхъ въ іюльскій нумеръ вновь преобразованнаго журнала, по прежнему самъ читалъ всѣ корректуры, отъ первой до послѣдней (а въ книжкѣ было болѣе двадцати печатныхъ листовъ), и не прежде успокоился, какъ тогда, когда увидѣлъ книжку совсѣмъ отпечатанною и переплетенною. Также усидчиво занимался онъ и редакціей второй книжки. Выпустивъ ее въ свѣтъ, въ половинѣ августа мѣсяца, онъ пожелалъ немного отдохнуть отъ утомительныхъ трудовъ и подышать нѣсколько дней чистымъ сельскимъ воздухомъ. Онъ отправился за городъ, къ близкому ему семейству, жившему за Гатчиной. Здѣсь, гуляя съ знакомыми, 29 августа, шутя и смѣясь, по видимому веселый и безпечный, онъ вдругъ почувствовалъ лишеніе силъ, упалъ и не могъ сказать ни одного слова. Его подняли, привезли на дачу, употребили вскорѣ медицинскую помощь; но уже было поздно: параличъ поразилъ всю его лѣвую сторону, нога и рука отнялись, ротъ и глазъ покривились, языкъ лепеталъ невнятно... Перевезенный въ городъ, онъ вскорѣ получилъ нѣкоторое облегченіе, и наконецъ могъ даже ходить съ клюкой по комнатѣ и шевелить пальцами лѣвой руки; голова была

свѣжа, но языкъ неповоротливъ. Врачи совѣтовали отправиться на лѣто въ теплый климатъ, пользоваться тамъ минеральными водами; но онъ на то нерѣшался, и два послѣднія лѣта провелъ на петербургскихъ дачахъ. Въ 1853 году онъ еще подавалъ иногда надежды на выздоровленіе, но съ лѣта 1854 состояніе его здоровья сдѣлалось замѣтно хуже; силы и духъ явно упадали, онъ какъ бы свыкся съ своимъ положеніемъ и обнаруживалъ ко всему безчувствіе; ничто его не занимало, ничѣмъ нельзя было пробудить его вниманіе. Таковъ былъ онъ и за мѣсяцъ и за день до своей кончины: жизнь угасала исподоволь.

Но обратимся еще къ дѣятельной жизни его, до болѣзни.

Кромѣ редакціи «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» и исполненія особыхъ порученій министра, дѣятельность Николая Ивановича, съ 1846 года, нашла себѣ истокъ въ трудахъ по Русскому Географическому Обществу, тогда только что учрежденному. Онъ принималъ живое участіе въ предварительныхъ обсужденіяхъ проекта Общества, но находился въ командировкѣ во время его учрежденія и открытія, почему имя его и не попало въ списокъ членовъ-основателей. По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, онъ, въ первомъ годовомъ собраніи Общества, 29 ноября 1846 года, прочелъ статью «Объ этнографическомъ изученіи народности русской» (9).

Это было живое изложеніе этнографическихъ наблюденій, собранныхъ имъ во время путешествія по австрійскимъ и турецкимъ владѣніямъ для изученія славянскихъ племенъ. Искусное чтеніе, столько же какъ и новость предмета и занимательность подробностей, возбудило всеобщее вниманіе и многократное одобреніе слушателей; статья произвела впечатлѣніе, какое производятъ немногія статьи, читаемыя въ ученыхъ обществахъ. Еще болѣе успѣха имѣла статья, читанная имъ въ торжественномъ собраніи 30 ноября 1852 года, въ присутствіи трехъ Великихъ Князей и полутораста членовъ: «О русскихъ народныхъ миѳахъ и сагахъ, въ примѣненіи ихъ къ географіи и особенно къ этнографіи русской» (10). Не смотря на двухчасовое чтеніе, она приковала къ себѣ вниманіе блестящей и ученой аудиторіи; это торжественное введеніе русскихъ сказокъ въ область науки, съ такими занимательными подробностями, умными наведеніями, неожиданными выводами и увлекательнымъ изложеніемъ, поразило всѣхъ. По окончаніи чтенія, Ихъ Высочества, лично обратившись къ автору, изволили въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отозваться о занимател-

(9) Напечатана во второй книжкѣ «Записокъ Русскаго Географическаго Общества», стр. 61—115; во второмъ изданіи той же книжки, на стр. 144—194.

(10) Статья эта не была напечатана; Н. И. хотѣлъ продолжать и обработать ее для изданія, но за тѣмъ дѣло и осталось.

ности и достоинствѣ статьи Всѣ члены спѣшили принести поздравленіе и изъявить свои чувства удивленія оратору. Это была истинная овація; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это была, говоря классически, и «лебединая пѣснь» Надеждина.

Въ качествѣ члена совѣта Географическаго Общества, Николай Ивановичъ принималъ самое дѣятельное участіе въ его административныхъ дѣлахъ, обсужденіи предложеній, проектовъ, плановъ, программъ и инструкцій, и участвовалъ въ трудахъ разныхъ коммиссій. Въ 1848 году, онъ принялъ на себя редакцію «Географическихъ Извѣстій» и издавалъ ихъ одинъ въ продолженіе всего года (11). Въ 1849 году, избранный въ управляющіе отдѣленіемъ этнографіи, онъ сталъ ревностно заботиться объ обработкѣ и изданіи въ свѣтъ этнографическихъ матеріяловъ, собранныхъ въ Обществѣ. Въ началѣ 1853 года окончено было печатаніе первой книжки «Этнографическаго Сборника», значительная часть которой вышла изъ-подъ редакціи Николая Ивановича, присоединившаго къ статьямъ свой драгоцѣнный комментарій о Сити, столь же важный въ историческомъ, какъ и въ этнологическомъ отношеніи. Въ «Географическихъ Извѣстіяхъ» и «Вѣстникѣ» помѣщены нѣкоторыя изъ составленныхъ имъ по порученію Общества замѣтокъ и отчетовъ, равно какъ извѣстія о его дѣятельности въ засѣданіяхъ совѣта и этнографическаго отдѣленія (12).

Извѣстно, что умершій въ 1854 году богачъ и золотопромышленникъ Голубковъ пожертвовалъ Географическому Обществу пятнадцать тысячъ рублей серебромъ на изданіе въ русскомъ переводѣ Риттерова «Землевѣдѣнія». Нѣкоторые изъ членовъ и постороннихъ ученыхъ дѣлали опытъ перевода, но теряли терпѣніе, и Николай Ивановичъ получалъ отъ нихъ отзывы о невозможности близкаго перевода этого

---

(11) «Географическія извѣстія, издаваемыя отъ Русскаго Географическаго Общества, подъ редакціею Н. И. Надеждина», 1848, 214 стр. in-8.

(12) Въ «Географическихъ Извѣстіяхъ» 1850 года: «Извѣстіе о жизни и трудахъ преосвященнаго Іакова, архіепископа нижегородскаго и арзамасскаго» (стр. 664—667).

Въ «Вѣстникѣ Русскаго Географическаго Общества» рецензіи на сочиненіе протоіерея Павскаго «Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка» (томъ VI, 1852 г., отд. IV, стр 109—120), и изслѣдованіе Неволина «О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ» (томъ VIII, 1853 г., отд. VI, стр. 47—52).

Въ «Сводѣ инструкцій для камчатской экспедиціи» (1852) напечатана составленная Надеждинымъ «Инструкція этнографическая» (стр. 17—30).

Краткая программа для лицъ, желающихъ доставлять этнографическія описанія въ Общество, напечана была особыми листками въ числѣ семи тысячъ экземпляровъ.

сочиненія на русскій языкъ. И дѣйствительно, знаменитый Риттеръ не отличается легкостію изложенія, и его архитектоническіе періоды нерѣдко останавливаютъ самаго опытнаго знатока языка. Надеждинъ уже больной и когда врачи предписали ему не заниматься «серіозными» дѣлами, хотѣлъ на опытѣ извѣдать, въ какой мѣрѣ трудна передача Риттера на русскій языкъ, и самъ принялся за переводъ, который писали подъ его диктовку. Нѣсколько часовъ по утрамъ посвящено было имъ этому занятію, которое доставляло развлеченіе и пищу еще не ослабѣвшей умственной его дѣятельности (это было въ послѣдніе мѣсяцы 1853 и въ теченіе первой половины 1854 года). Такимъ образомъ, неутомляя себя, онъ перевелъ нѣсколько сотъ страницъ изъ десятаго тома Erdkunde, именно отдѣлъ «о водной системѣ Евфрата и Тигра».

Послѣ этого труда, онъ уже ни за что не принимался, и послѣднимъ его произведеніемъ была помѣщаемая здѣсь «автобіографическая записка».

Съ самаго переселенія Николая Ивановича въ Петербургъ, здѣшніе журналисты весьма желали имѣть его статьи на страницахъ своихъ изданій, и имя Надеждина неоднократно повторялось въ длинныхъ спискахъ журнальныхъ сотрудниковъ. Но занятый своими служебными обязанностями и трудами по Географическому Обществу, Николай Ивановичъ не имѣлъ ни достаточно времени, ни, еще менѣе, охоты для журнальнаго сотрудничества, и только въ одинъ изъ петербургскихъ журналовъ отдалъ, по обѣщанію, обширную критико-филологическую статью объ извѣстныхъ «Филологическихъ наблюденіяхъ надъ составомъ русскаго языка», протоіерея Павскаго (13).

II.

Надеждинъ принадлежалъ несомнѣнно къ числу даровитѣйшихъ людей, какихъ не много вездѣ. Природа щедро надѣлила его талантами, которые развились весьма рано, какъ видимъ изъ собственной его записки. Съ самаго выступленія своего на поприще литературы, онъ пользовался большою извѣстностью какъ профессоръ, какъ журналистъ, какъ ученый. Но, при всемъ томъ, нерѣдко случалось слышать вопросы: да что̀ же онъ написалъ примѣчательнаго? чѣмъ заслужилъ себѣ столь громкую извѣстность? гдѣ мѣсто ему въ исторіи науки?

---

(13) «Отечественныя Записки» 1844 года (томъ XXXIV, стр. 24 и слѣд. и т. XXXV, стр. 17 и сл). Краткая рецензія того же сочиненія, составленная Н. И. по порученію этнографическаго отдѣленія, напечатана въ «Вѣстникѣ», какъ уже упомянуто въ предыдущемъ примѣчаніи.

Слишкомъ самонадѣянно было бы, въ біографическомъ очеркѣ, набросанномъ въ виду свѣжей могилы, представить подробную критическую оцѣнку ученой и литературной дѣятельности писателя, только что сошедшаго съ поприща. Постараемся, въ общихъ чертахъ, показать характеръ разносторонней дѣятельности Надеждина.

Одаренный умомъ воспріимчивымъ, пытливымъ, яснымъ, живымъ и блестящимъ, Надеждинъ получилъ то основательное классное образованіе, какое давалось тогда въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ: классическіе языки, философія и богословіе служили основою его развитія, и на этой-то прочной настилкѣ укладывались, въ теченіе тридцати лѣтъ, плоды его изученій, неутомимой и разнообразной начитанности, мышленія и опыта жизни. Изъ современныхъ писателей можно указать на весьма немногихъ, въ которыхъ бы столько дарованій опиралось на столько познаній. Оттого-то, что̀ ни писалъ Надеждинъ, писано «не съ чужаго слуха», по его выраженію: все носитъ на себѣ печать самобытнаго взгляда и мышленія, вездѣ встрѣчается что-либо новое, поясняющее или дополняющее запасъ науки. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ, вмѣсто того чтобъ раздробляться на сотни мелкихъ произведеній, онъ сосредоточился въ одномъ или нѣсколькихъ большихъ трудахъ, литература и наука пріобрѣли бы великое твореніе, чего и требовали отъ него «строгіе цѣнители и судьи». Но справедливы ли ихъ требованія? Развѣ справедливо упрекать богача, построившаго на общую пользу сотни не для всякаго замѣтныхъ домовъ, зачѣмъ онъ не соорудилъ громадныхъ палатъ, поражающихъ даже грубое зрѣніе? развѣ большой капиталъ непремѣнно долженъ быть употребленъ лишь на большой оборотъ, отказывая въ скромныхъ требованіяхъ современному обществу и лишая его нужныхъ пособій? Конечно, въ другой средѣ и при другихъ обстоятельствахъ, Надеждинъ могъ бы ознаменовать свое поприще болѣе сосредоточенными трудами, не вынуждаемый нисходить съ высоты своей эрудиціи на тѣ ступени, которыя, въ зрѣломъ обществѣ, не нуждаются уже въ элементарныхъ пособіяхъ или предоставляюся писателямъ второстепеннымъ. Но онъ былъ, прежде всего, человѣкъ своей страны и своего времени, поставляемый обстоятельствами въ разныя среды, съ которыми долженъ былъ идти въ уровень. Этому способствовали и живость его и гибкость характера, которая, при всей твердости ума и мысли, умѣла приноровляться ко всѣмъ понятіямъ и всѣмъ степенямъ образованности. Но вездѣ онъ оставался вѣренъ идеѣ самостоятельной русской науки и вносилъ ее въ каждый кругъ, гдѣ ни вращалась его дѣятельность. Эта идея проходитъ всю его жизнь; въ развитіи и распространеніи ея и состоитъ его несомнѣнная

заслуга современному обществу. Надеждинъ-писатель не составляетъ еще всего Надеждина; столько же, если не болѣе, производилъ онъ вліянія какъ профессоръ и какъ собесѣдникъ. Онъ не былъ исключительно кабинетный ученый, еще менѣе аскетъ науки какъ Френъ: его тревожили живое знаніе и вопросы жизни.

Какъ писатель, онъ выступилъ на поприще въ эпоху броженія литературныхъ идей и происходившаго отъ того полемическаго характера журналистики. Самый вліятельный тогда журналъ, «Московскій Телеграфъ», пробуждалъ прежній застой, увлекаясь самъ и увлекая другихъ новизною, слѣдя за идеями тогдашней французской критики, по ея примѣру разрушая домашніе авторитеты и отвергая теоріи дотолѣ пользовавшіяся уваженіемъ. Журналъ этотъ встрѣтилъ докторскую диссертацію Надеждина грубыми насмѣшками, какъ бы предвидя опаснаго соперника, и всегда продолжалъ выставлять юнаго ученаго старовѣромъ въ литературѣ и наукѣ, человѣкомъ отсталымъ отъ вѣка, сподвижникомъ Каченовскаго и схоластическаго упорства отживавшаго свой вѣкъ «Вѣстника Европы», тогда какъ Надеждинъ, напротивъ того, и былъ и остался такимъ же двигателемъ и проводникомъ идей какъ и Полевой, но идей опиравшихся на твердую эрудицію, которой не доставало Полевому. Даже первые его опыты въ литературной критикѣ, помѣщенные въ «Вѣстникѣ Европы» подъ псевдонимомъ экс-студента Н. Надоумки, не смотря на нѣсколько схоластическій тонъ, обнаруживали его строгое ученое направленіе: Надоумко требовалъ, чтобы и самое вдохновеніе поэта опиралось на науку и могло дать себѣ отчетъ, только не на основаніи старыхъ піитикъ, но на основаніи вѣчныхъ законовъ изящнаго. Этотъ научный взглядъ внесъ Надеждинъ и въ свой «Телескопъ», повидимому враждебный «Телеграфу», противодѣйствовавшій его мнимому романтизму, но заодно съ нимъ, хотя другими путями, пробуждавшій нашу эстетическую критику. Самъ Пушкинъ принималъ участіе въ полемикѣ «Телескопа», и здѣсь впервые выступилъ какъ критикъ, подъ псевдонимомъ Ѳ. Косичкина. Въ «Молвѣ» выступилъ на литературное поприще Бѣлинскій, въ послѣдствіи продолжавшій въ другихъ журналахъ дѣло «Телеграфа» и «Телескопа».

Какъ профессоръ эстетики и изящныхъ искусствъ, Надеждинъ, живымъ словомъ, производилъ огромное вліяніе на умы своихъ слушателей, которые доселѣ помнятъ то увлеченіе, которое невольно возбуждали лекціи любимаго профессора.

Разъѣзды по Россіи и путешествія за границу обратили Надеждина къ географіи, этнографіи, исторіи и древностямъ. Здѣсь явился онъ писателемъ еще болѣе самобытнымъ и многообъемлющимъ. Чтобы оцѣнить его трактаты по достоинству, слѣдуетъ соединить эти disjecta

membra въ одно изданіе (съ остающимися еще въ рукописи, они составятъ отъ шести до осьми большихъ томовъ), и тогда обнаружится удивительное единство всѣхъ ученыхъ произведеній Надеждина.

Однихъ напечатанныхъ уже сочиненій его достаточно было бы для извѣстности нѣсколькихъ ученыхъ: по разносторонности они представляются какъ бы трудами цѣлаго факультета. Но много трудовъ, частью неоконченныхъ, частью въ отрывкахъ, преимущественно относящихся къ исторіи Православной Церкви, осталось еще послѣ него въ рукописи.

При всемъ томъ, дѣятельность Николая Ивановича, какъ мы уже сказали, не ограничивалась одними учеными трудами. Не говоря о его занятіяхъ служебныхъ и составленныхъ подъ его редакціею годовыхъ отчетахъ по министерствамъ внутреннихъ дѣлъ и удѣловъ, образцахъ дѣловаго слога и изложенія, усердно способствовалъ онъ основанію Русскаго Географическаго Общества, и составленныя имъ этнографическія программы, разосланныя отъ этого общества въ семи тысячахъ экземпляровъ, возбудили во всѣхъ краяхъ Россіи живое участіе въ дѣлѣ изученія и описанія народнаго быта. Полезенъ былъ онъ своею опытностью и знаніями не только членамъ Географическаго Общества, изъ которыхъ многіе ему обязаны тою или другою мыслью, началомъ той или другой работы, указаніемъ матеріяловъ и самымъ направленіемъ ихъ труда, но и всякому обращавшемуся къ нему за совѣтами, а обращались къ нему съ тѣмъ не только молодые ученые, но и опытные писатели. Серіозная бесѣда съ Николаемъ Ивановичемъ всегда и для всякаго была поучительна; его свѣтлый умъ, огромный запасъ знаній и опытъ жизни были открыты всѣмъ. Потому-то и самыя обыкновенныя бесѣды его въ кругу знакомыхъ производили не малое вліяніе, бросая свѣтлыя мысли и умныя замѣтки на тотъ или другой предметъ разговоровъ. И онъ любилъ бесѣдовать; это даже была его слабость. Какъ бы ни былъ онъ занятъ, всякій приходилъ къ нему въ кабинетъ безъ доклада, и Николай Ивановичъ говорилъ неутомимо, болѣе занимая посѣтителя, нежели тотъ его занималъ, и бесѣды эти продолжались нерѣдко отъ ранняго утра до поздняго вечера, что̀, разумѣется, отнимало у него не мало времени и побудило наконецъ постановить опредѣленные вечера для бесѣды (помнится, по субботамъ). Это впрочемъ только въ небольшомъ размѣрѣ избавило Николая Ивановича отъ наплыва посѣтителей, потому что коротко знакомые или имѣвшіе къ нему дѣла (а ихъ было не мало) все-таки имѣли къ нему доступъ во всякое время. По субботамъ же стекались къ нему ученые и литераторы самыхъ противоположныхъ партій, знакомые и полузнакомые, съ опредѣленною цѣлью—

поболтать и его послушать. И тутъ являлся Николай Ивановичъ во всемъ блескѣ собесѣдника: то былъ спеціялистомъ, говоря a parte съ богословомъ, археологомъ, историкомъ, этнографомъ, лингвистомъ, философомъ, журналистомъ или фельетонистомъ; то овладѣвалъ одинъ бесѣдою, говоря о предметахъ общедоступныхъ, умѣя притомъ самые серіозные вопросы облекать въ веселую форму, разнообразить анекдотами кстати, и умышленно доводя иногда логическое развитіе какой нибудь мысли до крайности, чтобы выпуклѣе показать ея нелѣпость.

Любя бесѣду и обмѣнъ живой мысли, но избѣгая большихъ свѣтскихъ собраній, Надеждинъ старался нанимать квартиру съ кѣмъ либо изъ близкихъ своихъ знакомыхъ. Нѣсколько лѣтъ жилъ онъ вмѣстѣ съ Неволинымъ (до женитьбы его), потомъ съ Рафаловичемъ, который и умеръ въ его квартирѣ, наконецъ съ Григорьевымъ (до отъѣзда его въ Оренбургъ). Въ послѣднее время, при его квартирѣ находилась редакція Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Такимъ образомъ онъ никогда не жилъ совершенно одинокъ.

Знавъ Надеждина только съ переѣзда его въ Петербургъ, я говорилъ только о петербургской его жизни; московская жизнь его, это начало его общественной жизни, должна быть не менѣе примѣчательна, и знавшіе его въ ту пору вѣроятно сообщатъ о ней свои воспоминанія. Къ той эпохѣ относится одинъ романическій эпизодъ, внушающій сочувствіе и къ его сердцу....

Бренные останки Надеждина погребены на Смоленскомъ кладбищѣ, въ склепѣ подъ церковью; подлѣ него оставлено мѣсто для предшествовавшаго ему въ вѣчность, достойнаго друга его, Неволина, тѣло котораго будетъ привезено изъ-за границы. Надъ гробомъ Надеждина извѣстный ученый, протоіерей Ѳ. Ѳ. Сидонскій, произнесъ небольшое, съ чувствомъ написанное слово на священный текстъ: «духа не угашайте!»

П. Савельевъ.

Петербургъ, въ январѣ 1856.

ВЪ СВѢТѢ И ДОМА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА XI.

РѢШЕНІЕ.

Молодой человѣкъ долго не могъ сообразить, что̀ ему дѣлать? Въ сердцѣ его съ новою силой заговорило чувство, затронутое за живое этимъ неожиданнымъ препятствіемъ; мысли его путались. Изъ письма матери онъ понималъ, что предлагаемый бракъ былъ не только желаніе ея, но планъ, давно обдуманный ею, какъ она полагала, для его счастія, и уже начатое дѣло. Конечно княгиня, на этотъ разъ, поступила неосторожно, поторопилась, не спросясь сына; но онъ не могъ винить ее одну въ этой ошибкѣ. Онъ самъ, не дальше какъ эту же зиму, уѣзжая въ Москву, когда она намекнула ему на женитьбу, сказалъ ей, что сердце его свободно, и что онъ ей поручитъ выборъ своей невѣсты. Онъ припомнилъ эти слова, вспомнилъ и то, что до сихъ поръ ни слова не написалъ матери о своей любви къ Оленькѣ. Стало быть княгиня не могла предвидѣть препятствій съ его стороны. Противъ сдѣланнаго ею выбора ему нечего было сказать. Онъ зналъ, какъ непріятенъ будетъ его матери разрывъ съ семействомъ человѣка, котораго мнѣніемъ она дорожила; онъ зналъ, что вслѣдствіе этого разрыва пойдутъ толки по городу, и понималъ, какъ гордой свѣтской женщинѣ будутъ непріятны эти сплетни и то неловкое положеніе, въ которое поставила ее собственная ошибка.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, при мысли о женитьбѣ, о семейномъ счастіи, на которую навело его это непріятное письмо, онъ понялъ, что это счастіе возможно для него только съ Оленькой.

Чувство грусти глубокой и искренней заговорило у него въ душѣ, смѣшанное съ ропотомъ и досадой на мать. Ему стало еще непріятнѣе и тяжеле; онъ серіозно разсердился, когда подумалъ, что свѣтъ и его приличія были главною помѣхой ему въ этомъ дѣлѣ, что мать его простила бы можетъ быть и непокорность ея волѣ и то, что онъ разбилъ разомъ планъ ея, надъ которымъ она съ такою заботой и любовію трудилась, что какъ мать она простила бы все и дала бы ему волю быть счастливымъ по своему, еслибъ передъ ней и между ими обоими не встало, какъ привидѣніе, свѣтское приличіе и не оскорбило гордаго чувства женщины насмѣшкой надъ ея ошибкой въ дѣлѣ важномъ, еслибъ это же свѣтское приличіе не оскорблялось еще въ лицѣ отца семейства, который могъ спросить у нея, по какому праву она поставила его и дочь его въ неловкое положеніе передъ лицемъ свѣта?

Но вдругъ новая мысль блеснула въ головѣ молодаго человѣка: онъ могъ жениться на Оленькѣ, не спрашиваясь матери и противъ ея воли, наконецъ, еслибъ она отказала ему въ своемъ согласіи: онъ былъ увѣренъ въ ея несогласіи на этотъ бракъ, онъ зналъ, что послѣ его отказа жениться на избранной ею дѣвушкѣ, мать ему не позволитъ жениться на другой. Онъ ясно понималъ всѣ эти причины, по которымъ мать его не могла быть согласна съ желаніемъ его сердца. Но князь былъ въ лѣтахъ, когда можно дѣйствовать самостоятельно и самовольно, и въ эту минуту его взяло сильное искушеніе разомъ сбросить съ себя власть матери. Голосъ любви заговорилъ сильнѣе и краснорѣчивѣе его привязанности къ матери; онъ чувствовалъ, что Оленька ему всего дороже, и готовъ былъ на все для нея. На минуту въ душѣ его проснулись свѣтлыя и радостныя надежды, онѣ вспыхнули въ сердцѣ вдругъ и освѣтили его еще разъ, но только для того, чтобъ послѣ оставить въ немъ все—еще темнѣе, и холоднѣе, и грустнѣе.

Князь хорошо узналъ Оленьку: ея характеръ твердый, прямой и гордый, образъ ея мыслей и воспитаніе, данное ей съ дѣтства, все это было ему извѣстно; онъ понялъ что самая пламенная любовь не заставитъ ея согласиться на такой бракъ, что она не захочетъ стать между сыномъ и матерью и внести раздоръ въ се-

нейство. Онъ понялъ это, и ему стало такъ невыносимо грустно, что онъ готовъ былъ заплакать какъ ребенокъ и можетъ быть точно плакалъ надъ обманувшими его надеждами! Еслибъ княгиня могла взглянуть теперь на своего сына, еслибъ она знала сколько грусти накопилось у него на сердцѣ, врядъ ли гордость обиженнаго ея самолюбія, врядъ ли всѣ доводы свѣтскаго приличія устояли бы противъ ея материнской любви. Но она не подозрѣвала въ немъ глубокаго чувства любви; она не знала, что съ этой любовію онъ становился другимъ человѣкомъ, что подъ вліяніемъ счастія пробуждались дремлющія въ душѣ его силы.

Князь рѣшился уѣхать изъ Москвы, ему было больно оставаться дольше и видѣть Оленьку, теперь, когда онъ потерялъ всякую надежду. Но куда было ему ѣхать? Въ Петербургъ онъ не могъ и не хотѣлъ. Придумывая куда бы ему спрятаться, хотя на время, отъ всѣхъ, и своихъ и чужихъ, онъ выбралъ деревню, но не свое любимое Воздвиженское: оно было слишкомъ близко отъ Москвы; онъ вспомнилъ о дальнихъ своихъ имѣніяхъ, въ которыхъ онъ никогда не бывалъ. Прежде какъ-то княгиня уговаривала его съѣздить осмотрѣть его родовыя помѣстья, ссылаясь на то, что не смотря на всѣ ея старанія, въ заглазномъ управленіи всегда бываютъ безпорядки; она толковала ему, что вникнуть въ положеніе наслѣдственныхъ имѣній — долгъ его, и часто говорила съ нимъ объ его обязанностяхъ въ отношеніи къ крестьянамъ. Онъ хорошо понималъ это, но въ разногласіи съ собой, недовольный своимъ нетвердымъ характеромъ, онъ не рѣшался ѣхать далеко, быть можетъ ни за чѣмъ. Такъ годъ за годомъ проходили, а родовыя имѣнія князя Юрія Андреевича не видали своего владѣльца, и каменные дома съ флигелями стояли пустые, нетопленные, глядя грустно на крестьянскія избы цѣлыми рядами своихъ всегда закрытыхъ оконъ.

Теперь князь рѣшился посѣтить свои имѣнія, и сдѣлавъ это рѣшеніе, тотчасъ написалъ къ своей матери. Письмо его было почтительно, но холодно и скрытно; изъ него она не узнала и не могла даже отгадать то, что̀ происходило въ его душѣ. Онъ ни словомъ не намѣкалъ на свою любовь, онъ только учтиво и даже церемонно просилъ мать свою не сердиться на него за то, что въ первый разъ въ жизни онъ несогласенъ съ ея волей и желаніемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ рѣшительно и твердо, что не можетъ жениться на той дѣвушкѣ, которую она ему выбрала, не чувствуя къ ней

привязанности. Другой причины для своего отказа онъ не далъ. Потомъ прибавилъ, что, для избѣжанія неловкаго положенія, онъ не пріѣдетъ въ Петербургъ и намѣренъ воспользоваться этимъ случаемъ и свободнымъ временемъ, чтобъ съѣздить въ свои дальнія имѣнія, осмотрѣть ихъ и заняться ихъ управленіемъ.

Письмо князя показалось сухо и холодно его матери; скрытность молодаго человѣка непріятно подѣйствовала на нее; она не могла доискаться смысла въ его короткихъ учтивыхъ строкахъ, не могла объяснить себѣ состоянія его души. Послѣднее его рѣшеніе особенно озадачило ее, но подумавъ, она осталась довольна этимъ рѣшеніемъ. «Пусть самъ дѣйствуетъ, и пусть будетъ, что̀ будетъ», подумала она, смутно догадываясь, что сынъ ея не совсѣмъ уже тотъ человѣкъ, съ которымъ она простилась за два мѣсяца передъ тѣмъ.

ГЛАВА XII.

ГОРЕ ОТЪ ЛЮБВИ.

Какъ всѣ люди, неувѣренные въ твердости своей воли, князь Горбатовъ всегда торопился исполнять то, на что̀ разъ уже рѣшился. И теперь, несмотря на то, что съ нѣкоторыхъ поръ чувствовалъ въ себѣ болѣе рѣшимости и стойкости, онъ по привычкѣ не захотѣлъ откладывать исполненіе задуманнаго. Въ этотъ же день послалъ онъ взять подорожную, объявивъ свое намѣреніе выѣхать изъ Москвы на другое утро. Пока удивленный этою неожиданною новостію камердинеръ сообщалъ ее въ домѣ и потомъ началъ дѣлать приготовленія, необходимыя къ отъѣзду, князь заперся въ своемъ кабинетѣ. Тысяча противоположныхъ чувствъ накипали у него въ душѣ теперь, когда онъ понялъ, что дѣло жизни его рѣшено; всѣ добрыя и дурныя чувства проснулись и закипѣли, борясь и сталкиваясь и споря въ его взволнованномъ сердцѣ, но всѣхъ сильнѣе и всѣхъ мучительнѣе говорила любовь, для него безнадежная! Онъ понялъ, сколько горечи и грусти затаено въ самомъ лучшемъ чувствѣ человѣческаго сердца. Были минуты, когда грусть и отчаяніе были до того невыносимы молодому человѣку, что онъ боялся сойдти съ ума, были и такія, когда онъ хотѣлъ и старался обмануть себя надеждой.

Нѣсколько разъ онъ бралъ перо и начиналъ писать къ Оленькѣ; потомъ опомнившись, онъ рвалъ начатое письмо и жегъ его. Онъ не обѣдалъ и провелъ весь день запершись въ своей комнатѣ одинъ. Его лице, измученное, изнуренное душевнымъ страданіемъ, поразило его камердинера, когда онъ вечеромъ пришелъ спросить его, въ которомъ часу на другой день приводить лошадей. Отвѣчая ему, князь вспомнилъ, что ему остается меньше сутокъ пробыть въ Москвѣ. Съ этою мыслію его взяло такое непреодолимое желаніе взглянуть по крайней мѣрѣ въ послѣдній разъ на домъ, гдѣ жили Озерскіе, что тотчасъ же велѣлъ подать себѣ карету и поѣхалъ. У знакомаго подъѣзда лошади по привычкѣ остановились; князь не выдержалъ, бросился на крыльцо и позвонилъ. Тысяча чувствъ боролись въ его груди, пока отворяли дверь.

— Дома? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Дома нѣтъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ узнавшій его человѣкъ.

Онъ сѣлъ съ отчаяніемъ назадъ въ свою карету, говоря себѣ въ душѣ, что все кончено! Долго въ ушахъ его звенѣли безсмысленно эти слова: «дома нѣтъ, ваше сіятельство», и онъ не могъ ни о чемъ другомъ думать.

На другой день онъ выѣхалъ позднѣе чѣмъ сбирался: его задержали двое молодыхъ людей, которые заѣхали къ нему съ приглашеніемъ на вечеръ въ этотъ день. Этотъ вечеръ былъ почти послѣдній постомъ, потому что это была Лазарева суббота. Молодые люди очень удивились, увидѣвъ на дворѣ дорожный дормезъ, и долго не хотѣли вѣрить, что князь уѣзжаетъ. Они старались отговорить его, закидали его докучными вопросами, и не добившись толку, поѣхали развозить по городу неожиданную новость вмѣстѣ съ своими предположеніями и догадками.

Князь выѣхалъ часу во второмъ, и какъ разъ, проѣзжая черезъ городскую площадь, попался на дѣтское вербное гулянье. Задержанный толпой и длинною цѣпью экипажей, дормезъ поѣхалъ шагомъ. Мимо созданныхъ наканунѣ палатокъ съ игрушками и вербами, подъ надзоромъ нѣсколькихъ жандармовъ и казаковъ, большія четвероместныя кареты четверней, начиненныя дѣтьми, и маленькія двухмѣстныя каретки парочкой съ молодыми модными матерями, возлѣ которыхъ, на рукахъ нянюшки, сидѣлъ нарядный

мальчикъ или щеголиха дѣвочка, катались по площади взадъ и впередъ. Иные экипажи въѣзжали въ самую чащу между лавочекъ, наполненныхъ всякими игрушками, и потомъ выѣзжали оттуда биткомъ набитыя вербами и куклами всякаго рода. Другія кареты, уже уѣзжая съ гулянья, поворачивали изъ рядовъ, а изъ оконъ ихъ глядѣли счастливыя дѣтскія лица, улыбавшіяся веселѣй самихъ краснощекихъ херувимчиковъ на вербочкахъ. Князь поглядѣлъ изъ оконъ своей дорожной кареты грустными глазами на это веселое дѣтское гулянье, на цвѣты и игрушки и на дѣтскія счастливыя лица.

Странно заиграло его воображеніе. Онъ мысленно перенесся за десять, двѣнадцать лѣтъ назадъ, и старался представить себѣ Оленьку маленькою дѣвочкою, на этомъ же гуляньи, куда вѣрно ее возили тоже въ какой нибудь старомодной семейной каретѣ покупать вербы. Онъ самъ усмѣхнулся при этой мысли. «Какія глупости воображаешь себѣ иногда», подумалъ онъ. А между тѣмъ послушное воображеніе уже сдѣлало свое дѣло, и ему казалось, что любимая имъ дѣвушка — счастливое дитя, которое тѣшится игрушками, и что она ѣздитъ передъ нимъ по вербному гулянью, и съ этими пустяками въ головѣ князю стало легче на сердцѣ. Какія странности и противорѣчія въ человѣкѣ! Истинное глубокое чувство внутри души и пустая мысль, какой нибудь мимолетный вздоръ въ головѣ, и этотъ вздоръ одинъ освѣжаетъ усталую, наболѣвшую отъ тяжелой мысли голову!

Съ этими мыслями князь давно уже за заставой, ѣдетъ по грязной дорогѣ не скоро въ шесть лошадей, и день тянется длинный и скучный и грустный для молодаго человѣка. Наконецъ усталый душей и тѣломъ, онъ засыпаетъ въ вечерней темнотѣ тревожнымъ непокойнымъ сномъ въ то самое время, когда освѣщаютъ гостиныя, и все лучшее московское общество сбирается на вечеръ. Главное занятіе всѣхъ, главный предметъ для разговоровъ на этомъ вечерѣ, вѣсть объ отъѣздѣ князя Горбатова. «Куда, зачѣмъ, для чего, почему онъ уѣхалъ»? спрашиваютъ всѣ и никто не умѣетъ отвѣчать.

Что же Оленька?

Она не знала еще этой новости, она пріѣхала на вечеръ съ радостнымъ ожиданіемъ встрѣтить князя Юрія.

«Онъ будетъ непремѣнно, всѣ тамъ будутъ», рѣшила она одѣ-

ваясь. И одѣлась хорошо, причесалась къ лицу, и посмотрѣвъ на себя въ зеркало, улыбнулась весело, думая объ немъ и довольная собою.

На вечерѣ, когда вокругъ нея заговорили объ его отъѣздѣ, она не разслышала его имени и спокойно спросила:

— Кто это уѣхалъ, о комъ говорятъ?

— Будто ты не знаешь? недовѣрчиво спросила ее сидѣвшая подлѣ нея ея пріятельница Кити:—будто для тебя новость, что князь Горбатовъ уѣхалъ нынче въ деревню? Неужели и *ты* этого не знала прежде?

— Нѣтъ, я не слыхала ничего, отвѣчала Оленька, и какое-то непріятное предчувствіе заговорило въ ея сердцѣ.—Куда же онъ поѣхалъ, въ Воздвиженское? прибавила она, помолчавъ съ минуту и стараясь собраться съ силами, чтобъ услышать непріятный отвѣтъ и скрыть свое чувство.

— Нѣтъ, какое Воздвиженское! въ дальнюю деревню, куда-то въ степь, и зачѣмъ? Богъ его знаетъ. Это просто непонятно, проговорила Кити скороговоркой.—Я думала, что ты это знаешь, прибавила она:—онъ у васъ бывалъ такъ часто; неужели онъ не сказалъ тебѣ ни слова о своемъ отъѣздѣ? Это очень странно.

— Онъ мнѣ ничего не говорилъ, онъ никуда не сбирался, тихо отвѣчала Оленька, испытывая какое-то неловкое чувство въ горлѣ, какъ будто что-то мѣшало ей вздохнуть свободно. Она вспомнила въ эту минуту, что князь пріѣзжалъ наканунѣ и не засталъ ихъ дома, и подумала: «онъ хотѣлъ проститься»!

— Что̀ за странный человѣкъ этотъ князь Горбатовъ, продолжала Кити спокойно:—точно онъ боится людей, что все дѣлаетъ потихоньку; вдругъ уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простился, точно убѣжалъ, просто чудакъ! Знаешь что̀, Оленька, я рада, что мы съ тобой такъ однѣ сидимъ, и что мнѣ пришлось тебѣ откровенно говорить объ немъ. Я ужь такъ и быть все тебѣ скажу, что̀ думаю: только ты не обидишься?

— Нѣтъ, за что̀ же мнѣ обижаться? говори, я не понимаю, что̀ ты хочешь сказать, тѣмъ же слабымъ голосомъ сказала Оленька.

— А вотъ что̀: я хочу тебѣ сказать о князѣ все, что̀ я знаю, что̀ я замѣтила. Со стороны замѣчать легче, ты это знаешь. Вѣдь онъ за тобой ухаживалъ всю эту зиму, очень ухаживалъ, не-

чего краснѣть! Всѣ говорили, что онъ въ тебя влюбленъ, что̀ можетъ быть и правда—не правда ли, Оленька?

— Глупости, отвѣчала Оленька краснѣя еще больше:—мало ли что̀ говорятъ?

— Почему же глупости? что онъ влюбился въ тебя, это можетъ быть, только онъ по своему влюбился. Не вѣрь ему, вѣрить не сто̀итъ!

Оленька стала вслушиваться внимательнѣе. Она чуть-чуть выпрямилась и подняла немного голову. Но встрѣтивъ бѣглый вопросительный взглядъ своей пріятельницы, опустила глаза.

— Ты можетъ быть не слыхала никогда что̀ объ немъ говорили, сколько разъ онъ бывалъ влюбленъ? продолжала Кити: — онъ такой странный, нерѣшительный человѣкъ, а княгиню, его мать, ты знаешь... Мнѣ кажется онъ немножко боится своей маменьки.

— Мнѣ кажется, онъ просто только любитъ ее, замѣтила Оленька.

— Любитъ, это само по себѣ, а она его въ рукахъ держитъ, и онъ безъ нея ничего не смѣетъ дѣлать. Онъ никогда ни на что̀ не рѣшится противъ ея воли, сказала Кити, напирая на послѣднія слова:—какъ ты думаешь?

— Конечно, онъ добрый сынъ, проговорила Оленька.

— Да, добрый, то есть послушный: мать всегда заставитъ его дѣлать то, что̀ она хочетъ, очень рѣшительно замѣтила Кити. Послушай, Оленька, продолжала она тише прежняго, нагибаясь къ своей пріятельницѣ,—мы съ тобой старые друзья, мнѣ нечего съ тобой хитрить, я тебѣ скажу, почему я многое знаю о князѣ: я все это слышала отъ барона Вальроде. Баронъ—родня княгини Горбатовой, а ты знаешь, что онъ тебѣ измѣнилъ—ты впрочемъ сама въ этомъ виновата,—онъ теперь влюбленъ въ меня. Ты не сердишься за это? спросила она съ торжествующей улыбкой и поцѣловала слегка щеку Оленьки.

— Нѣтъ, за что же сердиться? Какой вздоръ! отвѣчала Оленька, думая совсѣмъ о другомъ.

— Не сердишься? такъ я тебѣ все скажу: баронъ почти мой женихъ, очень можетъ быть, что скоро будетъ въ самомъ дѣлѣ моимъ женихомъ.

— Право? поздравляю тебя, проговорила Оленька и посмотрѣла прямо въ глаза будущей баронессы Вальроде, стараясь прочесть въ

нихъ, любитъ ли она барона. Кити вовсе не смѣшалась, но засмѣялась и продолжала:

— Такъ вотъ видишь, Оленька, я черезъ него многое знаю о Горбатовыхъ. Я видѣла, что князь за тобой ухаживаетъ; мнѣ показалось, что онъ нравится тебѣ, что ты бы не прочь выйдти за мужъ за него, я вывѣдала, возможно ли это.

Говоря это, хитрая свѣтская дѣвушка пристально глядѣла на свою пріятельницу, стараясь проникнуть въ ея душу, между тѣмъ какъ та боролась всѣми силами съ собой, чтобъ скрыть свое любопытство и безпокойство, отъ котораго серце ея стало биться шибче и сильнѣй.

— Баронъ слышалъ отъ княгини не дальше какъ нынѣшнюю зиму, когда князь поѣхалъ въ Москву, что она хочетъ поскорѣй женить сына.

Оленькино сердце забилось еще скорѣе, и она еще немного выпрямилась.

— Она нашла ему тамъ, въ Петербургѣ, невѣсту, продолжала Кити:—разумѣется богатую, дочь какого-то министра кажется, не знаю навѣрное, кто она, баронъ мнѣ прямо не сказалъ. Только я слышала, что у ея отца какое-то важное мѣсто и тысячъ десять душъ. Княгиня почти сладила это дѣло.

— Стало быть и князь знаетъ объ этомъ? очень тихо спросила Оленька и закашлялась, чтобъ скрыть свое волненіе. А сердце, сердце такъ и билось въ груди все шибче и больнѣй отъ каждаго слова Кити!

— Я думаю, какъ не знать! Конечно, это княгинино дѣло. Такія свадьбы ладятъ всегда родные. Что за дѣло если онъ не любитъ и почти не знаетъ невѣсты, лишь были бы связи, да было бы все прилично. У княгини свой расчетъ, можетъ быть какое нибудь мѣсто въ виду для сына, что нибудь такое. Сладитъ изъ приличія *она*, а *онъ* изъ приличія женится. Можетъ быть онъ теперь и противъ этого брака, да княгиня его перехитритъ и, рано или поздно, поставитъ на своемъ. Я тебя нарочно предупредила, чтобъ ты знала, какія намѣренія у его матери, и чтобъ ты не надѣялась напрасно. На него нельзя положиться, у него нѣтъ характера, ему ли сладить съ матерью? онъ самъ не знаетъ чего хочетъ, зачѣмъ что дѣлаетъ. Ну вотъ теперь, къ чему онъ вдругъ ускакалъ?

Кити говорила все это хладнокровно, скрывая свое намѣреніе

уколоть Оленьку, но замѣчая между тѣмъ, какъ каждое ея слово, врываясь прямо ей въ сердце, разбивало въ немъ лучшія его надежды.

Бѣдное дѣвичье любящее сердце, какъ оно билось, какъ болѣло! сколько слезъ въ немъ накопилось, сколько горькихъ слезъ выплакала она въ эту ночь, пряча голову въ подушку и стараясь задушить сдержанныя рыданія, чтобъ мать не услыхала ихъ. Но мать слышала.

ГЛАВА XIII.

МАТЬ И ДОЧЬ.

Съ грустію на сердцѣ человѣкъ скоро перемѣняется. Въ нѣсколько дней Оленька стала совсѣмъ другая. Она не перемѣнила своего образа жизни, она все тоже дѣлала, что́ и прежде, но какъ будто недумая о томъ, что́ дѣлала, и занятая другимъ. У нея была должно быть отъ природы способность страдать молча. Она похудѣла и перемѣнилась въ лицѣ, такъ что Катерина Дмитріевна, которая съ большею чѣмъ когда либо нѣжностію замѣчала за ней, стала серіозно безпокоиться. И бѣдная женщина, поздно догадавшись, какъ глубоко любовь запала въ сердце ея дочери, упрекала себя въ томъ, что допустила это чувство, что не помѣшала ему во́-время.

Между тѣмъ наступили свѣтлые праздники съ необходимыми визитами и выѣздами. Необходимость еще большаго принужденія въ кругу постороннихъ, необходимость выслушивать постоянно свѣтскіе разговоры и разнаго рода сужденія общества объ отъѣздѣ князя Горбатова, самой говорить объ немъ, притворяться равнодушной, все это было Оленькѣ такъ тяжело, такъ трудно и такъ еще непривычно, что едва-едва доставало у нея силъ бороться съ собою. Въ этихъ случаяхъ высказывалась сила ея характера; много тоже помогала ей и привычка къ принужденію и скрытности, которая пріобрѣтается въ свѣтѣ.

Тайну Оленьки угадывали многіе, какъ она ни скрывала ее; тайну Оленьки теперь навѣрное знала ея мать, а она еще не сказала ей ни слова.

Какъ-то ночью, когда она плакала про себя, лежа безъ сна въ постели и думая, что мать ея спитъ спокойно, что-то зашевелилось въ другомъ концѣ комнаты, и кто-то подошелъ къ ея кровати.

— Кто тутъ? спросила она немного испуганная.

— Это я, Оленька, отвѣчала ея мать, наклоняясь надъ ней чтобъ поцѣловать ее: —я слышала, что ты не спишь, мнѣ и самой не спится, я пришла поговорить съ тобой, посидѣть у тебя на постели.

И говоря это, Катерина Дмитріевна сѣла подлѣ дочери и обняла ее.

Оленька не устояла противъ материнской ласки: въ этомъ голосѣ, въ этихъ простыхъ словахъ было столько сочувствія ея горю! Она поняла это, и положивъ голову на грудь матери, заплакала пуще прежняго.

— Полно, Оля, полно, душа моя, говорила Катерина Дмитріевна, не плачь, слезами не поможешь. Чтó же дѣлать! Видно Богу не угодно было твое счастіе: грѣхъ роптать. Я и сама надѣялась. Тебѣ простительно было ошибаться, а мнѣ, въ мои лѣта, не надо было довѣряться людямъ. Полно, Оля, не стóитъ онъ твоихъ слезъ, если не умѣлъ оцѣнить тебя, не стóитъ онъ, чтобъ ты объ немъ думала.

Оленька не отвѣчала ни слова, но эти послѣднія слова обидѣли ее: она отняла тихонько свои руки, которыми было обняла свою мать, отерла слезы и опять опустила голову на подушку.

— Ты обидѣлась? ты сердишься на меня за него? спросила Катерина Дмитріевна: —стыдно, Оленька, я тебя больше люблю чѣмъ онъ, я бы жизнь свою сейчасъ же отдала, чтобъ только ты была счастлива, чтобъ ты вышла замужъ за князя Юрія Андреевича.

— Этого не будетъ никогда, это невозможно, маменька, сказала тихо Оленька.

— То-то и есть, что было возможно, что мы съ тобой понадѣялись, повѣрили въ твое счастіе, и обманулись обѣ. Оленька, мы обѣ виноваты, продолжала Катерена Дмитріевна, мы обѣ съ тобой во многомъ сами виноваты—я особенно.

— Въ чемъ же, маменька?

— Въ томъ во первыхъ, что мы до сихъ поръ не говорили объ этомъ другъ другу откровенно. Отчего ты скрывала отъ меня, что князь тебѣ нравится?

— Мнѣ не хотѣлось говорить объ этомъ; потомъ, въ послѣд-

нее время, я надѣялась, что вы узнаете когда нибудь сами. Я не думала, что все это кончится вдругъ и такъ странно, такъ скоро. А самой мнѣ начинать говорить объ немъ было такъ стыдно, такъ неловко даже вамъ. И теперь я сама не знаю, зачѣмъ и какъ я говорю, только мнѣ такъ ужь тяжело было все это время притворяться, молчать, обманывать всѣхъ!

— Меня ты бы никогда не обманула: мать всегда догадается, когда дѣтямъ ея грустно, отвѣчала Катерина Дмитріевна. Я давно все видѣла и напрасно не поговорила съ тобой прежде: тебѣ бы легче было. Но я не въ этомъ одномъ упрекаю себя: мнѣ бы не надо было предаваться надеждамъ, а развѣдать, что̀ онъ за человѣкъ. Я бы должна была вспомнить объ его матери. Я бы узнала, что у нея есть свои виды, своего рода расчеты, что дѣло, которое началось безъ нея, не понравится ей, что она помѣшаетъ ему. Гордые люди, какъ она, любятъ все сами дѣлать, по своему. Богъ знаетъ, можетъ быть она тоже ошибется въ своихъ расчетахъ: гордымъ Богъ противится!

— Куда онъ поѣхалъ? спросила Оленька, перебивая мать и замѣтивъ, что она начинаетъ сердиться.

— Не знаю, въ степь куда-то, отвѣчала Катерина Дмитріевна отрывисто:—и онъ тоже хорошъ, безхарактерный человѣкъ! всегда пополамъ рѣшаетъ, не совсѣмъ по своему, да и не такъ какъ другіе хотятъ! Я не думаю, чтобы княгиня успѣла женить его какъ задумала. Мнѣ кажется, онъ просто никогда не женится.

Оленька ничего не сказала, но подумала, что это все таки лучше. Ей какъ-то меньше стало грустно, какъ будто немного отлегло у ней отъ сердца, и она взялась теперь успокоивать свою встревоженную мать.

Уже начинало разсвѣтать: весеннія зори занимаются такъ рано. Сквозь спущенныя сторы блѣдный свѣтъ раждающагося дня пробивался между занавѣсокъ въ комнату и падалъ полосою на лице матери. Катерина Дмитріевна сидѣла съ опущенной головой; она казалась утомленною и измученною.

— Перестаньте говорить объ немъ, маменька; зачѣмъ намъ думать о томъ, что̀ будетъ или не будетъ съ другими. Теперь все кончено. У меня есть кого любить. Богъ милостивъ! пройдетъ горе какъ нибудь, когда нибудь.

— Только я не доживу до этого, не увижу тебя счастливой, грустно сказала Катерина Дмитріевна.

— Зачѣмъ у васъ такія черныя мысли? спросила Оленька, испугавшись этихъ словъ.

— Это не мысли, а предчувствія, отвѣчала Катерина Дмитріевна, глядя на дочь, да лучше не говорить объ этомъ. Хорошо же я тебя утѣшаю, прибавила она, стараясь улыбнуться: — я рада только одному, что мы съ тобой сказали правду другъ другу; мнѣ было тяжело молчать и слышать каждую ночь, какъ ты плачешь потихоньку.

Оленькѣ тоже было легче на сердцѣ. Сердце человѣческое, особенно сердце женщины, такъ устроено, что ему надо иногда открыть другому любящему сердцу то, чѣмъ оно жило втихомолку, радостію или горемъ.

ГЛАВА XIV.

ГОРЕ ЗА ГОРЕМЪ.

Предчувствіе Катерины Дмитріевны сбылось, и скорѣе можетъ быть чѣмъ она ожидала. Черезъ недѣлю послѣ этого разговора съ дочерью она занемогла серіозно. Докторъ увѣрялъ ее и всѣхъ родныхъ, что въ болѣзни ея нѣтъ ничего опаснаго; но она чувствовала себя нехорошо и сказала это Оленькѣ. Въ тотъ день, когда она слегла въ постель, она знала, что уже не встанетъ, и старалась сбросить съ души все земное и приготовиться къ другой жизни.

Она недолго была больна—всего двѣ недѣли; опасное, безнадежное ея положеніе открылось всѣмъ только за два дни до ея смерти.

Дѣти собрались вокругъ постели умирающей. Митю привезли изъ Петербурга, гдѣ онъ былъ помѣщенъ уже съ годъ; недоставало только одного Саши. Онъ былъ такъ далеко: отъ него пришло письмо въ самый день ея смерти, и это письмо застало уже одно тѣло матери, около котораго плакали ея осиротѣлыя дѣти. Оленька не въ силахъ была раскрыть письма; оно осталось на столѣ, въ пустой комнатѣ, бывшей спальнѣ Катерины Дмитріевны, около ея постели, съ которой за нѣсколько часовъ вынесли ее въ залу холодную и безчувственную.

Мысль о себѣ, о своемъ одинокомъ, почти безпомощномъ положеніи, и не приходила въ голову Оленьки въ эти минуты, не смотря на то, что все бы должно было ей напоминать объ этомъ. Какъ будто во снѣ, въ какомъ-то чаду она взялась сразу за свои новыя, многосложныя обязанности, отдавала приказанія, заботилась о сестрахъ, старалась успокоить ихъ своими ласками. Но все это она дѣлала какъ бы невольно, не помня о томъ, что̀ дѣлаетъ, а въ головѣ и сердцѣ ея была одна только мысль. У нея не было даже слезъ — не было силы собрать свои чувства въ молитву о горькой утратѣ.

А между тѣмъ домъ наполнялся людьми чужими и близкими; всѣ говорили съ ней, всѣ обращали къ ней слова утѣшенія, болѣе или менѣе искреннія, слова сожалѣнія и ласки; надо было говорить, отвѣчать, и все это она дѣлала какъ будто во снѣ. Странно, въ эти минуты все видишь, замѣчаешь всякую пустую вещь больше даже чѣмъ въ минуты покоя, а между тѣмъ будто сердце умерло и не чувствуетъ ничего! Оленька видѣла какъ входили и выходили люди, кланяясь покойницѣ, видѣла какъ зажигали свѣчи для панихиды, слышала какъ кашлялъ дьячокъ и сбивался въ пѣніи, какъ плакали дѣвушки въ углу залы, и какъ кто-то говорилъ, что ей надо выпить воды, и дамы спорили о гофманскихъ капляхъ; она все это слышала точно во снѣ!

Поздно въ эту ночь, когда усталую и измученную Оленьку кое-какъ уговорили родные удалиться въ спальню, подходя по привычкѣ къ кровати матери, чтобъ проститься съ ней, она увидѣла на столикѣ нераспечатанное письмо.

Она взяла его, посмотрѣла на печать и надпись, узнала, отъ кого оно, и открыла его потихоньку. Въ пакетѣ, подъ этою красною печатію, которую сломала судорожно Оленька, лежало длинное, веселое письмо Саши, которое начиналось словами: милая маменька! Оленька прочла только эти два слова, и слезы, которыя накопились у ней въ такомъ множествѣ на сердцѣ, которыя жгли ей грудь, давили горло, полились вдругъ изъ ея глазъ цѣлымъ потокомъ. Она бросилась на кровать матери и долго и горько плакала, и заснула наконецъ отъ усталости, рыдая и во снѣ!

ГЛАВА XV.

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ.

Всякое горе трудно перенести, а труднѣе всего такое, съ которымъ соединяется перемѣна въ жизни. Такое-то горе постигло теперь Оленьку. Со смертію ея матери разомъ измѣнялась вся ея жизнь, измѣнялось ея положеніе. Она взялась за свои новыя обязанности, не думая объ нихъ сначала, даже не понимая ихъ: она не въ силахъ была ни о чемъ думать въ это время. Но мало по малу повторяясь ежедневно, онѣ стали объясняться молодой дѣвушкѣ, и она призадумалась надъ ними. Она осталась теперь совсѣмъ одна, и на рукахъ ея были двѣ меньшія сестры ея, почти дѣти еще по лѣтамъ. Съ грустію оглянулась она назадъ на свою прошлую спокойную жизнь въ родномъ домѣ, подъ крыломъ у матери, гдѣ она не знала ни заботъ, ни попеченій, сравнила эту жизнь съ настоящею и поняла, что время беззаботнаго спокойствія для нея прошло невозвратно. Она не потеряла духа, но только подумала, что въ настоящее ей не надо вмѣшивать ни мыслей, ни чувствъ прошедшаго счастливаго времени, и сгоряча отказавшись отъ нихъ, повѣрила, что можетъ жить теперь однимъ чувствомъ долга.

Прежде всего она занялась устройствомъ внѣшняго положенія семейства; она понимала, что жить ей одной съ сестрами невозможно, что Саша слишкомъ молодъ, чтобы стать главою семьи, еслибъ онъ даже и вздумалъ теперь возвратиться и оставить службу. Она перебрала въ умѣ своемъ всѣхъ своихъ родныхъ, стараясь выбрать между ними къ кому бы лучше пріютиться. Разсудивъ хорошенько, она остановила свой выборъ на своей бабушкѣ, старой теткѣ Катерины Дмитріевны, которая постоянно жила въ Москвѣ, и которую она лучше другихъ знала. Марья Ивановна была старая дѣвушка, не очень умная и не очень образованная, но добрая, хотя съ маленькими капризами. Оленька полюбила ее, особенно въ послѣднее время, за то, что она меньше всѣхъ прочихъ родныхъ приставала къ ней съ расспросами о князѣ, и ей было свободнѣе съ бабушкой чѣмъ съ другими. У Марьи Ивановны было свое небольшое состояніе, и она

проживала его на молебны, на карточные вечера и на воспитанницъ, которыхъ выдавала за мужъ съ приличнымъ награжденіемъ. Она недавно пристроила послѣднюю свою воспитанницу и скучала немного своимъ одиночествомъ.

Оленька разсудила, что зависимость отъ этой доброй и недалекой старушки будетъ легче ей и ея сестрамъ, чѣмъ жизнь во всякомъ чужомъ домѣ, и рѣшилась обратиться къ своей бабушкѣ. Такъ какъ подходило лѣто, то она предложила ей пріѣхать въ Грачево, облегчая себѣ и своимъ первый шагъ трудной жизни съ чужими; ей легче было привыкать въ своемъ домѣ къ новому положенію и учиться жить въ зависимости тамъ, гдѣ по праву она была теперь хозяйка. Добрая старушка съ радостію приняла предложеніе сиротъ, довольная тѣмъ, что на старости лѣтъ можетъ быть полезной. Самолюбію ея льстило немножко и то предпочтеніе, которое оказано было ей противъ другихъ родныхъ, и важность покровительственной роли, которая вдругъ выпала на ея долю.

Успокоенная первымъ своимъ рѣшеніемъ, Оленька написала къ брату. Это письмо стоило ей много слезъ. Отправивъ его, она почувствовала нѣкоторое облегченіе, какъ всегда бываетъ, когда исполнишь что нибудь необходимое и непріятное.

Потомъ она принялась за дѣла, за скучныя денежныя дѣла, о которыхъ до сихъ поръ не имѣла никакого понятія. Она провѣрила всѣ счеты, пересмотрѣла всѣ бумаги, справилась кой у кого изъ свѣдущихъ людей, и скоро научилась понимать то, что казалось ей сначала труднѣе всякой премудрости.

Катерина Дмитріевна оставила духовную, по которой дочерямъ доставалось имѣніе материнское, а все имѣніе отца раздѣлялось между сыновьями. Надъ этимъ имѣніемъ былъ назначенъ опекунъ съ самой смерти Павла Александровича, который теперь управлялъ Сашиной частію по довѣренности. Имѣніе Катерины Дмитріевны предоставлялось ею все въ управленіе Оленьки, которая была назначена опекуншей надъ сестрами.

Эту духовную открыли послѣ шести недѣль въ присутствіи всѣхъ родныхъ, которыхъ содержаніе ея очень удивило. Но больше всѣхъ удивило оно Оленьку; она не подозрѣвала существованія этой бумаги.

Она принялась теперь и за эти новыя обязанности, которыя

возлагала на нее воля умершей. Все короткое время, которое она провела въ Москвѣ до переѣзда въ деревню, посвятила она занятіямъ по опекѣ, и странно было видѣть такую молодую и хорошенькую дѣвушку по цѣлымъ днямъ надъ кипами скучныхъ бумагъ. Но въ этой безжизненной работѣ была святая цѣль—исполненіе долга, и проникнутая этимъ чувствомъ, она была хороша среди своей скуки, горя и заботы. Въ ней было много самоотверженія, любви, терпѣнія, много силы воли въ этой молодой дѣвушкѣ, еще такъ недавно осиротѣвшей, такъ недавно испытавшей, какъ скоро смѣняются радости. Она перемѣнилась, она стала совсѣмъ другая. Худая, блѣдная, чуть слышными шагами ходила она въ своемъ глубокомъ трaурѣ по дому, тихо отдавая приказанія, говоря немного и большею частію только по дѣлу, между тѣмъ какъ въ сердцѣ ея пряталась любовь, которую и самое горе не заглушало.

Въ первое время послѣ ея несчастія она старалась прогнать самое воспоминаніе о князѣ, какъ святотатство. Ей казалось грѣшно думать объ немъ, когда еще трава не успѣла прорости на могилѣ ея матери; она стыдилась самой себя, когда другое лице, кромѣ лица умершей, оживало въ ея памяти. Но воспоминанія невольно приходили ей въ голову и тихо напрашивались на сердце; и она не могла совладѣть съ собою и скоро поняла, что жить однимъ чувствомъ долга трудно въ ея лѣта.

Такъ она жила, и почти не замѣтила, какъ наступили теплые дни, какъ все растаяло и потомъ высохло на улицахъ. Какъ-то она же приказала выставить зимнія рамы, и въ домъ ворвался весеній воздухъ, потомъ распустились листья на акаціи въ ихъ садикѣ, запахло черемухой и синелью. Она вспомнила, что пора переѣзжать въ деревню, и послала спросить у бабушки, когда ей угодно отправиться въ Грачево. Марья Ивановна назначила день.

Оленька незамѣтно очутилась въ деревнѣ, гдѣ все цвѣло и зеленѣло, но гдѣ было тихо, пусто и грустно ей съ воспоминаніями прошедшаго, съ старою бабушкой и ея болонками, и съ неотвязными мыслями....

ГЛАВА XVI.

КНЯГИНЯ ГОРБАТОВА И ОЛЕНЬКА.

Княгиню Горбатову ждали въ Воздвиженское въ первыхъ числахъ іюля. Эту новость сообщилъ въ одно воскресенье приходскій священникъ Марьѣ Ивановнѣ, когда она была у обѣдни съ меньшими внучками; Оленька нѣсколько дней уже была нездорова и не выходила изъ дому. Марья Ивановна, возвратясь домой, конечно тотчасъ же передала ей эту новость. Оленьку очень смутило и испугало это извѣстіе: говорили до сихъ поръ, что нынѣшнее лѣто княгиня не пріѣдетъ въ свою подмосковную. Отчего же она вдругъ перемѣнила намѣреніе? что̀ бы это значило? подумала Оленька, стараясь казаться равнодушною и спокойною при бабушкѣ.

«Вы не знаете, на долго ли она пріѣдетъ?» спросила Оленька, съ усиліемъ произнося каждое слово. Ей уже казалось всего вѣроятнѣе, что княгиня хочетъ въ этомъ любимомъ своемъ имѣніи отпраздновать свадьбу сына, и она напередъ мучилась, воображая какъ близкое сосѣдство съ Горбатовыми усилитъ ея страданія при этой ненавистной свадьбѣ. Между тѣмъ бабушка успѣла ей отвѣчать, что княгиня пріѣзжаетъ какъ всегда на лѣто и осень; но о свадьбѣ не упомянула ни слова.

Оленька ободрилась немного и пожелала узнать еще что нибудь о Горбатовыхъ, но не рѣшилась даже спросить, какъ княгиня пріѣдетъ, одна или нѣтъ?

— Да которое нынче число? продолжала бабушка, усаживаясь на диванѣ покойно и укладывая подлѣ себя своихъ болонокъ:—нынче кажется первое іюля? стало быть на этихъ дняхъ она пріѣдетъ. Увидимъ какъ она будетъ съ вами, какъ она приметъ васъ послѣ вашего несчастія.

Оленька молчала и старалась представить себѣ, какъ она увидитъ княгиню.

— Во всякомъ случаѣ намъ надо будетъ побывать у нея, сдѣлать ей по крайней мѣрѣ визитъ, продолжала бабушка:—она была хорошая знакомая вашего отца и матери и сама по себѣ почтен-

ная женщина, съ вѣсомъ въ обществѣ. Недѣли черезъ полторы мы съ тобой съѣздимъ въ Воздвиженское: не правда ли, Оленька?

— Да, бабушка, конечно, если она прежде пріѣдетъ къ намъ, отвѣчала Оленька, вдругъ совершенно оправившись при мысли, что ей приходится рѣшать что̀ дѣлать.

— Какъ, неужели ты воображаешь, что княгиня поѣдетъ къ тебѣ первая? спросила ее старушка голосомъ, въ которомъ слышались удивленіе и насмѣшка: — неужели ты, въ твои лѣта, будешь считаться визитами съ женщиной немолодою и почтенною? Опомнись, мой другъ, это неумѣстная гордость, это ни съ чѣмъ не сообразно.

— Бабушка, это вовсе не гордость, вы не такъ меня поняли, отвѣчала молодая дѣвушка тихо, но твердо: — я и не думаю равнять себя съ княгиней Горбатовой; это было бы слишкомъ глупо съ моей стороны. Но теперь, когда у насъ нѣтъ матери, намъ со всѣми, и съ княгиней также какъ съ другими, надо быть осторожнѣе. Мнѣ кажется намъ надо ѣздить только къ тѣмъ, кто покажетъ свое желаніе продолжать знакомство съ нами.

— А мнѣ кажется, что теперь-то, когда у васъ нѣтъ матери, кагда вы остались однѣ, и надо больше заискивать расположеніе почтенныхъ людей, которые могутъ васъ поддержать въ свѣтѣ. Впрочемъ, теперь у молодыхъ людей свои понятія — не то, что̀ было въ наше время.

— Бабушка, да почему же я знаю, что княгиня хочетъ чтобъ я къ ней ѣздила? спросила Оленька, какъ будто не замѣчая, что старушка начинаетъ сердиться.

— А что̀ жь, ты намѣрена дожидаться печатнаго приглашенія отъ нея? Поѣдешь къ ней, приметъ тебя хорошо, и значитъ, что хочетъ быть знакома.

— Я думаю, что если княгиня захочетъ насъ видѣть послѣ нашего несчастія, она сама къ намъ пріѣдетъ. Сколько я помню, кажется такъ всегда дѣлается, отвѣчала Оленька учтиво, но оставаясь при своемъ мнѣніи.

— Долго прождешь ее, матушка; ты еще слишкомъ молода, чтобъ къ тебѣ старухи ѣздили, отвѣчала бабушка, разсердившись въ самомъ дѣлѣ, и ушла покапризничать въ свою комнату и побранить нынѣшній вѣкъ съ своею главною горничной, старою сплетницей.

Нѣсколько дней сряду бабушка немножко дулась на старшую свою внучку за несогласіе съ ея мнѣніемъ. Она пробовала по временамъ завести опять тотъ же разговоръ съ нею, но Оленька искусно отклоняла его. Ея мнѣніе не ѣхать ни за что первой къ княгинѣ—окрѣпло въ эти дни. Самая мысль о сближеніи съ нею, о вѣроятности встрѣчи съ княземъ, приводила ее въ сильное волненіе. А ѣхать самой туда, гдѣ она могла ожидать этой встрѣчи, казалось ей неприличнымъ и недостойнымъ ея. Она не могла и не хотѣла объяснить всего бабушкѣ. Предлогъ, выдуманный вдругъ, среди разговора съ нею, приходился кстати, и она держалась за него, избѣгая споровъ по этому случаю, чтобъ не проговориться. Такъ какъ она все еще чувствовала себя нехорошо, то по вечерамъ не ходила гулять и не ѣздила кататься съ бабушкой. Случилось разъ, что день былъ не жаркій, и старушка раньше обыкновеннаго приказала заложить коляску и поѣхала съ дѣтьми и гувернанткой прокатиться подальше, сказавъ, что воротится только къ чаю.

Оленька осталась совсѣмъ одна въ домѣ; она взяла сначала какую-то книгу, но скоро оставила ее и сидѣла ничего не дѣлая, въ покойномъ креслѣ у отворенной на терассу двери. Она задумалась о тѣхъ перемѣнахъ, которыя произошли въ ней и въ ея жизни, между тѣмъ какъ все вокругъ оставалось по прежнему. Мысли ея невольно перешли на недавнее счастливое время, воспоминанія замерли, взоръ ея, бродившій по окружавшимъ предметамъ, остановился: сильное и горькое чувство настоящаго выгнало изъ сердца грусть по прошедшемъ.

Мысли дѣвушки были прерваны стукомъ подъѣзжавшаго экипажа; она подумала, что бабушка возвращается домой раньше, чѣмъ хотѣла, и позвонила, чтобъ приказать поспѣшить чаемъ. Человѣкъ доложилъ ей, что пріѣхала не бабушка, а княгиня Наталія Дмитріевна Горбатова.

При этомъ имени, при мысли, что черезъ минуту она встрѣтится лицемъ къ лицу съ матерью князя, Оленька сначала просто потерялась. Она не въ силахъ была встать съ креселъ и только проговорила тихонько: «скажи, что я одна дома, и проси». Она старалась собраться съ силами и придумать, что̀ съ ней говорить; но мысли путались и вертѣлись въ ея головѣ, не оставляя ничего яснаго, кромѣ непріятнаго ожиданія страшной встрѣчи. Послы-

шались шаги въ залѣ; Оленька встала, опираясь на ручку кресла; она вспомнила, что ей надо встрѣтить гостью; она пошла машинально впередъ. Княгиня остановилась въ дверяхъ, и взглянула на блѣдное лице дѣвушки, на ея черное суконное платье: все, что̀ было горькаго въ положеніи Оленьки, разомъ поразило ее въ эту минуту. У княгини было доброе сердце, ей стало жаль Оленьку, очень жаль; она подошла къ ней скорыми шагами, взяла ласково за обѣ руки, хотѣла ей сказать что нибудь въ утѣшеніе, но не нашлась и только съ чувствомъ ее поцѣловала. На глазахъ княгини навернулись слезы, Оленька заплакала, и ей вдругъ стало легко и свободно; смущеніе и робость ея изчезли, она забыла все, что̀ было страннаго между ею и этою женщиной; она видѣла только ея участіе, она почувствовала къ ней довѣріе и не боялась ея болѣе.

Княгиня сама позабыла все въ эту минуту, ей просто жаль было этой молодой дѣвушки; ее поразило выраженіе глубокой безотрадной грусти на ея лицѣ; ей хотѣлось утѣшить ее. Втайнѣ что-то влекло ихъ обѣихъ другъ къ другу, и это внутреннее сочувствіе ихъ придавало много жизни и чувства самому простому разговору ихъ между собою.

Напрасно бы Оленька придумывала прежде, что̀ говорить съ княгиней: ихъ теперешній разговоръ былъ не похожъ ни на одинъ изъ тѣхъ, которые ей приходилось вести съ посторонними людьми; онѣ говорили какъ будто давно знали и любили другъ друга. Княгиня распрашивала ее объ ея дѣлахъ, о новыхъ ея занятіяхъ и обязанностяхъ; она отвѣчала ей откровенно, говоря ей просто правду. Наконецъ разговоръ зашелъ о бабушкѣ. И тутъ она не скрыла ничего.

— Я слышала, что Марья Ивановна теперь съ вами, скажите, на долго ли? Какъ вы намѣрены жить, гдѣ, у кого? спросила княгиня не изъ любопытства, а съ участіемъ, вдумываясь въ положеніе осиротѣвшаго семейства.

— Бабушка была такъ добра, что согласилась жить съ нами.

— Это конечно теперь всего лучше. Я мало знаю ее, но кажется она очень добра. Нашли ли вы въ ней подпору? Можетъ ли она помочь вамъ совѣтами гдѣ нужно, знаетъ ли она дѣла? Я думаю у васъ самихъ съ непривычки голова кругомъ идетъ отъ этихъ дѣлъ: они въ-новѣ такъ трудны.

*

Она распрашивала Оленьку о ея сестрахъ, о воспитаніи ихъ, далеко еще не оконченномъ и которое теперь оставалось на ея попеченіи. Разговоръ ея съ Оленькой былъ прерванъ возвращеніемъ бабушки и дѣтей. Княгиня очень учтиво и почтительно обошлась съ старушкой, напомнила ей прежнее знакомство, наговорила ей много пріятнаго. Марьѣ Ивановнѣ угодить было не трудно: стоило только польстить ея маленькому, добродушному самолюбію. Старушка удивилась, когда, пріѣхавъ съ прогулки, застала княгиню у Оленьки и узнала, что она уже болѣе часу сидитъ у ея внучки, но княгиня объяснила ей, что она дожидалась ея, и довольная этимъ, старушка простила Оленькѣ, что она переспорила бабушку. Марья Ивановна съ этихъ поръ получила къ внучкѣ своей нѣкоторое уваженіе. «Стало быть она сто́итъ того, когда старухи ѣздятъ къ ней первыя», подумала она.

Уѣзжая домой, княгиня Горбатова остановилась въ залѣ съ Оленькой, которая ее туда провожала, и опять поцѣловала ее съ чувствомъ.

— Вы будете ко мнѣ ѣздить, не правда ли? спросила она ласково.

— Я непремѣнно буду у васъ съ бабушкой на этихъ дняхъ, отвѣчала Оленька.

— Это само по себѣ, но мнѣ не церемонныхъ визитовъ хочется,—обѣщайтесь бывать у меня часто. Ко мнѣ вы можете ѣздить однѣ: кромѣ воскресенья, у меня вы никого не встрѣтите. Я живу одна съ моею старою компаніонкой, Нѣмкой. Помните Юлію Ѳедоровну?

— Какъ же, очень хорошо помню.

— Ну вотъ кромѣ нея вы никого рѣшительно у меня не увидите все лѣто.

«Стало быть, его нѣтъ въ Воздвиженскомъ и не будетъ: что же это значитъ?» подумала въ эту минуту Оленька.

— И такъ вы пріѣдете? до свиданья: я надѣюсь, что мы съ вами будемъ часто видѣться, перебила ее княгиня.

ГЛАВА XVII.

КНЯГИНЯ, ОЛЕНЬКА И ЮЛІЯ ѲЕДОРОВНА.

Княгиня не забыла даннаго ей Оленькою обѣщанія бывать у нея часто въ Воздвиженскомъ—и недѣлю спустя послѣ церемоннаго

визита, отданнаго ей Оленькой подъ предводительствомъ бабушки, написала къ ней ласковую записку, приглашая ее провести съ ней весь завтрашній день, если она не боится соскучиться вдвоемъ съ старухой.

Этотъ день, проведенный ими вдвоемъ, много сблизилъ ихъ. Сужденія Оленьки нравились княгинѣ. Молодая дѣвушка думала ясно и здраво, и высказывала просто свою мысль.

Хотя княгиня старалась посторонними разговорами разсѣять грустныя воспоминанія и мысли Оленьки, но горе было еще слишкомъ свѣжо въ ея памяти. Она сама заговорила о кончинѣ матери, и разказала княгинѣ всѣ подробности.

— Благодарю васъ, что вы рѣшились заговорить со мною о такомъ грустномъ для васъ предметѣ, сказала княгиня и взяла ее ласково за руку:—сама бы я не навела васъ на этотъ разговоръ, а мнѣ хотѣлось знать все какъ было.

— Княгиня, я не боялась говорить съ вами объ этомъ грустномъ предметѣ; другіе, я знаю, страшатся самаго слова смерть. Но вы, я увѣрена, выше такого чувства; къ тому же вы знали маменьку, вы такъ добры, вы жалѣете ее и поймете меня. А мнѣ бываетъ легче, когда думаю о моей бѣдной матери, когда думаю о смерти.

Оленька говорила спокойно и безъ слезъ, но во взглядѣ ея было много печали.

— О смерти вамъ думать еще рано, вамъ жить надо, сказала княгиня тихимъ, ласкающимъ голосомъ:—я знаю, вамъ трудно теперь, тяжело, грустно, но у васъ на рукахъ дѣло, и доброе дѣло. Оставьте эти черныя мысли, онѣ нездоровы въ ваши лѣта, прибавила она, глядя на блѣдное лице Оленьки:—надѣйтесь на Бога и просите Его благословенія и помощи пока еще только для этой жизни; повѣрьте, много еще хорошаго впереди у васъ. Вы еще будете счастливы!

При этомъ словѣ о счастіи, при этомъ желаніи, которое такъ искренно, и будто благословляя ее, высказала ей княгиня, Оленька вдругъ вспомнила объ ея сынѣ. Она недовѣрчиво взглянула на княгиню и тотчасъ же опустила глаза.

«Будто счастіе возможно для меня, подумала Оленька, она и не знаетъ, что сама же его разстроила»! И опять на лицѣ ея выразилось чувство безнадежности. Княгинѣ стало особенно жаль ее въ эту минуту. Она показалась ей какъ-то особенно худа и блѣдна.

— Вамъ надо заняться своимъ здоровьемъ, сказала она ей, глядя на нее съ заботливымъ участіемъ:—у васъ нервы разстроены, берегите себя!

— Это ничего, княгиня, я не больна, у меня хорошее здоровье, я много могу выносить, хотя не кажусь сильной.

— Берегите себя, ваша жизнь нужна многимъ.

Въ голосѣ княгини, когда она говорила отъ сердца, было много мягкости. Оленькѣ послышалось что-то особенно нѣжное въ этихъ словахъ, ей показалась, что слову *многимъ* княгиня придала особенное удареніе.

Странная мысль мелькнула въ ея головѣ: «Не знаетъ ли она? не объ немъ ли она говоритъ»? И на щекахъ ея, до сихъ поръ блѣдныхъ и холодныхъ какъ мраморъ, вспыхнулъ вдругъ розовый румянецъ жизни, надежды и радости. Но это была одна минута. Она вспомнила слова Кити и барона, и ей стало досадно на себя за такія глупыя надежды.

Княгиня замѣтила ея мимолетное волненіе и краску, вдругъ набѣжавшую на ея лице, при мысли о счастіи въ будущемъ. Можетъ быть княгиня и поняла тайный смыслъ этого внутренняго движенія, но не дала этого замѣтить. Лаская и ободряя Оленьку, она можетъ быть и вспомнила о своемъ сынѣ, объ его любви къ ней, но эти мысли забѣгали еще безотчетно въ ея голову; яснаго и прямаго намѣренія еще не было у княгини.

Желая развеселить свою гостью, княгиня предложила ей прогулку по саду. Онѣ долго ходили по дорожкамъ сада, любуясь тишиной вечера и прекрасными видами на рѣку и даль. Подъ вліяніемъ красоты всего, что̀ ее окружало, Оленька оживилась, и разговоръ ея съ княгиней сдѣлался веселѣе. Довольныя своимъ днемъ и другъ другомъ, онѣ разстались поздно, обѣщая видаться часто. О князѣ не сказано было ни слова между ими, и эта неизвѣстность того, что̀ дѣлается съ нимъ, грустно чувствовалась молодою дѣвушкою, когда она уѣзжала изъ Воздвиженскаго. Но Юлія Ѳедоровна подоспѣла на помощь ея горю, и провожая ее домой въ коляскѣ княгини, всю дорогу только и говорила что о князѣ Юріи Андреевичѣ.

Оленька не спрашивала; она даже смѣшалась при первыхъ намекахъ на него; но она не могла не слушать разказовъ объ немъ, которыхъ такъ давно просило ея любящее молодое сердце. Юлія

Ѳедоровна многое знала черезъ людей; знала также, отчего княгиня разстроила счастіе сына. Долго ломала свою голову добрая Нѣмка, придумывая разныя романическія средства, чтобъ уладить дѣло. Какъ большая часть старыхъ дѣвушекъ, она была сентиментальна, и ея привязанность къ бывшему воспитаннику усиливалась романическимъ положеніемъ его. Ей хотѣлось помочь ему въ его любви, ей нравилась Оленька давно; въ душѣ своей она выбрала ее въ невѣсты князю. Ей хотѣлось теперь только одного: подать надежду самой Оленькѣ, которая казалась ей особенно грустна. Въ любви ея къ князю она не сомнѣвалась: она рѣшила давно, что они любятъ другъ друга какъ герои и героини всѣхъ читанныхъ ею въ старину романовъ, и не боялась наскучить молодой дѣвушкѣ разказами о Юріи Андреевичѣ. Отъ нея Оленька узнала, что князь скучаетъ въ деревнѣ, что съ матерью онъ рѣже прежняго переписывается, что онъ много занятъ, что княгиня этому рада, но все еще немного сердится на сына за то, что онъ не женился на одной богатой и знатной невѣстѣ, которую она было ему выбрала, но которая ему не понравилась.

— Стало быть этотъ бракъ разстроился? спросила Оленька, стараясь говорить хладнокровно, между тѣмъ какъ голосъ ея замиралъ и прерывался отъ проснувшагося вдругъ чувства радости.

— Совсѣмъ разстроился, отвѣчала Юлія Ѳедоровна, замѣчая ея волненіе и радуясь ему въ душѣ:—даже княгиня перестала объ этомъ думать, у нея были непріятности въ Петербургѣ черезъ это, и отъ того она сердилась на князя.

Эти разказы, его имя, часто повторяемое, и особенно радостное чувство, что онъ свободенъ, что онъ не женится на другой, оживили Оленьку. Она пріѣхала въ Грачево, чувствуя, что ей такъ легко на сердцѣ, какъ давно не было.

ГЛАВА XVIII.

СЧАСТІЕ ВОЗМОЖНО.

Случилось, что въ то время, когда Юлія Ѳедоровна поѣхала отвозить Оленьку, пришла оказія изъ Москвы въ Воздвиженское и привезла письмо отъ князя Юрія къ матери. Княгиня еще подъ

вліяніемъ пріятнаго впечатлѣнія, которое произвела на нее Оленька, прочла письмо сына и осталась имъ довольна. А письмо это впрочемъ было не очень весело, но въ немъ говорилось о дѣлахъ, въ немъ чувствовались признаки характера и воли, и не было ни малѣйшаго намека на сердечную тайну. Долго въ головѣ матери ходили разныя мысли и воспоминанія. Никогда материнскія надежды ея не были такъ сильны и такъ основательны, какъ теперь; она понимала, что теперь или никогда рѣшится жизнь его. Она серіозно подумала о любви его къ Оленькѣ. Она знала теперь Оленьку и понимала, что любить ее можно было глубоко и сильно. Можетъ быть силой этого чувства, которое такъ благотворно въ молодыя лѣта, сынъ ея сдѣлался другимъ человѣкомъ. Можетъ быть эта любовь, которую она сочла за вздоръ, вызвала въ груди его тѣ силы, которыхъ ничто до сихъ поръ не могло возбудить, можетъ быть эта дѣвушка, о которой она запрещала ему думать, одна только могла привязать его къ жизни, открывъ ему въ ней цѣль и значеніе? Княгиня спросила себя: зачѣмъ она помѣшала ихъ счастію, зачѣмъ она его разстроила? И въ первый разъ совѣсть упрекнула ее за гордость и тщеславіе. Она созналась передъ собой, что искала для сына своего не той женщины, которая, кроткимъ вліяніемъ любви, добра и простоты, дала бы ему, съ вѣрой въ счастіе, надежду на жизнь, а той, которая знатностію рода, богатствомъ и всѣмъ, что̀ люди цѣнятъ такъ высо̀ко и что̀ такъ пусто въ самомъ дѣлѣ, была бы ровнею князю Горбатову. Она созналась, что семейное счастіе Юрія было у ней второстепенною мыслію въ задуманномъ ею бракѣ; она искала для него новыхъ связей, чтобъ втянуть его въ службу и дѣятельность. И все это было гордость, тщеславіе, пустота!

Княгинѣ стало совѣстно передъ сыномъ и передъ собой. Одной съ этими мыслями ей было тяжело и непокойно на душѣ; она ушла изъ своей комнаты въ гостиную, думая увидѣть тамъ Юлію Ѳедоровну. Но въ гостиной было также пусто, Юлія Ѳедоровна еще не возвращалась, одинъ попугай дремалъ въ своей клѣткѣ. Съ просонья, услыхавъ шаги, онъ пробормоталъ: «Юрій, это ты?», подражая такъ вѣрно голосу княгини, что она невольно вздрогнула, услышавъ имя сына, сказанное ея голосомъ. Она вышла на терассу. Было уже поздно, но ночи въ началѣ лѣта свѣтлы, заря съ зарею сходится, и небо почти синее надъ головой княгини,

сіяя блѣдными звѣздами, по краямъ, на западѣ и востокѣ, свѣтлѣло первыми и послѣдними лучами дня. Тишина и видъ красоты въ природѣ всегда успокоиваютъ душу, настраивая ее на свой ладъ; на сердцѣ у княгини постепенно становилось свѣтлѣй ; теплое материнское чувство заговорило за одно съ чувствомъ справедливости; она прогнала гордыя мысли, простилась съ прежними планами и желаніями и сказала себѣ, что хочетъ только счастія своего сына.

Два дни спустя Оленька опять ѣхала по приглашенію княгини въ Воздвиженское. Княгиня была въ саду, когда она пріѣхала. Оленька застала ее въ тѣни липовой аллеи, гдѣ она укрылась отъ солнца. Она очень обрадовалась Оленькѣ и поцѣловала ее съ чувствомъ.

— Я боялась, что вы не будете, сказала она ей:—нынче такъ жарко, отдохните: я боюсь, что дорога по солнцу васъ утомила. Я такъ хотѣла васъ видѣть, что не разочла этого, прибавила она, усаживая ее подлѣ себя и ухаживая за ней.

Оленька точно устала, и голова ея немного кружилась; нѣсколько минутъ она отдыхала молча. Спокойствіе тихаго дня въ тѣни старыхъ деревъ, которыя закрывали ее отъ солнца густымъ зеленымъ сводомъ своихъ листьевъ, и добрыя, ласковыя слова княгини, — все это навѣяло на сердце дѣвушки пріятное чувство. Смутно поняла она въ эту минуту, что она и мать Юрія стали близки другъ другу, что между ими возникаетъ что-то похожее на дружбу, не смотря на разницу ихъ лѣтъ. Она рада была этому безъ всякаго расчета и не надѣялась чтобъ это повело къ чему нибудь далѣе.

«Пусть она ничего не знаетъ, лишь бы она меня любила», думала она глядя на княгиню. День этотъ прошелъ опять хорошо для обѣихъ. Княгиня не скрывала отъ Оленьки, какое горячее участіе она внушала ей, и ласкала ее какъ дочь. Она хотѣла внушить ей полное довѣріе къ себѣ, чтобъ легче допытаться, любитъ ли она Юрія. Нѣсколько разъ заговаривала она объ немъ, неожиданно произносила его имя въ разговорѣ; но кромѣ слегка мѣнявшейся краски въ лицѣ, чувство Оленьки не высказывалось ничѣмъ. Она отвѣчала просто и коротко, всѣми силами побѣждая свое смущеніе. При всемъ довѣріи, которое внушала ей княгиня, она ни за что̀ бы не дозволила себѣ обнаружить, что̀ наполняло ея сердце.

Между тѣмъ подошелъ вечеръ, и утомленная разговоромъ, Оленька предложила княгинѣ почитать ей что нибудь вслухъ. Княгиня поблагодарила ее за предложеніе, примолвивъ, что съ тѣхъ поръ какъ сынъ ея уѣхалъ, она не имѣла этого удовольствія. Выбрали вмѣстѣ англійскую книгу; княгиня сѣла за пяльцы въ своемъ кабинетѣ, усадивъ Оленьку въ свои покойныя кресла передъ столомъ. Чтеніе было интересное. Оленька читала очень хорошо, княгиня слушала ее съ удовольствіемъ; иногда онѣ прерывали чтеніе, передавая другъ другу свои замѣчанія, вызванныя книгою. Такъ прошло болѣе часу — вдругъ ихъ прервалъ стукъ проѣхавшаго по двору экипажа.

— Кто это можетъ быть? сказала княгиня съ досадой, думая, что гости ѣдутъ не во-время.

— Кто бы ни былъ, позвольте мнѣ проститься съ вами: я побуду здѣсь, и какъ запрягутъ лошадей, уѣду. Прощайте, княгиня, проговорила Оленька вставая.

— Какъ досадно, что нельзя отказывать въ деревнѣ, сказала княгиня.

— Не безпокойтесь обо мнѣ, княгиня, это можетъ быть и глупо съ моей стороны, но мнѣ не хочется видѣть постороннихъ людей: всѣ считаютъ своею обязанностію говорить мнѣ фразы по случаю моего траура, а это такъ непріятно, когда грустно въ самомъ дѣлѣ.

— Я понимаю ваше чувство, отвѣчала ей княгиня.

Въ это время пришелъ человѣкъ, докладывая, что баронъ Вальроде пріѣхалъ изъ Москвы.

— И баронесса съ нимъ? спросила хозяйка.

— Баронессы нѣтъ, баронъ одинъ, отвѣчалъ человѣкъ, отворяя дверь въ гостиную для княгини.

— Я пришлю вамъ Юлію Ѳедоровну, сказала она уходя Оленькѣ.

Оленька ушла въ противоположную дверь и задернула драпри за собою. Она очутилась въ комнатѣ, которой не знала вовсе, въ которой никогда не бывала прежде. Это была спальня княгини, большая, покойная, высокая комната. Въ ней было прохладно и просторно; убрана она была просто, безъ роскоши, но хорошо. Въ углу, около кровати, стояли образа въ нишѣ и горѣла лампада, освѣщая этотъ уголъ, совершенно уже темный. Окна были далеко и только свѣтъ лампады освѣщалъ два портре-

та, висѣвшіе на стѣнѣ близь кровати. Оленька догадалась, чьи они были, и сердце ея забилось сильно. Она подошла ближе и стала вглядываться. Одно было ей незнакомое лице, хотя и не совсѣмъ чужое, по сходству выраженія съ другимъ. Это былъ портретъ мужа княгини. Князь Андрей Юрьевичъ былъ написанъ безъ орденовъ и эполетъ, съ однимъ георгіевскимъ крестомъ. Сначала Оленька взглянула на этотъ портретъ, стараясь успокоить свое бьющееся сердце и прислушиваясь машинально къ шагамъ и словамъ барона, раздававшимся въ сосѣдней комнатѣ.

Оленька нѣсколько минутъ не рѣшалась поднять глаза на другой портретъ. Наконецъ она взглянула и чуть не вскрикнула, такъ живо глядѣли на нее эти знакомые, умные глаза, такъ вѣрно было схвачено это задумчивое, недовольное и будто ищущее чего-то лице. Въ это время голосъ княгини назвалъ его имя въ гостиной. Оленька вздрогнула и стала прислушиваться, продолжая глядѣть на портретъ.

— Такъ вы видѣли Юрія? спрашивала княгиня:—давно ли?

— Шесть дней тому назадъ, отвѣчалъ баронъ: я обѣдалъ у него въ Андреевкѣ. Я проѣзжалъ изъ своей деревни проселкомъ въ Тамбовъ и заѣхалъ повидаться съ нимъ по дорогѣ. Я какъ разъ попалъ къ нему въ храмовой праздникъ.

— Разкажите, что̀ онъ дѣлаетъ, какъ живетъ, какъ вы его застали? спросила княгиня, оживляясь воспоминаніемъ о сынѣ.

— Онъ живетъ совершеннымъ хозяиномъ. Онъ совсѣмъ сталъ порядочнымъ человѣкомъ, прибавилъ баронъ насмѣшливо.

Оленька слушала съ разгорѣвшимися щеками, сердце ея билось все шибче и шибче, между тѣмъ какъ глаза ея не могли оторваться отъ этого портрета, отъ этого лица, которое давно уже она видѣла только во снѣ или въ своей памяти.

— Отчего же моему сыну и не быть порядочнымъ человѣкомъ? отвѣчала барону немного обиженная княгиня. Скажите еще, что̀ онъ дѣлалъ при васъ, какъ вы провели день?

— Я обѣдалъ у него вмѣстѣ съ священникомъ и нѣсколькими бѣдными сосѣдями, которыхъ онъ принимаетъ въ торжественные дни, отвѣчалъ баронъ, оставивъ тонъ насмѣшки. Это мелкопомѣстные помѣщики, бѣдные люди, ужасные уроды. Я слышалъ, что сынъ вашъ имъ помогаетъ, и что они тоже полюбили его.

— Вы говорите *тоже*: стало быть и кромѣ бѣдныхъ дворянъ Юрія любятъ тамъ? спросила княгиня.

— Священникъ говорилъ мнѣ, что крестьяне очень полюбили его, что онъ хотя и новый человѣкъ въ той сторонѣ, но много дѣлаетъ пользы. Какъ вездѣ, тамъ есть много бѣдныхъ по сосѣдству: онъ помогаетъ имъ. Онъ занимается много, сталъ понимать толкъ въ хозяйствѣ, разсуждалъ со мной и съ помѣщиками о посѣвѣ и о работахъ.

— Должно быть ему скучно тамъ, съ этими сосѣдями.

— Я думаю, что не забавно. Впрочемъ онъ втянулся въ эту новую дѣятельную жизнь и самъ сдѣлался совершеннымъ степнымъ помѣщикомъ. Повѣрите ли, онъ ничего не знаетъ, что̀ дѣлается въ Петербургѣ и въ Москвѣ, и даже не спрашивалъ у меня о столичныхъ новостяхъ. Вообразите, онъ не зналъ даже до сихъ поръ, что умерла бѣдная Катерина Дмитріевна Озерская. Это извѣстіе его очень огорчило, когда я ему передалъ его. Онъ разпрашивалъ у меня обо всѣхъ подробностяхъ.

Оленька вздрогнула.

— Да, я не писала ему объ этомъ, я не люблю объявлять такія новости, сухо отвѣчала княгиня. — Разкажите мнѣ о здоровьи Юрія, продолжала она перемѣняя разговоръ:—здоровъ ли онъ?

— Онъ не жалуется, но я нашелъ, что онъ похудѣлъ. Онъ какъ будто грустить о чемъ-то, хотя занятъ постоянно и вникаетъ въ свое дѣло основательно. Онъ что-то очень невесело смотритъ. Уединеніе вредно молодому человѣку. Я ему совѣтовалъ ѣхать въ Петербургъ и жениться: женитьба самое лучшее средство отъ хандры.

— Что́ же онъ сказалъ вамъ на это? скоро и живо спросила княгиня, между тѣмъ какъ сердце Оленьки замерло у нея въ груди отъ страха ожидаемаго отвѣта.

— Онъ посмотрѣлъ на меня довольно сердито и сказалъ, что не имѣетъ никакого намѣренія ѣхать въ Петербургъ жениться.

Сердце дѣвушки забилось еще сильнѣе. Ей хотѣлось узнать, что̀ теперь скажетъ княгиня; но въ эту минуту отворилась дверь противъ нея, и рядомъ съ портретомъ, на который она заглядѣлась, показалась Юлія Ѳедоровна.

— Ахъ, вы здѣсь! это вы? а я васъ вездѣ искала, сказала она Оленькѣ, смѣшавшись больше ея самой, оттого что застала ее передъ портретомъ князя:—княгиня послала меня къ вамъ, а я хорошенько не поняла, гдѣ вы. Я думала сначала, что вы ушли въ

садъ, прибавила она, стараясь показать видъ, что ничего не замѣтила.

— Нѣтъ, я все время была здѣсь, отвѣчала Оленька, краснѣя, но говоря правду:—я никогда не была въ этой комнатѣ прежде, прибавила она:—и вовсе не знала этихъ портретовъ мужа княгини и ея сына.

— Да, они оба очень похожи, отвѣчала Юлія Ѳедоровна, оглядываясь на нихъ.

Онѣ обѣ отошли къ ближнему окну. Насупротивъ садилось солнце, и яркій красный лучъ полосой ложился по саду. Въ голубомъ небѣ кое-гдѣ разбросаны были бѣлыя облака, которыя краснѣли по краямъ. Въ саду было тихо, только фонтанъ журчалъ на терассѣ и ласточки перекликались, летая въ вышинѣ.

— Хотите пройдтись немножко, пока закладываютъ коляску? спросила Юлія Ѳедоровна.

— Пойдемте, я очень рада.

«Я васъ проведу сзади дома», сказала Юлія Ѳедоровна и повела ее во внутреннія комнаты. Онѣ прошли корридоромъ къ другому выходу изъ дому и очутились въ саду, спускаясь по узкой дорожкѣ по мѣстамъ, гдѣ до сихъ поръ Оленька еще не бывала, и которыхъ дикая красота казалась ей еще лучше прекраснаго виду черезъ рѣку въ даль съ верхней терассы около дома. Ей понравилась эта крутая дорожка, по которой онѣ сначала спустились и потомъ поднялись, чтобъ взойдти на крутизну высокаго берега Москвы-рѣки. Она остановилась и поглядѣла въ даль, которая широко раскрывалась отсюда.

— Я вовсе не знала этого вида. Какъ здѣсь хорошо, сказала она съ восхищеніемъ.

— Это любимый видъ князя Юрія, отвѣчала Юлія Ѳедоровна:—еще маленькимъ онъ любилъ гулять здѣсь. Увѣряютъ, что отсюда виденъ Иванъ Великій. Сама-то я, признаюсь, не вижу.

Оленькѣ показалось, что вдали на горизонтѣ бѣлѣлось что-то, подымаясь къ верху полосой.

— Кажется вижу, отвѣчала она, задумываясь объ этомъ давнемъ времени, объ этомъ мальчикѣ, который любилъ бывать здѣсь.

Его портретъ, слова барона, и эта прогулка при заходящемъ солнцѣ, на мѣстѣ, гдѣ жило воспоминаніе объ немъ, все это съ

особенною силою возбудило ея душу. Она поѣхала домой изъ Воздвиженскаго подъ вліяніемъ глубокихъ впечатлѣній, чувствуя болѣе чѣмъ когда либо, какъ горячо его любитъ. И какъ будто догадавшись, что ей не хочется говорить, что ей нуженъ покой, молчаніе, нужно воспоминаніе объ немъ, Юлія Ѳедоровна доро̀гой все говорила о Юріи, разказывая ей объ его дѣтствѣ, объ его добромъ сердцѣ. Это не былъ разговоръ: Оленькѣ не приходилось отвѣчать,—это былъ одинъ непрерывный разказъ во всю дорогу. Но простыя слова старушки полны были для молодой дѣвушки тайнаго значенія, которое любовь даетъ всему, что̀ ни коснется ея. Въ нихъ было очарованіе дорогаго имени, которое она сама боялась повторить, и слушая эти слова и слушая біеніе своего сердца, она ѣхала какъ бы во снѣ по полямъ, гдѣ молодая, зеленая рожь тихо волновалась въ голубомъ свѣтѣ начинавшейся ночи, и по свѣтлой отъ мѣсячнаго сіянія дорогѣ, между мелькающихъ темныхъ деревъ. На душѣ у нея было свѣтло и радостно; что-то говорило ей, что онъ сдѣлался лучше прежняго, что онъ въ жизни нашелъ свою дорогу, и тихонько, въ эту теплую лѣтнюю ночь, она молилась за его счастіе, забывая о себѣ!

ГЛАВА XIX.

СЧАСТІЕ НАЙДЕНО.

Когда Юлія Ѳедоровна воротилась въ Воздвиженское, ей сказали, что княгиня приказала просить ее зайти къ ней въ спальню. Она поспѣшила отправиться къ княгинѣ, удивляясь, зачѣмъ она могла быть нужна ей такъ поздно вечеромъ. Ужь не занемогла ли она? подумала старушка съ безпокойствомъ. Изъ кабинета она увидѣла огонь въ спальнѣ, и постучалась.

— Это вы, Юлія Ѳедоровна? спросилъ оттуда голосъ княгини: — войдите.

Она вошла. Постель была уже совсѣмъ приготовлена, но княгиня еще не ложилась. Въ бѣломъ широкомъ пенюарѣ сидѣла она у кровати на креслѣ. На столикѣ горѣли двѣ свѣчи, освѣщая портреты ея мужа и сына, на которые она глядѣла задумавшись.

— Княгиня, вы желали меня видѣть, извините меня, если я прихожу поздно, я только-что пріѣхала, сказала Юлія Ѳедоровна, входя въ комнату въ шляпкѣ.

Княгиня обернулась и протянула ей руку.

— Да, я просила васъ зайдти ко мнѣ, Юлія Ѳедоровна, сказала она: — мнѣ хотѣлось поговорить съ вами. Сядьте подлѣ меня, снимите шляпку.

Юлія Ѳедоровна придвинула кресло и сѣла молча, придумывая въ головѣ своей тысячу объясненій для этого непонятнаго ей и необыкновеннаго желанія княгини поговорить съ ней о чемъ-то повидимому серіозномъ, и посматривая то на нее, то на портреты, на которые опять обратились взоры княгини.

— Юлія Ѳедоровна, мнѣ грустно, сказала вдругъ княгиня прерывая молчаніе, и посмотрѣла на добрую Нѣмку глазами, которые точно выражали это чувство.

Этотъ взглядъ совершенно озадачилъ старушку. Чтобы княгиня рѣшилась говорить откровенно о своей грусти и повѣрять ей свои чувствованія, надо было случиться чему нибудь особенному, необыкновенному. Вѣрно какое нибудь несчастіе! подумала она, рѣшительно растерявшись въ своихъ соображеніяхъ, испуганная и взволнованная.

— Что́ съ вами? что́ такое случилось, княгиня? позвольте спросить, ради Бога скажите, проговорила она дрожащимъ голосомъ:—можетъ быть баронъ сообщилъ вамъ что нибудь непріятное? и не случилось ли что нибудь съ княземъ? Что́ съ нимъ, здоровъ ли онъ? не объ немъ ли вы грустите?

— Ничего не случилось, слава Богу, Юрій здоровъ, по крайней мѣрѣ не боленъ. Успокойтесь, Юлія Ѳедоровна. Вы отгадали, что мнѣ объ немъ было грустно, но съ нимъ ничего особеннаго не случилось, ничего новаго.

«О чемъ же вы грустите»? спросила Юлія Ѳедоровна съ любопытствомъ и говоря свободнѣе въ этотъ разъ чѣмъ обыкновенно. Довѣріе, ей показанное, ободрило ее, польстивъ ея самолюбію.

— Юрій грустить, вотъ отъ чего мнѣ грустно, отвѣчала также откровенно княгиня: —я знаю, что мой сынъ несчастливъ и не доволенъ жизнію. Онъ много перемѣнился въ нынѣшній годъ, я это знаю по его письмамъ изъ деревни и по разказамъ барона. Его

лѣнь прошла, онъ много занятъ и занятъ не безъ пользы для другихъ, да самому-то ему недостаетъ счастія: онъ молодъ, а молодость требуетъ счастія!

— Да, конечно, подтвердила Юлія Ѳедоровна, глядя на нее вопросительно и не рѣшаясь еще высказать свое мнѣніе точнѣе.

— Юлія Ѳедоровна, скажите мнѣ правду по совѣсти, всю правду, сказала вдругъ княгиня, оборачиваясь и глядя пристально на старушку: — я знаю, какъ вы любите моего сына, какъ много объ немъ думаете, скажите мнѣ, если вы что́ знаете, чего я не знаю. Вы вѣрно слышали объ его чувствѣ къ Оленькѣ Озерской?

Юлія Ѳедоровна остолбенѣла: этотъ прямой и рѣшительный вопросъ такъ неожиданно поразилъ ее, что она не знала что́ и какъ ей отвѣчать. Лгать она не умѣла, и притомъ она такъ уважала княгиню, что не могла говорить ей неправду, особенно когда она оказывала ей такое необыкновенное довѣріе. Не увѣренная еще, какъ приметъ княгиня ея отвѣтъ, она молча опустила голову въ смущеніи, какъ молоденькая краснѣющая отъ робости дѣвочка.

— Юлія Ѳедоровна, скажите мнѣ, я васъ прошу, продолжала княгиня тихимъ ласковымъ голосомъ, который у нея былъ такъ заманчивъ, когда она говорила отъ сердца: — я мать его, мнѣ жаль сына, мнѣ хочется видѣть его счастливымъ наконецъ, я бы жизнь свою отдала за его счастіе. Но онъ самъ мнѣ ничего не говорилъ, онъ скрытенъ со мною; я сама можетъ быть отдалила его отъ себя, я виновата передъ моимъ сыномъ. Но теперь у меня нѣтъ другаго желанія, ни какихъ другихъ плановъ: мнѣ хочется одного—его счастія! Скажите же мнѣ все, что̀ вы знаете, чтобы я знала, что̀ мнѣ дѣлать.

Юлія Ѳедоровна не вѣрила ушамъ своимъ: гордая княгиня упрашивала ее, признавалась передъ ней въ томъ, что чувствовала себя неправой передъ сыномъ, высказывала ей свою задушевную мысль. Она взглянула на нее: на этомъ лицѣ не было и тѣни притворства или скрытности; оно выражало въ эту минуту только прекрасное чувство материнской любви, самое лучшее, самое безкорыстное чувство въ сердцѣ женщины. Юлія Ѳедоровна поняла все, взглянувши на княгиню; она вскочила съ своего мѣста, взяла ее за руку и голосомъ дрожащимъ отъ радостнаго волненія проговорила:

— Вы хотите его счастія? вы ему позволите жениться на ней?

Въ самомъ дѣлѣ? Съ вашей стороны препятствія не будетъ? такъ онъ будетъ счастливъ, они будутъ счастливы оба! Я вамъ разкажу все, что̀ я знаю.

И слово за словомъ, изрѣдка только прерываемая вопросами княгиня, она разказала ей тутъ же все, что̀ слышала и знала о любви князя къ Оленькѣ. Она повѣрила его матери и всѣ свои давнишнія задушевныя мечты объ его счастіи, передала все, что̀ могла замѣтить изъ короткихъ смущенныхъ отвѣтовъ дѣвушки. Она не забыла и сцены передъ портретами, въ этой же самой комнатѣ, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ.

Княгиня слушала ее со вниманіемъ, съ участіемъ; лице ея ни разу не выказало неудовольствія, напротивъ, оно ободряло разкащицу, потому что дѣлалось веселѣе и покойнѣе съ каждою минутой. Раза два княгиня улыбнулась, слушая исповѣдь всѣхъ тонкихъ дипломатическихъ намековъ, которые дѣлала старушка Оленькѣ; разъ даже она перебила ея разказъ, шутливо говоря: — Я не знала, что вы такой дипломатъ, Юлія Ѳедоровна, и такъ опытны въ дѣлахъ любви!

Но старая Нѣмка продолжала говорить и долго не истощался ея разказъ. Вспоминая послѣ этотъ разговоръ, она не разъ сама удивлялась своей смѣлости и дару слова, который вдругъ непонятно откуда явился у нея на этотъ вечеръ. Ея привязанность къ княгинѣ обыкновенно выражалась только въ безмолвномъ почтительномъ сочувствіи, но тутъ она не вытерпѣла. Сердце ея, ободренное надеждой, ожило и помолодѣло, и нашлись слова, чтобы все разказать какъ слѣдуетъ. Когда она кончила, княгиня еще разъ удивила ее неожиданнымъ поступкомъ. Она встала съ креселъ, подошла къ Юліи Ѳедоровнѣ и поцѣловала ее, чего не дѣлала уже много лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ разъ во время болѣзни сына, еще маленькаго, около котораго онѣ обѣ проводили безсонныя ночи, она обняла добрую мамушку въ ту минуту какъ докторъ объявилъ его внѣ опасности.

— Благодарю васъ за правду и за то, что вы такъ любите Юрія, сказала княгиня весело: — поздравляю васъ съ его свадьбой. Я нынче же буду писать къ нему, только смотрите не проговоритесь до времени, особенно передъ барономъ, прибавила она, смотря съ улыбкою на удивленное радостное лице доброй Юліи Ѳедоровны.

Долго въ эту ночь въ Воздвиженскомъ не спали двѣ женщины: сама владѣтельница богатаго имѣнія и бывшая гувернантка, живущая у нея на пенсіи, и обѣ не могли уснуть отъ одного чувства, отъ радости. Княгиня особенно чувствовала, что на совѣсти у нея было такъ легко, какъ давно не было!

Проѣздъ барона Вальроде черезъ Андреевку рѣшилъ судьбу князя Юрія Андреевича. Баронъ не могъ и подумать, что поможетъ уладить свадьбу, которой старался помѣшать своими происками. До сихъ поръ, живя въ глуши дальной деревни, окруженный только крестьянами и простыми бѣдными людьми, которые не могли сочувствовать ему, князь будто бы оторвался отъ прежней жизни своей. Его любовь жила въ душѣ его какъ прекрасный сонъ. Съ этою тайной на сердцѣ онъ становился другимъ человѣкомъ, не сомнѣваясь болѣе въ своемъ чувствѣ къ Оленькѣ; но все таки думалъ, что счастіе для него невозможно, и грустилъ посреди своей дѣятельности.

Но когда баронъ увѣдомилъ его о кончинѣ Катерины Дмитріевны, когда онъ представилъ себѣ Оленьку въ несчастіи, одну, безъ помощи и подпоры, заваленную дѣлами и заботами не по лѣтамъ и силамъ, онъ подумалъ, что теперь или никогда время рѣшиться дѣйствовать. Въ немъ вдругъ явилась необыкновенная энергія, увѣренность и сила.

« Я люблю ее: отчего же мнѣ не просить ея руки? Зачѣмъ я буду молчать долѣе? Теперь ей нужна подпора для нея и для ея семейства.» Мысль о матери перервала въ эту минуту его мысли; но онъ старался устранить это препятствіе какъ и всякое другое. «Мать моя могла имѣть прежде другія намѣренія относительно меня, но она не можетъ отказать мнѣ теперь въ согласіи, когда я все выскажу ей. И что̀ можетъ она имѣть противъ нея?»

Не долго соображалъ молодой человѣкъ, что̀ ему дѣлать: сердце его влекло туда, поближе къ цѣли. Онъ рѣшился ѣхать къ матери и признаться ей во всемъ.

Во все время сборовъ, и во всю дорогу, воображенію его представлялась Оленька, грустная, больная отъ усталости и печали, зовущая его къ себѣ на помощь, и ему казалось, что она стала ему дороже съ тѣхъ поръ какъ ее постигло несчастіе. Онъ торопился ѣхать, ему хотѣлось скорѣе увидѣть мать свою и выпросить ея согласіе и благословеніе. Но когда онъ сталъ приближать-

ся къ цѣли, его вдругъ взяло раздумье: «Любитъ ли его Оленька? не забыла ли объ немъ, не обманывался ли онъ, когда надѣялся, что она не будетъ противъ желанія его сердца? Согласится ли она на его счастіе?» И теперь, когда сомнѣніе закралось ему въ душу, онъ понялъ лучше прежняго, что въ этой любви все счастіе его жизни. «Я уѣду на Кавказъ, я брошу все, если она не пойдетъ за меня!» рѣшилъ онъ въ заключеніе. Съ такими мыслями пріѣхалъ онъ въ Воздвиженское и засталъ сосѣдей у княгини. Барона уже не было, онъ уѣхалъ въ Москву къ своей баронессѣ, наканунѣ прибытія Юрія.

Въ этотъ же вечеръ, часа черезъ два послѣ неожиданнаго возвращенія князя, которое удивило и обрадовало весь домъ, Оленька пріѣхала въ Воздвиженское, съ утра приглашенная княгиней. Юлія Ѳедоровна поджидала ее и встрѣтила на крыльцѣ.

— Княгиня занята, у нея гости, которыхъ она вовсе не ждала: я знаю, что вы не любите видѣть постороннихъ людей, говорила она провожая ее чрезъ внутреннія комнаты: — но эти гости долго не останутся. Не угодно ли вамъ дождаться княгини со мной?

«Пойдемте, Юлія Ѳедоровна, я очень рада посидѣть съ вами», сказала Оленька, которая очень полюбила ее въ это послѣднее время. Въ корридорѣ встрѣтился съ ними каммердинеръ князя, съ его дорожнымъ чемоданомъ. Юлія Ѳедоровна очень смѣшалась. Оленька взглянула съ удивленіемъ на чемоданъ, на запыленное платье человѣка, и на лице его, которое показалось ей знакомымъ; потомъ обернулась съ вопросомъ къ Юліи Ѳедоровнѣ:

— Кто же это у васъ пріѣзжіе? опять баронъ? спросила она.

— Нѣтъ, онъ уѣхалъ, это не его человѣкъ, это такъ... здѣшній, проговорила Юлія Ѳедоровна запинаясь и не смотря на нее.

Оленька стала догадываться.

— Да кто же такой у княгини? спросила она не совсѣмъ твердымъ голосомъ. Вы мнѣ не назвали кто у нея въ гостяхъ.

— Гостей не много, изъ чужихъ только Надежда Николаевна съ мужемъ, они недавно пріѣхали въ свое Никольское.

— И больше никого? спросила Оленька, входя въ кабинетъ княгини и прислушиваясь къ дальнему говору, который доходилъ невнятно изъ второй гостиной.

— Никого чужихъ.

— Изъ родныхъ княгини есть кто нибудь?

— Гостей нѣтъ, только князь Юрій Андреевичъ пріѣхалъ нынче изъ Андреевки, мы его не ждали вовсе, княгиня даже испугалась, когда ей доложили.

Оленька чуть не вскрикнула при этой новости. Она ухватилась обѣими руками за стулъ, чувствуя что ноги ея дрожатъ и подкашиваются. Она потерялась совершенно при мысли, что онъ здѣсь рядомъ, что ежеминутно можетъ онъ войдти, и что она не въ силахъ будетъ скрыть отъ него свое волненіе.

— Зачѣмъ же вы мнѣ не сказали этого прежде, какъ только я пріѣхала? сказала наконецъ Оленька стараясь говорить хладнокровно:—я не хочу безпокоить княгиню. Я понимаю, что она захочетъ провести вечеръ съ сыномъ, посторонніе люди тутъ совсѣмъ не кстати. Я лучше уѣду. Пожалуста, скажите княгинѣ, что я пріѣду въ другое время.—И она сдѣлала шагъ къ двери.

— Нѣтъ, ужь не уѣзжайте не видавши ее: она ждала васъ весь день нынче, и не проститъ мнѣ, что я не съумѣла уговорить васъ остаться.

— Она ждала меня прежде, она не знала, что ея сынъ пріѣдетъ, а теперь ей не до гостей, она такъ давно не видала князя, я не хочу мѣшать ей; повѣрьте, она и не замѣтитъ, что я не пріѣхала, и не вспомнитъ, что приглашала меня.

— Вы не помѣшаете, вы не то что̀ другіе, чужіе; вы никогда не можете быть лишней: княгиня васъ такъ любитъ Надежда Николаевна теперь скоро уѣдетъ, и тогда вы увидите княгиню: съ княземъ вѣдь вы знакомы....

— Нѣтъ, Юлія Өедоровна, извините меня передъ ней, я уѣду, сказала Оленька рѣшительно:—пойдемте, я думаю, что еще моя карета не успѣла уѣхать, я пріѣду въ другой разъ.

Она опять пошла къ двери, но старушка остановила ее словами:

— Вамъ нельзя ѣхать сейчасъ, карета ваша уѣхала, какъ это всегда водилось, она теперь ужь на дорогѣ въ Грачево. Да зачѣмъ вамъ торопиться? Останьтесь: я знаю, что княгиня будетъ очень рада видѣть васъ.

— Что́ вы со мной сдѣлали? сказала Оленька съ упрекомъ, не въ силахъ долѣе скрывать свое безпокойство:—зачѣмъ вы отправили мою карету?

Она сѣла, потому что ноги ея дрожали сильнѣе прежняго. Юлія Ѳедоровна подошла къ ней и взяла ее за руку; рука ея была совсѣмъ холодна.

—О чемъ же вы безпокоитесь? сказала она тихонько ласковымъ голосомъ: — зачѣмъ вамъ уѣзжать? развѣ вы не хотите видѣть князя?

Оленька съ удивленіемъ и испугомъ взглянула на нее, но не могла ничего выговорить.

— Неужели вы не хотите встрѣтиться съ нимъ, дать ему взглянуть на васъ, поговорить съ вами? Ему такъ хочется васъ видѣть, прибавила она тихонько.

— Юлія Ѳедоровна, что́ съ вами? я васъ не понимаю, что̀ вы говорите? перестаньте, проговорила Оленька, между тѣмъ какъ разнородныя чувства кипѣли и боролись въ ея груди при этихъ вкрадчивыхъ словахъ.

— Васъ всѣ любятъ, я знаю, что княгиня васъ полюбила какъ родную дочь, и князь васъ любитъ, я это знаю. Въ васъ вѣрно многіе влюблены, но такъ, какъ онъ, любить не всякій можетъ: у него такое привязчивое сердце. Не ужели вамъ вовсе не жаль его?

—Ради Бога, Юлія Ѳедоровна, перестаньте, зачѣмъ вы мнѣ это говорите, я не хочу васъ слушать, я не хочу этого знать, все это вы только вообразили себѣ, проговорила Оленька въ страшномъ волненіи и стараясь побѣдить это чувство и прервать этотъ разговоръ.

Но Юлія Ѳедоровна ея не слушала.

— Развѣ вы его не любите? опять спросила она у нея, глядя на молодую дѣвушку своими не очень умными, но добрыми сѣрыми глазками.

— Юлія Ѳедоровна, перестаньте пожалуста, или я уйду отъ васъ; вы говорите мнѣ такія вещи, которыхъ я не могу и не хочу понять, отвѣчала Оленька:—вы вѣрно шутите, но я васъ прошу перестать, потому что я не могу слушать васъ долѣе.

— Я говорю не вздоръ и не пустяки, а серіозно, Ольга Павловна; я знаю, что князь васъ любитъ, сказала Юлія Ѳедоровна прямо, я это знаю отъ него самого, онъ мнѣ нынче разказалъ все. Я прежде тоже слышала, но не отъ него, а черезъ другихъ. Онъ любитъ васъ и хочетъ просить вашей руки. Онъ за тѣмъ и пріѣхалъ. Не ужели вы ему откажете, не ужели вы его не любите?

Какъ громомъ пораженная, Оленька сидѣла безъ движенія, не въ силахъ выговорить слова. Она только чувствовала какъ сердце ея бьется чуть-чуть въ груди, будто замирая отъ счастія.

— Онъ меня любитъ? чуть слышно выговорила она наконецъ, стараясь понять эти слова.

— Да, онъ васъ любитъ, отвѣчала Юлія Ѳедоровна: —онъ такъ долго горевалъ, бѣдный, онъ и теперь не смѣетъ надѣяться. Онъ пріѣхалъ сюда, потому что узналъ о вашемъ несчастіи. Какъ только онъ узналъ, что вы остались однѣ на свѣтѣ, онъ не вытерпѣлъ и пріѣхалъ.

Оленька вспомнила о своей матери, и слезы заблистали въ ея глазахъ, вспомнила о княгинѣ и сказала гордо и твердо: «Княгиня не захочетъ этого, а я ни за что на свѣтѣ не пойду въ семью, гдѣ мнѣ не будутъ ради».

— Княгиня желаетъ этого, она васъ любитъ, она васъ знаетъ. Она сама первая писала къ князю, да это письмо разъѣхалось съ нимъ и не застало его. Онъ прискакалъ самъ, какъ только узналъ о вашемъ несчастіи. Вы пойдете за него, вы его любите? спросила она подъ конецъ, высказавъ ей все, что̀ знала и что̀ обѣщалась княгинѣ скрывать отъ всѣхъ, и что̀ князь ей говорилъ по секрету.

Оленька не могла выговорить своего отвѣта; она думала въ эту минуту, какъ порадовалась бы ея счастію ея мать, и тихонько плакала на груди доброй Юліи Ѳедоровны отъ радости и горя.

Потомъ они разговорились, и Оленька призналась, какъ она любила князя безъ надежды на счастіе. Она припомнила слова Кити и барона и спросила у Юліи Ѳедоровны, правду ли они говорили и кто была невѣста князя и какъ все это было?

На это старушка не умѣла и теперь дать ей полнаго объясненія, но совершенно успокоила ее, сказавъ, что князь никогда не желалъ той свадьбы и любилъ только ее одну.

Занятыя своимъ разговоромъ, не замѣчая времени, онѣ проговорили долго, и не слыхали какъ говоръ въ гостиной затихъ, какъ прогремѣлъ уѣзжавшій со двора экипажъ, какъ приближались два говорящіе голоса, одинъ мужской, другой женскій. Они говорили не громко, но можно бъ было, прислушавшись, узнать ихъ. Наконецъ отворилась дверь. Поднимая драпри своего кабинета, княгиня показалась въ дверяхъ. Обѣ, Оленька и Юлія Ѳе-

доровна, смутились при ея входѣ. Княгиня посмотрѣла на нихъ пристально ; одинъ взглядъ объяснилъ ей все, что̀ происходило между ними. Оленька опустила глаза, понимая , что судьба ея рѣшается въ эту минуту.

— Юлія Ѳедоровна, вы кажется и тутъ тоже меня предупредили? спросила княгиня обращаясь къ старой дѣвушкѣ, которая встала въ смущеніи передъ ней:—вы не съ однимъ Юріемъ, а кажется и съ Оленькой поговорили прежде меня?

— Княгиня, простите мою смѣлость; я право сама не помню, какъ я это сдѣлала, какъ я все выболтала.

— Она васъ выслушала? такъ Богъ васъ проститъ, Юлія Ѳедоровна: я не сержусь на васъ, хотя вы отняли у меня наслажденіе перваго объясненія съ ними, сказала княгиня.—Оленька, вы знаете теперь все; согласны ли вы выйдти за мужъ за моего сына? Скажите только *да* или *нѣтъ*?

Еще минута, и князь, который слушалъ за дверью, бросился въ комнату и съ благоговѣніемъ остановился, увидѣвъ ту, которую онъ такъ горячо любилъ, въ объятіяхъ своей матери!

Недѣлю спустя всѣ въ Москвѣ уже знали о предстоящей свадьбѣ, и сплетнямъ не было конца. Больше всѣхъ доставалось отъ матушекъ Марьѣ Ивановнѣ: всѣ увѣряли, что дѣло было слажено ею одною, и что на такія тонкія дѣла старыя дѣвушки-бабушки способнѣе самихъ матерей.

Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ. Любовь, вліяніе любящей женщины привязали князя къ жизни, преобразивъ его жизнь и характеръ. Изъ вялаго и лѣниваго онъ сталъ дѣятельнымъ и сильнымъ человѣкомъ, способнымъ къ полезному дѣлу. Княгиня, мать его, не нарадуется на своего сына, не налюбуется на его семейное счастіе.

Тригорскій.

1855—1856.

НАПРАСЛИНА

Разказъ Марьи Павловны.

. . . Охъ, какъ осторожно надо со словомъ обходиться! охъ, какъ осторожно! Не даромъ изстари ведется пословица, что не стрѣла оно, а пуще стрѣлы. Сказать-то легко; а потомъ и радъ-бы воротилъ, да поздно хватился—какъ пословица тоже говоритъ: «слово выпустишь, такъ и вилами не втащишь.»

Вотъ, къ примѣру, случай разъ какой вышелъ.... Сама свидѣтельницей была....

Только-что я замужъ вышла. Кирила Иванычъ мой должность занималъ мелкую, жалованье получалъ маленькое. За мною тоже въ приданое-то взялъ три платья, да ложекъ серебряныхъ дюжину: полдюжины столовыхъ, да полдюжины чайныхъ, только и всего! Жили бѣдненько; подчасъ таки и очень жались.

Квартира у насъ была на Петербургской сторонѣ, неподалеку отъ Крестовскаго перевозу, переулочекъ тамъ былъ узенькій, шаговъ, я думаю, въ пятнадцать, не больше.... теперь, можетъ, улица: вѣдь ужь тридцать лѣтъ тому, слишкомъ тридцать, почти сорокъ. Я съ той поры кажется и не бывала въ тѣхъ мѣстахъ. Нанимали у вдовы одной, фамилію теперь забыла, а звали Аглаидой Петровной. Домишка маленькій, старенькій.... Хозяйка все, бывало, жалуется, что денегъ нѣтъ, не на что ни исправить, ни пристройки сдѣлать. Одну половину мы занимали, въ другой она сама жила съ племянницей; три нашихъ было окна на улицу, да

два ея. Гѳда, знать, полтора мы тутъ прожили, покамѣстъ Кирила Иванычъ не получилъ помощника столоначальника въ департаментѣ: тогда ко Владимірской переѣхали.

Аглаида Петровна женщина была лѣтъ подъ сорокъ, а, пожалуй, и всѣ сорокъ выжила. Такъ съ виду казалось; сама же, бывало, выговоритъ: «вотъ, когда мнѣ тридцать стукнетъ».... Очень молодиться любила. Изъ себя же была куда некрасивая! Росту маленькаго, худощавая, глаза косили немножко, желтая такая. Встрѣтишь ее, случалось, поутру, какъ только-что съ постели встанетъ, ну, шафранъ, совершенный шафранъ! Потомъ-то подбѣливалась обыкновенно. И характеру была этакого несноснаго: круглый день готова кричать да браниться.

Намъ-то, само-собой, и дѣла до этого не было; а вотъ бѣдняжкѣ племянницѣ очень приходилось солоно. Бывало, ни за что, такъ-таки ни за что оборветъ.... Кажется очень ее бѣсила красота Лизы. Она сама, знаете, все воображала еще, что можетъ нравиться; думала, что непремѣнно найдетъ себѣ другаго мужа. Франтила ужасно; а племянницу водила такъ, что просто жаль было дѣвушку: этакая молоденькая, хорошенькая, а ходитъ въ тряпкахъ.

Я, случалось, и говорила Аглаидѣ Петровнѣ....

— Что это, говорю, Аглаида Петровна? хоть бы новенькое вы платьеце сшили Лизѣ, совсѣмъ вѣдь она у васъ обносилась.

Такъ что же-съ? Только, бывало, руками разведетъ.

— А по вашему, говоритъ, куклой ее нарядить? И безъ того зазналась, какъ и не знаю чтó. Только и дѣла день-то деньской, что передъ зеркаломъ изволитъ охорашиваться да жеманиться. Слишкомъ еще рано въ голову глупость-то стала забирать!

И вздоръ! ахъ, какой вздоръ! Дѣвушка была прескромная, другой такой поискать. Вовсе собой не занималась. Никогда ея у зеркала не видала. А ужь кому было и посмотрѣться въ зеркало, и полюбоваться на себя, какъ не ей? Прелесть дѣвушка! Стройненькая такая, высокая, бѣленькая; на правой щекѣ родинка.... Расцѣловала бы эту родинку!... Когда улыбается, на щекахъ ямочки. Ну, однимъ словомъ, заглядѣнье! Какая коса была! Раза три вокругъ головы обернуть можно.... И волосы прекрасные, съ золотистымъ этакимъ отливомъ, темнорусые. Носикъ небольшой, пряменькій; глаза открытые, живые, веселые; рѣсницы длинныя ... Просто, душечка!

Ей тогда лѣтъ семнадцать исполнилось: въ самомъ цвѣту дѣвушка. А это и было Аглаидѣ Петровнѣ что ножъ вострый. Кажется, если бы ея власть.... впрочемъ что я говорю? вся ея власть была надъ Лизой; а кабы добрыхъ людей не совѣстно, она бы ее на три замка заперла, и посмотрѣть не дала никому. Не видывала я завистливѣе глазъ. Пуще всего боялась, что ей-то дорогу перейдетъ. Просто, и горе и смѣхъ! Это, вотъ, какъ я бы на старости лѣтъ вздумала голову кружить молодымъ людямъ. Ну, кто посмотритъ? Досадно на нее становилось, какъ начнетъ, бывало, наряжаться да брови себѣ подщипывать передъ зеркаломъ.

«Найдетъ же», думаешь, «этакое ослѣпленіе на человѣка! Вѣдь вотъ передъ зеркаломъ стоитъ.... Въ пугалы огородныя и ничего бы; а она воображаетъ, что всѣхъ своей красотой помрачила.»

Теперь даже, какъ вспомню, досада во мнѣ кипитъ.

Лиза, какъ только переѣхали мы, увидала, что у меня сердце не лежитъ къ ея теткѣ. Да ужь я и не знаю, право, былъ ли хоть одинъ такой человѣкъ, чтобы ее любилъ. Я годами тремя была старше Лизы. Само-собой, ужь коль могла подружиться, такъ съ ней, а не съ тетенькой. Съ первыхъ же дней стала я разговаривать больше все съ Лизой. И не замѣчаю, что очень это приходится не по нраву Аглаидѣ Петровнѣ. Мнѣ разумѣется она ничего не говоритъ; но то-и-дѣло бранитъ племянницу.... Просто, проходу бѣдной нѣтъ; и то не хорошо, и это гадко; не знаетъ, какъ сѣсть, какъ стать.

Я думала, что всегда между ними такъ; еще больше стала заговаривать съ дѣвушкой; стараюсь приласкать ее, изъ сожалѣнія, знаете; а съ Аглаидой Петровной обращаюсь холодно, сухо. Лиза однакожь, вижу, все дичится меня, боится какъ-будто.

«Вотъ», думаю: «загнала, запугала дѣвушку эта яга.»

Только вскорѣ, какъ-то вечеромъ, Аглаида Петровна въ гости отправилась, приходитъ Лиза ко мнѣ. Напоила ее чаемъ, разговорились о томъ, о семъ.... Лизѣ какъ-будто не по себѣ что-то: разсѣянная такая, отвѣчаетъ не впопадъ. По всему замѣчаю, хочется ей сказать мнѣ что-то, да вѣрно совѣстится при Кирилѣ Иванычѣ. . . . . . .

Я сейчасъ ему:

— У тебя, Кирила Иванычъ, говорю, писать было что-то къ завтрему. Полно тебѣ трубку-то курить! Шелъ бы да занимался;

а то опять до полночи досидишься со своими бумагами. И надымилъ здѣсь полну горницу.

Какъ ушелъ Кирила Иванычъ въ другую комнату, я и спрашиваю:

— Вы, Лизынька, какъ будто что-то мнѣ сказать хотите?

Лиза покраснѣла.

— Угадала я?

— Угадали-съ.

— Что̀ же такое? спрашиваю.

— Мнѣ право такъ совѣстно, говоритъ (и у самой слезы на глазахъ): не знаю, какъ вамъ это сказать.... Пожалуста, Марья Павловна, не разговаривайте со мной при тетенькѣ.

— Почему же? спрашиваю.

Признаюсь, удивила она меня: я и не вѣсть какой секретъ думала услыхать.

— Ради Бога, говоритъ:—прошу васъ, не обращайте на меня никакого вниманія при тетенькѣ! Это ей очень непріятно.

— Пожалуй, говорю:—только мнѣ странно это. Отчего же такъ?

— Вы еще ея не знаете, отвѣчаетъ:—она желала бы, чтобъ со мной и слова никто не сказалъ. Лучше я буду къ вамъ по вечерамъ приходить.... Вы такія добрыя ко мнѣ.... И станемъ разговаривать.... Только при ней ни полслова, ради Бога! И этого не говорите пожалуста, что я сегодня-то у васъ была.

— Хорошо, говорю,—хорошо, душенька. Только разъясните вы мнѣ, что̀ это за странный такой характеръ у Аглаиды Петровны!

Принялась мнѣ Лиза разказывать.... Слезы такъ и дрожатъ на рѣсницахъ.

Признаюсь, и есть отъ чего! И до тѣхъ поръ не нравилась мнѣ Аглаида Петровна; а тутъ я просто возненавидѣла ее.

Лиза къ ней еще десятилѣтняя въ руки попала, какъ осталась сиротой. Дѣться больше было некуда. Аглаида Петровна разумѣется всѣмъ хвалиться начала, что вотъ взяла на свое попеченіе сиротку племянницу, воспитываетъ ее. А какое воспитаніе! что дома-то дѣвочка грамотѣ знала, все перезабыла у тетки; только и было дѣла, что со свѣчкой стоять да свѣтить, какъ тетка передъ зеркаломъ косу себѣ фальшивую подвязываетъ. Объ одежѣ и говорить нечего. У послѣдней судомойки, я думаю, дѣти чище ходятъ; только-что босикомъ по морозу не бѣгала. Хоть бы какая

была забота объ дѣвочкѣ: рукодѣлью бы какому учили, что ли, если ужь не наукамъ.... И этого нѣтъ. Какъ стала я Лизу знать, ни за что и взяться не умѣетъ; только развѣ чулки вязать: дѣло-то ужь очень немудрое. Ну, а вы сами посудите, что̀ такое значитъ бѣдная дѣвушка, какъ иглы у нея въ рукахъ не бывало. У самой-то и было желанье чему нибудь выучиться, да гдѣ съ этакой родственницей, какъ Аглаида Петровна? Какъ сошлась Лиза со мной, я стала-было ей кое-что показывать; да тутъ у насъ эта исторія случилась, о которой я вамъ разказать хочу, такъ все и расклеилось.

Плохо было ей жить, какъ она дѣвочкой была; а стала въ лѣта входить, еще приходилось плоше. Ужь чѣмъ только, чѣмъ не донимала ее эта... вѣдьма, прости Господи! Сама-то, знаете, съ каждымъ днемъ старѣетъ да старѣетъ; а племянница что ни день хорошѣетъ и расцвѣтаетъ. Вѣрите ли? въ церковь, бывало, дѣвушка отпроситься не можетъ. Какъ пустить? Одну нельзя, неловко; а съ собой взять—на самое-то никто и посмотрѣть не захочетъ. Ужь я не говорю, на гулянье куда нибудь. Лиза и сама на гулянье не просилась. Срамъ въ люди-то показаться: у всякой, я думаю, дѣвки дворовой одежа приличнѣе. И дома-то хорошо веселье! Къ окну не смѣй подойдти.... Сейчасъ брань:

— Вывѣска у насъ новая проявилась. Милости прошу, господа покупатели!

А сама старая кочерга, какъ только дома, все у окошка. Видъ этакой сдѣлаетъ скромный, губы сожметъ. Какъ будто рукодѣльемъ занимается, глаза опущены, а сама на улицу ихъ скосила. Вспомнить-то даже противно.

Какъ поразказала мнѣ Лиза о своемъ житьѣ, я осторожнѣй стала. При теткѣ вовсе и не гляжу на нее. А между тѣмъ сдружились мы: почти однихъ, знаете, лѣтъ; обѣ ни ногой со двора. Какъ Аглаида Петровна изъ дому (а по гостямъ, охъ, какая охотница была рыскать!).... какъ она изъ дому, Лиза ко мнѣ, либо я къ ней. Очень подружились. Дѣвушка добраго такого сердца, и не глупенькая; только какъ не видала-то ничего—дикарка большая. И понятія этакія странныя!

— Какъ это такъ сдѣлать, спрашиваетъ меня разъ:—чтобы ни подъ чьей властью не быть?

— Замужъ выходи! говорю...

— Хорошо вамъ это говорить, отвѣчаетъ:—какъ у васъ мужъ такой, какъ Кирила Иванычъ. А вдругъ навяжется сокровище этакое въ родѣ тетеньки. Да нѣтъ, говоритъ:—я и замужъ никогда не выйду.

— Это почему?

— Никто не возьметъ меня.... Некому и взять: кто меня видитъ?... И не хочу замужъ. Я хотѣла бы какъ птица быть!

— И птицы въ клѣтку попадаютъ, говорю.

— Ну, пускай попадусь! По крайности, полетала бы на волѣ. А что́, говоритъ , Марья Павловна, обмираетъ у васъ сердце когда нибудь?

— Какъ такъ обмираетъ? спрашиваю.

— Да вотъ сидишь этакъ, и ничего, только вдругъ за сердце словно кто ухватитъ, и сожметъ.... Кажется и биться оно перестанетъ.... А въ ушахъ: у! у! у! Точно какъ вотъ угоришь когда.

— Можетъ, съ угару и есть.

— Какъ же! говоритъ:—съ угару! То само по себѣ.

И смѣшно мнѣ, и больно ее слушать.

Аглаида Петровна, какъ увидѣла, что я при ней съ Лизой не такъ ласкова, какъ будто и попритихла немножко.... Очень впрочемъ мало. При мнѣ, по крайней мѣрѣ, не такъ ужь накидывалась.

Переѣхали мы туда, на Петербургскую, въ исходѣ зимы...,

Скучновато было, признаться. Въ окошки только и видно, что снѣгъ да снѣгъ. Отъ скуки смотришь только, что́ у сосѣдей дѣлается, изъ окошка въ окошко. Надо вамъ сказать, на Петербургской тамъ ничего отъ сосѣдей не утаишь. Всѣмъ до тебя дѣло.... Пусто, знаете, глухо, разнообразія никакого нѣту. Хоть этимъ заняться!

Супротивъ насъ жило семейство одно небогатое — самъ-то былъ гдѣ-то учителемъ... Такъ же, какъ и мы, въ двухъ комнатахъ жались. Тихо жили, смирно. Къ концу великаго поста и тутъ опустѣло. Мѣсто другое вышло этому учителю, что̀ ли, въ средствахъ ли онъ поправился... только переѣхали на другую квартиру. Бывало, все хоть на дѣтишекъ полюбуешься: у окошка сидятъ; салазки по двору возятъ... Славные такіе были ребятишки... А тутъ одни ставни видишь закрытыя.

Пасха въ тотъ годъ была поздняя, очень что-то поздняя. Какъ

теперь помню, на шестой недѣлѣ стали мы зимнія рамы выставлять.

Позвала я къ себѣ Лизу помочь мнѣ... тетки конечно дома не было... Пришла она... Люди бѣдные — сами за этимъ хлопотали: стекольщиковъ нанимать не на что. Дешевле пяти копѣекъ за окно и не возьметъ ни одинъ.

— Слава Богу! говоритъ мнѣ Лиза: — теперь хоть посвѣтлѣе у насъ будетъ... И прохожихъ, проѣзжихъ больше — какъ станутъ на дачи перебираться.

Стоимъ мы, болтаемъ этакъ. Вдругъ у самыхъ оконъ ѣдетъ какой-то молодой человѣкъ — бекешка на немъ не новая, но франтовская такая, въ рюмочку стянутая, шляпа на бокъ немножко. Красивый довольно изъ себя, только худъ что-то очень; черные, густые усы. Тотчасъ же я подумала: отставной военный. Пристально на насъ поглядѣлъ... На Лизу, конечно, больше: я и молодая-то хороша не была — такъ, толстушка...

Лиза мнѣ говоритъ:

— А вѣдь хорошенькій, Марья Павловна!

Я говорю:

— Да, ничего себѣ!

Не успѣли мы этого сказать, глядимъ — опять онъ мимо идетъ — назадъ ужь... тише прежняго гораздо, и еще пристальнѣе къ намъ въ окно смотритъ. Вижу — на Лизу.

— Это онъ, говорю, на васъ, Лизынька, заглядѣлся.

— Нѣтъ, на васъ, говоритъ.

— Нѣтъ, на васъ.

Заспорили мы.

Вдругъ звонокъ у дверей. Пошла я отпереть. Отпираю — и что̀ же? Онъ-то и есть.

Признаюсь, и испугалась я, и злость меня взяла.

«Какая», думаю, «наглость! забраться къ незнакомымъ людямъ!»

Не хотѣла даже впускать; но онъ ловко какъ-то проскользнулъ.

— Извините, говоритъ, сударыня!

Я брови сдвинула, и прямо ему:

— Что̀ вамъ угодно, милостивый государь?

Первыми же словами, знаете, хотѣла его осадить.

— Здѣсь, говоритъ, кажется, квартира отдается?

Я ему отвѣчаю:

— Никакой квартиры тутъ нѣтъ, милостивый государь. Вѣрно, вы попали не туда куда хотѣли.

— Нѣтъ, именно туда, говоритъ: — потому что вижу такихъ милыхъ дамъ.

А самъ косится на Лизу.

Взорвало это меня.

— Милыя мы дамы, или нѣтъ, говорю ему,—объ этомъ вашего мнѣнія не спрашиваемъ, и не желаемъ знать. Не угодно ли вамъ быть вѣжливымъ и удалиться?

— Удалиться, удалюсь, отвѣчаетъ: — но въ чемъ же невѣжливость моя?... Я зашелъ только потому, что на воротахъ прибито объявленіе о квартирѣ.

Тутъ Лиза вмѣшалась.

— У насъ, говоритъ, квартиры не отдается; а вотъ напротивъ, черезъ улицу.

— Покорно васъ благодарю, говоритъ, барышня.

Сталъ раскланиваться.

Дверь эта у насъ очень туго на крючокъ запиралась; я, бывало, никогда не слажу... И говорю Лизѣ:

— Потрудитесь, Лизынька, дверь запереть за господиномъ. У васъ силы больше.

Какъ подошла она, молодой человѣкъ этотъ, уходя, слышу, сказалъ ей что-то. Заперла дверь. Смотрю я, раскраснѣлась моя Лиза такъ, что на поди.

— Чтò это онъ вамъ сказалъ? спрашиваю.

— Ничего.

— Однако жь...

— Такъ, пустяки!

— Развѣ секретъ?

— Ахъ, какой секретъ? говоритъ:—ничего, такъ... глупость! Сказалъ, что у меня глаза хорошіе.

— Только?

— Да, только.

Ну, только, такъ только. «Комплиментъ обыкновенный!» думаю: «Лизѣ-то это въ диковину».

Часто этакіе случаи бываютъ, что заходятъ ошибкой квартиру спрашивать... Иной и нарочно; да чтò съ нимъ сдѣлаешь?... Къ

вечеру и забыла я совсѣмъ, что заходилъ этотъ господинъ. И помнить разумѣется не стоило.

Только по утру на другой день подхожу къ окну — глядь, въ домѣ насупротивъ ставни открыты (гдѣ учителя-то квартира была), и нашъ франтъ вчерашній стоитъ у окошка, въ архалучкѣ какомъ-то пестренькомъ, въ вязаной бисерной ермолкѣ, покручиваетъ себѣ усы да покуриваетъ трубочку.

Признаюсь, очень я удивилась. Думаю , еще кланяться пожалуй станетъ, какъ старый знакомый. Мнѣ-то что̀, а за Лизу побаивалась. Сконфузитъ, думаю, дѣвушку совсѣмъ; да и тетка-то расходится такъ, что не унять.

Онъ однакожь не показалъ и виду , что невзначай познакомился съ нами наканунѣ. Понравилось мнѣ это; похвалила я его въ душѣ.

Вечеромъ приходитъ ко мнѣ Лиза, и веселая такая.

— Видѣли ? говоритъ.

— Что̀ такое ?

— Да капитанъ-то...

— Какой капитанъ ?

— А что̀ вчера квартиру смотрѣть приходилъ.

— Да почему вы знаете, что онъ капитанъ ?

— Тетенька, говоритъ, ужь все развѣдала.

— Ну такъ что̀ же ? говорю:—что̀ видѣть-то ?

— Да онъ тутъ...

Показываетъ на окно; а сама покраснѣла.

«Фу ты, пропасть!» думаю: «неужто онъ ей такъ съ перваго разу понравился?»

Потомъ впрочемъ и то сообразила: не видала никого дѣвушка, никто и слова ей никогда не сказалъ изъ мужчинъ... Не удивительно!... И пора же ея такая, самая для этого пора.

Гляжу , и Аглаиду Петровну новый сосѣдъ заинтересовалъ. Только и знала, что по гостямъ рыскать; а тутъ сдѣлалась домосѣдкой. Между тѣмъ съ утра наряжается словно въ гости. Бархатки къ косѣ пришпиливаетъ; шарфики пестренькіе въ ходъ пошли, воротнички разные шитые... И все у окна сидитъ, все у окна. Вечера тутъ наступили свѣтлые: весна на дворѣ И по вечерамъ дома. Лизѣ ко мнѣ и заглянуть нельзя; только въ сѣняхъ какъ нибудь встрѣтимся, перекинемся словечкомъ, другимъ. Зашла къ

нимъ какъ-то... Аглаида Петровна говоритъ, говоритъ со мной, да нѣтъ-нѣтъ и закинетъ глаза черезъ улицу.

А у капитана этого дѣла, видно, по уши было. Съ утра трубку куритъ да посвистываетъ.

Зимнія-то рамы у него выставили — рѣшительно все въ квартирѣ видно. Убрана ничего, не дурно: зеркала два, диванчикъ мягкій, столъ передъ нимъ, шитой салфеткой покрытъ. Чай вечеромъ станетъ пить у окна—рому бутылка. Видно, что безъ нужды человѣкъ живетъ, хоть и достатку особеннаго незамѣтно.

Проходитъ такъ день, другой. Лиза моя, смотрю, въ тревогѣ какой-то; допросить же ее возможности нѣтъ: Аглаида Петровна почти на шагъ не отпускаетъ изъ горницы. И ворчитъ безъумолку. Къ окошку, бѣдная, и шагнуть не смѣетъ.

— Чего, кричитъ, не видала на улицѣ?...

Или:

— Кому себя показывать изволите? Чтò и говорить: извѣстная красавица! Всѣ это знаютъ.

Потомъ стала и подозрѣнье показывать...

— Ужь вы что-то очень часто ныньче къ окошку лѣзете! говоритъ:—нѣтъ ли у васъ тамъ фиглей-миглей съ кѣмъ?

Лиза, какъ смирная этакая дѣвушка, робкая, только отойдетъ отъ брани, сядетъ подальше. Иной разъ и слезы на глазахъ, а старается не плакать—удерживается. Потому, еще больше содому выйдетъ.

Пошла какъ-то ко всенощной Аглаида Петровна, прибѣгаетъ Лиза ко мнѣ.

— Ну, слава Богу! говоритъ.—Насилу-то я отъ надзору избавилась: можно мнѣ поговорить съ вами на свободѣ.

А сама тотчасъ къ окну. Стала, впрочемъ, съ боку, чтобъ ея не видно было. Смотритъ...

Капитанъ нашъ тутъ какъ тутъ, словно на часахъ. И вдругъ новость: снимаетъ со стѣны гитару (я и не замѣчала, что у него гитара есть), начинаетъ бренчать, и запѣлъ: «Среди долины ровныя»...

Лиза моя вдругъ въ слезы.

Я къ ней:

— Лизынька, чтò съ вами?

Отводитъ мои руки, сама не перестаетъ плакать. Да вѣдь какъ-съ? Просто, на взрыдъ.

— Вы хоть отъ окна-то, говорю, отойдите? замѣтитъ неравно.

Усадила ее на диванъ.

— Что̀ это, говорю, съ вами?

Пересталъ нашъ пѣвецъ. Какъ будто Лиза и поуспокоилась немножко.

— Ахъ, говоритъ, какой у него голосъ!

— Не дуренъ, говорю.

— За самое сердце беретъ.

И опять было плакать.

— Да полноте вы, утѣшаю я ее.—Есть объ чемъ!

— Ахъ, отвѣчаетъ мнѣ она:—вы ничего не знаете, Марья Павловна.

Сама схватила меня за руки, и начинаетъ жать.

Я, признаюсь, и струхнула немножко.

— Что̀? что̀ такое? спрашиваю.

— Марья Павловна, голубушка! говоритъ:—вѣдь я его очень люблю.

— Ахъ, Лиза! отвѣчаю я:—какія глупости, мой другъ! Видѣли вы его всего одинъ разъ; ни словечка даже не сказали съ нимъ... Такъ только кажется вамъ. Какая любовь!

Понурилась моя Лиза.

Поднимаетъ потомъ голову, говоритъ:

— Нѣтъ, не кажется, Марья Павловна; а точно я его люблю. — Вѣдь надо же, говоритъ, любить кого нибудь? А я до сихъ поръ никого не любила.

— Такъ, отвѣчаю ей на это: — что̀ и говорить? Безъ любви вѣку не проживешь. Да отчего же, говорю, непремѣнно вотъ его полюбить?

— А отчего же, отвѣчаетъ, непремѣнно не его?

Резонно отвѣтила. Не знала я, что̀ и сказать на это.

— И почему жь его не любить? говоритъ:—чѣмъ онъ дурной человѣкъ?

— Такъ-то, такъ, Лизынька, отвѣчаю:—любить сердцу не запретишь. Да почему вы знаете, что человѣкъ-то хорошій? И притомъ васъ-то полюбитъ ли онъ? Можетъ быть вы ему и не нравитесь вовсе.

— А что мнѣ говорилъ-то?

— Э-эхъ, мало вы свѣту видали! Что глаза-то ваши похвалилъ? Такъ это ужь всѣ мужчины такіе: ничего имъ не стоитъ миндальничать.

Опять было задумалась Лиза; потомъ спрашиваетъ:

— А зачѣмъ супротивъ насъ квартиру нанялъ?

— Такъ пришлось, говорю.

— А зачѣмъ къ намъ все на окна смотритъ?

— Ахъ, говорю, какія вы странныя, Лизынька! Дѣла у человѣка никакого нѣтъ, только и знаетъ трубку свою сосать... Куда жь и глядѣть-то, какъ не въ окошко? Не на потолокъ же!

Нисколько, однако, не убѣдила Лизу своими словами. Твердитъ одно: «Люблю» да «Люблю».

Даже жалко мнѣ ее стало.

«Что», думаю, «изо всего этого выйдетъ? Мало что-то на доброе надежды».

Стала я съ этого времени замѣчать за сосѣдомъ: есть ли съ его стороны какое вниманіе? Точно, сидитъ день-деньской у окна, и съ хозяйкиныхъ окошекъ глазъ не сводитъ. Ничего однакожь особеннаго не замѣчаю... И трудно, по правдѣ сказать! Кабы Лиза еще одна жила; а то онъ ея пожалуй и не видитъ... Одна Аглаида Петровна передъ окошкомъ торчитъ.

И вѣдь этакая глупость! Можете себѣ представить—вообразила, что капитанъ въ нее до безумія влюбленъ, и на нее по цѣлымъ днямъ любуется. Вотъ ужь подлинно въ правду говорится, что въ эти года—извините за выраженіе—бѣсово ребро въ человѣкѣ играетъ. Тотъ поетъ тамъ, съ гитарой:

«Кольцо души дѣвицы
Я въ море уронилъ...»

А она думаетъ съ дуру, что это къ ней относится.

За Лизой же ничего не замѣчаетъ; между тѣмъ та совсѣмъ сама не своя.

Какъ встрѣтится со мной, начнетъ обнимать меня, цѣловать, разказываетъ, что ночей не спитъ. Точно, похудѣла даже, бѣдненькая, въ эти дни.

«Не шуточное это дѣло!» думаю..

А какъ устроить, ума не приложу. Однажды... вечеръ удался

такой, что Лиза могла ко мнѣ... засидѣлась у меня долго какъ-то, и не слыхала, какъ пришла домой Аглаида Петровна.

То-то пыль столбомъ поднялась!

У насъ дверь въ ихъ комнаты только столикомъ была заставлена: все, что̀ тамъ ни говорится, до слова слышно.

— Гдѣ, раскричалась Аглаида Петровна, гдѣ изволила пропадать?

Та отвѣчаетъ:

— У Марьи Павловны.

— Врешь!

— Спросите у нея, говоритъ.

— И спрашивать не хочу; знаю, какъ ты къ Марьѣ Павловнѣ ходишь! За воротами у тебя Марья Павловна. Прохожихъ плѣнять! Ахъ, говоритъ, безстыдные глаза, безстыдные!

— Да я же вамъ говорю, отвѣчаетъ Лиза:—спросите Марью Павловну!

— А кого капитанъ у воротъ дожидался?

Лиза въ слезы. Пошла я на выручку. Уладила кой какъ: знаю, ни на минутку дѣвушка отъ меня не выходила.

Ну, какъ вы думаете? вѣдь, кажется, пустяки были сказаны; а это и запади Лизѣ въ голову.

Говоритъ мнѣ какъ-то:

— Что̀? не моя правда?

Я съ разу-то и не поняла.

— Что́, какая правда?

— А то, что онъ, говоритъ, меня любитъ, любитъ. Ужь въ этомъ теперь никто меня не разувѣритъ.

— Да отчего вы это думаете?

— А кого, говоритъ, у воротъ онъ дожидался? тетеньку, небось, скажете?

— Тетеньку не тетеньку, да можетъ, и не васъ. Мало ли кого могъ дожидаться! Не только свѣту, что̀ въ окошкѣ. Да и что́ ему дожидаться? говорю:—видитъ, я думаю, что вы никогда ни шагу изъ дому...

И слушать не хочетъ.

Наконецъ говорю ей:

— Кабы онъ точно васъ любилъ, и честныя у него намѣренія были, нечего бы ему, какъ вору, по ночамъ, передъ домомъ шлять-

ся, или въ окно васъ высматривать... Пришелъ бы, познакомился, и дѣло съ концомъ. Хорошее нечего крадучись дѣлать. Только злые люди потемки любятъ.

Никакихъ резоновъ не принимаетъ; чуть еще не разсердилась.

Тутъ же, на дняхъ, какъ-то, вижу, сосѣдъ нашъ раскланивается черезъ улицу; ермолку свою за кисточку приподнялъ; лице этакое умильное; улыбается.

Я къ Лизѣ... Аглаиды Петровны опять дома не случилось.

— Вотъ ужь, говорю, какъ у васъ! раскланиваться начали...

— Чтó жь въ этомъ дурнаго? отвѣчаетъ:—даже вѣжливость того требуетъ. Поклонился человѣкъ, не отвернуться же.

— Я только для того сказала, говорю,—что боюсь, какъ бы вамъ отъ Аглаиды Петровны не досталось за это.

— Не увидитъ Аглаида Петровна.

Ну, не увидитъ.

— Послушайте, говорю, Лизынька! все я хоть немного да постарше васъ... Примите мой совѣтъ!.. Вы мужчинъ вовсе не знаете. Въ этихъ дѣлахъ они самый лукавый народъ. Дай имъ шагъ сдѣлать, они и два сдѣлаютъ. Разъ ему поклонись, онъ въ другой разъ, пожалуй, и ручкой...

Не дала мнѣ и говорить.

— Ахъ, Марья Павловна! чтó же мнѣ дѣлать, говоритъ, коли я его больше всего на свѣтѣ люблю?

Чтò ей на это скажешь?

Думаю только: обойдется какъ нибудь дѣло; попривыкнетъ она что ли; угомонится немножко. Приходило мнѣ даже на мысль подослать къ капитану моего Кирилу Иваныча, чтобы познакомился, да поразвѣдалъ, чтò онъ и какъ. Да, во первыхъ, Кирила Иванычъ былъ у меня такой мямля, покойникъ, не тѣмъ будь помянутъ! что, думаю, толку никакого не добьешься. Притомъ и капитанъ-то можетъ пожалуй поступокъ нашъ по своему объяснить. Скажетъ: завлекаемъ его, обойдти хотимъ. Бываетъ, что и этакъ жениховъ ловятъ.

Предоставила все волѣ Божіей.

Начались у нихъ эти поклоны да улыбки очень часто. Аглаида Петровна увидала, знать, что на нее сосѣдъ никакого вниманія не обращаетъ, опять принялась по гостямъ расхаживать. А нашимъ голубкамъ это и съ руки. Тотъ, какъ видитъ, что Лиза од-

на, сдвинетъ ермолку на ухо, сядетъ противъ окна со своей гитарой, и начнетъ завывать либо:

«Конченъ, конченъ дальній путь,
Вижу край родимый»...

либо былъ какой-то романсъ, что

«Слеза повисла на рѣсницѣ
И канула въ бокалъ».

Глаза закатитъ, что одни бѣлки видно; голосъ этакой дикій... Думаю, испивалъ... Хорошо еще, что переулокъ-то не людный, когда-когда кто пройдетъ. А то что́ бы сказали?

Разъ, замѣчаю, точно, какъ и предсказывала я, посылаетъ Лизѣ поцѣлуй по воздуху.

Опять таки я не вытерпѣла: начала говорить ей. Только все понапрасну. Какъ къ стѣнѣ горохъ. Напротивъ, рада еще... Разумѣется, шалость; но что́ же изъ этой шалости вышло?

Вскорѣ какъ-то это случилось... Въ самую ту минуту, какъ завели они изъ окна въ окно этакой разговоръ, какъ вотъ глухонѣмые объясняются, и воротись домой Аглаида Петровна. Никто ея не ждалъ, не гадалъ; вошла потихоньку.

Слышу, разразилась гроза. Пошелъ дымъ коромысломъ!

— Вотъ ты какова! кричитъ: — вотъ какова! Любовниками успѣла обзавестись! Давно пора!

И окошко захлопнула, чтобы погромче кричать, на улицѣ бы не слыхали.

— Не даромъ, говоритъ, замѣчала, что ты притихла нынче особенно какъ-то... Изподтишки, видно, да за еловыя шишки? Ахъ ты, тварь безсовѣстная!

И пошла, и пошла! Какими словами обзывала дѣвушку, даже вспомнить совѣстно.

А этотъ дуракъ расположился у окна, да на всю улицу оретъ пѣсню какую-то:

«Я жду тебя!..»

Аглаида Петровна еще пуще взбѣсилась.

— Слышишь? говоритъ: ждетъ тебя ненаглядный-то твой! Что́ же сидишь? Бѣги къ нему, къ своему сокровищу! Кинься ему въ объятія! Давно, чай, не видались... со вчерашняго вечера.

Такъ вотъ и рѣжетъ, такъ и рѣжетъ.

А тотъ горлопанъ заливается со своей гитарой:

«Я жду тебя!..»

Такъ по струнамъ и колотитъ, того и гляди, полопаются.

Тутъ же собаченка пристала Аглаиды Петровны любимая, Розкой звали, тявкуша этакая несносная. Какъ, бывало, Аглаида Петровна кричать, Розка эта лаять. Какъ барыня въ азартъ входитъ, такъ и она.

Такой поднялся содомъ! Пѣнье это, лай, Аглаида-то Петровна на весь домъ голоситъ, совсѣмъ жидовская школа! Только и остается, что уши заткнуть.

Лиза прежде, бывало, хоть слово поперекъ скажетъ; а тутъ молчитъ, точно и нѣтъ ея. Аглаиду Петровну это еще больше бѣситъ.

Прокричала до поздней ночи. И не думайте, чтобы для Лизиной пользы—изъ ревности, главное: какъ не на нее самое вниманіе обратили! Она бы первая кажется готова на шею повѣситься. И то очень хорошо знала, что между племянницей и капитаномъ никакого знакомства не было, кромѣ, что въ окошко кланяются; а взвела на Лизу и невѣсть что.

На другой день та же исторія, съ самаго утра. Откуда только словъ набираетъ! И все безпрестанно слышишь: «любовникъ» да «любовникъ». Слушать противно. И усталости не знаетъ.

Я все жду, вымолвитъ Лиза хоть словечко: никакой за дѣвушкой большой вины нѣтъ... Кажется могла бы отвѣтить. Замолчать не заставишь, а все поприсмирѣетъ немножко... Чтó жь это въ самомъ дѣлѣ?

Такъ нѣтъ-съ! ни гу-гу... словно все, чтò ей тетка ни вычитываетъ, всякую небывальщину, все сущая правда.

И хоть бы плакала! Не слышно и этого.

Пилила ее такимъ образомъ Аглаида Петровна дня два безъ отдыху, можно сказать.

На третій, къ вечеру, приходитъ Лиза ко мнѣ. Смотрю, лица на дѣвушкѣ нѣтъ—блѣдная, какъ смерть, подъ глазами черно... Видно, что и не спитъ совсѣмъ... точно убитая какая.

Спрашиваетъ меня:

— Слышали?

— Какъ же! говорю. Да вы-то чтò же молчите?

— А чтó мнѣ говорить? отвѣчаетъ.

И подаетъ мнѣ бумажку какую-то.

— Это что?

— Посмотрите!

Развернула я. Записка. Пишетъ: «Страдаю, влюбленъ», и назначаетъ свиданіе. Какъ только съумѣлъ записку переслать! удивленіе!

— Зачѣмъ это вы мнѣ показываете? спрашиваю.

— Такъ, говоритъ.

— Что же? отвѣчать хотите?

Она засмѣялась.

— Чего, говоритъ, отвѣчать? Сама пойду.

Я такъ и всплеснула руками.

— Лизынька! говорю:—что́ вы это?

А она все смѣется.

— Пусть, говоритъ, хоть не даромъ любовникомъ называютъ!

Я было уговаривать ее начала, представляю ей разные резоны, доказываю, что изъ этого ничего хорошаго не выйдетъ. Смѣется себѣ, и только!

— Пусть хоть правда будетъ! говоритъ,—а не напраслина!

Странная какая-то. Смотритъ все либо въ сторону, либо въ потолокъ.

Я думаю: «пусть себѣ не слушаетъ!» Все таки говорю... «Теперь», думаю... «не хочетъ моихъ совѣтовъ принимать, такъ хоть послѣ придутъ ей въ голову. Авось, не доведетъ себя до погибели». Продолжаю...

Посидѣла она; ушла. Я все утѣшаю себя, что одумается.

На другое утро ранехонько подняла меня Аглаида Петровна.

— Бѣжала вѣдь, говоритъ, сокровище-то мое!.. Какова! точно, правда это, что въ тихомъ омутѣ черти водятся!

Я было вздумала ей доказывать, что она сама виновата... Да потомъ ужь и не рада была. Накинулась она и на меня.

— И вы, кричитъ, съ ней за одно! Погодите! Я со всѣми раздѣлаюсь. Сейчасъ же, говоритъ, отправлюсь въ полицію, объявлю.

— Полноте, Аглаида Петровна, начала я ее убѣждать: себѣ же вы хуже сдѣлаете. Можетъ ли что̀ быть непріятнѣе огласки?.. Подождите!.. Вѣрно, Лиза возвратится.

Уговорила наконецъ.

Глядь-поглядь, къ вечеру насупротивъ опять ставни закрыты, опять квартира отдается.

Аглаида Петровна сначала побѣсилась дня два, а потомъ какъ ничего и не бывало... Я думаю, даже рада была, что избавилась отъ племянницы.

Очень меня занимало, что̀ сдѣлалось съ Лизой; да узнать-то было не отъ кого.

Годъ ужь спустя, передъ самымъ почти переѣздомъ нашимъ съ Петербургской, приходитъ какъ-то ко мнѣ Аглаида Петровна.

Слово за слово.

— А вѣдь капитанъ-то, говоритъ, надулъ.

Сердце у меня перевернулось.

— Какъ такъ? спрашиваю.

— Да такъ, говоритъ:—обѣщалъ жениться. Водилъ всеводилъ, да и улизнулъ куда-то.

— Боже мой!

Даже слезы у меня изъ глазъ.

— Какъ же она теперь?

— Осталась, говоритъ, ни при чемъ.

А у самой улыбка этакая самодовольная. Наплевала бы кажется ей въ лицо.

— Да не бойтесь, говоритъ, за нее! Не пропадетъ!

И изъ-за чего это вышло? Изъ-за слова напраснаго. Не попрекай дѣвушку даромъ каждую минуту, развѣ бы это случилось?

Выслушавъ разказъ Марьи Павловны, я замѣтилъ ей, что не одна же напраслина, взведенная Аглаидой Петровной на Лизу, была причиной погибели дѣвушки.

— Оно точно, какъ разобрать хорошенько, отвѣчала Марья Павловна, можетъ все ужь такъ одно къ одному подошло. Къ слову мнѣ только пришлось разказать.

Потомъ, помолчавъ, Марья Павловна прибавила:

— Знаете, я думаю тоже отъ необразованія это.

Мих. Михайловъ.

РАМАЗАНЪ ВЪ СУЛТАНСКОМЪ ДВОРЦѢ И БЕЙРАМЪ

Пока столица Оттоманской имперіи моется, чистится и наряжается къ бейраму, посмотримъ что̀ дѣлается въ постъ во дворцѣ повелителя двухъ материковъ.

Въ самой серединѣ рамазана (15 числа) совершается торжественный обрядъ цѣлованія мантіи мусульманскаго пророка, хранящейся въ Старомъ дворцѣ. Эта мантія перешла черезъ нѣсколько рукъ, пока досталась Османовой династіи: блаженной памяти Мухаммедъ пожаловалъ однажды съ своихъ плечъ, въ порывѣ удовольствія, черный шерстяной плащъ, одному изъ поэтовъ, воспѣвшему такъ геній арабскаго реформатора: «Пророкъ есть мечъ, разсыпающій всюду искры: это мечъ, изогнутый по индѣйски, извлеченный изъ ноженъ самимъ Богомъ». Халифъ Моавія на вѣсъ золота купилъ у наслѣдниковъ поэта этотъ плащъ, перешедшій потомъ къ аббасидскимъ халифамъ, далѣе въ Каиръ и отсюда наконецъ въ Стамбулъ, вмѣстѣ съ знаменемъ пророка. Какъ предметъ особенной святости, плащъ, называемый «Хирке-и-шерифъ» (священная мантія), хранится на третьемъ дворѣ стараго сераля, въ залѣ эриванскаго кіоска, извѣстной подъ именемъ «Хирке-и-шерифъ одаси» (комната священной мантіи). Во время обзора стамбульскихъ достопримѣчательностей, я имѣлъ случай проходить по галлереѣ этого павильона, но видѣть ничего не могъ, потому что окна были изнутри закрыты, какъ и слѣдовало ожидать.

Зала, въ которой лежитъ священная мантія, завѣшена снаружи планами Мекки, Медины и Каабы, въ большомъ и маломъ размѣрахъ, турецкой работы; внутри она покрыта черною матеріей, по которой вышиты стихи Алкурана; въ центрѣ стоятъ, въ равномъ разстояніи

отъ стѣнъ, два ящика: въ одномъ хранится мантія, а въ другомъ знамя; есть здѣсь въ нишѣ въ стѣнѣ и другія вещи, принадлежавшія пророку. Вокругъ сундуковъ стоятъ два золотыхъ и четыре серебряныхъ большихъ шандала, а съ потолка висятъ четыре серебряныя лампы, зажигаемыя по ночамъ, равно какъ одинъ золотой и два серебряныхъ шандала; по понедѣльникамъ и пятницамъ, въ память зачатія и рожденія Мухаммеда, дежурятъ здѣсь, съ солнечнаго заката, два придворныхъ пажа. Мантія обернута въ сорокъ «богче» (чехловъ), изъ самыхъ дорогихъ матерій. Павиліонъ, въ которомъ хранятся Мухаммедовы вещи, пользуется уваженіемъ едва-ли не больше мечетей, и султаны не рѣдко уединяются сюда на совершеніе намаза: тогда зажигаются здѣсь всѣ свѣчи и лампы, и въ серебряной курильницѣ пылаютъ амбра и алой. Особенно украшеніемъ этого павильона занимался султанъ Махмудъ I, употребившій 78,000 серебряныхъ драхмъ на устройство новыхъ сундуковъ и болѣе 20,000 на отдѣлку самой залы.

Исламъ, подобно другимъ религіямъ, подвергся позднѣйшимъ измѣненіямъ и прибавленіямъ: къ числу ихъ принадлежитъ и обрядъ цѣлованія мантіи Мухаммеда, въ 15 день поста, соблюдаемый только въ Константинополѣ. Несмотря на дурную погоду, въ тотъ рамазанъ, который мнѣ довелось провести въ Стамбулѣ, султанъ пріѣхалъ изъ осенней резиденціи своей въ Бешикъ-Таши въ Старый дворецъ, куда собрались всѣ сановники имперіи, духовные, военные и гражданскіе, муфти, великій везиръ, министры и проч. Съ молитвами и особеннымъ благоговѣніемъ развернули изъ сорока покрововъ мантію, и тогда султанъ первый приложился къ ней, послѣ чего отошелъ на свое мѣсто, гдѣ и оставался, стоя во все время, какъ сановники одинъ за другимъ цѣловали край мантіи. Великимъ уваженіемъ окружена эта мантія, когда передъ ней стоитъ владыка Оттоманской державы, самъ халифъ мусульманскаго міра. За обрядомъ лобызанія наблюдаетъ оберъ-церемоніймейстеръ, вооруженный булавою или жезломъ, и разумѣется здѣсь, въ священной молельнѣ, тоже не забыто различіе чиновъ: полковникъ не смѣетъ цѣловать мантію раньше генерала. Одинъ изъ султанскихъ придворныхъ отираетъ мантію кисейнымъ платкомъ послѣ каждаго поцѣлуя, и потомъ подаетъ этотъ платокъ лобызающему: такимъ образомъ раздается масса платковъ, заранѣе приготовленныхъ.

Когда всѣ предшествующіе поочередно исполнятъ обрядъ цѣлованія, муфти и глава эмировъ бережно опускаютъ эту часть мантіи въ серебряный бассейнъ, наполненный водою, и съ должною осторожностію слегка полощутъ кусокъ въ водѣ. По омытіи, мантія опять за

вертывается въ сорокъ покрововъ и уже не открывается до будущаго рамазана. Султанъ возвращается, съ громомъ пушечныхъ выстрѣловъ, во дворецъ въ Долма-бокче, и всѣ сановники разъѣзжаются по домамъ.

Само собою разумѣется, что вода, въ которой полоскали мантію, стала съ этого момента священною и получила титулъ «аб-и-хирке-и-шерифъ» (вода священной мантіи). Обитательницы султанскаго харема, вѣчныя затворницы, получаютъ теперь свою долю удовольствія, очень рѣдко имъ выпадающаго: онѣ разливаютъ священную воду въ безчисленное множество пузырьковъ, которые печатаетъ начальникъ евнуховъ, «дару-ссеадетъ-агаси», султанскою печатью и разсылаетъ съ придворными служителями ко всѣмъ присутствовавшимъ при обрядѣ цѣлованія мантіи. Несомнѣнно, что каждый служитель получаетъ «бахшишъ» (подарокъ), а вода въ малыхъ пріемахъ употребляется за столомъ въ остальные дни рамазана, пока не наступитъ бейрамъ: тогда правовѣрныя власти разговляются священною водой, наливши нѣсколько капель ея въ стаканъ съ обыкновенною водой.

Въ тотъ день, какъ подданные султана получаютъ священную воду, самого повелителя Оттомановъ угощаютъ дворцовые пажи двумя питьями: сначала представляютъ на подносѣ нѣсколько длинныхъ пузырьковъ съ «бухуръ-су и», ароматной водой, составленной съ амброй, алоемъ и другими благовоніями, а потомъ другіе пажи подносятъ апрѣльскую воду, то есть, воду перваго дождя въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, которой приписывается цѣлебное свойство и которая нарочно собирается въ фарфоровыя вазы, поставленныя на кровлѣ. Если въ апрѣлѣ дождь не случится, то смѣтливые пажи имѣютъ въ запасѣ апрѣльскую воду отъ прошлаго года, къ чему побуждаетъ ихъ собственный интересъ, потому что султанъ, подобно своимъ подданнымъ, платитъ очень дорого за каждое приношеніе. Съ прискорбіемъ однако правовѣрные замѣчаютъ, что съ каждымъ годомъ величина бахшиша уменьшается, и неизвѣстно, когда кончится это постепенное, но вѣрное паденіе бахшишей...

Въ остальные дни рамазана во дворцѣ ничего особеннаго не происходитъ.

Въ три послѣдніе дня поста Стамбулъ занялся приготовленіемъ къ празднику: дома чистятся, моются, женщины шьютъ себѣ обновы изъ матерій, накупленныхъ въ теченіе рамазана, базары пусты, въ городѣ ночью и днемъ тишина; въ Золотомъ Рогѣ являются откуда-то военные турецкіе корабли, впрочемъ не больше трехъ. Наканунѣ бейрама эти корабли и пароходы османскіе для бо̀льшаго эффекта вывѣшиваютъ всѣ свои сигнальные флаги, и въ три часа по полудни пушеч-

ные выстрѣлы возвѣщаютъ преддверіе бейрама. Все пожилое народонаселеніе предается радостной мысли, что постъ конченъ, но молодежь жалѣетъ о карагёзахъ и меддахахъ и даетъ себѣ обѣщаніе ужъ не такъ повеселиться въ будущій рамазанъ. Никто не выноситъ изъ поста ровно ничего, кромѣ воспоминанія о тяжелыхъ дняхъ и пріятныхъ ночахъ: въ будущемъ же длинная перспектива обыденной жизни до новаго поста, прерывающаго однообразіе мусульманскаго существованія.

Ночь наканунѣ бейрама имѣетъ особенное значеніе во дворцѣ падишаха: въ прежнее время султанъ удостоивалъ проводить часть этой ночи въ одной изъ залъ дворцовыхъ офицеровъ, гдѣ смотрѣлъ на игры пажей и слушалъ мудрые трактаты мусульманской морали; нынѣ падишахъ лишь молится въ своей молельнѣ, потомъ облачается въ парадное платье, принимаетъ поздравленія дворцовыхъ обитателей и наконецъ шествуетъ въ тронную залу, гдѣ застаетъ его бейрамъ.

Что́ такое бейрамъ и зачѣмъ онъ установленъ? Подобно тому, какъ въ концѣ періода ставится точка, такъ и Мухаммеду въ концѣ поста нуженъ былъ праздникъ—и вотъ явился бейрамъ. Самое названіе этого праздника по арабски «ид-уль-фитръ», разговѣнье, показываетъ, что здѣсь не было никакой идеи, кромѣ удовольствія по окончаніи поста. Избѣгая символовъ, прообразованій, возстановляя простоту, арабскій реформаторъ не могъ однако возвыситься до азіятскаго протестантизма, и поэтому, жертвуя наружности содержаніемъ, учредилъ постъ, хотя и нелѣпый, по крайней мѣрѣ на свой образецъ, и заключилъ его праздникомъ. И какъ въ самомъ дѣлѣ не веселиться мусульманину послѣ этого религіознаго tour de force, носящаго названіе рамазана?... Однако въ первое время ислама было не то: рамазанъ, священный мѣсяцъ, составлялъ мѣсяцъ покоя, во все теченіе котораго прекращалась религіозная война, мусульманинъ оставлялъ свою кровавую проповѣдь, и иновѣрные собратія его по человѣчеству отдыхали отъ преслѣдованія мусульманскаго. Съ бейрамомъ снова являлся свирѣпый послѣдователь Мухаммеда на всемірную проповѣдь ислама мечемъ и огнемъ, и праздникъ служилъ сигналомъ возобновленія кровопролитій. Впрочемъ бейрамъ или правильнѣе ид-уль-фитръ въ первое время ислама отправлялся безъ всякаго особеннаго торжества, и Стамбулъ празднуетъ его нынѣ уже по позднѣйшей программѣ; въ Алкуранѣ этотъ праздникъ даже и не упоминается.

Въ настоящее время и рамазанъ и бейрамъ утратили первобытное значеніе свое: рѣдкій мусульманинъ вспоминаетъ о священной войнѣ противу невѣрныхъ, и бейрамъ есть только религіозный празд-

никъ. Въ этомъ значеніи весь интересъ его сосредоточивается на султанѣ, какъ на духовной главѣ мусульманскаго міра, и празднество бейрама открывается прежде всего у султана.

За два часа до солнечнаго восхода всѣ почетные сановники имперіи стекаются въ Старый дворецъ, гдѣ каждый занимаетъ соотвѣтствующее его званію мѣсто; при этомъ, разумѣется, происходитъ толкотня, шумъ и споры, особенно въ свитахъ, сопровождающихъ сановниковъ. Съ солнечнымъ восходомъ всѣ присутствующіе совершаютъ соборную молитву подъ руководствомъ имама Софійской мечети, послѣ чего начинается поздравленіе съ праздникомъ, «мю'аіедэ», а потомъ торжественное шествіе султана на праздничное моленіе въ Ахмедову мечеть. Для того, чтобы видѣть эту замѣчательную процессію, я отправился въ Стамбулъ съ «ясакчи», посольскимъ жандармомъ, до разсвѣта, въ лавку близь Ая-Софія, нанятую на этотъ случай еще наканунѣ за 25 піастровъ: прибавлю, что, не смотря на полное право владѣнія этой лавкой, я былъ бы оттѣсненъ турецкою полиціей, еслибъ со мною не было ясакчи. Такъ-то надобно быть осторожну съ турецкими властями!

Ахмедова мечеть, красующаяся шестью минаретами, предпочитается османскими владыками для всѣхъ духовныхъ торжествъ потому, что передъ ней находится обширный ипподромъ, способный принять массу народа и войскъ, и еще потому, что она находится не въ дальнемъ разстояніи отъ дворца. Въ прежнее время, когда дворъ оттоманскаго падишаха состоялъ изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, когда господствовала азіятская пышность и разнообразіе костюмовъ, султанская процессія отличалась необыкновеннымъ великолѣпіемъ; въ настоящее время это убогое, сравнительно съ азіятской идеей о султанскомъ величіи, шествіе происходитъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Отъ дверей аудіенцъ-залы въ Старомъ дворцѣ до Ахмедовой мечети стоятъ по обѣимъ сторонамъ дороги гвардейскіе и морскіе солдаты, всѣ въ полной формѣ, съ выпущенными маншетами: внимательный зритель усмотрѣлъ бы, что у этихъ франтовъ мундиры сзади не рѣдко разорваны, но за то спереди форма соблюдена, въ утѣшеніе взорамъ падишаха. Мѣстами были между солдатами интервалы, какъ будто у великаго повелителя двухъ материковъ не достало гвардіи и на короткую линію отъ дворца до Ахмедовой мечети. При солдатахъ находилась и военная музыка, отличающая бейрамъ отъ коронаціи. Въ семь часовъ восклицанія войскъ: «падишахъ аминъ» (да здравствуетъ императоръ) возвѣстили султанскій выходъ.

Впереди вели девять султанскихъ лошадей подъ-устцы, одну за другой; головы этихъ гордыхъ и великолѣпныхъ коней были убраны

страусовыми перьями, узды покрыты серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными камнями; на спинахъ коней красовались турецкія шитыя сѣдла съ длинными чапраками. Прежде клали на нихъ еще щиты, «калканъ», унизанные драгоцѣнными камнями.

Потомъ ѣхали верхомъ на статныхъ коняхъ, по два въ рядъ одни за другими, генералы и паши, сановники по всѣмъ вѣдомствамъ первыхъ двухъ классовъ; за ними тянулись гусемъ по одиночкѣ министры: шествіе этого отряда заключалъ «садръ-а'земъ», великій везиръ. Всѣ сановники жались въ узкой европейской венгеркѣ, съ вышитой грудью, и въ красныхъ фесахъ на головѣ. Церемоніялъ шествія опредѣленъ государственною газетою, которая считаетъ въ этомъ отдѣленіи двадцать одного сановника.

Далѣе были ведены четыре султанскія лошади, ничѣмъ не отличавшіяся отъ переднихъ.

Потомъ шли по краямъ дороги пятнадцать штабъ-офицеровъ, гусемъ, на каждой сторонѣ: они замѣнили прежнихъ «солаковъ». Между ними въ срединѣ шли дворцовые гвардейцы, «пейкъ» (алебардщики), подражаніе византійскимъ, тридцать человѣкъ, въ турецкихъ темнозеленыхъ мундирахъ, съ оригинальными киверами на головахъ, единственнымъ уцѣлѣвшимъ остаткомъ старинной нарядности: на киверахъ блистаетъ спереди бриліянтовый полумѣсяцъ съ звѣздой; а вмѣсто султана воткнуто страусовое большое перо, загнутое назадъ, или пучокъ небольшихъ перьевъ этой же птицы. Нѣкоторые изъ дворцовыхъ стражей были вооружены сѣкирами, «теберъ». Среди этой стражи ѣхалъ верхомъ султанъ, блѣдный и некрасивый, изнуренный постомъ: на немъ былъ сверхъ низама накинутъ плащъ, а на головѣ надѣтъ фесъ. Усталый взоръ падишаха устремленъ безцѣльно въ пустое пространство; утомленныя руки, которымъ поручены судьбы милліоновъ людей, едва держали поводья. Въ то время Абдулъ-Меджидъ еще не выступалъ на государственное поприще: онъ проводилъ дни и ночи въ харемѣ, предоставляя управленіе любимцу своей матери, Ризѣ-Пашѣ, что̀ нынѣ военный министръ. Въ бейрамной процессіи Абдулъ-Меджидъ былъ истиннымъ идеаломъ мусульманской резигнаціи и апатіи. Гробовое молчаніе народа окружало державца особеннымъ страхомъ, и не смотря на то, что въ узкихъ улицахъ Стамбула Абдулъ-Меджидъ порою проѣзжалъ въ двухъ шагахъ отъ своего подданнаго, несокрушимая высокая стѣна отдѣляла падишаха отъ толпы. Собственно мусульманскій этикетъ воспрещаетъ всякія восклицанія при султанскомъ шествіи: разрѣшены лишь «паменнэ», поклоненія, и дозволяется женщинамъ произносить невольное «машаллахъ» отъ умиленія передъ величіемъ падишаха, или кому нибудь

въ толпѣ шепотомъ произносить желаніе долголѣтія султану. Все здѣсь замкнуто въ строгую форму, нарушеніе которой даже и не приходитъ никогда въ правовѣрную голову. На привѣтствія и поклоненія султанъ отвѣчаетъ лишь легкимъ поворотомъ глазъ въ ту сторону, и только.

Процессію замыкаютъ менѣе важные гражданскіе чиновники, числомъ до восьмидесяти человѣкъ.

Поѣздъ двигается въ глубокомъ молчаніи, проходитъ передъ зрителями подобно тѣнямъ, ни одинъ мускулъ безстрастнаго лица нашей и стражи не трогается, даже самые кони идутъ опустя голову...

Султанъ остается въ мечети около получаса. Можетъ быть нѣкоторые подумаютъ, что по крайней мѣрѣ въ храмѣ молитвы падишахъ оттоманскій нисходитъ на степень обыкновеннаго смертнаго: ничего не бывало. Султанъ входитъ особенною дверью, какъ бы украдкой, въ свою ложу, помѣщающуюся обыкновенно въ переднемъ углу мечети: эта ложа закрыта частыми рѣшетками, которыя раскрываются лишь на нѣсколько минутъ, при входѣ султана, чтобъ показать присутствующимъ особу турецкаго повелителя, а повелителю поклоненіе его подданныхъ. За тѣмъ начинается бейрамное молитвословіе.

Бейрамное моленіе, состоящее изъ намаза двухъ рак'атовъ, отличается тѣмъ, что для него не требуется «эзана» (призыва) съ минаретовъ, и что «хутбэ» читается послѣ моленія, тогда какъ въ обыкновенное время ее произносятъ до молитвы. Такъ какъ исламъ все почерпаетъ изъ арабскаго воззрѣнія на міръ, то и самое время для бейрамной молитвы опредѣлено по арабски, а именно отъ момента, когда солнце поднимается надъ горизонтомъ на одно копье, до момента полуденнаго.

Молитвословіе въ Ахмедовой мечети, гдѣ присутствуетъ султанъ, совершается дворцовымъ первымъ имамомъ; кромѣ того дворцовые муэззины заблаговременно являются въ мечеть для участія въ пѣніи. «Хутбэ», въ которой поминается имя мусульманскаго владыки, что со времени Селима I присвоено османской династіи, заключается слѣдующимъ воззваніемъ:

«О Господи! укрѣпи, одержи и защити раба твоего, величайшаго изъ султановъ, знаменитѣйшаго изъ хакановъ, повелителя Арабовъ и не-Арабовъ, служителя двухъ священныхъ городовъ, султана, сына султана, внука султана, султана Абдуль-Меджида, котораго Вышній Господь да увѣковѣчитъ халифствованіе и да продлитъ на всегда царствованіе и могущество. Аминь.

«О Господи! возвысь возвышающихъ религію и низложи унижающихъ религію (исламъ)! Даруй покровъ свой мусульманскимъ воинамъ, правовѣрному воинству; даждь здравіе, спокойствіе и благоден-

ствіе намъ, паломникамъ, воинамъ, живущимъ на мѣстѣ и путешествующимъ на морѣ и землѣ, и всему народу Мухаммедову».

По окончаніи молитвы султанъ тѣмъ же порядкомъ возвращается въ старый дворецъ, куда между тѣмъ уже прибыли въ каретѣ шейх-уль исламъ (глава духовенства), кази-аскеры (верховные духовные судьи) и улемы. Тогда-то начинается парадное «Мю'аіедэ» (поздравленіе) съ праздникомъ, и лобызаніе султанской одежды, особенная церемонія придворнаго устава. Повелитель Оттоманской имперіи возсѣдаетъ на тронѣ передъ дверями счастія (баб-и-с'эадетъ), на третьемъ дворѣ. Всѣ сановники, въ томъ числѣ и духовенство, занимаютъ соотвѣтственныя мѣста и поочередно подходятъ къ султану на цѣлованіе ноги или платья: турецкій этикетъ чрезвычайно прихотливъ на эту церемонію. Великій везиръ, по двукратномъ поклоненіи, допускается къ лобызанію ноги падишаха; духовенство избавлено отъ поклоненій, они лобызаютъ или одежду султана на груди—это положено самому высшему духовенству, муфти и главѣ эмировъ,—или нижній край одежды—это назначено улемамъ. Государственные чины совершаютъ поклоненіе только по одному разу и лобызаютъ или низъ одежды падишаха—это предписано высшимъ сановникамъ,—или край султанскаго рукава—этимъ ограничиваются меньшіе чины. Каждый знаетъ свое дѣло исправно, и турецкая табель о рангахъ, подъ которую подведено и духовенство, соблюдается здѣсь чрезвычайно строго оберъ-церемоніймейстеромъ, «капуджилеръ-кетхудаси», но бывали историческія нарушенія этикета, сопровождавшіяся несчастіемъ. Такъ съ 1743 года, на цѣлованіе султанской одежды въ бейрамъ, по ошибкѣ оберъ-церемоніймейстера Акифъ-Мухаммедъ-бея, генералы и офицеры джебеджіевъ выступили ранѣе янычарскихъ генераловъ и офицеровъ. Испуганный султанъ Махмудъ приказалъ, по окончаніи церемоніяла, отрубить голову оберъ-церемоніймейстеру и бросить ее у дворцовыхъ воротъ, чтобъ янычарскіе начальники проѣхали по ней, въ удовлетвореніе за нанесенное имъ оскорбленіе, но великій везиръ успѣлъ утишить гнѣвъ султана и янычаръ, и злополучный оберъ-церемоніймейстеръ отдѣлался лишь вѣчной ссылкой на островъ Тенедосъ.

При началѣ и концѣ церемоніи присутствующіе произносятъ «алкишъ», многолѣтіе султану, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Аллахъ юмюрлеръ вирэ падишахъ-эфендимизэ» (Господь да даруетъ многая лѣта господину нашему императору)!

Въ отдаленіи смотрятъ изъ каретъ на эту церемонію султанши и харемный штатъ.

По окончаніи этого церемоніяла, великій везирь ѣдетъ въ Порту, гдѣ принимаетъ поздравленія всѣхъ чиновъ имперіи, которые потомъ отправляются къ шейх-уль-исламу и наконецъ къ сераскеру. Великій везиръ ѣдетъ съ поздравленіемъ къ муфти на другой день бейрама, и муфти обязанъ тотчасъ же отплатить визитъ садр-а'зему. Несмотря на то, что въ послѣднее время состоялось предписаніе, освобождающее отъ офиціяльныхъ визитовъ съ поздравленіями, турецкіе сановники и чиновники такъ привыкли къ церемоніямъ, что не оставляютъ своихъ путешествій по переднимъ.

По случаю праздника, раздаются изъ султанской казны народу деньги.—Въ харемѣ султанскомъ веселятся, какъ умѣютъ.

Какъ же проводитъ праздникъ разговѣнья народъ?

По религіозному уставу, каждый правовѣрный омывается, очищается, умащаетъ себя благовоніями, надѣваетъ новое платье и разговляется передъ бейрамнымъ моленіемъ, слѣдуя примѣру самого Мухаммеда, который съѣдалъ отъ трехъ до семи зрѣлыхъ фиников. Потомъ съ многочисленными «Аллаху-Экберъ», Богъ великъ, произносимыми тихимъ голосомъ, правовѣрный отправляется въ мечеть, на бейрамное моленіе; по выходѣ изъ мечети, правовѣрный долженъ раздавать милостыню, получившую отъ самаго праздника названіе «фитретъ», и привѣтствовать съ праздникомъ другихъ мусульманъ, обнимаясь и касаясь другъ у друга рукъ, при чемъ произносится привѣтствіе: «нечэ сенелерэ», на нѣсколько лѣтъ! Дѣти и юноши цѣлуютъ у старшихъ руки; подчиненные лобызаютъ край одежды у начальствующихъ. Въ Индіи, гдѣ также господствуетъ обычай бахшишей, младшій не смѣетъ явиться къ старшему съ бейрамнымъ поздравленіемъ, безъ какого нибудь приношенія: старшій отдариваетъ почетнымъ платьемъ или чѣмъ другимъ. Собственно ид-ульфитръ долженъ праздноваться одинъ день, но въ Стамбулѣ и въ другихъ мѣстахъ, по позднѣйшему нововведенію, бейрамъ торжествуется въ теченіе трехъ дней. Кромѣ безконечныхъ визитовъ и поздравленій, празднество состоитъ въ слѣдующемъ, не очень-то хитромъ увеселеніи.

Корабли убраны во весь бейрамъ сигнальными флагами и черезъ каждые три, четыре часа утѣшаютъ публику пушечными выстрѣлами, равно какъ и казармы; правовѣрные чувствуютъ себя отмѣнно сильными и могущественными отъ такой траты пороху. На площадяхъ воздвигнуты круглыя, горизонтальныя и вертикальныя, качели, похожія на наши, и сверхъ того качели первобытнаго устройства: длинная палка, вертящаяся на шпилѣ, на которую качающіеся садятся безъ церемоніи верхомъ. Вездѣ устроены лавки для продажи кушаньевъ, шербетовъ и фруктовъ, но всѣ другія лавки и базары закрыты; ко-

фейни убраны и набиты народомъ по праздничному.—Гдѣ нибудь на площади или у мечети промышленникъ показываетъ турецкій раекъ самыхъ лубочныхъ картинокъ, при видѣ которыхъ любознательные мальчишки съ восторгомъ кричатъ: «хеписи мевджудъ-дуръ» (все какъ наяву); въ другомъ мѣстѣ изобрѣтательный райя показываетъ за пять паръ (денежекъ) птицу бабу, и т. п. Никакихъ болѣе интересныхъ зрѣлищъ не дается. Участіе во всемъ этомъ «джунбушѣ» и «калабалыкѣ», суматохѣ, принимаютъ преимущественно низшіе классы, райя и женщины съ дѣтьми: женщины подъ покрывалами сидятъ въ арбахъ или на землѣ и любуются на общее движеніе. Есть ли у нихъ какія-нибудь потаенныя мысли, подавленныя желанія въ это время общаго веселья, я не знаю; онѣ, какъ и публика вообще, ограничиваются лишь куреніемъ кальяновъ, истребленіемъ разныхъ сластей, и вотъ вамъ всѣ увеселенія бейрама, далеко уступающаго въ этомъ рамазану. Достопочтенные правовѣрные не принимаютъ участія въ этой толкотнѣ и ведутъ себя съ всегдашнимъ глубокомысліемъ и важностью. Въ предупрежденіе скандаловъ, полиція присматриваетъ за воспрещеніемъ продажи вина, однако нѣкоторые правовѣрные находятъ средство гдѣ нибудь напиться, къ великому соблазну фанатиковъ.

Не то было встарь и не такъ веселился Стамбулъ, если не въ бейрамъ, то въ другія празднества. Теперь этого уже нѣтъ, и самыя иллюминаціи въ началѣ рамазана, эти восхитительныя «махіэ», лунки (потому что фигура ихъ уподобляется лунѣ), начало которыхъ восходитъ къ правленію султана Ахмеда III, большаго любителя празднествъ, нынѣ съ каждымъ годомъ становятся бѣднѣе и некрасивѣе. Въ прежнее время посланники европейскихъ державъ представляли въ бейрамъ султану въ даръ великолѣпные букеты цвѣтовъ и дорогіе конфекты, въ цѣнности которыхъ они старались превзойдти другъ друга, чтобъ заслужить благоволеніе сераля: особенно эта мода свирѣпствовала въ правленіе султана Махмуда I. Великій везиръ, въ продолженіе первыхъ двадцати трехъ ночей рамазана, задававшій восхитительныя угощенія главнымъ сановникамъ имперіи, предлагалъ въ бейрамъ пиръ самому султану: изъ памятныхъ въ оттоманской исторіи празднествъ этого рода особенно замѣчательно данное великимъ везиромъ Сеидъ-Абдуллой, въ Долма-багче, султану Махмуду I, въ 1748 году. Сверхъ роскошнѣйшаго угощенія, везиръ представилъ своему повелителю въ даръ двадцать пять тысячъ червонцевъ, а придворнымъ офицерамъ роздалъ около половины этой суммы; государственный исторіографъ Изза описанію торжества посвятилъ нѣсколько страницъ.—Въ другихъ праздникахъ прежнихъ султановъ мы видимъ борцовъ, плясуновъ на канатѣ, жонглеровъ, буффоновъ, пѣв-

цовъ, музыкантовъ, жидовъ съ волшебными змѣями, египетскихъ фокусниковъ, исполняющихъ пляску сабель и проч. Нынѣ же бейрамъ ограничивается одною торжественностью.

Послѣ трехдневнаго празднованія, мусульманинъ вступаетъ въ обыденную жизнь.

Слѣдовало бы заключить статью нашу критическимъ разсмотрѣніемъ рамазана и бейрама, но какую критику можетъ выдержать постъ, въ который веселятся до устали, и праздникъ, въ который одни унижаются передъ другими?... Турки къ мусульманскимъ забавамъ рамазана прибавили свои собственныя, принесенныя отъ подошвы Алтая, пуританскую же пустоту бейрама старались наполнить безцѣльной обрядностью, внеся и въ самый постъ суевѣрное поклоненіе мантіи Пророка: всего этого въ первобытномъ исламѣ, и безъ того уже обремененномъ чудовищными злами, не существовало. Кажется, будто подъ вліяніемъ европейской образованности падаютъ увеселенія рамазана: ничуть не бывало. Изчезаютъ замысловатые актеры и разкащики, но страсть у народа къ нимъ остается прежняя. Толпами стекаются правовѣрные на представленія карагёза, и здѣсь-то нація почерпаетъ разрушительныя правила небывалой морали, въ которой всѣ только надуваютъ другъ друга, и торжество, а слѣдовательно честь и слава достаются лишь отъявленнымъ негодяямъ, растлѣніе же нравовъ— непомѣрное. Свѣжая и здоровая нація гибнетъ подъ злотворнымъ дыханіемъ ислама, принявъ въ добавокъ непригодныя византійскія формы наряда: реформа Махмуда коснулась лишь формъ, но не сущности дѣла; тоже самое ожидается и отъ нынѣшняго султана. Тѣ, которые стоятъ во главѣ, должны бы подумать, что нельзя занимать націю одними карагёзами, что не измѣненіемъ однѣхъ формъ на другія, тоже неестественныя, лѣчится зло.

И. Березинъ.

НОВѢЙШІЕ УСПѢХИ МЕХАНИКИ

ВЪ ОБЛАСТИ

СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

I.

«Русскій Вѣстникъ» не можетъ помѣщать на своихъ страницахъ описаній, столь подробныхъ, чтобы они могли руководить при построеніи снарядовъ; достаточно, если ему удастся возбудить вниманіе ко всему замѣчательному въ современной техникѣ, отсылая для полноты изученія къ спеціяльнымъ журналамъ и сочиненіямъ. Съ чего жь начать намъ? Что̀ выбрать напередъ въ этой необозримой области изобрѣтеній? Начнемъ съ того, что̀ ближе къ намъ, что̀ составляетъ основу нашего благосостоянія и нашей силы, съ обработки родныхъ полей, съ успѣховъ великаго дѣла землевоздѣлыванія.

Милліоны людей заинтересованы этими успѣхами: одни ждутъ облегченія въ тяжкомъ трудѣ, другіе—увеличенія своего благосостоянія.

Но не скоро исполняются эти ожиданія, не скоро распространяются изобрѣтенія по этой части, и вотъ почему: земледѣльческія машины и орудія находятся гораздо въ большей зависимости отъ мѣстныхъ условій, нежели фабричныя и заводскія.

Ограниченныя и защищенныя стѣнами мануфактуръ, эти послѣднія представляютъ больше однообразія, нежели первыя. Осмотрите, напримѣръ, бумагопрядильни въ разныхъ краяхъ Европы, и вы убѣдитесь въ истинѣ сказаннаго нами: улучшеніе, сдѣланное въ одномъ мѣстѣ, быстро распространяется во всѣхъ другихъ.

Но нельзя того же сказать о земледѣліи; различія климата, почвы, пространства полей, народонаселенія, цѣнности труда и продукта, условій сбыта, и пр., требуютъ не меньшихъ различій въ системахъ полеводства, въ выборѣ сельскихъ промысловъ, въ употребленіи машинъ и орудій. Ежедневно мы видимъ, что производство или снарядъ, славимые въ одной странѣ, никуда не годятся въ другой. Оттого-то успѣхъ земледѣльческой машины часто ограничивается одною какою либо мѣстностію. Чтобы оцѣнить сельско-хозяйственное орудіе относительно его пользы, годности и устройства, недостаточно общихъ познаній въ машинахъ и въ механикѣ вообще, но нужно еще знать всѣ условія земледѣльческаго быта тѣхъ странъ, въ которую вводится машина и въ которой она сдѣлана. То, что̀ не годится у насъ, могло быть очень удобопримѣнимо на родинѣ изобрѣтенія.

Для поясненія той мысли, что все относящееся къ сельскому хозяйству носитъ на себѣ печать мѣстныхъ условій, сравнимъ два народа, родные по языку, практическому смыслу и предпріимчивости, именно: Англичанъ и Сѣверо-американцевъ.

Ихъ сходство не простирается на земледѣльческія орудія. Сѣвероамериканецъ наложилъ на нихъ свою печать, сообразно съ состояніемъ полеводства въ большей части Соединенныхъ Штатовъ. Американскій хозяинъ мало заботится о совершенствѣ обработки земли; его главная цѣль, его неукротимое стремленіе—облегчить по возможности трудъ человѣка, но съ тѣмъ, чтобы побольше захватить земли.

Г-жа Мартино въ занимательномъ описаніи своего путешествія указываетъ, съ свойственнымъ ей остроуміемъ, на существенную разницу въ воздѣлываніи лѣсныхъ пространствъ въ Америкѣ и въ Англіи. Англичанинъ вырываетъ корни, очищаетъ почву отъ камней и пней, пашетъ глубоко, осушаетъ и разрыхляетъ землю до возможнаго совершенства, словомъ, не щадя издержекъ, употребляетъ всѣ возможныя средства для превосходнаго приготовленія пашни подъ посѣвъ, — и за все это вознаграждается успѣхомъ первой жатвы.

Американецъ, напротивъ, рубитъ деревья на три фута выше земли, сжигаетъ ихъ, оставляетъ пни, распахиваетъ своими маленькими легкими плугами землю между пнями и довольствуется поверхностною, очень несовершенною и неправильною обработкою, которая однакожь, по причинѣ естественнаго богатства почвы, возбужденной золою, не мѣшаетъ ему получать посредственную жатву. Проходятъ четыре, пять лѣтъ, пни сгниваютъ и превращаются въ растительную землю. Природа медленно, но безъ расходовъ со стороны хозяина, дѣлаетъ то, чего англійскій земледѣлецъ достигаетъ съ большими издержками. На тѣ же деньги Американецъ воздѣлываетъ впятеро большее про-

странство. Онъ всегда помнитъ важное сельско-хозяйственное правило: «изъ двухъ силъ—искусственной, или работы человѣка и животныхъ, и естественной, или плодородія почвы,—выбирай всегда дешевѣйшую». Извѣстно же, что первая изъ этихъ силъ въ Соединенныхъ Штатахъ чрезвычайно дорога, что̀ доказывается и тамошними фабриками и заводами: тамъ употреблены всевозможныя средства для избѣжанія ручной работы. Съ другой стороны центры потребленія чрезвычайно отдалены отъ центровъ производства, а потому не удивительно, что бо̀льшая часть американскихъ орудій очень проста и легка, и число ихъ ограничено крайнею необходимостію. Не рѣдко, въ отдаленной пустынѣ, фермеръ самъ принужденъ изготовлять свои орудія. Этому обстоятельству обязаны мы простыми одноконными плугами, теперь повсюду распространенными въ Европѣ.

Англія, напротивъ, изобилуетъ тяжелыми роскошно отдѣланными машинами. Нигдѣ столько не продаютъ машинъ землевладѣльцамъ, какъ въ Англіи. Можно сказать, что тамъ перешли за предѣлы полезнаго. Изъ собранія многочисленныхъ и великолѣпныхъ машинъ, выставляемыхъ англійскими фабрикантами, весьма немногія годны ко всеобщему полезному употребленію; многія изъ нихъ назначены къ украшенію помѣстій большихъ господъ и къ доказательству ихъ богатства и любви къ механическому искусству. Только экономическія нововведенія Роберта Пиля начинаютъ упрощать этотъ роскошный сельско-хозяйственный бытъ въ Англіи.

Если мы замѣчаемъ такое глубокое различіе въ сельско-хозяйственномъ отношеніи между народами одного и того же племени, то что̀ жь сказать о Россіи, представляющей во всемъ рѣзкую особенность? Безразсудно было бы думать, что всѣ земледѣльческія орудія Англіи, замѣчательныя по правильности устройства и по чистотѣ отдѣлки, могутъ годиться и у насъ, гдѣ все другое въ селахъ и въ деревняхъ. На фабрикахъ можно еще найдти много одинаковаго.

Послѣ этого, какъ не радоваться намъ, что у насъ, на Руси, появляются свои механики, потому что для насъ именно земледѣльческія орудія представляютъ особенную важность, а брать ихъ изъ чужихъ краевъ часто бываетъ нельзя, не оттого только, что далеко везти, а оттого, что не приспособлены къ нашему быту. Благодаря содѣйствію нашихъ Обществъ Сельскаго Хозяйства, молотильныя и вѣяльныя машины достаточно распространились въ Россіи. Вильсонъ и братья Бутенопъ, находящіеся подъ покровительствомъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, оказали въ этомъ дѣлѣ большую услугу, какъ построеніемъ машинъ, такъ и обученіемъ мастеровъ. Эти машинисты имѣютъ полную возможность вести дѣло въ

широкихъ размѣрахъ и стать гораздо выше деревенскихъ строителей, давши своей работѣ характеръ высшаго механическаго искусства—надлежащіе форму и размѣры частей и лучшую отдѣлку. Усовершенствованныя орудія для обработки металловъ, и именно: зубонарѣзныя машины, сверлильныя, строгальныя, самоточки, и т. д., много помогли бы имъ.

Но что̀ особенно вредитъ этимъ почтеннымъ фабрикантамъ, это небрежность въ установкѣ машинъ и неумѣнье обращаться съ ними. Мнѣ самому случалось слышать несправедливыя жалобы, происходившія отъ того только, что приводъ былъ неправильно установленъ, и что стезя, по которой ходятъ лошади, была невыровнена. У насъ вообще требуютъ иногда отъ машины невозможнаго, и часто забываютъ, что ее сначала нужно хорошо уставить, а потомъ смотрѣть за ея дѣйствіемъ,—смазывать, исправлять, чистить.

И самое лучшее орудіе требуетъ рукъ мастера; иначе оно будетъ безполезно. Съ понятіемъ о машинѣ иногда соединяютъ что-то самодѣйствующее, живое и, по этому случаю, мало заботятся о двигателѣ, берутъ лошадей какихъ попало и обвиняютъ машиниста при какой либо неудачѣ. Я знаю одного хозяина, который страшно враждуетъ противъ теперешнихъ молотильныхъ машинъ за то, что на нихъ можно сваливать недомолотъ хлѣба. Подобныя обвиненія можно дѣлать противъ многихъ полезнѣйшихъ орудій; они напоминаютъ Нeнилу Сидоровну въ комедіи Островскаго, которая сказала: «да, вотъ на счетъ ученья-то. У насъ сосѣдка отдала сына учиться, а онъ глазъ и выкололъ».

Но довольно, слишкомъ довольно о пустыхъ толкахъ: они не остановятъ никого, кому нужна молотильная машина. Лучше поговоримъ о нѣкоторыхъ улучшеніяхъ, замѣченныхъ на послѣдней парижской выставкѣ.

Извѣстно, что хлѣбъ обмолачивается быстро-вращающимися цилиндрами (барабанами) съ выступами (билами). Маленькіе барабаны съ немногими билами взяли рѣшительный перевѣсъ надъ большими барабанами со многими билами. Легкость, уютность, лучшее дѣйствіе при значительномъ числѣ оборотовъ (до 1200 оборотовъ въ минуту)—вотъ преимущества маленькихъ барабановъ. Но какъ ни легки молотильные барабаны, они все таки поглощаютъ много силы треніемъ своихъ шиповъ. Уменьшить эту потерю была бы величайшая заслуга.

Многіе механики, для уменьшенія треній, кладутъ шипы барабана на катки (ролики) значительнаго діаметра, вмѣсто того, чтобы помѣщать ихъ въ бронзовыхъ подшипникахъ, какъ обыкновенные валы различныхъ машинъ. Но чтобы подобное расположеніе было дѣйстви-

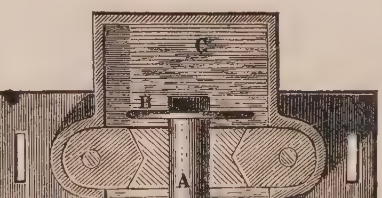
тельно хорошо, необходимо устанавливать катки съ особеннымъ стараніемъ: прочно, вертикально и притомъ такъ, чтобы соприкосновеніе съ шипомъ и вращеніе катка никогда не прекращалось. Когда эти условія не выполнены, когда окружность неравномѣрно обтирается и когда, наконецъ, катокъ уклоняется отъ вертикальной плоскости, тогда, вмѣсто пользы, этотъ способъ помѣщенія шиповъ можетъ принесть вредъ.

Другіе предлагаютъ подшипники съ непрерывнымъ смазываніемъ, изобрѣтенные г. Бодело. Шипъ вращается въ коробкѣ, наполненной масломъ и совершенно закрытой. Масло не пропадаетъ даромъ, когда машина не въ ходу. На это нововведеніе мы обращаемъ вниманіе нашихъ машинистовъ; отъ непрерывнаго притока масла треніе уменьшается значительнымъ образомъ, надзоръ за машиною становится легче, невниманіе приставленнаго къ машинѣ не можетъ такъ сильно вредить ей и лошадямъ, какъ это часто бываетъ при теперешнемъ способѣ ручной смазки.

Фиг. 1.

Фиг. 2.

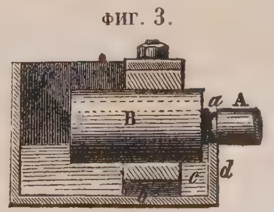

Фиг. 1. представляетъ разрѣзъ вертикальною плоскостію; а фиг. 2 горизонтальный разрѣзъ. А означаетъ валъ, лежащій на подшипникѣ. Онъ снабженъ кружкомъ В, который постоянно погружается въ масло, находящееся въ коробкѣ С.

Понятно, что этотъ кружокъ, при своемъ обращеніи, увлекаетъ съ собою значительное количество масла, которое распространяется по обѣимъ сторонамъ кружка и проникаетъ въ подшипникъ. Излишнее масло выливается въ промежутокъ *c*, заключающійся между подшипникомъ и стѣнкою *д*, и возвращается чрезъ каналъ *b* въ коробку *C*.

Ящикъ покрывается бронзовою крышкою, чтобы не проходила въ него пыль.

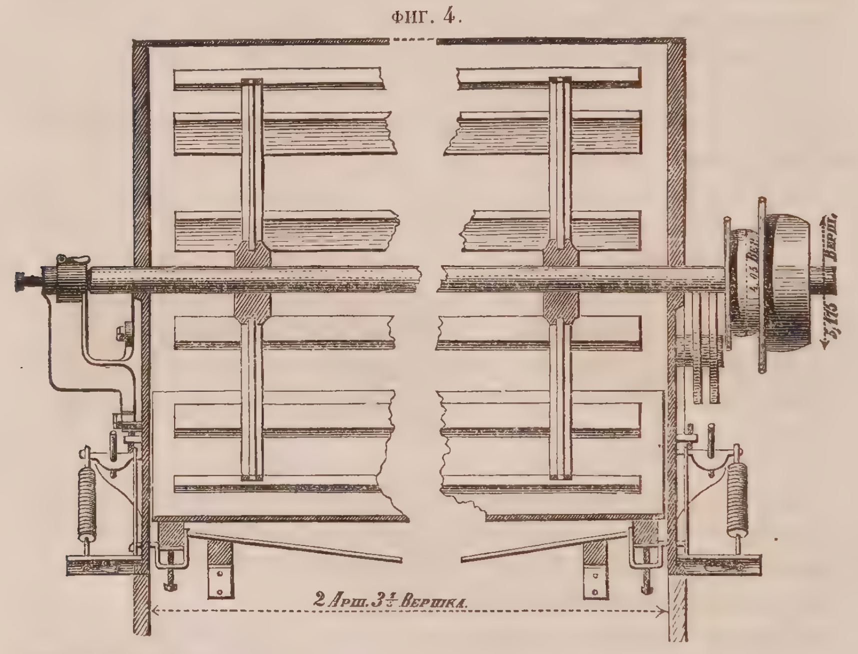
Фиг. 3.

Иногда, вмѣсто кружка B, утолщается самый валъ въ томъ мѣстѣ, въ которомъ онъ проходитъ черезъ подшипникъ; тогда валъ будетъ постоянно вращаться въ маслѣ. Но такъ какъ стѣнка *д* выше подушки, то масло не будетъ вытекать.

На послѣдней парижской выставкѣ была машина съ барабаномъ чрезвычайно легкимъ и оригинально помѣщеннымъ. Одинъ конецъ оси обдѣланъ конически съ углубленіемъ, надѣтымъ на остріе, которое можно вдвигать въ углубленіе по желанію; другой конецъ оси лежитъ на двухъ каткахъ, вершка въ $4\frac{1}{2}$ діаметромъ, и поддерживаетъ два блока разныхъ поперечниковъ.

ФИГ. 4.

Здѣсь, какъ видно, система смѣшанная: остріе и катки. Помѣщеніе двухъ блоковъ на концѣ оси также заслуживаетъ подражанія.

Практическимъ слѣдствіемъ этихъ измѣненій будетъ сбереженіе шиповъ и значительное облегченіе машины: вмѣсто четырехъ можно употреблять только три лошади. Не надобно при этомъ думать, что облегченныя машины узки и мало работаютъ; напротивъ, цилиндры дѣлаются длиннѣе прежнихъ для того, чтобы пускать снопы длиною параллельно оси барабана. Солома выходитъ менѣе избитою, лучше сбереженною. Большимъ усовершенствованіемъ надобно считать приложеніе пружинъ къ подушкамъ, дозволяющее барабану подниматься на нѣкоторую высоту при встрѣчѣ съ камнемъ или съ какимъ либо

твердымъ тѣломъ. Такимъ образомъ теперь нѣтъ опасности, чтобы нѣкоторыя части машины сломались, какъ это могло случиться при неподвижномъ цилиндрѣ.

Вообще, подбарабанье располагается такъ, чтобы разстояніе между нимъ и билами могло быть по желанію измѣняемо. Нѣкоторые машинисты, какъ у насъ на фиг. 4, привѣшиваютъ подбарабанье въ четырехъ точкахъ къ рычагамъ, удерживаемымъ пружинами.

Наконецъ молотильный механизмъ часто сопровождается рѣшетомъ и вентиляторомъ для того, чтобы процессъ молоченія довершить предварительнымъ провѣиваніемъ, необходимымъ для лучшаго очищенія зеренъ.

II.

Мы сказали уже, что молотильныя и вѣяльныя машины достаточно распространились въ Россіи; теперь настала очередь для сѣяльныхъ и жатвенныхъ машинъ и зерносушильныхъ снарядовъ. Московское Общество Сельскаго Хозяйства ревностно трудится и на этомъ поприщѣ: въ 1854 году оно выдало золотую медаль г. Гриневицкому за его сѣялку въ разбросъ. Сѣяніе рядами предполагаетъ обработку полей столь высокую, что въ настоящее время мы не можемъ еще ввести посѣва такого рода. И потому, наши изобрѣтатели поступаютъ весьма основательно, предлагая машины, разбрасывающія сѣмена по полю, недостаточно разрыхленному.

Недавно то же Общество выдало денежное вспоможеніе г. Петровскому за успѣхи, сдѣланные имъ въ устройствѣ *жатвенныхъ машинъ*.

По мнѣнію многихъ хозяевъ, вполнѣ раздѣляемому знаменитымъ химикомъ Пайеномъ, ранняя жатва доставляетъ много выгоды. Въ Великобританіи снимаютъ хлѣбъ едва созрѣвшій, не смотря на состояніе погоды, на признаки дождя или засухи; тамъ вѣрны правилу: «the best is to make things sure». Стебли уже подрѣзаются, когда оболочка зерна еще мягка, когда колосъ еще не высохъ. Пайенъ полагаетъ, что мягкіе колосья всасываютъ соки, скопившіеся въ верхней части стебля, тогда какъ нижняя часть, уже устарѣвшая, не имѣетъ силы почерпать въ землѣ новой пищи: вызрѣваніе оканчивается на срѣзанныхъ стебляхъ при лучшихъ условіяхъ, и зерна выходятъ полновѣснѣе, бѣлѣе, способнѣе къ сбереженію и выгоднѣе для размола.

Эти факты отчасти извѣстны и нашимъ хозяевамъ; но много еще и такихъ, которые придерживаются другаго мнѣнія, то есть, срѣзываютъ колосья переспѣлые, дожидаются хорошей погоды и теряютъ въ качествѣ и количествѣ зерна.

Во всякомъ случаѣ, когда, по соображеніямъ хозяина, настало время жать хлѣбъ, то чѣмъ скорѣе снимутся колосья, тѣмъ лучше. Тутъ-то жатвенныя машины могли бы принести великую пользу помѣщикамъ и самое благодѣтельное облегченіе въ тяжкомъ трудѣ поселянамъ.

Много было попытокъ для разрѣшенія этого труднаго вопроса, но никто на столько не приблизился къ разрѣшенію онаго, какъ нашъ соотечественникъ г. Петровскій. По службѣ онъ провелъ много лѣтъ въ Сибири, на желѣзныхъ заводахъ, и тамъ-то ознакомился съ механизмомъ машинъ, то есть, съ различными способами передавать, совокуплять и измѣнять движенія. Конечно, врожденный талантъ тутъ игралъ главную роль, однакожь, безъ этого, или безъ подобнаго этому случая мы не имѣли бы, можетъ быть, жатвенной машины. Невозможно безъ всякой наглядности, безъ всякаго знанія, произвести изъ одного вращательнаго движенія оси двухколесной телѣжки и быстрое качательное движеніе коротенькихъ кинжаловъ, срѣзающихъ стебли, при помощи другаго, неподвижнаго ряда такихъ же кинжаловъ, и медленное поворачиваніе крыльевъ, пригибающихъ стебли къ срѣзывающему снаряду.

Все это мы говоримъ къ тому, что, по всей вѣроятности, у насъ чаще встрѣчались бы подобныя отрадныя явленія, какъ машина г. Петровскаго, при большихъ средствахъ къ высшему техническому образованію. Во многихъ другихъ странахъ средства къ высшему техническому образованію представляютъ, хотя и съ весьма недавняго времени, самое обширное развитіе. Пишущій эти строки надѣется познакомить читателей «Русскаго Вѣстника» съ этимъ новымъ явленіемъ въ исторіи европейскаго просвѣщенія, о которомъ, къ сожалѣнію, имѣютъ у насъ самыя сбивчивыя и противорѣчивыя понятія.

Но возвратимся къ нашему главному предмету.

Итакъ, орудія для срѣзыванія стеблей у г. Петровскаго — два ряда (одинъ надъ другимъ) коротенькихъ кинжаловъ, изъ которыхъ одинъ рядъ неподвижный, а другой быстро качается, наподобіе пилы. Длина каждой полосы кинжаловъ, имѣющей видъ пилы, — два аршина. Весь этотъ приборъ, срѣзывающій стебли, находится съ боку двухколесной телѣжки съ оглоблями, на которую садятся мальчикъ, управляющій лошадью, и работникъ, приводящій въ движеніе механизмъ для скидыванія стеблей съ платформы, которая находится позади срѣзывающаго снаряда. Въ этомъ механизмѣ и состоитъ главная заслуга г. Петровскаго.

Прежде него, подрѣзанные стебли сбрасывались ручными граблями; въ машинѣ Белля было употреблено для этой цѣли безконечное полотно, но ни у кого не было того порядка, той равномѣрности, той

правильности въ скидкѣ несвязанными полуснопами, какіе мы находимъ въ способѣ г. Петровскаго.

Полуснопы скидываются въ сторону отъ срѣзывающаго прибора, за тележку; тамъ же, гдѣ прошла пила, тамъ остается свободное, ничѣмъ незанятое пространство.

Такимъ образомъ новый, остроумный механизмъ г. Петровскаго очищаетъ путь для вторичнаго хода машины, и сброшенные полуснопы не мѣшаютъ дальнѣйшему дѣйствію снаряда.

Машина очень легка на ходу, и одна лошадь можетъ подрѣзать въ 10 часовъ, по увѣренію изобрѣтателя, отъ 6 до 7½ десятинъ. Но это такой вопросъ, который зависитъ отъ достоинства лошади и остроты пилы; для даннаго случая можно рѣшить его только опытомъ.

Впрочемъ послѣднее испытаніе было благопріятно г. Петровскому; его машина заслужила одобреніе опытнѣйшаго изъ нашихъ хозяевъ А. И. Кошелева, въ имѣніи котораго изобрѣтатель находилъ удобный случай, въ продолженіе трехъ лѣтъ, повѣрять дѣйствіе своей машины, и выслушивать замѣчанія, основанныя на многолѣтней и обширной практикѣ.

Имя г. Кошелева будетъ связано съ эпохою введенія жатвенныхъ машинъ въ наши хозяйства. Читатели наши вѣроятно помнятъ, что онъ привезъ въ Россію изъ Англіи, со всемірной выставки, жатвенную машину Маккормика, и послѣ того неотступно преслѣдовалъ мысль о возможности такой машины. Добрыя желанія его не остались безплодными.

Изобрѣтательный умъ г. Петровскаго не остановился на одной только жатвенной машинѣ; онъ придумалъ особаго рода конный приводъ, который можетъ быть приложенъ и къ молотильной машинѣ. Этотъ приводъ чрезвычайно уютенъ, легокъ и удобенъ для перевоза. Онъ основанъ на расположеніи колесъ, извѣстномъ въ наукѣ подъ названіемъ *эпициклическаго* (1), и имѣющемъ цѣлью, въ тѣсномъ пространствѣ, значительно измѣнить скорость. Извѣстно, что лошади дѣлаютъ два съ половиною оборота въ минуту, барабанъ же молотильной машины долженъ поворачиваться до 1200 разъ въ тоже время; слѣдовательно тутъ необходимо *значительное увеличиваніе* скорости. Въ этомъ-то и состоитъ цѣль привода: онъ долженъ не только принять, но и измѣнить движеніе, такъ чтобы окончательно вышло то самое, которое нужно для орудія, напр. для молотильнаго барабана. Шипы и подшипники послѣдняго, какъ мы уже замѣтили выше, должны въ свою очередь обращать особенное вниманіе машинистовъ. При

---

(1) См. Кинематику, изд. А. Ершовымъ, стр. 260—262.

огромномъ числѣ оборотовъ въ минуту неизбѣжны два зла: потеря силы на треніе и порча шипа. Противъ перваго употребляютъ теперь большіе катки, на которые опираются шипъ и острія, а противъ втораго, подшипники, съ постояннымъ, непрерывнымъ смазываніемъ и съ подвижною подушкою.

Г. Петровскій испытывалъ уже способъ остріевъ; не должно забывать однакожь, что легкость барабана при этомъ необходимое условіе. Подвижные подшипники, вовсе у насъ не извѣстные, имѣютъ цѣлію лучшее соприкосновеніе шипа съ подушкою—не въ одной точкѣ, какъ это бываетъ при малѣйшей невѣрности въ установкѣ обыкновеннаго подшипника, но всегда въ цѣлой прямой линіи, тогда только шипъ не будетъ перетираться въ одномъ мѣстѣ — обстоятельство, извѣстное всѣмъ хозяевамъ.

III.

Но сжатый и вымолоченый хлѣбъ надобно умѣть сберегать, приготовлять къ размолу, обращать въ муку. Когда всѣ эти дѣйствія идутъ хорошо, тогда только земледѣлецъ вполнѣ достигаетъ своей цѣли; въ противномъ же случаѣ тяжелые труды пропадаютъ даромъ, долгія ожиданія не исполняются, самыя законныя надежды разрушаются.

Выгодно было бы сберегать хлѣбъ, не подвергая его просушкѣ, не употребляя на то топлива.

Но для такого сбереженія недостаточно провѣтривать его въ закромахъ; надобно, на вольномъ воздухѣ, отдѣлять отъ зеренъ пыль, камни, испорченныя зерна, отбросы животныхъ, и другія вещества, способствующія порчѣ хлѣба.

Одного продуванія сквозь большую массу хлѣба, помѣщенную въ закромѣ, недостаточно для очищенія зеренъ, предупрежденія порчи и уничтоженія насѣкомыхъ. Эту мысль недавно высказали члены Парижской Академіи Наукъ: Вальянъ, Карлъ Дюпенъ, Моренъ и Констанъ Прево, по поводу разбора новаго хлѣбнаго магазина Гюара, построеннаго въ Камбре.

Магазинъ Гюара состоитъ изъ десяти отдѣловъ, подъ общею крышкою, имѣющихъ каждый 4½ сажени высоты, около 2 сажень длины и полторы сажени ширины. Дно каждаго отдѣла такъ устроено, что хлѣбъ, заключающійся въ закромѣ, при выпусканіи, понижается, не теряя горизонтальности верхней плоскости, съ одинаковою скоростію какъ центральныхъ, такъ и боковыхъ зеренъ. Это устройство дна весьма замѣчательно, и, само по себѣ, составляетъ очень важное изобрѣтеніе. Кромѣ того зерна могутъ быть выпускаемы вертикальными

столбами; а отъ этого происходитъ непрерывное тренiе слоя, находящагося въ движенiи, о слой сосѣднiй, о стѣнки и дно отдѣла.

Выпускаемый хлѣбъ собирается въ нижнемъ каналѣ, отодвигается и переворачивается винтомъ, поднимается безконечнымъ ремнемъ съ ковшами (норiя) въ верхнiй этажъ магазина, поступаетъ на вѣялку, освѣжается и очищается отъ пыли и разныхъ постороннихъ примѣсей, и, наконецъ, сквозь щель, сдѣланную въ крышкѣ, падаетъ опять въ закромъ.

Такимъ–то образомъ, въ новомъ магазинѣ Гюара зерна подвергаются самому энергическому передвиженiю и провѣтриванiю.

Безконечный ремень, винты и вѣялки приводятся въ движенiе паровою машиною въ 4 силы, которой достаточно для пересыпанiя 5000 четвертей въ сутки.

Результаты этого устройства найдены удовлетворительными: сырой хлѣбъ высыхаетъ очень скоро, и притомъ становится гладкимъ и блестящимъ. Сухость доходитъ до того, что принуждены бываютъ, для успѣшнаго размола, подвергать зерна струѣ пара. Провiантская коммиссiя, разсмотрѣвши въ Камбре магазинъ Гюара, заключила, что онъ соединяетъ многiя условiя хорошаго сбереженiя хлѣба, а именно:

«Дешевизну построенiя и содержанiя, значительную помѣстительность, перiодическое или непрерывное движенiе всей массы зеренъ, вентиляцiю, очищенiе, низкую температуру и постепенное просушиванiе!

«Мы убѣждены, говоритъ коммиссiя, что принятiе магазина Гюара доставитъ военному управленiю выгоды, которыхъ оно напрасно искало доселѣ. Приложенiе этой системы позволитъ ему впредь, безъ убыли и безъ значительныхъ расходовъ, составлять запасы въ урожайные годы, сосредоточивать магазины въ какихъ угодно пунктахъ, и, наконецъ, собирать, въ минуту нужды, въ одномъ мѣстѣ все необходимое количество хлѣба».

«Пища солдата будетъ отнынѣ находиться въ лучшихъ условiяхъ свѣжести и чистоты».

Слѣдствiемъ этого заключенiя коммисiи было устройство магазина въ Парижѣ на 10,000 четвертей.

Члены Парижской Академiи Наукъ думаютъ также, что Гюаръ первый разрѣшилъ удовлетворительнымъ образомъ великую задачу сбереженiя большихъ запасовъ хлѣба, давно уже обращавшую на себя вниманiе всѣхъ дѣльныхъ хозяевъ и правительственныхъ лицъ.

Переходя теперь къ изложенiю успѣховъ размола зеренъ, и именно пшеницы, требующей особенно сложнаго подготовленiя, мы должны напередъ познакомиться съ химическимъ и механическимъ составомъ зерна; тогда только мы поймемъ значенiе новыхъ улучшенiй.

Пшеница содержитъ въ себѣ *шесть главныхъ родовъ* питательныхъ веществъ, встрѣчающихся, за исключеніемъ клейковины, и въ другихъ злакахъ:

1) ***Крахмалъ***, вещество органическое, бѣлое, порошковатое, мучнистое, составляющее наибольшую часть зерна, и наконецъ вещество дыхательное, доставляющее теплоту.

2) ***Азотистыя вещества*** (клейковина, фибринъ, казеинъ, бѣлковина), имѣющія такое сходство съ мягкими частями животнаго организма, что часто ихъ составъ почти тождественъ. Потому-то эти вещества, уподобляемыя нашими органами, особенно важны; они возвышаютъ питательныя свойства тѣлъ, потребляемыхъ человѣкомъ для поддержанія своего существованія.

3) ***Декстринъ***, вещество растворимое, имѣющее такой же составъ, какъ и крахмалъ, но удобнѣе сваримое желудкомъ.

4) ***Жирныя вещества***, похожія на растительныя масла̀.

5) ***Клѣтчатка***, составляющая основную ткань всѣхъ растеній, играющая почти такую же роль, какъ и крахмалъ.

6) ***Щелочныя и землистыя соли***, и именно: фосфорнокислыя известь и магнезія, способствующія вознагражденію потерь и развитію твердыхъ или костистыхъ частей животнаго организма.

Но не всѣ роды пшеницы одинаковы по своему составу; по содержанію азотистыхъ веществъ, столь важныхъ въ процессѣ питанія, твердый хлѣбъ занимаетъ первое мѣсто. Климатъ имѣетъ также неоспоримое вліяніе на содержаніе питательныхъ веществъ. По наблюденіямъ Пайена и Буссенго, твердый хлѣбъ африканскій и южной Франціи несравненно богаче азотистыми веществами, нежели мягкіе или полутвердые хлѣба сѣверныхъ странъ. Впрочемъ хорошее удобреніе отстраняетъ невыгодное вліяніе климата.

По механическому составу хлѣбное зерно можно сравнить съ листомъ, состоящимъ изъ наружной очень гибкой кожицы и изъ центральной мучнистой части. Разсматривая еще пристальнѣе составъ зерна, мы найдемъ снаружи буроватую пленку, образованную изъ тягучей, крѣпкой клѣтчатки, проникнутой кремнеземомъ и азотистыми веществами, но неудобоваримой, по причинѣ сильной сцѣпленности частицъ; потомъ массу околосѣменника, котораго первые слои содержатъ жирныя и азотистыя вещества. Эти первые слои околосѣменника, при обыкновенномъ размолѣ, отдѣляются подъ жерновомъ вмѣстѣ съ плевою и составляютъ отруби; почти 40 процентовъ этого остатка отъ размола не переваривается въ желудкѣ. Остальное, или центральная масса околосѣменника, заключаетъ крахмалъ, клейковину, вещества бѣлковинныя и соли. Это-то и есть мучнистая часть зерна.

Многіе знаменитые химики и физіологи желаютъ, чтобы мы возвратились къ прошедшему, къ употребленію муки съ отрубями. Они основываются на томъ справедливомъ фактѣ, что въ отрубяхъ содержатся полезныя вещества, необходимыя для питанія человѣка, и особенная составная часть, способствующая пищеваренію.

Безъ сомнѣнія, когда человѣкъ принужденъ находить въ хлѣбѣ свою исключительную пищу, тогда отруби разнообразятъ и дополняютъ его питаніе; но не таково должно быть нормальное положеніе обитателя страны, въ которой сельское хозяйство сдѣлало значительные успѣхи. По мнѣнію Пайена питаніе будетъ полнѣе, пріятнѣе, и даже иногда дешевле, если оно будетъ состоять не въ одномъ хлѣбѣ, прибавляя даже къ нему картофель, рисъ и крупу, но и въ мясѣ или рыбѣ, яйцахъ и сырѣ.

Въ первомъ случаѣ работникъ съѣдалъ бы по три фунта хлѣба въ день, и вслѣдствіе неполнаго питанія, терялъ бы часть своихъ силъ; во второмъ же случаѣ, уменьшая количество хлѣба до полутора фунта, и прибавляя къ тому полфунта мяса, онъ питался бы полнѣе и здоровѣе; онъ могъ бы тогда работать больше, и въ результатѣ остался бы въ выигрышѣ. Многочисленные факты не оставляютъ въ томъ нисколько сомнѣнія. Англійскіе подрядчики, въ случаѣ тяжкихъ и срочныхъ работъ, увеличиваютъ порцію мяса.

О классахъ людей, пользующихся достаткомъ, и говорить нечего: они никогда не питаются исключительно хлѣбомъ. Промышленность же съ каждымъ днемъ увеличиваетъ эти классы; вотъ почему мы полагаемъ, что поступаютъ весьма основательно, отдѣляя отруби отъ муки. Впрочемъ, новѣйшіе успѣхи мельничнаго искусства, какъ мы сейчасъ увидимъ, дозволяютъ извлекать изъ отрубей все полезное и вмѣстѣ съ тѣмъ получать совершенно чистую муку.

Такимъ образомъ требованія физіологовъ могутъ быть согласованы со вкусомъ, можно сказать съ естественнымъ инстинктомъ народонаселенія. Замѣтимъ еще, что и прежде отруби не пропадали; животныя травоядныя и всеядныя превращали ихъ въ молоко и мясо— продукты, болѣе вкусные и лучше уподобляемые нашимъ организмомъ.

Успѣхи, о которыхъ мы упомянули, состоятъ въ просушиваніи, мытьѣ и въ подверганіи зеренъ дѣйствію центробѣжной машины. Въ странахъ жаркихъ можно обойдтись и безъ просушиванія, потому что ихъ пшеница содержитъ воды только отъ 10 до 12 процентовъ, тогда какъ на сѣверѣ количество влаги возвышается до 18 % и даже до 20. Мысль, лежащая въ основаніи этихъ нововведеній, состоитъ въ томъ, что механическое очищеніе хлѣба недостаточно: постороннія вещества внѣдряются въ наружную оболочку зеренъ и полагаютъ въ ней

зачатки разрушенія. Самое сильное провѣиваніе не можетъ помочь этому. Съ другой стороны обыкновенное механическое очищеніе недостаточно подготовляетъ зерна къ размолу: отруби выходятъ мучнисты и ломки, отъ чего одна часть муки теряется, а другая засоряется обломками отрубей.

Новые способы имѣютъ цѣлію увеличить количество продукта на мельницахъ и возвысить его качество; муки должно выходить больше, и она должна быть чище и богаче азотистыми веществами, играющими столь важную роль въ процессѣ питанія.

Давно уже на мельницахъ прибѣгаютъ къ смачиванію пшеницы, но только въ послѣднее время, и то еще далеко не вездѣ, немедленно начали подвергать вымытыя зерна дѣйствію центробѣжной машины, то есть, зерна кладутся въ цилиндрическій барабанъ, совершающій до 1200 оборотовъ въ минуту. Изъ машины хлѣбъ тотчасъ же долженъ поступать подъ жерновъ; тогда только *отруби раздвояются и съ зеренъ слѣзаетъ тончайшая цѣльная плева*. Вотъ окончательный результатъ нововведенія!

Но, къ сожалѣнію, не вездѣ можно обходиться безъ предварительнаго просушиванія хлѣба; то̀, чего не сдѣлало солнце, должна сдѣлать печь: она одна только можетъ уравнять количество воды, заключающейся въ пшеницѣ. Итакъ, въ умѣренномъ поясѣ, необходимо хлѣбъ просушивать. Калориферъ извѣстнаго инженера Шоссено считается лучшимъ для этой цѣли. Онъ состоитъ изъ чугуннаго ящика, въ которомъ нагрѣвается воздухъ и нагрѣтый поступаетъ въ камеру, въ которой циркулируетъ хлѣбъ. Зерна, проходя черезъ цилиндръ, падаютъ на безконечное полотно, которое двигается противъ теченія теплаго воздуха. Температура воздуха не превышаетъ 70° Ц. и соприкосновеніе хлѣба съ воздухомъ продолжается *около часу*. Въ одинъ разъ засыпается 4 четверти; слѣдовательно въ сутки можетъ быть просушено около 100 четвертей.

На безконечномъ полотнѣ пшеница теряетъ до 5% своего вѣса и окончательно сыплется въ другой цилиндръ, не столько съ цѣлію очищенія, сколько для охлажденія. Послѣ того хлѣбъ насыпается въ мѣшки и сохраняется въ сухомъ мѣстѣ до того времени, пока настанетъ очередь мытья (1).

(1) Прошлымъ лѣтомъ я осматривалъ зерносушильню нашего многоуважаемаго хозяина Ф. Х. Майера; къ сожалѣнію она не была тогда окончена; у него хлѣбъ просушивается въ одномъ цилиндрѣ, и охлаждается въ другомъ, и одно дѣйствіе слѣдуетъ за другимъ непрерывно. Кажется, что время соприкосновенія теплаго воздуха съ хлѣбомъ не опредѣлено было съ точностію. Но безъ сомнѣнія опыты не замедлятся у такого человѣка, каковъ Францъ Майеръ.

Страннымъ кажется съ перваго раза этотъ порядокъ производства: сначала мы просушиваемъ хлѣбъ, а потомъ мочимъ, или лучше сказать моемъ, хотя и очень короткое время, не болѣе двухъ минутъ. Но этотъ порядокъ найденъ необходимымъ для достиженія предположенной цѣли.

Хлѣбъ моется быстро въ холодной водѣ и тотчасъ же поступаетъ на центробѣжную машину. Но какъ ни быстры эти дѣйствія, какъ ни велика скорость машины, къ зернамъ прибавляется до 5% воды. Если же зерно содержитъ 20 % и болѣе воды, то размолъ становится затруднительнымъ: жерновъ заволакивается тѣстомъ. Теперь-то и видно, почему не всякая пшеница можетъ обойтись безъ предварительнаго просушиванія: оно, именно, отнимаетъ то, что даетъ потомъ промывка, а между тѣмъ зерно становится чище, *удобнѣе къ сбереженію*, несравненно лучше для размола.

Этими послѣдними улучшеніями домоводство обязано французкимъ мельникамъ Милону и Мурену.

Нигдѣ искусство мельника не достигло такой высокой степени совершенства, какъ во Франціи. Конечно и у насъ извѣстны способы добыванія хорошей муки по системѣ крупокъ, которую не надо смѣшивать съ англійскою или американскою, и у насъ добываютъ изъ пшеничнаго зерна до пяти и болѣе сортовъ муки (1); но, въ отношеніи къ механизму, къ двигателю и къ приготовленію жернововъ, мы далеко отстали отъ Французовъ.

Съ истиннымъ наслажденіемъ осматриваетъ механикъ мельницы знаменитаго Дарблея, движимыя турбинами. Передача движеній ремнями или соприкасающимися цилиндрами, обтянутыми гутта-перчею, способы разобщенія каждой снасти (пара жернововъ) съ двигателемъ, положеніе веретена жернова на водяныхъ мельницахъ, такое же, какъ и на маленькихъ вѣтреныхъ—все это новости, пріятно поражающія посѣтителя. И какая стройность, тишина, отчетливость! Какъ мало рабочихъ на такой обширной мельницѣ! какая непрерывность во всѣхъ фазахъ обширнаго производства!

Но пора кончить, пора вспомнить, что статьи подобнаго рода имѣ-

---

(1) Сорты муки, добываемые коломенскими мельниками извѣстны подъ названіями: крупичатой, первача, подрукавной, межеумка и сѣрокуличневой. Изъ 1200 четвертей пшеницы (передѣлъ) добывается крупичатой 600 мѣшковъ (мѣшокъ пять пудъ), первачу 590, подрукавной 290, межеумку 285 и сѣрокуличневой 114. Кромѣ того, мелкихъ отрубей 268 кулей и крупныхъ или шапшы 216 кулей. Но подробности объ этомъ предметѣ, равно какъ чертежи и описанія новыхъ изобрѣтеній будутъ помѣщены въ спеціяльномъ журналѣ, издаваемомъ Московскимъ Обществомъ С. Х.

ютъ всегда ограниченное число читателей, и что надобно щадить вниманіе и этихъ немногихъ. Таковъ удѣлъ всѣхъ писаній, непринадлежащихъ собственно къ изящной словесности. Невольно вспомнишь, хотя теперь уже и поздно, анекдотъ, приведенный членомъ Парижской Академіи Бабине въ своей статьѣ объ успѣхахъ астрономіи въ 1855 году (Revue des deux mondes, Décembre), анекдотъ о другомъ академикѣ, знаменитомъ Берту, великомъ знатокѣ часоваго искусства.

Онъ любилъ читать въ Академіи свои нескончаемые мемуары объ эшапементахъ разнаго рода часовъ, то есть, о различныхъ способахъ уравнивать ходъ хронометра, о различныхъ способахъ взаимнодѣйствія маятника или баланса и зубчатыхъ колесъ. Несмотря на важность предмета для астрономіи, мореплаванія, географіи и всѣхъ искусствъ мирныхъ и военныхъ, на одномъ изъ продолжительныхъ засѣданій, во время чтенія Берту объ эшапементахъ, утомленный собратъ написалъ слѣдующее четверостишіе:

Berthoud, quand de l'échappement
Tu nous traces la théorie
Heureux qui peut adroitement
S'échapper dé l'Académie!

потомъ онъ вышелъ. Сосѣдъ прочелъ стихи и воспользовался совѣтомъ; зала опустѣла; остались президентъ и секретари, прикованные къ кресламъ своимъ величіемъ.

Такъ и намъ многіе могутъ отказать во вниманіи, но никто, вѣроятно, не откажетъ въ высокомъ значеніи такимъ предметамъ, каковы обсѣмененіе полей, жнитво, молотьба, сохраненіе и размолъ хлѣбныхъ зеренъ; они всегда занимали первое мѣсто въ важномъ вопросѣ о народномъ пропитаніи.

А. Ершовъ.

СКВОРЕЦЪ

Что ты сидишь такой чопорный, чинный,
Что не летаешь, не рѣзвишься, скворушка:
Хвостикъ коротенькой, носъ за то длинный,
Ножки высокія; пестрое перышко?

Вотъ для тебя муравьиныя кочки...
Будь же смѣлѣе, вѣдь здѣсь не гостиная!
Все настоящее — лѣсъ и кусточки....
Слышишь, какъ пѣсня звучитъ соловьиная?

Что за погода сегодня! Какъ пышн о
Дерево гибкія вѣтви развѣсило!
Вѣтеръ играетъ по листьямъ, и слышно,
Какъ межь собой они шепчутся весело.

Птицамъ небеснымъ тепло и пріятно....
Скворушкѣ также пріятно — по своему:
Вскочитъ на вѣтку, соскочитъ обратно.
Пѣсни горланятъ пускай себѣ.... что́ ему?

Если другія безумствуютъ птицы, —
Чувство достоинства въ немъ не потеряно;
Радостямъ онъ полагаетъ границы
И наслаждаться желаетъ умѣренно.

Птица, особой хвалы ты достойна!
Эдакихъ птицъ по лѣсамъ и не видано!..
Но почему-жь ты умна и пристойна?
Въ комнатахъ вскормлена, въ клѣткѣ воспитана...

И не измѣнишь ты свѣтской привычки,
И сохранишь ты манеры учтивыя...
Нѣтъ, ты не то, что всѣ прочія птички
Глупыя, дикія и шаловливыя.

Вонъ какъ играютъ! Высоко, высоко
Въ небѣ ихъ стая нестройная носится!
Въ полѣ, въ лѣсу, за рѣкою далеко
Слышится громкая разноголосица....

А. Жемчужниковъ.

ПѢСНЯ

Мое сердце—родникъ, моя пѣсня—волна,
Пропадая вдали, разливается.

Подъ грозой моя пѣсня какъ туча темна,
На зарѣ—въ ней заря отражается.

Если жь вдругъ вспыхнутъ слезы горячей любви,
Или горе на сердцѣ накопится,

Въ лоно пѣсни моей льются слезы мои,
А волна уноситъ ихъ торопится...

Я. Полонскій.

ТРУЖЕНИКЪ

Честь и слава всѣмъ трудамъ!
Слава каждой каплѣ пота!
Честь мозолистымъ рукамъ!
Да спорится ихъ работа!
Но забудемъ ли о томъ,
Кто безропотно страдаетъ,
И, работая умомъ,
Горькій вѣкъ свой убиваетъ?

Такъ иного я знавалъ:
Духомъ онъ стремился въ небо,
Но во прахѣ изнывалъ,
Пресмыкаясь, ради хлѣба!
Такъ съ семьею на плечахъ
Хлопоталъ онъ и трудился,
Цѣлый вѣкъ свой былъ въ тискахъ,
И какъ рыба объ ледъ бился!

И сидѣлъ онъ и писалъ,
Блѣдный, съ впалыми щеками, —
А межъ тѣмъ востокъ сіялъ,
Вѣтерокъ игралъ цвѣтами,
Пѣлъ весенній соловей,
Паръ дымился надъ рѣкою....
Онъ надъ книгою своей
Гнулся — труженикъ душою!

Наконецъ не стало силъ!
Кончилъ онъ свое боренье....
Лишь порой къ нему сходилъ
Лучъ завѣтный вдохновенья:

Ночью вдругъ его лобзалъ
Поцѣлуй знакомой музы, —
И свободно возлеталъ
Прежній геній, сбросивъ узы.

Вѣчнымъ сномъ теперь онъ спитъ;
Прахъ его земля сокрыла;
Одинокая стоитъ
Безъ креста его могила.....
И малютки, и жена
Плачутъ бѣдныя, безъ пищи....
Только имя безъ пятна
Имъ отецъ оставилъ нищій!

Честь и слава всѣмъ трудамъ!
Слава каждой каплѣ пота!
Честь мозолистымъ рукамъ!
Да спорится ихъ работа!
Вспомнимъ съ честью и о томъ,
Кто безропотно страдаетъ,
И, работая умомъ,
Горькій вѣкъ свой убиваетъ!

Ѳ. Миллеръ.

СЕМЬ СТИХОТВОРЕНІЙ

I.

КАНАРЕЙКА.

Канарейка кормъ клевала
Въ клѣткѣ ивовыхъ вѣтвей,
Звонко пѣсни распѣвала,
Пѣсни вольности своей.

Вѣчно плѣнницу тревожитъ
Мутный сонъ счастливыхъ дней —
И понять она не можетъ
Странной участи своей.

Запоетъ она въ неволѣ
Пѣсни вольности своей:
Зелень рощи, свѣжесть поля,
Островъ дальній — снятся ей.

1854. Москва.

II.

СѢВЕРЪ.

Люблю тебя, страны моей родной
Широкій сводъ туманно-голубой,
Когда надъ сжатыми, просторными полями
Ты низомъ стелешься, волнуясь облаками,
И вдаль идешь... и всюду твой просторъ
Являетъ тотъ же необъятный кругозоръ.

Однообразны сѣвера картины,
Не веселъ видъ его нѣмыхъ полей!
Ни пашни долгія, ни долгія равнины
Суровой прелестью и грустію своей
Природою изнѣженнаго сына
Не привлекутъ восторженныхъ очей.

Но сынъ задумчивый задумчиваго края,
Онъ любитъ родину: ея печаль
Его душѣ знакомая, родная.
Отъ раннихъ лѣтъ глядитъ онъ съ грустью въ даль,
Какъ небо родины его угрюмый,
Съ холодной, вопрошающею думой.

И пѣсня ли порой по степи прозвучитъ,
Суровая! ее не оживитъ.
Какъ жизнь—она протяжна и уныла,
Какъ сердце—жалобы безропотной полна.
Случайной странницей заслышалась она —
И пуще тайныя мечты расшевелила.

1855 Село Б.

III.

ЗАМѢТКА.

Глупца разубѣждать въ его побѣдѣ мнимой
Идетъ лишь мальчику; не слѣдуй въ томъ ему:
Молчанье гордое и взоръ невозмутимый
Пристойны болѣе высокому уму.
Гляди на свѣтъ безъ грусти, безъ упрека.
Пусть не смутитъ покоя твоего
Побѣда дерзкая нахальнаго порока,
И глупости крикливой торжество.

1855. Москва.

IV.

ИВА.

Рыбакъ! ты видалъ ли, какъ ива цвѣтетъ,
Склоняясь надъ тихой равниною водъ?

Съ зарей благовонною, въ утренній часъ,
Цвѣтками, сережками вся убралась.

Но къ полдню ужь ихъ нагоняетъ твой челнъ,
По пруду разсѣянныхъ зыбею волнъ.

Обсыпалась ива — сталъ жалобенъ видъ —
Она сиротливо на солнце глядитъ!

Въ безмолвіи дальше твой челнъ поплыветъ,
И дума невольная въ сердце падетъ:

«Не такъ ли, что дѣвственный, ивовый цвѣтъ,
И сны развѣваются дѣвственныхъ лѣтъ?

«Не такъ ли, что ива у дремлющихъ водъ,
Мечтами своими и юность цвѣтетъ?»

1854. Москва.

V.

АНГЕЛЪ.

Я слышалъ: чей-то голосъ пѣлъ
Молитву о душахъ скорбящихъ —
И тихій ангелъ въ небѣ пролетѣлъ:
Я видѣлъ край его одеждъ блестящихъ.

И омрачилось небо тьмой,
И скрылось тихое видѣнье.
Кто озаритъ удѣлъ печальный мой!
Кто мнѣ напомнитъ ласковое пѣнье?

1854. Москва.

VI.

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Чуть вѣтерокъ завѣетъ теплотою,
И въ воздухѣ заслышится весна,
Моя душа, смущенія полна,
Печальною объемлется мечтою.

Слезятся медленно покровы ледяные,
Отъ солнца жаркаго въ могилу уходя;
Сіяютъ въ рощахъ листья молодые
Сквозь капли первыя весенняго дождя.

Цвѣтовъ ликующихъ веселое явленье
Привѣтствуетъ возстаніе луговъ....
Но омывается природы обновленье
Слезами горькими дряхлѣющихъ снѣговъ.

1854. Москва.

VII.

ПѢСНЬ САФО.

Мнѣ опять судьба послала
Золотую встрѣчу съ нимъ.
Сердце пуще вѣрить стало
Снамъ мучительнымъ своимъ.
О! когда бы вѣдать могъ онъ
Чары вешней красоты:
Милы мнѣ кудрявый локонъ,
И Діанины черты.
Сердце Сафо страстью знойной
По тебѣ напоено,
И безумно, отрокъ стройный,
Я люблю тебя давно.
Но онъ робокъ! онъ краснѣетъ!
Онъ бѣжитъ моихъ рѣчей!
Хоть желалъ бы—не умѣетъ
Отвѣчать любви моей!

Н. Павловъ.

1854. Москва.

СУВОРОВЪ.

Глава изъ приготовленной ко второму изданію «Исторіи войны 1799 года» (1).

Кончина принца Оранскаго, молодаго человѣка, подававшаго блестящія надежды своими воинскими дарованіями, поставила австрійское министерство въ крайнее затрудненіе относительно назначенія новаго главнокомандующаго союзною арміею въ Италіи. Сначала вниманіе обратилось на принца Фердинанда виртембергскаго; но выборъ этотъ былъ отклоненъ подъ предлогомъ непріятныхъ отношеній вѣнскаго двора къ брату принца, владѣтельному герцогу Виртембергскому. За тѣмъ рѣшено было ввѣрить армію венгерскому палатину эрцъ-герцогу Іосифу; но молодой принцъ никогда еще не бывалъ на войнѣ. Могъ ли юноша, неопытный въ дѣлѣ воинскомъ, бороться съ французскими генералами, снискавшими уже боевую знаменитость? Невыгоду эту министерство австрійское полагало устранить назначеніемъ молодому эрцъ-герцогу помощника и руководителя изъ числа опытныхъ генераловъ. Но и тутъ представилось затрудненіе въ выборѣ: между старшими генералами австрійскими одни были извѣстны болѣе пораженіями, чѣмъ побѣдами; другіе не пользовались достаточнымъ довѣріемъ императора, или лучше сказать

(1) Отрывокъ этотъ взятъ изъ первой части, написанной вновь Д. А. Милютинымъ, въ замѣнъ прежней, составленной покойнымъ Михайловскимъ-Данилевскимъ. Такимъ образомъ «Исторія войны 1799 г.» выйдетъ въ свѣтъ вторымъ изданіемъ, почти какъ новое сочиненіе. *Ред.*

министра его, который опасался съ ихъ стороны происковъ и козней. Послѣ долгихъ колебаній, вѣнскій дворъ вынужденъ былъ наконецъ прибѣгнуть къ императору Павлу и просить его о назначеніи помощникомъ и руководителемъ эрцъ-герцогу русскаго генерала, «знаменитаго мужествомъ и подвигами». Императоръ Францъ рѣшился ввѣрить судьбу своего оружія и своей монархіи—фельдмаршалу графу *Суворову*.

Просьба вѣнскаго двора была принята императоромъ Павломъ съ живою радостію. Государь, прочитавъ два раза письмо своего союзника, сказалъ бывшему при этомъ графу Ростопчину: «Вотъ, Русскіе на все пригодятся! порадуйся!» (См. прилож. I). Немедленно же флигель-адъютантъ Толбухинъ отправленъ къ Суворову, въ новгородскую его деревню Кончанскъ, гдѣ старый фельдмаршалъ жилъ въ изгнаніи уже почти два года.

Чтò же побудило вѣнскій дворъ избрать главнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ предстоявшей войнѣ семидесятилѣтняго старика, скрывавшагося въ глуши деревенской? Чтò заставило надменнаго австрійскаго министра, откинувъ всякую національную гордость, прибѣгнуть къ иноземцу, который по видимому и въ отечествѣ своемъ уже преданъ былъ забвенію?

Не смотря на временное удаленіе Суворова, слава его гремѣла въ народѣ; войска одушевлялись при одномъ имени его; разказы о дивныхъ подвигахъ Суворова, перемѣшанные съ безчисленными подробностями о странностяхъ его, переходили изъ устъ въ уста, переносились отъ чертоговъ царскихъ до хижины поселянина. Въ цѣлой Европѣ знали маленькаго русскаго генерала, который наводилъ такой ужасъ на польскихъ конфедератовъ и такъ удачно расправлялся съ Турками. Но въ особенности Австрійцамъ онъ былъ знакомъ съ кампаніи 1789 г., когда онъ выручалъ два раза принца Кобургскаго и одержалъ вмѣстѣ съ нимъ двѣ блистательныя побѣды, при Фокшанахъ и на Рымникѣ, за чтò и возведенъ былъ въ достоинство графа Римской Имперіи. Кромѣ того вѣнскій дворъ долженъ былъ вспомнить, что еще въ 1796 г. императрица Екатерина, вознамѣрившись послать на помощь Австріи русскія войска, поручала начальство надъ ними Суворову.

Впрочемъ не всѣ изъ современниковъ судили одинаково объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ: едва ли даже о комъ либо другомъ мнѣнія были столь противоположны. Обожаемый солдатами,

прославляемый народомъ, Суворовъ имѣлъ и фанатическихъ поклонниковъ, и строгихъ судей, и непримиримыхъ враговъ. Одни преклонялись безотчетно предъ его несомнѣннымъ геніемъ; другіе осмѣивали его странности и шуточныя выходки; многіе смотрѣли на него, какъ на загадку психологическую. Въ сочиненіяхъ, изданныхъ и при жизни еще Суворова, и вскорѣ по кончинѣ его, находимъ тѣ же рѣзкія крайности: въ пасквиляхъ, выходившихъ во Франціи и частію въ Германіи, представляли русскаго полководца какимъ-то полудикимъ варваромъ, геніемъ разрушенія, кровожаднымъ, жестокимъ; сдѣлали изъ него пугало для дѣтей. Бо́льшая же часть русскихъ жизнеописаній походитъ на панегирики, въ которыхъ перемѣшаны, безъ строгой критики, факты истинные съ анекдотами вымышленными или переиначенными. Многіе изъ этихъ анекдотовъ вошли уже въ число преданій народныхъ, такъ что теперь и трудно очистить истину отъ примѣси баснословной.

Однако же, съ другой стороны, безпристрастнѣе можетъ быть сужденіе потомства, чѣмъ современниковъ. Для Суворова нынѣ потомство уже наступило. Постараемся же, сколько можно въ краткомъ очеркѣ, обрисовать личность этого необыкновеннаго человѣка, занимающаго главное мѣсто въ числѣ дѣйствующихъ лицъ въ описываемой войнѣ.

Чтобы постигнуть личность столь оригинальную и своеобразную, необходимо прослѣдить, какъ постепенно развился этотъ необыкновенный характеръ. Съ самаго малолѣтства и во всю жизнь Суворовъ шелъ своимъ особымъ путемъ, не тѣмъ, который былъ обычною колеею большинства. Онъ не былъ съ колыбели записанъ въ полкъ, какъ бо́льшая часть баричей того времени; казалось даже, онъ и не рожденъ былъ для военнаго поприща: малорослый, сухощавый, онъ былъ ребенкомъ слабаго сложенія. Отецъ его —хотя самъ заслуженный генералъ—предназначалъ своего сына къ службѣ гражданской, и потому заставлялъ его съ малолѣтства учиться языкамъ и наукамъ. Юноша показывалъ и охоту къ ученію, и способности. Онъ былъ ума бойкаго, живаго, и рано обнаруживалась въ немъ необыкновенная твердость характера. Попадавшіяся ему книги прочитывалъ онъ съ жадностію; особенно же пристрастился къ Плутарху и Корнелію Непоту: такое чтеніе настроило душу его къ высокимъ помысламъ, вселило въ нее често-

любіе и любовь ко славѣ. Десятилѣтній Суворовъ мечталъ уже какъ бы сдѣлаться великимъ мужемъ. Изъ всѣхъ родовъ славы, болѣе всѣхъ плѣнила его слава воинская; и вотъ онъ принялся усердно читать походы Александра Македонскаго, Цезаря, Карла XII; началъ изучать фортификацію по какимъ-то старымъ отцовскимъ книгамъ; во что бы ни стало захотѣлъ онъ быть воиномъ. Родитель его, послѣ многихъ возраженій, уступилъ явной наклонности сына, и на двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ записалъ его въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ (Семеновскій). Вскорѣ за тѣмъ, на пятнадцатомъ году, Суворовъ поступилъ въ тотъ же полкъ уже на дѣйствительную службу рядовымъ, и девять лѣтъ несъ солдатскую лямку, постепенно проходя всѣ низшія званія; капрала, унтеръ-офицера и сержанта (см. прилож. II). Только въ 1754 г., на двадцатипятилѣтнемъ возрастѣ, Суворовъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ, поручикомъ въ армію: въ эти лѣта многіе изъ его сверстниковъ были уже генералами или по крайней мѣрѣ полковниками (1).

Такое начало служебнаго поприща имѣло весьма важное значеніе въ жизни Суворова. Проживъ долго вмѣстѣ съ солдатами, онъ совершенно сроднился съ ихъ бытомъ, съ ихъ привычками, съ ихъ языкомъ. Всѣмъ извѣстно, что Суворовъ и въ высшихъ чинахъ велъ жизнь спартанскую: не иначе спалъ, какъ на соломѣ или на сѣнѣ; вставалъ съ зарею; довольствовался пищею самою простою; одѣвался весьма легко, даже зимою; ненавидѣлъ всякую роскошь; избѣгалъ званыхъ обѣдовъ, пировъ; изгонялъ все, что только могло нѣжить тѣло и размягчать душу. Придворную жизнь, общество женщинъ, городскія увеселенія, считалъ онъ вредными для воина. Настоящая сфера его была въ лагерѣ, на бивакѣ, въ походѣ. Пріучившись съ молодыхъ лѣтъ къ такому строгому образу жизни, Суворовъ, можно сказать, передѣлалъ даже натуру свою: здоровье его укрѣпилось; съ виду щедушный и слабый, онъ однако же выносилъ лучше другихъ и утомленіе, и непогоду, и лишенія всякаго рода.

Конечно не безъ умысла Суворовъ старался во внѣшней своей

---

(1) Румянцевъ былъ полковникомъ на 19 году, а генераломъ на 22-мъ; И. И. Салтыковъ — полковникомъ 23-хъ лѣтъ, генераломъ 25; Рѣпнинъ и Каменскій были генералами на 28 и 31 году жизни.

жизни примѣняться къ солдатскому быту. Но какъ ошибались тѣ, которые почитали его въ самомъ дѣлѣ простымъ, невѣжественнымъ солдатомъ, одареннымъ только какимъ-то инстинктомъ военнымъ! Суворовъ, какъ мы видѣли, получилъ еще въ родительскомъ домѣ такое приготовительное образованіе, какого не получали обыкновенно военные люди того времени. Тогда существовало еще въ полной силѣ то повѣрье, что для военной службы учиться не нужно, ибо невѣжество не считалось недостаткомъ. Суворовъ, напротивъ того, вынесъ изъ дома родительскаго уваженіе къ наукѣ и жажду знанія; не успѣвъ кончить начатое воспитаніе, онъ дополнялъ его въ послѣдствіи самоучкою (1). Уже въ чинѣ офицерскомъ, въ свободное отъ службы время, вмѣсто обыкновенныхъ развлеченій праздной молодости, запирался онъ въ свою комнату, прилежно учился и много читалъ (2). Этой любви къ наукѣ Суворовъ не измѣнилъ во всю жизнь свою, и точно также, какъ во дни юности, благоговѣлъ всегда предъ великими историческими именами, которыя поставилъ себѣ въ идеалъ. Можно даже сказать, что военный геній Суворова, не смотря на всю оригинальность свою, выработался подъ вліяніемъ классическихъ впечатлѣній.

Занятія умственныя, конечно, не мѣшали Суворову съ первыхъ лѣтъ службы обратить на себя вниманіе начальниковъ примѣрнымъ усердіемъ и точностію въ исполненіи своихъ обязанностей: какъ прежде былъ онъ солдатомъ самымъ исправнымъ въ полку, такъ потомъ и офицеромъ самымъ ревностнымъ; онъ считался, какъ говорится, «служакою». Одаренный отъ природы необыкно-

---

(1) Въ біографіяхъ Суворова обыкновенно упоминается, что онъ превосходно зналъ многіе иностранные языки и отлично писалъ на отечественномъ. Онъ дѣйствительно имѣлъ особенную способность къ языкамъ и учился имъ съ необыкновенною легкостію; онъ могъ свободно объясняться на французскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ, турецкомъ, даже понималъ нѣсколько финскій, а въ послѣдствіи выучился немного италіянскому. Но говоря откровенно, оставшіяся отъ него рукописи доказываютъ, что на всѣхъ языкахъ, не исключая и русскаго, писалъ онъ весьма неправильно. Ужели откровенное это сознаніе можетъ на сколько нибудь умалить славу такого великаго человѣка!

(2) Онъ даже напечаталъ нѣкоторые литературные опыты свои въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ: «Ежемѣсячныя Сочиненія». Это могло въ то время считаться чѣмъ-то необыкновеннымъ.

венною энергіею и силою воли, Суворовъ принимался за все съ жаромъ, съ любовью, и ничего не дѣлалъ на половину. Службѣ предался онъ вполнѣ, всею душою, и строгое выполненіе обязанностей своихъ доводилъ до педантизма. По этому на него преимущественно возлагались служебныя порученія, требовавшія распорядительности и точности. Еще сержантомъ былъ онъ посыланъ за границу, съ депешами: въ Варшаву и Берлинъ. Спустя два года по производствѣ въ офицеры (1756), онъ состоялъ оберъ-провіантмейстеромъ, потомъ генералъ-аудиторъ-лейтенантомъ; за тѣмъ, въ 1758 г., когда русскія войска выступили въ походъ въ Пруссію, Суворовъ, въ чинѣ премьеръ-маіора, формировалъ третьи баталіоны въ Лифляндіи и Курляндіи, и былъ комендантомъ въ Мемелѣ. Выпросивъ дозволеніе отправиться въ дѣйствующую армію, онъ былъ немедленно же назначенъ въ должность «генеральнаго и дивизіоннаго дежурнаго» при генералѣ Ферморѣ. Первые опыты Суворова, собственно на боевомъ поприщѣ, были при занятіи Кроссена и въ сраженіи подъ Кунерсдорфомъ. Въ послѣднія кампаніи Семилѣтней Войны, онъ состоялъ въ отрядѣ генерала Берга, и командовалъ самъ отдѣльными легкими отрядами. Генералъ Бергъ отозвался о подполковникѣ Суворовѣ, какъ объ отличномъ кавалерійскомъ офицерѣ, «быстромъ при рекогносцировкѣ, отважномъ въ битвѣ и хладнокровномъ въ опасности». Въ этихъ партизанскихъ наѣздахъ впервые обнаружились и быть можетъ зародились тѣ свойства Суворова, которыя въ послѣдствіи составляли главныя отличительныя черты всѣхъ его военныхъ дѣйствій: предпріимчивость, энергія, рѣшимость, находчивость.

Присланный въ 1762 г. изъ Пруссіи въ Петербургъ съ донесеніями къ императрицѣ,—Суворовъ тутъ въ первый разъ имѣлъ случай представиться Екатеринѣ Великой. Тогда же онъ произведенъ былъ въ полковники, въ Астраханскій пѣхотный полкъ, стоявшій въ Новой Ладогѣ, и командовалъ имъ въ продолженіи шести лѣтъ. Онъ бывалъ съ полкомъ въ столицѣ для занятія карауловъ, участвовалъ въ учебномъ лагерѣ и маневрахъ подъ Царскимъ Селомъ, и такимъ образомъ сдѣлался лично извѣстенъ императрицѣ, какъ отличный и умный полковой командиръ. Но Суворову не довольно было репутаціи исправнаго штабъ-офицера; съ самыхъ молодыхъ лѣтъ въ немъ кипѣло пламенное честолюбіе;

во что бы ни стало хотѣлъ онъ достигнуть славы и знаменитости и давно придумывалъ средства къ тому. Наконецъ одно случайное обстоятельство, какъ говорятъ, навело его на мысль: разъ императрица Екатерина въ разговорѣ выразилась, что всѣ великіе люди имѣли въ себѣ что нибудь особенное, чѣмъ отличались отъ людей обыкновенныхъ. Замѣчаніе это запало глубоко въ умѣ Суворова: онъ заключилъ, что одни достоинства и заслуги не могутъ проложить пути къ извѣстности; что надобно прежде всего дать замѣтить себя чѣмъ нибудь особеннымъ, отдѣлиться отъ большинства людей; однимъ словомъ, что надобно сдѣлаться *оригинальнымъ*. Такъ по крайней мѣрѣ можно всего вѣроподобнѣе объяснить начало тѣхъ странностей, которыми дѣйствительно Суворовъ успѣлъ скоро обратить на себя общее вниманіе; начавъ съ легкихъ шутокъ, приговорокъ, мало по малу сдѣлался онъ вполнѣ чудакомъ: и въ разговорѣ, и въ письмѣ, и въ походкѣ, и въ самой службѣ. Отбросивъ общепринятыя внѣшнія формы приличія, Суворовъ ничего не дѣлалъ какъ другіе люди: говорилъ отрывисто, какими-то загадочными фразами, употреблялъ свои особыя выраженія, кривлялся, дѣлалъ разныя ужимки, ходилъ припрыгивая. Примѣняясь къ солдатскому быту, онъ довелъ до крайности свой спартанскій образъ жизни: вставая съ зарею, бѣгалъ по лагерю въ рубашкѣ, кричалъ пѣтухомъ, обѣдалъ въ восемь часовъ утра; притворялся, будто не можетъ выносить зеркалъ, боясь увидѣть въ нихъ самого себя. Въ одеждѣ своей Суворовъ также не соблюдалъ общей формы: часто въ лѣтній жаръ являлся даже передъ войсками вовсе безъ мундира, только въ рубашкѣ и холщевомъ нижнемъ платьѣ; иногда же носилъ бѣлый китель съ краснымъ воротникомъ. Головной уборъ его состоялъ обыкновенно изъ маленькой каски съ чернымъ перомъ. Въ зимнее время, въ самые холодные дни имѣлъ онъ только лѣтній плащъ, который слылъ подъ названіемъ *родительскаго;* шубы никогда не носилъ, даже въ глубокой старости (1). Командуя полкомъ, онъ самъ училъ кантонистовъ ариѳметикѣ, сочинялъ для нихъ учебники, въ церкви пѣлъ на клиросѣ и читалъ апостолъ.

---

(1) Всѣмъ извѣстенъ анекдотъ о шубѣ, подаренной ему императрицею Екатериною, въ то время, когда онъ достигъ уже высшихъ чиновъ и почестей: Суворовъ никакъ не хотѣлъ надѣть эту шубу, а возилъ ее съ собою въ каретѣ.

Въ обращеніи съ подчиненными Суворовъ создалъ себѣ совершенно свою, особую систему: строгій къ каждому въ исполненіи обязанностей служебныхъ, онъ въ то же время не боялся сближаться съ солдатами, шутилъ съ ними, забавляя ихъ своими прибаутками. Говоря съ подчиненными, требовалъ отъ нихъ находчивости и смѣлости, отвѣтовъ быстрыхъ и точныхъ; слово *не знаю*—было строго запрещено. Вдругъ обращался онъ къ солдату или офицеру съ какимъ нибудь страннымъ, нелѣпымъ вопросомъ,—и немедленно же надобно было отвѣчать ему, хотя бы такою же нелѣпостію: кто отвѣтитъ остро, умно—тотъ *молодецъ, разумникъ*; кто смутится, замнется—тотъ *немогузнайка*. Обыкновенныя фразы вѣжливости, приличія, отвѣты неопредѣленные, уклончивые преслѣдовалъ онъ особыми своими терминами: «лживка, лукавка, вѣжливка» и пр.

Даже въ обученіи своего полка, Суворовъ позволялъ себѣ разныя странности: вдругъ соберетъ его ночью, по тревогѣ, и поведетъ въ походъ; водитъ нѣсколько дней сряду; переходитъ чрезъ рѣки въ бродъ и вплавь; держитъ войска въ строю на морозѣ или въ сильный жаръ. Разъ проходя мимо какого-то монастыря, въ окрестностяхъ Новой Ладоги, вдругъ велѣлъ онъ полку своему атаковать эту мирную обитель, и штурмовалъ стѣны по всѣмъ правиламъ. На Суворова жаловались за эти проказы,—но все прощалось *чудаку*.

Дѣйствительно, Суворовъ своими странностями вполнѣ достигъ предположенной цѣли: о немъ, разумѣется, начали говорить въ Петербургѣ; безчисленные анекдоты о его продѣлкахъ дошли до самой императрицы. Государыня, зная уже Суворова какъ умнаго человѣка и отличнаго полковаго командира, милостиво улыбнулась, слыша о его проказахъ. Проницательный взглядъ Екатерины умѣлъ открыть въ Суворовѣ истинныя достоинства подъ комическою маскою, которую онъ на себя надѣлъ. Всякаго другаго подобная маска сдѣлала бы смѣшнымъ шутомъ; Суворовъ, напротивъ того, умѣлъ заслужить общее уваженіе, и въ особенности солдатамъ внушилъ неограниченную къ себѣ любовь; они звали его не иначе, какъ отцомъ-роднымъ. Всѣ подчиненные, которымъ случалось быть въ близкихъ отношеніяхъ къ Суворову, дѣлались почти фанатическими приверженцами его. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ дѣйствіяхъ Суворова, въ его рѣчахъ, даже

въ его шуткахъ и проказахъ, подъ самою странною оболочкою всегда просвѣчивалъ особый, оригинальный умъ: здравый, прямой, но вмѣстѣ съ тѣмъ ироническій, даже съ примѣсью нѣкоторой своего рода хитрости,—тотъ именно родъ ума, который такъ свойственъ русскому человѣку. И въ самомъ дѣлѣ, Суворовъ по природѣ былъ, можно сказать, типомъ человѣка русскаго: въ немъ выразились самыми яркими красками всѣ отличительныя свойства нашей національности,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и во внѣшней своей жизни старался онъ систематически подражать пріемамъ русскаго простолюдина и солдата: онъ строго соблюдалъ всѣ ихъ привычки и обычаи, умѣлъ превосходно поддѣлываться подъ солдатскій языкъ, примѣняться къ ихъ образу мыслей. Будучи христіаниномъ въ душѣ, Суворовъ исполнялъ и въ наружности всѣ церковные обряды, держалъ въ точности посты, крестился проходя мимо церкви, клалъ земные поклоны предъ иконами. Однимъ словомъ, всѣ дѣйствія его проникнуты были русскимъ духомъ. Вотъ почему именно самыя странности и причуды его возбуждали такое сочувствіе въ русскихъ солдатахъ, и даже обратились въ послѣдствіи въ народную легенду. Въ этомъ же заключается и вся тайна того дивнаго нравственнаго вліянія, которое Суворовъ имѣлъ на войска.

Странности и шутки Суворова имѣли еще и другое значеніе: получивъ самое простое воспитаніе, проведши юность въ казармахъ, вмѣстѣ съ солдатами, онъ неизбѣжно чувствовалъ бы себя въ неловкомъ положеніи, находясь въ высшемъ кругу столицы или среди пышнаго двора Екатерины: сколько ударовъ пришлось бы вытерпѣть его самолюбію и гордости! Вмѣсто того, онъ поставилъ себя на такую ногу, что подъ кровомъ шутки или поговорки, высказывалъ всѣмъ, даже надменнымъ вельможамъ, такія злыя истины, которыхъ не перенесли бы они отъ другаго. Въ особенности бичевалъ онъ своими сарказмами низость и угодливость, мелкое тщеславіе, высокомѣріе, чванливость, барскую спѣсь. Правда, онъ нажилъ тѣмъ много враговъ; но что ему было до того, когда императрица благоволила и покровительствовала? Рѣшившись надѣть на себя маску, Суворовъ не могъ уже потомъ сбросить ее, и продолжалъ во всю жизнь разыгрывать странную роль; онъ выдерживалъ ее такъ вѣрно, что въ послѣдствіи даже

трудно было отличить въ немъ искусственную личину отъ природной своеобразности характера (см. прилож. III).

Впрочемъ должно замѣтить, что въ послѣдствіи, достигнувъ высшихъ чиновъ, Суворовъ умѣлъ вполнѣ, когда было нужно, измѣнять свое обычное поведеніе: въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ: при торжествахъ, церковныхъ обрядахъ, также въ разговорахъ съ иностранными дипломатами и генералами, онъ совершенно отбрасывалъ свои странности, принималъ видъ серіозный; говорилъ дѣльно, сохраняя всѣ наружныя приличія; удивлялъ часто ясностію своихъ сужденій и вѣрностію взгляда. Въ немъ были какъ будто двѣ натуры: въ кабинетѣ за дѣлами, слушалъ онъ внимательно доклады, полагалъ резолюціи, отдавалъ приказанія, не позволяя себѣ никакихъ шутокъ; но лишь только дѣла были кончены, вдругъ превращался совсѣмъ въ иного человѣка: вспрыгивалъ быстро со стула, вскрикивалъ *кушъ*, *кушъ*, и тогда начиналъ по обыкновенію шутить и дѣлать всякія проказы. Всѣмъ извѣстенъ анекдотъ, хоть можетъ быть и вымышленный, о томъ, какъ Потемкинъ, видѣвшій всегда Суворова такимъ страннымъ чудакомъ, и долго не довѣрявшій ни уму его, ни дарованіямъ, долженъ былъ наконецъ перемѣнить свое убѣжденіе: разказываютъ, будто бы императрица Екатерина, умѣвшая лучше оцѣнить истинныя достоинства Суворова, призвала однажды его въ свой кабинетъ и завела съ нимъ разговоръ о важныхъ дѣлахъ государственныхъ, между тѣмъ какъ Потемкинъ спрятанъ былъ за ширмами: услышавъ основательныя, глубокомысленныя сужденія Суворова, Потемкинъ не могъ удержать своего изумленія, вышелъ изъ-за ширмъ и сказалъ съ нѣкоторымъ упрекомъ: «Какъ худо зналъ я васъ до сихъ поръ, Александръ Васильевичъ; отчего же вы не всегда такъ говорите, какъ теперь?» Но Суворовъ въ то же мгновеніе перемѣнился, началъ опять шутить и съ обычными своими ужимками отвѣчалъ сильному временщику: «Этотъ языкъ берегу я только для одной матушки-царицы»....

Возвратимся однако же къ хронологическому порядку, и взглянемъ, какъ постепенно развилась военная дѣятельность Суворова, а вмѣстѣ съ нею какъ возрастала и знаменитость его. Мы видѣли, что съ первыхъ своихъ опытовъ въ Семилѣтнюю Войну, Суворовъ уже выказалъ особенныя способности къ дѣйствіямъ малыми отрядами, къ наѣздамъ партизанскимъ. Вскорѣ представился ему

случай еще блистательнѣе выказать тѣ же качества. Въ 1768 г., когда направлены были русскія войска въ Литву и Польшу, для усмиренія возникшихъ тамъ волненій, бригадиръ Суворовъ также получилъ повелѣніе слѣдовать туда съ Суздальскимъ пѣхотнымъ полкомъ и двумя эскадронами кавалеріи: тутъ показалъ онъ первый изумительный примѣръ своихъ быстрыхъ переходовъ, сдѣлавъ осенью, въ распутицу, около тысячи верстъ въ одинъ мѣсяцъ. Появленіе Суворова въ Польшѣ и Литвѣ навело ужасъ на конфедератовъ; съ небольшимъ отрядомъ своимъ бросался онъ стремительно то въ одну сторону, то въ другую, разсѣевалъ враждебныя сборища и разбивалъ ихъ на голову вездѣ, гдѣ только рѣшались они сопротивляться, иногда въ силахъ весьма значительныхъ. Дѣйствуя такимъ образомъ въ продолженіе трехъ лѣтъ сряду, Суворовъ тутъ вполнѣ уже выказалъ духъ своихъ военныхъ правилъ: вѣрно расчитать гдѣ надо нанести ударъ, быстрымъ движеніемъ появиться внезапно предъ непріятелемъ, атаковать его смѣло и рѣшительно,—вотъ простыя правила, которыя обыкновенно выражалъ онъ самъ извѣстными тремя словами: глазомѣръ, быстрота, натискъ. Всѣ послѣдующія кампаніи Суворова были только развитіемъ тѣхъ же основныхъ правилъ; всегда выражался тотъ же характеръ дѣйствій.

Въ 1772 году, уже въ чинѣ генералъ-маіора, Суворовъ возвратился въ Петербургъ, и немедленно отправился, по волѣ императрицы, въ Финляндію, для осмотра границы по случаю ожидаемаго тогда разрыва со Швеціею; но дѣла тутъ уладились миролюбиво, а Суворова манили битвы и побѣды: онъ выпросился ѣхать въ армію фельдмаршала Румянцева, которая дѣйствовала тогда въ Турціи. Однако же дѣйствія Румянцева, нерѣшительныя, медленныя, не удовлетворили надеждъ и желаній пылкаго и предпріимчиваго Суворова. Въ кампанію 1773 г., состоя въ корпусѣ Салтыкова, въ Валахіи, онъ начальствовалъ отдѣльнымъ отрядомъ; но по общему оборонительному положенію арміи и по малочисленности своего войска, онъ осужденъ былъ оставаться большею частію въ бездѣйствіи. Всѣ просьбы его объ усиленіи отряда были напрасны; онъ жаловался, огорчался, скучалъ отъ бездѣйствія и наконецъ занемогъ. Однако же и тутъ, не смотря на всѣ препятствія, нашелъ онъ случай совершить подвиги геройскіе: два поиска его къ Туртукаю, лежавшему на правомъ берегу Дуная, и

потомъ оборона Гирсова, были единственными замѣчательными событіями безцвѣтной и безплодной кампаніи 1773 г. Суворовъ награжденъ былъ за эти подвиги орденомъ Св. Георгія 2 ст. и чиномъ генералъ-поручика (1). Точно также и въ слѣдующую кампанію Суворову обязанъ былъ Румянцевъ единственнымъ успѣхомъ, одержаннымъ при Козлуджи. Но Суворовъ, не желая оставаться подъ начальствомъ Каменскаго и разссорившись съ нимъ, уѣхалъ изъ арміи еще до окончанія войны, подъ предлогомъ болѣзни.

Еще не былъ заключенъ миръ съ Турками, какъ Суворову открылась уже новая дѣятельность: онъ отправился на Волгу и Яикъ, для усмиренія Пугачевскаго бунта, принявшаго тогда опасные размѣры. Порученіе это было исполнено съ необыкновеннымъ усердіемъ и быстротою; самъ Пугачевъ схваченъ и казненъ. Суворовъ прибылъ въ 1775 г. въ Москву, гдѣ императрица Екатерина пышно торжествовала миръ Кучукъ-Кайнарджійскій. Около года Суворовъ оставался безъ дѣла, и въ это время вступилъ въ бракъ съ княжною Прозоровскою: но онъ не рожденъ былъ для тихаго счастія семейнаго; отдыхъ и бездѣйствіе ему скоро наскучили; онъ рвался снова въ свою стихію, на просторъ лагеря и бивака. Въ 1776 году онъ снова отправился на югъ, и въ продолженіе десяти лѣтъ, протекшихъ до начала новой войны съ Турціею, Суворовъ несъ службу самую дѣятельную и разнообразную: то въ Крыму, то на Кубани и въ Черноморіи, то въ Астрахани и на Каспійскомъ морѣ. Бывъ однимъ изъ главнѣйшихъ дѣйствователей въ запутанныхъ дѣлахъ крымскихъ, Суворовъ тутъ показалъ уже въ себѣ не одни качества отважнаго воина, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тонкій умъ въ дѣлахъ политическихъ. Утомленный наконецъ напряженною дѣятельностію и чувствуя вліяніе климата на свое здоровье, Суворовъ не разъ выражалъ желаніе перемѣнить мѣсто службы: въ 1785 году онъ вызванъ въ Петербургъ для командованія С.-Петербургскою дивизіею, но оставался тутъ не долго; ибо въ исходѣ 1786 г. снова получилъ начальство надъ войсками въ Новороссійскомъ краѣ. Назначеніе это имѣло тогда особенную

---

(1) Слѣдовательно Суворовъ достигъ чина генералъ-лейтенанта черезъ двадцать лѣтъ по производствѣ въ офицеры и на сорокъ пятомъ году жизни: тогда это считалось службою не быстрою.

важность и было знакомъ милостиваго расположенія императрицы; ибо въ то время Екатерина Великая предприняла необыкновенное свое путешествіе въ новопріобрѣтенныя южныя области. Суворовъ встрѣтилъ императрицу въ Кіевѣ, показывалъ ей свои войска и сопровождалъ ее въ великолѣпномъ ея поѣздѣ.

Въ то время Суворовъ уже достигъ высокаго положенія въ арміи и при дворѣ; произведенный въ 1786 г. въ чинъ генералъ-аншефа, онъ имѣлъ, кромѣ Георгія 2 ст., ордена: 1 ст. Св. Александра Невскаго, Св. Владиміра (большаго креста), Св. Анны и брилліантовую шпагу. При дворѣ онъ имѣлъ сильную поддержку въ Потемкинѣ, который въ то время достигъ уже высшей степени величія (1). Враги и завистники Суворова, оскорбленные его рѣзкими шутками, или съ презрѣніемъ смотрѣвшіе на его странности и приписывавшіе всѣ его успѣхи одному счастію, умолкли на время, видя, что сама императрица благоволила къ чудаку, совѣтовалась съ нимъ о дѣлахъ государственныхъ и всегда горячо вступалась за его умъ и достоинства. Екатерина Великая обладала особеннымъ даромъ и счастіемъ въ выборѣ людей: при дворѣ ея, въ арміи, во флотѣ, въ гражданскомъ управленіи, вездѣ выдвинулись замѣчательныя личности, люди блестящіе, которыхъ такъ живописно назвалъ поэтъ «екатерининскими орлами». Суворовъ блистательнѣе всѣхъ оправдалъ монаршее покровительство.

Въ 1787 году возобновилась война съ Турціею, и первымъ началомъ военныхъ дѣйствій былъ опять замѣчательный подвигъ Суворова: мужественная оборона Кинбурнской косы противъ высадки многочисленныхъ турецкихъ войскъ. Въ этомъ кровопролитномъ и упорномъ дѣлѣ Суворовъ лично подвергался большой опасности и сильно раненъ въ руку. Наградою ему былъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго. Въ слѣдующемъ году, Суворовъ съ корпусомъ своимъ поступилъ въ составъ войскъ, осаждавшихъ Очаковъ, подъ личнымъ начальствомъ Потемкина: продолжительное пребываніе цѣлой арміи въ совершенномъ бездѣйствіи подъ стѣнами неважной турецкой крѣпостцы, выводило изъ терпѣнія

(1) Потемкинъ писалъ въ это время самыя дружескія письма къ Суворову, котораго называлъ постоянно «сердечный мой другъ». Въ одномъ письмѣ князь Таврическій выразился такъ: «Ты своей персоной больше десяти тысячъ, я такъ тебя почитаю». (Сборн. князя А. А. Суворова, книга 7.)

Суворова; онъ не могъ скрывать своей досады, выражалъ ее и на словахъ и въ письмахъ; наконецъ, воспользовавшись однажды вылазкою Турокъ, онъ самъ, безъ всякаго приказанія, бросился съ двумя баталіонами вслѣдъ за непріятелемъ, чтобы внезапнымъ ударомъ ворваться въ крѣпость. Отважная попытка эта не удалась: въ кровопролитной схваткѣ Суворовъ самъ получилъ тяжелую рану въ шею, такъ что долженъ былъ уѣхать лѣчиться. Потемкинъ, уже недовольный на Суворова за его нескромныя рѣчи и письма, крайне разсердился на его самовольство и ослушаніе. Нѣсколько времени спустя, Суворовъ, еще не совсѣмъ оправившись отъ раны, снова явился къ Потемкину; но принятъ былъ такъ грозно, что принужденъ уже вовсе уѣхать изъ арміи въ Кременчугъ.

Крутой нравъ Суворова много вредилъ ему и въ отношеніяхъ служебныхъ, и въ общежитіи; онъ не умѣлъ, какъ говорится, ладить съ людьми: своеобычность его доходила до упрямства, пылкость—до строптивости, самолюбіе—до зависти (1). Для начальниковъ онъ былъ подчиненный самый безпокойный. Въ Польшѣ поссорился онъ сперва съ Веймарномъ, а потомъ, когда на смѣну послѣдняго прибылъ Бибиковъ, разссорился и съ нимъ, не смотря на прежнія дружескія къ нему отношенія. Въ Турціи Суворовъ роптать на Салтыкова, поссорился съ Каменскимъ и возстановилъ противъ себя Румянцева. Но всѣ эти размолвки не могли быть для него столь опасны, какъ гнѣвъ могущественнаго и надменнаго Потемкина. Когда «великолѣпный князь Тавриды», одолѣвъ наконецъ сопротивленіе Очакова, прибылъ въ Петербургъ, торжествовать побѣду, когда все преклонялось раболѣпно предъ временщикомъ, осыпаннымъ несмѣтными щедротами монархини,—Суворовъ казался забытымъ навсегда. Враги и завистники обрадовались уже его паденію. Но Суворовъ по прежнему стоялъ высоко въ мнѣніи императрицы и нашелъ поддержку въ графѣ Платонѣ Зубовѣ, который въ то время только что начиналъ возвышаться (2). Сама государыня, цѣня высокія достоинства Суво-

(1) «Я хочу быть первымъ въ послѣдней деревнѣ, нежели вторымъ въ Римѣ», писалъ Суворовъ въ замѣткахъ своихъ (Сборн. кн. А. А. Сувор. кн. 5.)

(2) Старшій братъ его въ послѣдствіи женился на дочери Суворова, Натальѣ Александровнѣ.

рова, постоянно покровительствовала ему и защищала противъ всѣхъ враждебныхъ на него навѣтовъ. Потемкинъ, съ своей стороны, упоенный почестями и торжествами, охотно забылъ свой гнѣвъ на генерала, въ которомъ могъ имѣть полезное для своей славы орудіе. И вотъ Суворовъ вызванъ въ Петербургъ и снова отправленъ въ дѣйствующую армію.

Въ 1789 году, Потемкинъ, принявъ общее начальство надъ обѣими арміями въ Турціи, поручилъ Суворову отдѣльный корпусъ, расположенный въ Молдавіи, у Бырлата, для связи съ австрійскимъ корпусомъ принца Кобургскаго, расположеннымъ также въ Молдавіи у Аджуда. Въ теченіе этой кампаніи Суворову пришлось два раза выручать Австрійцевъ: внезапно являлся онъ на помощь союзникамъ, и вмѣстѣ съ ними поражалъ на голову многочисленныя толпы Турокъ, сперва при Фокшанахъ, а потомъ на Рымникѣ. Оба раза Суворовъ поступилъ съ обычною своею оригинальностію: передъ сраженіемъ при Фокшанахъ никакъ не хотѣлъ онъ имѣть свиданія съ принцемъ Кобургскимъ, вѣроятно для того, чтобы избѣжать всякихъ съ нимъ преній и несогласій; оба союзныя войска соединились почти на самомъ полѣ сраженія и двинулись общимъ боевымъ порядкомъ на непріятеля. Только по окончаніи боя увидѣлись оба военачальника: они бросились другъ другу въ объятія, поздравляя взаимно съ побѣдою. Сраженіе на Рымникѣ также начато было безъ общаго предварительнаго соглашенія и вторично одержана была полная побѣда. Необыкновенная быстрота, съ которою Суворовъ прилеталъ на помощь союзникамъ, самоувѣренность, съ которою шелъ онъ атаковать непріятеля, несравненно превосходнаго въ силахъ, вѣрный расчетъ и твердость въ бою внушили принцу Кобургскому высокое уваженіе къ русскому генералу, котораго называлъ онъ своимъ спасителемъ и наставникомъ (1). Суворовъ, съ своей стороны, выхвалялъ мужество принца и храбрость австрійскихъ войскъ. Съ этого времени Суворовъ и принцъ Кобургскій были связаны узами самой искренней дружбы, и когда въ слѣдую-

---

(1) По случаю рымникской побѣды принцъ Кобургскій писалъ къ Суворову въ письмѣ: «Permettez, mon sublime maître, que je témoigne à V. E. toute ma reconnaissance de la part glorieuse que vous méritez de cette victoire et des suites fécondes qui en resultent...»

щемъ году пришлось имъ разставаться (по случаю примиренія Австріи съ Турціею), то принцъ простился съ союзникомъ своимъ самымъ трогательнымъ письмомъ (1). Имя Суворова сдѣлалось знаменитымъ въ Австріи; императоръ Іосифъ возвелъ его въ графы Римской Имперіи. Императрица Екатерина осыпала его наградами: онъ получилъ графское достоинство съ титуломъ Рымникскаго, бриліянтовые знаки Св. Андрея Первозваннаго и орденъ Св. Георгія 1-й степени.

Однѣ побѣды Суворова придали блескъ кампаніи 1789 года; самъ же Потемкинъ почти все время оставался въ бездѣйствіи. Слѣдующая кампанія была еще безцвѣтнѣе и безплоднѣе; въ то время, когда Австрія примирилась уже съ Турціею, когда Потемкинъ велъ также переговоры и ограничивался обложеніемъ и осадою нѣкоторыхъ крѣпостей, Суворовъ не переставалъ порицать нерѣшительность военныхъ дѣйствій и твердилъ о томъ, чтобы идти за Дунай, даже къ самому Цареграду. Въ концѣ года, Потемкинъ, желая какимъ нибудь успѣхомъ заключить кампанію и сдѣлать Турокъ уступчивѣе въ переговорахъ, рѣшился овладѣть Измаиломъ: предпріятіе это, считавшееся дотолѣ неисполнимымъ, возложено было на Суворова, и скоро неприступный Измаилъ взятъ штурмомъ. Побѣда стоила много крови; немногіе изъ защитниковъ крѣпости остались въ живыхъ; но обвинять въ томъ побѣдителя, упрекая его въ жестокости и безчеловѣчіи, могли только тѣ, которые не знали, съ какимъ отчаяннымъ ожесточеніемъ дрались Турки въ своихъ крѣпостяхъ.

Взятіе Измаила было однимъ изъ блистательнѣйшихъ и громкихъ подвиговъ Суворова; но послѣдствіемъ былъ окончательный разрывъ съ Потемкинымъ. Пріѣхавъ къ нему въ Яссы, Суворовъ былъ оскорбленъ пріемомъ Потемкина, который, обнявъ побѣдителя, сказалъ ему: «чѣмъ могу я наградить васъ, Александръ Васильевичъ?» Вспыльчивый Суворовъ надменно возразилъ на это: «Кромѣ Бога и матушки-государыни, никто наградить меня не можетъ». Потемкинъ въ бѣшенствѣ не нашелъ ни одного слова; они разстались непримиримыми врагами и болѣе уже не видались. Суворовъ отправился въ Петербургъ; единственною на-

(1) До послѣдняго года своей жизни Суворовъ былъ въ дружеской перепискѣ съ принцемъ Кобургскимъ.

градою ему за взятіе Измаила было званіе подполковника гвардіи, тогда какъ Потемкинъ, также пріѣхавшій вскорѣ потомъ въ столицу, былъ принятъ настоящимъ побѣдителемъ (1). Взятіе Измаила торжествовали пышно; а Суворова при этомъ какъ будто позабыли. Однако же императрица, продолжая покровительствовать ему, вздумала снова дать ему порученіе на шведской границѣ: едва только Государыня выразила о томъ свое намѣреніе, какъ Суворовъ въ тотъ же день садится въ телѣжку, выѣзжаетъ изъ Петербурга, и пишетъ изъ Выборга къ императрицѣ: «жду повелѣній твоихъ, матушка!» Подобныя продѣлки уже не удивляли императрицу: Суворову поручено было начальство надъ войсками въ Финляндіи.

Такое назначеніе имѣло почти видъ почетнаго изгнанія; тяжко было Суворову удаленіе отъ театра войны (2). Но въ тотъ же годъ (1791) война съ Турціею кончилась Ясскимъ миромъ, а Потемкинъ вскорѣ умеръ. Суворовъ оставался еще болѣе года въ Финляндіи, занимался своею должностью съ обычнымъ рвеніемъ и усердіемъ: обучалъ войска, осматривалъ крѣпости, строилъ укрѣпленія. Старанія его искоренить замѣчаемыя въ службѣ злоупотребленія, и откровенныя о томъ донесенія, опять вооружили противъ него множество старыхъ и новыхъ враговъ. Въ Петербургѣ осуждали всѣ дѣйствія Суворова; находили во всѣхъ распоряженіяхъ его самоволіе и прихоти; между прочимъ болѣе всего кричали, что онъ изнуряетъ солдатъ ученіями, и въ особенности, что вздумалъ будто бы уничтожать госпитали, столь необходимые по климату Финляндіи, располагающему къ скорбуту. Суворовъ, глубоко огорченный распускаемыми на его счетъ клеветами, горячо опровергалъ ихъ въ своихъ письмахъ, оправдывался и не щадилъ своихъ враговъ. Относительно госпиталей писалъ онъ: «говоря *отмѣнить*, я разумѣлъ *опорожнить* госпитали оздоровленіемъ». Къ этому прибавлялъ вообще свое мнѣніе объ этомъ предметѣ: «Не терплю госпиталей; тотъ ихъ любитъ, «кто не радѣетъ о здоровьѣ солдата. Минералы и ингреденціи не

---

(1) Всѣмъ участвовавшимъ въ штурмѣ Измаила розданъ былъ особый знакъ отличія (см. прилож. IV).

(2) Во всѣхъ своихъ письмахъ съ того времени Суворовъ выражалъ нетерпѣливое желаніе быть перемѣщеннымъ и задумывалъ даже проситься волонтеромъ въ союзныя арміи (см. Сборн. кн. А. А. Сув. кн. 5).

«по солдатскому воспитанію»... «По вступленіи моемъ въ управ-«леніе Финляндіею, я нашелъ 1000 чел. въ двухъ госпиталяхъ; «теперь ихъ остается только 40. Въ госпиталь слѣдуютъ у меня «чахотка, водяная, кашель да..., а остальное должно лѣчить въ ар-«теляхъ. Кислая капуста, табакъ, хрѣнъ—и нѣтъ скорбута»... и т. д. (см. прилож. V).

Возраженія эти приводимъ здѣсь въ особенности потому, что въ числѣ различныхъ обвиненій, которыя навлекъ на себя Суворовъ, чаще всего упрекали его въ томъ, будто бы онъ не заботился о сбереженіи солдатъ, жертвовалъ ими безчеловѣчно: и при штурмахъ, и въ сраженіяхъ, и въ быстрыхъ походахъ, и даже въ мирное время, на ученіяхъ. Правда, Суворовъ не избѣгалъ рѣшительныхъ сраженій, а напротивъ того, искалъ ихъ, предпочитая одинъ рѣшительный ударъ продолжительнымъ, безплодным кампаніямъ: но всякое предпріятіе его было заранѣе обдумано, и когда онъ рѣшался на что нибудь, то никогда уже не колебался въ исполненіи; настойчивость и непреклонная воля составляли отличительныя черты всѣхъ его дѣйствій (см. прилож. VI). Конечно, это вело иногда къ сильнымъ кровопролитіямъ; но кто же сомнѣвается въ томъ, что продолжительные безплодные маневры, осады, блокады, сто́ятъ еще большей потери въ людяхъ, чѣмъ битвы самыя кровопролитныя? При своихъ маршахъ, неимовѣрно быстрыхъ, Суворовъ имѣлъ въ виду, что внезапность появленія предъ непріятелемъ сто́итъ почти побѣды и съ избыткомъ вознаграждаетъ за нѣсколько лишнихъ отсталыхъ. Только посредствомъ этой быстроты удавалось Суворову въ Польшѣ предупреждать сборы конфедератовъ и съ ничтожными силами разбивать ихъ многочисленныя толпы (1). Притомъ Суворовъ умѣлъ, особымъ своимъ распредѣленіемъ марша, облегчать войскамъ тягость переходовъ, какъ увидимъ подробно въ кампаніи италійской. Онъ даже хвалился самъ малою потерею людей въ своихъ походахъ (2). Въ мирное время Суворовъ также пріучалъ войска къ большимъ переходамъ и ко всѣмъ трудамъ боевой жизни, чтобы укрѣпить и

---

(1) Въ 1769 году въ Польшѣ Суворовъ сдѣлалъ почти 700 верстъ въ 14 дней; а въ 1794 (отъ Немирова къ Варковичамъ)—330 верстъ въ 7 дней: въ обоихъ случаяхъ употреблены были подводы.

(2) См. письмо Суворова 1792 года изъ Финляндіи въ «Жизни Суворова» С. Глинки, ч. II, стр. 15 и 17.

тѣло и душу солдатъ (1). Госпиталей не любилъ онъ, точно такъ же, какъ не любятъ ихъ и сами солдаты; для уменьшенія же въ войскахъ болѣзней и смертности, считалъ онъ лучшимъ средствомъ, всегда и во всемъ примѣняться къ обычному для простаго русскаго человѣка образу жизни и привычкамъ (2), наблюдать чтобы войска исправно получали все положенное имъ довольствіе, а для того искоренять безчисленныя злоупотребленія, которыя въ то время сильно развились въ управленіи военномъ. Вотъ что подняло противъ него столько злорѣчія и вражды!

Къ счастію Суворова, императрица Екатерина продолжала оказывать къ нему милостивое расположеніе, пренебрегала всѣми клеветами и не разъ выражала ему свое благоволеніе за полезные его труды по укрѣпленію шведской границы (3). Но Суворову казался тѣснымъ этотъ кругъ дѣятельности. Въ то время возобновились опять безпокойства въ Польшѣ; Суворовъ просился туда, чтобъ потушить искры прежде, чѣмъ разгорится пламя. На письмѣ его императрица написала такую резолюцію: «Польскія дѣла не «требуютъ графа Суворова: Поляки просятъ уже перемирія, дабы «уложить какъ впредь быть» (4). Въ концѣ же 1792 года Суворовъ получилъ новое назначеніе: подъ начальство его ввѣрены всѣ войска, расположенныя въ Новороссійскомъ краѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ на особенное попеченіе его возложено приведеніе въ оборонительное положеніе границы имперіи со стороны Турціи.

Поселившись въ Херсони, Суворовъ занялся обученіемъ своихъ войскъ, осмотромъ крѣпостей, инженерными работами. Въ это время получилъ онъ новые знаки монаршей милости: императрица Екатерина, торжествуя миръ съ Турціею, не забыла при

(1) Извѣстное Суворовское поученіе солдатамъ начиналось слѣдующими словами: «къ ученію хотя по одиначкѣ, рекрутъ или солдатъ, выводить всегда въ сумѣ, чтобы привыкалъ къ тягости и къ вольному дѣйствію ружьемъ: тяжело въ ученіи—легко въ походѣ; легко въ ученіи—тяжело въ походѣ.»

(2) Примѣромъ можетъ служить повелѣніе о наблюденіи здоровья солдатъ, данное Суворовымъ 31 марта 1794 года. (Часть его напечатана у С. Глинки: «Жизнь Суворова», II, стр. 25).

(3) Въ это время дочь Суворова Наталія Александровна пожалована была во фрейлины.

(4) См. письмо Турчанинова къ Суворову отъ 24 іюля 1792 года. (Левшина, Собраніе писемъ и анекдотовъ и проч.).

*

этомъ прежнихъ заслугъ Суворова, прислала ему грамоту, бриллiантовый эполетъ, перстень, и предоставила ему возложить крестъ св. Георгія 3-й степени на того, кто, по мнѣнію его, наиболѣе заслужилъ такую награду въ послѣднюю войну (1). Среди неутомимыхъ и разнообразныхъ трудовъ служебныхъ, Суворовъ слѣдилъ внимательно за ходомъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ: наблюдательный и проницательный умъ его постигъ рано всю важность тогдашнихъ событій во Франціи: Суворовъ и въ разговорѣ, и въ письмахъ предсказывалъ бѣдствія, ожидавшія Европу отъ страшнаго переворота на Западѣ, выражалъ необходимость общаго единодушнаго сопротивленія всѣхъ монарховъ разрушительному потоку революціи. Суворовъ былъ отъявленнымъ врагомъ революціоннаго духа; въ глубинѣ души своей негодовалъ онъ на низверженіе во Франціи прежняго монархическаго устройства и горячо сочувствовалъ тѣмъ пламеннымъ роялистамъ, которые рѣшились поднять оружіе на защиту законнаго престола. Суворовъ, съ дозволенія императрицы, написалъ восторженное письмо къ знаменитому предводителю Вандейцевъ, Шарету (2). Видя, какъ безуспѣшно германскія войска боролись съ республикою въ первыя кампаніи, Суворовъ досадовалъ, что императрица не хотѣла принять дѣятельнѣйшаго участія въ этой войнѣ. Онъ даже оффиціяльно просился волонтеромъ въ германскія войска, дѣйствовавшія тогда за Рейномъ. 7 іюня 1793 года Суворовъ написалъ прямо императрицѣ:

«Всемилостивѣйшая Государыня! Ваше Императорское Величи-
«чество всеподданѣйше прошу, Высочайше повелѣть меня, по
«здѣшней тишинѣ, уволить волонтеромъ къ нѣмецкимъ и союзнымъ
«войскамъ на всю кампанію, съ оставленіемъ мнѣ нынѣшняго содер-
«жанія изъ высокомонаршаго милосердія»... (см. прилож. VII).

На это прошеніе государыня милостиво отвѣчала слѣдующимъ рескриптомъ:

«Графъ Александръ Васильевичъ! Письмомъ вашимъ отъ 24 ію-
«ля (?), полученнымъ мною сего утра, вы проситесь волонтеромъ
«въ союзную армію. На сіе вамъ объявляю, что ежечасно умножа-

---

(1) См. Высочайшій рескриптъ отъ 3 сентября 1793 года.

(2) Письмо это отъ 1 октября 1795 года изъ Варшавы сочинилъ, по порученію Суворова, Гильоманшъ, авторъ книги: *Précis sur le célébre fəldm. comte Souworow* (par Guillaumanche-Duboscage).

«ются дѣла дома, и вскорѣ можете имѣть тутъ по желанію вашему «практику военную много; и такъ не отпуская васъ поправить дѣла «ученика вашего (1), который за Рейнъ убирается по новѣйшимъ вѣ«стямъ, Я нынѣ, какъ и всегда, почитаю васъ отечеству нужнымъ»...

«Екатерина.»

2 августа, 1793 года.

Дѣйствительно, вскорѣ понадобился мечъ Суворова: дѣла въ Польшѣ приняли такой опасный оборотъ, что императрица сочла нужнымъ прибѣгнуть къ мѣрамъ рѣшительнымъ. Начальство надъ всѣми войсками въ Польшѣ предложено было сначала Румянцеву; но семидесятилѣтній фельдмаршалъ, дряхлый, истощенный болѣзнями и огорченіями, отклонилъ отъ себя такое тяжелое бремя. Суворовъ принялъ его съ живою радостію. Въ то время ему было уже 64 года; при маломъ ростѣ, сухощавый, нѣсколько сгорбленный, имѣлъ онъ видъ дряхлый; на головѣ его, рано посѣдѣвшей, оставалось лишь нѣсколько клоковъ бѣлыхъ волосъ, собранныхъ впереди локономъ; лице было въ морщинахъ; но выраженіе его оживлено было умнымъ, проницательнымъ взглядомъ: маленькіе глаза его сверкали огнемъ энергіи; онъ сохранилъ необыкновенную для своихъ лѣтъ бодрость тѣлесную и душевную; бойко ѣздилъ верхомъ; шутя прыгалъ и бѣгалъ; въ походѣ не зналъ экипажа. Появленіе этого старика передъ войсками, нѣсколько словъ его, какая нибудь шутка, приводили солдатъ въ неизъяснимый восторгъ. Одно извѣстіе о назначеніи Суворова главнокомандующимъ въ Польшѣ ободрило русскія войска и встревожило непріятельскія.

Дѣйствія Суворова въ Польшѣ были непродолжительны: въ половинѣ августа выступилъ онъ изъ Немирова, а въ концѣ октября уже взялъ штурмомъ Прагу и торжественно вступилъ въ Варшаву. Кровопролитный этотъ штурмъ, напомнившій ужасы Измаила, также ставился Суворову въ упрекъ, какъ безчеловѣчное побоище; но можно ли обвинять побѣдителя въ послѣдствіяхъ отчаяннаго сопротивленія со стороны побѣжденнаго (2)? Суворовъ со слеза-

(1) Принца Кобургскаго.

(2) Въ диспозиціи Суворова къ штурму былъ между прочимъ слѣдующій пунктъ: «7) Въ дома не забѣгать; непріятеля, просящаго пощады, щадить; безоружныхъ не убивать; съ бабами не воевать; малолѣтковъ не трогать»... (См. Разсказы стараго воина. I, стр. 46).

ми благодарилъ Бога, когда депутаты варшавскіе явились къ нему съ изъявленіемъ покорности и тѣмъ избавили его отъ новаго кровопролитія. Никто изъ виновниковъ возстанія не былъ удерживаемъ; когда же донесли Суворову, что члены бывшаго революціоннаго правительства спасаются бѣгствомъ, то онъ не велѣлъ никого останавливать, и сказалъ при этомъ: «пусть себѣ бѣгутъ; это не мое дѣло». Всѣ плѣнные, захваченные въ Прагѣ, были отпущены.

За взятіе Варшавы Суворовъ возведенъ въ чинъ фельдмаршала, при чемъ императрица писала ему: «вы знаете, что я не произ-«вожу никого чрезъ очередь и никогда не дѣлаю обидъ старшимъ, «но вы, завоевавъ Польшу, сами себя сдѣлали фельдмаршаломъ.» Дѣло въ томъ, что Суворовъ, производствомъ въ фельдмаршалы, обошелъ девять старшихъ генераловъ; вотъ почему онъ особенно обрадовался этому повышенію, и какъ ребенокъ прыгалъ чрезъ стулья, приговаривая: «перескочилъ, перескочилъ»....

Суворовъ около года оставался еще въ Польшѣ, чтобы утвердить спокойствіе и порядокъ въ новопріобрѣтенныхъ Россіею областяхъ. Здѣсь уже является онъ не простымъ воиномъ, но правителемъ цѣлаго края, государственнымъ человѣкомъ и политикомъ. Дѣла польскія въ то время обращали на себя вниманіе цѣлой Европы: король прусскій прислалъ Суворову знаки обоихъ прусскихъ орденовъ (краснаго и чернаго орла); императоръ Леопольдъ прислалъ свой портретъ, украшенный брилліантами; императрица Екатерина пожаловала ему алмазный бантъ къ шляпѣ, три пушки и богатое имѣніе Кобринское. Казалось наконецъ Суворовъ достигъ вполнѣ цѣли своихъ честолюбивыхъ мечтаній: слава, почести, любовь войска, благоговѣніе цѣлаго народа—чего болѣе можно желать? Но Суворову оставалась еще одна мечта, еще одно несбывшееся желаніе: честолюбивое воображеніе его стремилось на Западъ: «Матушка, пошли меня бить Французовъ», писалъ онъ къ императрицѣ изъ Польши. Какова же была его радость, когда узналъ онъ, что дѣйствительно императрица Екатерина вознамѣрилась послать войско свое на помощь Австріи, и что начальство надъ этимъ войскомъ рѣшилась ввѣрить ему.

Суворовъ отправился въ Петербургъ; путь его былъ подобенъ торжественному шествію; вездѣ народъ толпился взглянуть на зна-

менитаго героя. Въ Петербургѣ онъ принятъ императрицею милостивѣе, чѣмъ когда либо: Екатерина Великая по цѣлымъ часамъ бесѣдовала съ нимъ въ кабинетѣ, совѣщалась съ нимъ о дѣлахъ европейскихъ, выслушивала съ довѣріемъ и любопытствомъ его смѣлые обширные планы. Въ началѣ 1796 года Суворовъ отправился въ Тульчинъ, гдѣ была главная квартира екатеринославской дивизіи, и занялся дѣятельно обученіемъ своихъ войскъ.

Суворовъ, какъ уже сказано было, обучалъ войска по-своему; а потому, кажется, не лишнимъ будетъ здѣсь сказать нѣсколько словъ о томъ, въ чемъ именно состояла знаменитая *суворовская тактика*. Въ сущности онъ не измѣнилъ ни въ чемъ общепринятаго въ то время порядка въ построеніи войскъ и въ образѣ ихъ дѣйствій; но какъ во всѣхъ своихъ кампаніяхъ, и противъ польскихъ конфедератовъ, и противъ турецкихъ толпищъ, предпочиталъ онъ дѣйствовать наступательно, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда по общему положенію армій приходилось ограничиваться цѣлями оборонительными: то естественно онъ долженъ былъ и въ тактическихъ дѣйствіяхъ своихъ предпочитать натискъ холоднымъ оружіемъ тогдашнему ничтожному дѣйствію огнестрѣльному и оборонительнымъ позиціямъ. По этому все обученіе войскъ заключалось у Суворова въ томъ, чтобы пріучать ихъ къ смѣлому, стройному натиску; отсюда столь извѣстное выраженіе его: «пуля дура, штыкъ молодецъ». Не занимаясь вовсе утонченностями тогдашней линейной тактики, доведенной въ Пруссіи до педантизма, Суворовъ заботился лишь о томъ, чтобы войска его ходили въ штыки твердымъ шагомъ и въ сомкнутой массѣ. Всѣ ученія его были подражаніемъ настоящему бою: для этого строилъ онъ иногда одну часть войскъ противъ другой, обыкновенно развернутыми линіями, въ шахматномъ порядкѣ, и послѣ непродолжительнаго, но живаго огня, приказывалъ идти въ атаку пѣхотѣ на пѣхоту, кавалеріи на кавалерію и на пѣхоту. Никогда не останавливалъ онъ идущихъ въ атаку войскъ; чтобы пріучить кавалерію врубаться въ пѣхоту, приказывалъ онъ эскадронамъ проскакивать сквозь вздвоенные ряды баталіона. Маневръ этотъ былъ не безопасенъ; а потому иногда вмѣсто людей ставились соломенныя чучелы. Иногда же позиція непріятельская условно обозначалась какимъ нибудь рвомъ или плетнемъ, иногда строились по всѣмъ правиламъ укрѣпленія, ставились въ нихъ пушки и производился примѣрный штурмъ. Осо-

бенное вниманіе Суворовъ обращалъ на сомкнутость рядовъ: проѣзжая мимо строя пѣхоты верхомъ, вдругъ поворачивалъ свою лошадь на людей: если солдаты, забывшись, раздадутся и пропустятъ его, то онъ крайне сердился, называлъ ихъ «немогузнайками», «рохлями»; если же, напротивъ того, ряды сомкнуты плотно плечами, Суворовъ хвалилъ ихъ молодцами, разумниками, и приговаривалъ: «подвижная крѣпость! и зубомъ не возьмешь!...» Ученія производились очень живо, быстро, и потому продолжались обыкновенно не болѣе полутора часа. Суворовъ никогда не бранилъ ни солдатъ, ни офицеровъ; но по окончаніи ученія, любилъ держать рѣчи, давалъ пространныя наставленія, или повторялъ любимыя свои поговорки. Войска знали уже наизусть правила суворовской тактики; правила эти были даже собраны въ письменномъ наставленіи, извѣстномъ подъ именемъ *военнаго катихизиса* или *поученія солдатамъ* и *вахтъ-парада*; оно состояло все изъ отрывистыхъ фразъ, намековъ или условныхъ терминовъ, которые принадлежали одному Суворову и понятны были только его войскамъ (см. прилож. VIII). Вотъ образчики этой суворовской теоріи: «каблуки сомкнуты, подколѣнки стянуты! солдатъ стоитъ стрѣлкой. Четвертаго вижу, пятаго не вижу. Военный шагъ—аршинъ, въ захожденіи—полтора. Береги пулю на три дни, а иногда и на цѣлую кампанію, когда негдѣ взять. Стрѣляй рѣдко, да мѣтко, а штыкомъ коли крѣпко. Пуля обмишулится, а штыкъ не обмишулится. Береги пулю въ дулѣ! трое наскочатъ: перваго заколи, втораго застрѣли, третьему штыкомъ карачунъ!»... «Обывателя не обижай: онъ насъ поитъ и кормитъ; солдатъ не разбойникъ. Святая добычь: возьми лагерь—все ваше!... Безъ приказу отнюдь не ходи на добычь!»... и т. д.

Въ 1796 году, когда Суворовъ прибылъ въ Тульчинъ и когда всѣ знали уже о намѣреніи императрицы отправить войска на помощь Австріи, Суворовъ сдѣлалъ нѣкоторую новую прибавку къ своему катихизису: «безбожные, вѣтреные, сумасбродные французишки убили своего царя!... Они дерутся колоннами, и мы, братцы ребята, должны учиться драться колоннами».... Тогда-то Суворовъ началъ учить войска ходить въ атаку въ колоннахъ. Не должно однакоже думать, что это былъ такой же правильный строй, какой нынѣ извѣстенъ у насъ подъ именемъ *колоннъ къ атакѣ*; тогда войска атаковали сомкнутою походною колонною, которой

фронтъ измѣнялся, смотря по обстоятельствамъ. Даже и прежде, въ лѣсистыхъ дефилеяхъ Польши, или на штурмѣ турецкихъ крѣпостей, Суворову приходилось, по необходимости, производить натискъ въ колоннахъ: но это было дѣломъ совершенно случайнымъ, и долго еще, какъ въ нашихъ, такъ и въ германскихъ войскахъ, исключительно боевымъ порядкомъ оставался развернутый строй.

Бо̀льшая часть 1796 года прошла въ приготовленіяхъ къ походу арміи Суворова за границу. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ фельдмаршалъ повелѣнія о выступленіи. Слѣдя внимательно за быстрыми успѣхами Бонапарта въ Италіи, старый фельдмаршалъ говорилъ иногда: «Охъ, далеко шагаетъ мальчикъ: пора бы унять его».... (см. прилож. IX). Но вмѣсто ожидаемаго повелѣнія, вдругъ получаетъ онъ роковую вѣсть о кончинѣ великой императрицы, неизмѣнной его покровительницы и благодѣтельницы (см. прилож. X).

Новый императоръ былъ до сего времени весьма милостиво расположенъ къ старому герою. Еще великимъ княземъ, онъ удостоивалъ Суворова благосклонными рескриптами (1). По вступленіи на престолъ государь писалъ ему 15 декабря 1796 года:

«Поздравляю съ новымъ годомъ и зову пріѣхать въ Москву къ «коронаціи—если тебѣ можно: прощай, не забывай старыхъ дру-«зей» (см. прилож. XI).

Но милостивое это расположеніе монарха вдругъ измѣнилось: причиною тому были тѣ нововведенія, которыя императоръ началъ производить въ войскахъ съ перваго же дня вступленія своего на престолъ. Старики, привыкшіе издавна къ прежнему порядку службы, естественно находили стѣснительными для себя многія изъ новыхъ постановленій, имѣвшихъ преимущественно цѣлью — ограничить произволъ и искоренить вкравшіяся злоупотребленія. Но государь строго подтверждалъ, чтобы всѣ новыя постановленія были исполняемы во всей

(1) Между прочимъ отъ 14 августа 1796 года, великій князь Павелъ Петровичъ писалъ Суворову: «Письмо ваше, графъ Александръ Васильевичъ, отъ 25 прошлаго мѣсяца я получилъ, и благодаря за поздравленіе меня съ сыномъ Николаемъ, пребуду съ совершеннымъ моимъ къ вамъ благорасположеніемъ навсегда вамъ благосклоннымъ.»

точности (1). Какъ ни тягостно было отвыкать отъ стараго, однако же мало по малу во всей арміи учреждался новый порядокъ. Одинъ Суворовъ, съ свойственнымъ его характеру упорствомъ, не скрывалъ своего неудовольствія, и даже позволялъ себѣ насмѣхаться надъ нѣкоторыми изъ нововведеній, какъ-то надъ пудрою, буклями эспонтонами (см. прилож. XII). По всѣмъ вѣроятіямъ, шутки стараго фельдмаршала дошли до самого государя: на это нашлось довольно людей недоброжелательныхъ, которые обрадовались случаю погубить Суворова. Но главная и открытая причина, навлекшая на него гнѣвъ монарха, состояла въ томъ, что фельдмаршалъ медлилъ приведеніемъ въ исполненіе нѣкоторыхъ новыхъ постановленій, не смотря на неоднократныя ему подтвержденія. Между прочимъ, желая уничтожить существовавшія при генералахъ многочисленныя свиты, отвлекавшія множество офицеровъ изъ строя, государь опредѣлилъ точными штатами число лицъ въ штабѣ каждаго начальствующаго лица; а всѣхъ излишнихъ затѣмъ офицеровъ повелѣлъ возвратить немедленно въ полки (2). Относительно производства офицеровъ, перемѣщеній ихъ, отпусковъ, увольненій, положены вновь точныя правила (3). Также запрещено употреблять воинскихъ чиновъ на частныя работы, по домашнимъ дѣламъ или въ курьерскія должности (4). Новыя постановленія эти были подтверждены Суворову высочайшимъ рескриптомъ отъ 10 декабря 1796 года и письмомъ графа Ростопчина отъ 15 декабря (см. прилож. XIII). Но едва повелѣнія эти дошли до Суворова, какъ государь узналъ, что въ Петербургъ присланъ фельдмаршаломъ адъютантъ съ одними частными письмами, и что прежній штабъ его еще не распущенъ. По этому случаю Суворовъ получилъ слѣдующій высочайшій рескриптъ отъ 2 января 1797 года:

«Графъ Александръ Васильевичъ! Съ удивленіемъ узналъ я при«сылку отъ васъ сюда адъютанта вашего капитана Уткина съ одни-

---

(1) Высочайшее повелѣніе 10 декабря 1796 года (см. Полн. Собр. Зак. XXIV).

(2) Высочайшія повелѣнія 20 и 26 ноября 1796 года (см. Полн. Собр. Зак. XXIV).

(3) Высочайшее повелѣніе 20 ноября 1796 года.

(4) Высочайшее повелѣніе 22 ноября 1796 года (см. Полн. Собр. Зак. XXIV).

«ми только партикулярными письмами. Почитая употребленіе «таковое неприличнымъ ни службѣ, ни званію офицерскому, съ «равнымъ же удивленіемъ вижу, что вы по сю пору не распусти-«ли штаба своего. Я приказалъ здѣсь упомянутаго адъютанта ва-«шего опредѣлить въ полкъ, а вамъ предписываю остальныхъ адъю-«тантовъ и прочихъ чиновъ, въ штабѣ вашемъ находящихся, съ «полученіемъ сего, тотчасъ перечислить въ состоящіе подъ ва-«шею командою полки и къ онымъ ихъ немедленно отправить; да «и вообще воздержаться отъ употребленія офицеровъ въ несвой-«ственныя службѣ и званію ихъ должности, что наблюдать имѣете «и за подчиненными вашими. Пребывая вамъ благосклоннымъ».... (см. прилож. XIV).

Нѣсколько дней спустя, 14 января, послѣдовалъ новый рескриптъ, на имя фельдмаршала:

«Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Суворовъ! Съ уди-«вленіемъ вижу я, что вы безъ дозволенія моего отпускаете офи-«церовъ въ отпускъ, и для того надѣюсь я, что сіе будетъ въ по-«слѣдній разъ. Не меньше удивляюсь я, почему вы входите въ «распредѣленіе командъ, прося васъ предоставить сіе Мнѣ. Что «же касается до рекомендаціи вашей, то и сіе въ мирное время «до васъ касаться не можетъ; развѣ въ военное время, естьли не-«посредственно подъ начальствомъ вашимъ находиться будетъ. «Вообще же рекомендую поступать во всемъ по уставу. Впрочемъ «вамъ доброжелательный».... (см. прилож. XV).

Вслѣдъ за тѣмъ прибылъ вновь въ Петербургъ офицеръ курье-ромъ отъ Суворова, и снова государь писалъ фельдмаршалу 23 января:

«Господинъ фельдмаршалъ графъ Суворовъ Рымникскій! Заклю-«чая по присланному отъ васъ донесенію, что вы не получили еще «повелѣній Нашихъ, о неупотребленіи офицеровъ въ курьерскія «должности, для примѣру другимъ приказали отправленнаго отъ «васъ капитана Мерлина помѣстить въ Ригу въ гарнизонный «полкъ. Удивляемся, что вы, тотъ, коего Мы почитали изъ пер-«выхъ къ исполненію воли Нашей, остаетесь послѣднимъ; а какъ «достоинство должно быть поддерживаемо временемъ, то и надѣ-«емся, что вы впредь не доведете Насъ до сомнѣній въ ономъ»....

Одно изъ полученныхъ отъ Суворова донесеній возвращено ему съ отмѣткою *непонятныхъ двухъ мѣстъ* и съ «*напоминовеніемъ*

долга службы»; вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно ему немедленно прибыть въ Петербургъ (см. прилож. XVI). Между тѣмъ Суворовъ прислалъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы; но еще прежде чѣмъ прошеніе это дошло до Петербурга, онъ былъ уже отставленъ 6 февраля 1797 года (см. прилож. XVII).

Въ мартѣ 1797 года Суворовъ переѣхалъ изъ Тульчина въ свое Кобринское имѣніе; но 23 апрѣля прибылъ туда изъ Петербурга нарочный съ высочайшимъ повелѣніемъ фельдмаршалу жить въ новгородскомъ имѣніи Кончанскомъ. Суворовъ съ тѣмъ же присланнымъ немедленно отправился въ путь (см. прилож. XVIII).

Село Кончанское—родовое имѣніе Суворовыхъ, находится въ самой глуши Новгородской губерніи, въ сѣверовосточной части Боровицкаго уѣзда, въ Сопинскомъ погостѣ. Здѣсь знаменитый герой Рымника, Измаила и Праги поселился въ совершенномъ уединеніи, подъ присмотромъ полицейскаго чиновника (см. прилож. XIX). Тяжко было такое изгнаніе для человѣка честолюбиваго, но Суворовъ перенесъ свое несчастіе истиннымъ христіаниномъ (1); сохраняя обычную свою твердость духа, онъ проводилъ часы одиночества надъ книгами и внимательно слѣдилъ за ходомъ политическихъ событій; однакожь и здѣсь, въ глуши деревенской, не переставалъ быть тѣмъ же чудакомъ, какимъ привыкъ уже показываться при дворѣ и передъ войскомъ: онъ вмѣшивался въ крестьянскія забавы, игралъ съ деревенскими мальчишками, а въ праздники читалъ въ церкви апостолъ, пѣлъ на клиросѣ и звонилъ въ колокола.

Такъ прошло около года. Императоръ Павелъ не былъ злопамятенъ: великодушно предавъ забвенію справедливое свое неудовольствіе на стараго полководца, государь пожелалъ съ нимъ видѣться и даже вознамѣрился принять его снова на службу. Въ февралѣ 1798 г. флигель-адъютантъ князь Горчаковъ (Андрей Ивановичъ), племянникъ Суворова, получилъ повелѣніе съѣздить въ Кончанское, чтобы пригласить его пріѣхать немедленно въ Петербургъ (см. прилож. XX).

Пріѣздъ Суворова въ столицу столь живо характеризуетъ и стараго вождя и самаго императора Павла, что мы не опасаемся

---

(1) «Служу небесному Богу и вѣренъ Богу земному» (см. письмо Суворова отъ 27 іюля 1797 г. Сб. кн. А. А. Сув. кн. 3).

нарушить единство историческаго повѣствованія, разказавъ этотъ эпизодъ нѣсколько подробнѣе, со словъ самаго князя Горчакова (1).

Суворовъ не только не обрадовался полученному отъ государя приглашенію, но даже отказывался ѣхать въ Петербургъ, отговариваясь старостію и плохимъ здоровьемъ. Лишь послѣ долгихъ и настоятельныхъ убѣжденій князя Горчакова, старикъ согласился отправиться въ путь, поручивъ однакоже своему племяннику доложить государю, что не можетъ иначе ѣхать, какъ проселочными дорогами и на своихъ лошадяхъ. Князь Горчаковъ поспѣшилъ впередъ съ этимъ донесеніемъ. Императоръ столь нетерпѣливо ожидалъ свиданія съ Суворовымъ, что по нѣскольку разъ въ день присылалъ спросить у князя Горчакова: скоро ли прибудетъ его дядя?... Но старикъ не торопился; онъ ѣхалъ, какъ говорится, «на долгихъ». Государь далъ приказаніе князю Горчакову немедленно же доложить Его Величеству, лишь только пріѣдетъ фельдмаршалъ, въ которомъ бы ни было часу.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ дней ожиданія, кибитка кончанскаго помѣщика остановилась у Петербургской заставы. Здѣсь встрѣтилъ его князь Горчаковъ, и хотя время было уже позднее, однако же исполняя въ точности государево повелѣніе, онъ прямо поѣхалъ съ донесеніемъ во дворецъ, между тѣмъ какъ Суворовъ отправился въ квартиру своего племянника, графа Д. И. Хвостова (2). Императоръ имѣлъ обыкновеніе, въ 10 часовъ вечера удаляться въ свою спальню, раздѣваться, и тогда уже не принималъ никого. Однакоже на сей разъ, въ видѣ особенной милости, князь Горчаковъ былъ допущенъ въ спальню государеву и получилъ приказаніе объявить Суворову, что Его Величество немедленно же принялъ бы его, если бъ не было такъ поздно; пріемъ назначенъ былъ на другой же день утромъ, тотчасъ по возвращеніи императора съ обычной прогулки. Князь Горчаковъ,

---

(1) Разказъ этотъ я слышалъ лично отъ Андрея Ивановича Горчакова въ Москвѣ въ январѣ прошлаго 1855 года, ровно за мѣсяцъ до его кончины. Не смотря на преклонныя лѣта старца и на давность событій, онъ помнилъ еще всѣ подробности совершенно ясно. *Соч.*

(2) Въ первомъ изданіи «Исторіи войны 1799 года» (стр. 134), покойнымъ А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ было упомянуто, что Суворовъ, подъѣхавъ къ заставѣ, остановился тутъ кормить лошадей; но князь А. И. Горчаковъ, въ разказѣ своемъ, положительно опровергъ это показаніе.

предваренный дядею, спросилъ: въ какой формѣ повелѣно будетъ графу представиться, такъ какъ онъ отставленъ безъ мундира? «Въ такомъ мундирѣ, какой вы носите», отвѣчалъ государь, то есть въ общемъ армейскомъ. (Въ то время адъютанты особыхъ мундировъ не имѣли).

Мундиръ племянника пришелся почти въ пору старому дядѣ; нашили звѣзды, кресты, и на слѣдующее утро, въ 9-мъ часу, отправился Суворовъ во дворецъ, вмѣстѣ съ княземъ Горчаковымъ. Ожидая въ пріемной комнатѣ возвращенія государя съ прогулки, Суворовъ успѣлъ, по старому своему обычаю, подшутить надъ нѣсколькими изъ бывшихъ тутъ придворныхъ, и между прочимъ заговорилъ съ графомъ Кутайсовымъ по турецки. Около 9¼ часовъ императоръ подъѣхалъ верхомъ къ Зимнему дворцу, и немедленно же Суворовъ былъ приглашенъ въ кабинетъ. Онъ оставался тамъ глазъ на глазъ съ государемъ болѣе часа. Въ первый разъ случилось, къ крайнему удивленію всѣхъ остававшихся въ пріемной комнатѣ, что императоръ опоздалъ даже къ разводу, который обыкновенно начинался ровно въ 10 часовъ. Къ разводу приглашенъ былъ и фельдмаршалъ; въ угожденіе ему, государь дѣлалъ баталіону ученіе, водилъ его въ штыки, скорымъ шагомъ и проч., но Суворовъ явно показывалъ невниманіе: то отворачивался отъ проходившихъ взводовъ, то шутилъ надъ окружавшими, то подходилъ къ князю Горчакову, говоря ему: «нѣтъ, не могу болѣе, уѣду». Князь Горчаковъ убѣждалъ своего причудливаго дядю, что уѣхать съ развода прежде государя неприлично; но старикъ былъ упрямъ: «нѣтъ, я боленъ, сказалъ онъ, не могу больше», и уѣхалъ, не дождавшись конца развода.

Государь не могъ не замѣтить странныхъ поступковъ Суворова, и послѣ развода, призвавъ къ себѣ князя Горчакова въ кабинетъ, сурово спросилъ его: что̀ значитъ все это?—Молодой князь Горчаковъ, смущенный, старался сказать что̀ могъ въ извиненіе своего дяди; но императоръ, прервавъ его съ замѣтнымъ волненіемъ, началъ подробно припоминать свой продолжительный разговоръ съ Суворовымъ (1): «Я говорю ему о заслугахъ, которыя

(1) Повторяемъ, что во всемъ этомъ эпизодѣ передается разказъ самаго князя Андрея Ивановича Горчакова, сколько можно ближе къ его словамъ.

онъ можетъ еще оказать отечеству и мнѣ; веду рѣчь къ тому, чтобы онъ самъ попросился на службу; а онъ вмѣсто того кинется въ Измаилъ, и начинаетъ длинно разказывать штурмъ, я слушаю, слушаю, пока не кончитъ; потомъ снова навожу разговоръ на свое; вмѣсто того, гляжу, мы очутились въ Прагѣ или въ Очаковѣ».... Потомъ государь говорилъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ о поведеніи Суворова на разводѣ, и наконецъ сказалъ князю Горчакову: «Извольте же, сударь, ѣхать къ нему, спросите у него самого объясненія его дѣйствій, и какъ можно скорѣе привезите отвѣтъ; до тѣхъ поръ я за столъ не сяду.

Князь Горчаковъ поспѣшилъ къ своему дядѣ и передалъ ему слова государя; но нашелъ Суворова въ прежнемъ раздраженномъ расположеніи: «Инспекторомъ я былъ въ генералъ-маіорскомъ чинѣ,» говорилъ онъ; «а теперь уже поздно опять идти въ инспекторы. Пусть сдѣлаютъ меня главнокомандующимъ, да дадутъ мнѣ прежній мой штабъ, да развяжутъ мнѣ руки, чтобы я могъ производить въ чины не спрашиваясь.... тогда, пожалуй, пойду на службу. А не то, лучше назадъ въ деревню; я старъ и дряхлъ; хочу въ монахи!»... и проч. и проч., въ томъ же родѣ. Князь Горчаковъ возражалъ, что не можетъ передать такихъ рѣчей государю:—«Ну ты передавай что̀ хочешь, а я отъ своего не отступлюсь»....

Было уже далеко за полдень, а ровно въ часъ государь обыкновенно садился за обѣдъ. Князь Горчаковъ поспѣшно возвратился во дворецъ въ совершенномъ недоумѣніи, какъ доложить императору; онъ рѣшился сказать, для оправданія своего дяди, будто онъ былъ слишкомъ смущенъ въ присутствіи государя, и что крайне сожалѣетъ о своей неловкости; что въ другой разъ онъ безъ сомнѣнія будетъ уже говорить иначе и съ радостію воспользуется царскою милостію, если Его Величеству угодно будетъ принять его въ службу. Выслушавъ это объясненіе, государь сказалъ строго князю Горчакову: «хорошо, сударь, я поручаю вамъ вразумить вашего дядю; вы будете отвѣчать за него!»

Послѣ того императоръ не разъ приглашалъ Суворова къ столу своему, видѣлъ его на разводѣ, и вообще обращался съ нимъ милостиво; однако же старикъ не просился въ службу, и когда разговоръ касался слишкомъ близко этого предмета, то Суворовъ начиналъ обыкновенно жаловаться на свои лѣта и слабость здо-

ровья. Князь Горчаковъ, по прежнему, служилъ посредникомъ между царемъ и полководцемъ, и часто былъ поставляемъ въ самое затруднительное положеніе странными поступками своего дяди. Въ присутствіи государя, Суворовъ искалъ всякаго случая, чтобы подшутить надъ установленными новыми правилами службы и формами: то усаживался цѣлые четверть часа въ карету, показывая, будто никакъ не можетъ справиться съ торчащею сзади шпагою; то на разводѣ прикидывался, будто не умѣетъ снять шляпу, и долго хватаясь за нее то одною рукою, то другою, кончалъ тѣмъ, что ронялъ шляпу къ ногамъ самого государя. Иногда же нарочно перебѣгалъ и суетился между проходившими церемоніяльнымъ маршемъ взводами, что̀ было строжайше запрещено и считалось непростительнымъ нарушеніемъ порядка въ строю. При этомъ шепталъ онъ молитвы и крестился, и когда разъ государь спросилъ его, что̀ это значитъ? то Суворовъ отвѣчалъ: «читаю молитву, государь, да будетъ воля твоя.» Каждый разъ послѣ подобной продѣлки, Павелъ I обращался къ князю Горчакову и требовалъ отъ него объясненій; тотъ долженъ былъ ѣздить къ Суворову и привозить государю отвѣты своего собственнаго вымысла; ибо никогда не могъ онъ передать тѣ рѣчи, которыя въ самомъ дѣлѣ слышалъ отъ дяди.

Такъ прожилъ Суворовъ въ С.-Петербургѣ около трехъ недѣль. Необыкновенная снисходительность и милость императора не смягчили упорства отставнаго фельдмаршала, который всегда подъ разными предлогами отклонялъ разговоръ о поступленіи снова на службу. Наконецъ однажды, въ разговорѣ съ государемъ, Суворовъ прямо попросилъ, чтобы его отпустили въ деревню на отдыхъ; Павелъ I съ видимымъ неудовольствіемъ отвѣтилъ, что не можетъ его удерживать противъ воли. Тогда Суворовъ подошелъ къ рукѣ императора, откланялся, и въ тотъ же день уѣхалъ изъ Петербурга въ свою деревню.

Здѣсь мы должны прервать занимательный разказъ князя Горчакова, ибо дальнѣйшія воспоминанія его, не менѣе богатыя любопытными подробностями, уже не относятся прямо къ предмету нашего повѣствованія.

Съ отъѣздомъ Суворова въ Кончанское, казалось, онъ самъ обрекъ себя на вѣчное изгнаніе и навсегда уже закрылъ себѣ поприще службы и славы. Кажется въ это самое время онъ про-

силъ даже позволенія у государя, удалиться совсѣмъ отъ мірскихъ суетъ и провести остатокъ дней своихъ въ монастырѣ: вотъ прошеніе по этому предмету, найденное въ черновыхъ его бумагахъ (см. прилож. XXI):

«Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Монархъ!

Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше прошу позволить мнѣ отбыть въ Нилову Новгородскую пустынь, гдѣ я намѣренъ окончить мои краткіе дни въ службѣ Богу. Спаситель нашъ одинъ безгрѣшенъ. Неумышленности моей прости, милосердный Государь. Повергаю себя къ священнѣйшимъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества. Всеподданнѣйшій богомолецъ, Божій рабъ

графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.»

Дошло ли это прошеніе до государя и получилъ ли Суворовъ какой либо отвѣтъ, навѣрное не знаемъ, но извѣстно только, что спустя полгода послѣ описаннаго пріѣзда Суворова въ Петербургъ, именно въ сентябрѣ 1798 года, пріѣхалъ въ село Кончанское генералъ-маіоръ Прево-де-Люміанъ, котораго фельдмаршалъ знавалъ еще въ Финляндіи и удостоивалъ своимъ расположеніемъ. Генералъ этотъ, кажется, посыланъ былъ самимъ государемъ, съ тою цѣлью, чтобы узнать соображенія Суворова относительно предстоявшей войны. Къ сожалѣнію, нѣтъ свѣдѣній положительныхъ о пребываніи генерала Прево въ Кончанскомъ; можно однако же полагать, что старый полководецъ охотно вошелъ въ бесѣду о такомъ предметѣ, который давно былъ любимою его мечтою и постоянно занималъ его мысли въ долгіе часы уединенія. По крайней мѣрѣ генералу Прево удалось даже записать со словъ Суворова мнѣнія его относительно образа войны съ Франціею. Въ своемъ мѣстѣ мы воспользуемся этимъ любопытнымъ документомъ, чтобы показать, какъ хотѣлъ бы дѣйствовать самъ Суворовъ, если бъ ему предоставлено было вести войну по собственному его убѣжденію.

Уже почти два года Суворовъ прожилъ въ своемъ заточеніи, какъ вдругъ совершился снова неожиданный оборотъ въ судьбѣ великаго полководца. Въ февралѣ 1799 года, какъ уже сказано, прибылъ въ село Кончанское флигель-адъютантъ Толбухинъ съ слѣдующимъ Высочайшимъ рескриптомъ (см. прилож. XXII).

«Сейчасъ получилъ Я, графъ Александръ Васильевичъ, извѣ-

«стіе о настоятельномъ желаніи вѣнскаго двора, чтобъ вы пред-«водительствовали арміями его въ Италіи, куда и мои корпуса «Розенберга и Германа идутъ. И такъ посему и при теперешнихъ «европейскихъ обстоятельствахъ, долгомъ почитаю не отъ своего «только лица, но отъ лица и другихъ, предложить вамъ взять «дѣло и команду на себя и прибыть сюда для отъѣзда въ Вѣну».

Рескриптъ этотъ привелъ Суворова въ совершенный восторгъ: о чемъ мечталъ онъ въ лучшія минуты своей жизни, то сбывалось теперь, когда менѣе всего могъ ждать такого счастія. Семидесятилѣтній полководецъ плакалъ отъ радости, цѣловалъ строки царскія, потомъ побѣжалъ въ сельскую церковь, велѣлъ отслужить молебенъ, и молился усердно, стоя на колѣняхъ. На дорогу занялъ онъ у своего старосты 250 руб., а черезъ два часа уже скакалъ въ простой кибиткѣ, торопясь упасть къ стопамъ великодушнаго монарха.

Дѣйствительно, радость, съ которою императоръ Павелъ принялъ просьбу вѣнскаго двора о назначеніи Суворова, есть черта, свойственная благороднѣйшему, истинно-рыцарскому характеру. Для славы Россіи, государь охотно откинулъ всякое злопамятство и чистосердечно простилъ старику. Но рѣшаясь ввѣрить Суворову славу русскаго оружія и, можно сказать, судьбу цѣлой Европы, императоръ не вполнѣ довѣрялъ причудливому и предпріимчивому характеру стараго полководца, который, не смотря на свои сѣдины, способенъ былъ, по мнѣнію государя, къ самымъ пылкимъ увлеченіямъ. Вотъ что по этому случаю писалъ Павелъ I генералъ-лейтенанту Герману (который тогда командовалъ еще корпусомъ, назначеннымъ въ Италію):

«Вѣнскій дворъ просилъ меня, чтобы начальство надъ союзны-«ми войсками въ Италіи ввѣрить фельдмаршалу графу Суворову. «Я послалъ за нимъ; но предваряю васъ, что если онъ приметъ «начальство, то вы должны будете, во все время его командованія, «имѣть наблюденіе за его предпріятіями, которыя могли бы повес-«ти ко вреду войскъ и общаго дѣла, когда будетъ онъ слишкомъ «увлекаться своимъ воображеніемъ, заставляющимъ его иногда за-«бывать все на свѣтѣ. Итакъ хотя онъ по своей старости уже и «не годится въ Телемаки, тѣмъ не менѣе однако же вы будете Мен-«торомъ, коего совѣты и мнѣнія должны умѣрять порывы и отва-«гу воина, посѣдѣвшаго подъ лаврами (см. прилож. XXIII).»

Такимъ образомъ государь, имѣя высокое мнѣніе о военныхъ дарованіяхъ генерала Германа, надѣялся, что хладнокровіе его и разсудительность умѣряли бы излишнюю пылкость и предпріимчивость Суворова. Германъ отвѣчалъ императору (см. прил XXIV):

«Уважая лѣта фельдмаршала Суворова, блескъ его побѣдъ, сча-«стіе, постоянно сопровождавшее всѣ предпріятія его, я упо-«треблю всѣ силы, чтобы примѣниться къ генію этого стараго «воина. Относительно образа войны противъ изверговъ револю-«ціонеровъ, мы оба съ нимъ, конечно, имѣемъ сходныя мнѣнія: «вообще въ бою онъ любитъ глубокій строй; и я также предпочи-«таю это построеніе, съ тѣмъ однако же различіемъ, что, по мо-«ему мнѣнію, оно должно быть приспособлено къ параллельному «боевому порядку, для уменьшенія вреда, наносимаго непріятель-«скою артиллеріею. Что̀ же касается до направленія маршей и «лагернаго расположенія войскъ, то я, по своему званію генералъ-«квартирмейстера арміи, могу вполнѣ завѣдывать этою важною «частію, отъ которой часто зависитъ успѣхъ цѣлой кампаніи. Во «всякомъ случаѣ я надѣюсь быть полезнымъ службѣ Вашего Вели-«чества и общему дѣлу всѣхъ законныхъ правительствъ....»

Такой отвѣтъ обрисовываетъ вполнѣ человѣка. Германъ былъ честный, усердный, добросовѣстный офицеръ, и принадлежалъ къ числу ученыхъ тактиковъ того времени, которые ставили всю сущность военнаго искусства въ одномъ механизмѣ построеній. Къ счастію, Суворовъ избавился отъ такого Ментора; ибо Германъ, какъ уже извѣстно, получилъ вскорѣ новое назначеніе, и въ послѣдствіи доказалъ самъ въ Голландіи, что для успѣха на войнѣ нужно нѣчто болѣе, чѣмъ одно умѣніе строить войска и расчитывать маршруты.

Прибытіе Суворова въ Петербургъ и свиданія его съ государемъ, какъ кажется, разсѣяли совершенно прежнія опасенія императора и внушили ему полное довѣріе къ вождю «посѣдѣвшему подъ лаврами.» Суворовъ прискакалъ прямо къ Зимнему дворцу, немедленно же былъ принятъ государемъ, кинулся къ его ногамъ и слезами выражалъ всю признательность свою за великодушіе царское. Императоръ Павелъ I поднялъ старика, обнялъ его, и все прошлое было забыто. Въ тотъ же день Суворовъ былъ зачисленъ опять на службу прежнимъ чиномъ фельдмаршала, но безъ объявленія о томъ въ приказѣ. Императоръ

самъ возложилъ на него орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго. Разказываютъ, что при этомъ Суворовъ упалъ на колѣни и произнесъ: «Боже, спаси Царя!» — а Государь отвѣчалъ ему: «Да спасетъ Богъ тебя, для спасенія царей!...» (см. прилож. XXV).

Корпуса Розенберга и Германа были подчинены въ полное распоряженіе Суворова: имъ повелѣно было во всемъ относиться къ фельдмаршалу, а не прямо къ государю, какъ было прежде постановлено. «Распоряжайтесь сами войсками къ пользѣ общей,» писалъ императоръ въ рескриптѣ къ Суворову отъ 1 марта; «Мы же молимъ Господа Бога нашего, да благословитъ ополче«ніе Наше, даруя побѣду на враги вѣры христіанской и власти, «отъ Всевышняго постановленной, и да пребудутъ воины россій«скіе словомъ, дѣломъ и помышленіемъ истинными сынами оте«честву и намъ вѣрноподданными....» (см. прилож. XXVI).

Въ Петербургѣ прибытіе Суворова и милости къ нему государя произвели всеобщій восторгъ. И войско, и народъ видѣли въ этомъ событіи несомнѣнное предзнаменованіе новыхъ побѣдъ и новой славы. Толпы тѣснились вездѣ, гдѣ можно было увидѣть знаменитаго героя; замолкли злословія и козни; прежніе враги и завистники кланялись низко передъ тѣмъ, который такъ немилосердо бичевалъ ихъ ѣдкими своими сарказмами. Суворовъ по прежнему былъ оригиналенъ, шутливъ и веселъ; вездѣ пересказывались безчисленные анекдоты о его проказахъ (1). Счастіе оживило семидесятилѣтняго старика, возвратило ему всю энергію и бодрость молодости. Замѣчательно при томъ, что Суворовъ въ этотъ разъ держалъ себя передъ государемъ совсѣмъ иначе,

(1) Однажды въ разговорѣ съ графомъ Ростопчинымъ, Суворовъ, откинувъ обычныя свои шутки, дѣльно разсуждалъ о тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ; слова его текли обильною рѣчью, мысли блистали ясностію. Уже началъ онъ было высказывать свои соображенія относительно предстоявшей кампаніи.... Съ жадностію вслушивался графъ Ростопчинъ и ловилъ каждое замѣчаніе великаго полководца.... но вдругъ, на половинѣ слова, Суворовъ замолкъ, вскочилъ со стула и закричалъ пѣтухомъ. Крайне удивленный такимъ внезапнымъ переходомъ, графъ Ростопчинъ выразилъ свою досаду на этотъ неумѣстный пѣтушій крикъ. Тогда фельдмаршалъ, взявъ его дружески за руку, сказалъ: «поживи съ меня, закричишь и курицей....» Анекдотъ этотъ въ числѣ другихъ сохраненъ неизвѣстнымъ авторомъ, который однако же увѣряетъ, что слышалъ его отъ самого графа Ростопчина. (См. прил. XXVII).

чѣмъ въ первый свой пріѣздъ: уже не старался онъ выказывать свое невѣдѣніе въ новыхъ уставахъ и формахъ; и шпага уже не безпокоила его, и шляпу снималъ онъ безъ затрудненія, и на разводѣ находилъ дорогу, не перебѣгая между взводами. Онъ велъ себя совершенно прилично, какъ будто желая показать, что съумѣетъ, когда захочетъ, не хуже другаго соблюсти всѣ мелочныя требованія службы мирнаго времени, которыми онъ обыкновенно пренебрегалъ, не признавая въ нихъ сущности военнаго дѣла. Такую рѣзкую перемѣну въ образѣ дѣйствій Суворова, князь Горчаковъ, въ своемъ разказѣ, объяснялъ такимъ образомъ: прежде фельдмаршалъ не хотѣлъ идти въ службу, пока не видѣлъ въ ней ничего другаго, кромѣ формальностей плацъ-парада; теперь же онъ являлся на службу военоначальникомъ, которому ввѣрялась судьба цѣлой Европы; ничего болѣе не оставалось ему желать; «баталія была выиграна», прибавилъ простодушно князь Горчаковъ.

Съ другой стороны, не менѣе замѣчательно обращеніе государя съ фельдмаршаломъ: императоръ осыпалъ его почестями, оказывалъ ему всякіе знаки вниманія; не было границъ милостямъ царскимъ. Нѣкоторые случаи, разказанные по этому поводу тѣмъ же свидѣтелемъ, княземъ Андреемъ Ивановичемъ Горчаковымъ, представляютъ истинно изумительные примѣры снисходительности и великодушія со стороны Павла I.

Пробывъ около двухъ недѣль въ Петербургѣ, Суворовъ въ первыхъ числахъ марта отправился чрезъ Вѣну въ Италію. Тамъ ожидала его новая слава, которою суждено было ему увѣнчать конецъ многолѣтняго и блестящаго своего поприща.

Д. Милютинъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. См. Собраніе писемъ и анекдотовъ, относящихся до Суворова. Авторъ этой книги (Левшинъ) ссылается на показаніе самого графа Ростопчина.

II. Не смотря на множество жизнеописаній Суворова, до сихъ поръ остаются темными нѣкоторые изъ главнѣйшихъ фактовъ его жизни; такъ напримѣръ: встрѣчается противорѣчіе даже въ годахъ его рожденія и поступленія на службу. Въ большей части біографій повторяется послѣ Антинга, что Суворовъ родился въ 1730 году, а въ

полкъ поступилъ 12 лѣтъ, т. е. въ 1742 году. Въ собственноручной же запискѣ, поданной самимъ Суворовымъ въ московское депутатское собраніе въ 1786 году, показано, что поступилъ онъ въ службу мушкетеромъ 1742 года на пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ,—изъ чего слѣдовало бы заключить, что родился онъ въ 1727 году. То же самое можно заключить и по лѣтамъ, показаннымъ въ формулярномъ спискѣ (1). Производство въ офицеры вездѣ показывается въ 1754 году; слѣдовательно служба его въ нижнихъ чинахъ продолжалась бы всего 12 лѣтъ. Наконецъ есть нѣкоторыя темныя показанія, будто Суворовъ учился нѣкоторое время въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ; но когда именно—неизвѣстно, а самъ Суворовъ, въ означенной собственноручной запискѣ своей, вовсе объ этомъ не упоминаетъ. Если принять за достовѣрнѣйшій годъ рожденія тотъ, который показанъ на надгробномъ камнѣ, т. е. 1729 г. (13 ноября), то можно предполагать, что въ 1742 году, имѣя всего 12 лѣтъ, Суворовъ былъ только записанъ въ полкъ, а пятнадцати лѣтъ поступилъ на дѣйствительную службу, т. е. уже въ 1745 году,—и въ такомъ случаѣ продолжительность дѣйствительной солдатской его службы была бы 9 лѣтъ.

III. Суворовъ самъ очертилъ себя въ слѣдующемъ письмѣ къ князю Потемкину отъ 10 декабря 1784 года изъ с. Ундалова:

«Служу я, М. Г., больше 40 лѣтъ и почти 60-лѣтнѣй; одно мое же-«ланіе, чтобъ кончить Высочайшую службу съ оружіемъ въ рукахъ. «Долговременное мое бытіе въ нижнихъ чинахъ пріобрѣло мнѣ гру-«бость въ поступкахъ при чистѣйшемъ сердцѣ и удалило отъ познанія «свѣтскихъ наружностей; препроводя мою жизнь въ полѣ, поздно мнѣ «къ нимъ привыкать. Наука просвѣтила меня въ добродѣтели; я лгу «какъ Эпаминондъ, бѣгаю какъ Цесарь, постояненъ какъ Тюрень и «праводушенъ какъ Аристидъ. Не разумѣя изгибовъ лести и ласка-«тельствъ, моимъ сверстникамъ часто не угоденъ. Не измѣнилъ я мо-«его слова ни одному изъ непріятелей; былъ счастливъ, потому что я «повелѣваю счастіемъ...»

Въ этой выпискѣ сохранены съ буквальною точностію всѣ ошибки правописанія подлинника, который находится у кн. А. А. Суворова. Письмо это напечатано было въ Оренбургскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1852 г.

IV. Уже въ послѣдствіи, по смерти Потемкина, императрица предоставила Суворову войдти съ дополнительнымъ представленіемъ о награжденіи отличившихся при штурмѣ Измаила. См. Высочайшій ре-

---

(1) Напримѣръ въ формулярномъ спискѣ 1783 г. показано Суворову 56 лѣтъ отъ роду.

скриптъ на имя Суворова отъ 31 марта 1792 года. (Рескриптъ этотъ напечатанъ въ «Собраніи писемъ и анекдотовъ, относящихся...» и проч. Левшина).

V. Нѣсколько писемъ по этому предмету помѣщено С. Глинкою въ «Жизни Суворова, имъ самимъ описанной», часть II, стр. 10—21; но, къ сожалѣнію, съ значительнымъ отступленіемъ отъ подлинника и съ пропусками. Письма Суворова любопытны не только потому, что выражаютъ собственный его взглядъ на вещи, но и въ томъ отношеніи, что обнаруживаютъ, какія вкрались въ то время злоупотребленія въ военномъ управленіи. Вотъ нѣсколько образчиковъ:

«Гофспитали оздоровѣвши въ Тавридѣ, подрядчики мнѣ давали задат-«ку 7000 рублей на разведеніе больныхъ — и вышли мы оттуда на «Днѣпръ не оставя тамъ ни одного больнаго, ниже взявши къ тому у «обывателей повозку....»

«З—нъ, что вы бѣжите въ роту? развѣ у меня вамъ худо? скажите «по совѣсти».—«Мнѣ тамъ на прожитокъ въ годъ тысяча рублей».—«Откуда»?—«Отъ мертвыхъ солдатъ...»

Въ письмахъ своихъ къ Д. И. Хвостову Суворовъ выражалъ не разъ негодованіе свое на клеветы: «Я чистъ душею и сердцемъ передъ Бо-«гомъ и моей великой Императрицей, въ чемъ моя совѣсть никогда не «упрекнетъ... Но какъ портикулярный человѣкъ отвѣчаю всякому пор-«тикулярному человѣку какъ равный ему, кто бы онъ ни былъ, и въ «малѣйшемъ предосужденіи моей чести буду всегда требовать удоволь-«ствія» (т. е. удовлетворенія). «И чтобъ то не было одно угроженіе, «то я и нынѣ желаю знать кто на меня дерзнулъ клеветать...» (См. Сбор. кн. А. А. Сувор. кн. 5).

VI. Въ собственноручной біографической запискѣ, представленной Суворовымъ въ московское дворянское собраніе въ 1786 году, онъ самъ, говоря о первоначальныхъ успѣхахъ, одержанныхъ въ Польшѣ Огинскимъ надъ русскимъ отрядомъ, прибавляетъ:

«Я напоминаю молодымъ вождямъ, что только одинъ глубокій въ «практикѣ военачальникъ можетъ строить рѣдко непріятелю золотой «мостъ, какъ и чинить хитрые маневры. При вышесказанномъ про-«исшествіи подъ Ландскрономъ побѣда произошла не отъ чего инаго, «какъ отъ оныхъ французскою запутанностію, которою россійское «войско пользовалось; они наклоняютъ пустые марши больше къ из-«нуренію войска, къ обленѣнію онаго и роскоши; хороши для красоты «въ реляціяхъ; непріятелю время давать не должно; пользоваться «сколько можно его наималѣйшею ошибкою и брать его всегда смѣло «съ слабѣйшей стороны; но надлежитъ, чтобъ войска предводителя «своего разумѣли».

VII. Вмѣстѣ съ этимъ прошеніемъ на Высочайшее имя, Суворовъ отправилъ письмо къ гр. Пл. Ал. Зубову:

«Милостивый государь мой
«графъ Платонъ Александровичъ.

«Великой Монархини я всеподданнѣйше прошу о увольненіи меня «на сію продолжительную кампанію къ нѣмецкимъ и союзнымъ вой-«камъ, съ нынѣшнимъ содержаніемъ, т. е. жалованьемъ и раціонами, «съ моимъ стабомъ и получаемыми столовыми на мѣсяцъ по 500 руб. «Къ сему потребенъ мнѣ паспортъ съ обычнымъ отношеніемъ. Ваше «Сіятельство покорнѣйше прошу вспомоществованія въ снабженіи «оными меня, здѣсь въ Херсонѣ, гдѣ нынѣ тишина. Я жъ давно безъ «практики».

«Пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію,
Милостивый государь мой,
Ваше Сіятельство,
Покорнѣйшій слуга
Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій».

VIII. Поученіе это напечатано было нѣсколько разъ, но подъ различными названіями, и со многими варіантами: *Вахтъ-парадъ и разговоръ съ солдатами*—въ «Собраніи писемъ и анекдотовъ», изд. Левшинымъ; *Ученіе разводное и словесное поученіе солдатамъ* — въ «Жизни Суворова, имъ самимъ описанной», изд. С. Глинкою; ***Наука побѣждать***—въ «Исторіи Суворова» Е. Фукса; наконецъ отдѣльною брошюрою (въ 1848 году) подъ заглавіемъ: *Умѣнье побѣждать*.

IX. Въ донесеніи императрицѣ отъ 12 августа 1796 г. изъ Тульчина Суворовъ отдаетъ отчетъ о состояніи своихъ войскъ, и въ заключеніе присовокупляетъ:

«Карманьольцы (1) по знатнымъ ихъ успѣхамъ могутъ простирать «свой шагъ и на Вислу. Союзный король прусской, примирившійся съ «ними противъ трактата 1792 года, для своихъ выгодъ имъ туда осо-«бливо чрезъ Саксонію можетъ быть препятствовать не будетъ. Все-«милостивѣйшая Государыня! я готовъ съ побѣдоносными войсками «Вашего Императорскаго Величества ихъ предварить. Турки еще ча-«стію спятъ и прежде полнаго лѣта нечего отъ нихъ ожидать». (См. Сб. князя А. А. Сувор. кн. 3.).

Въ одномъ письмѣ своемъ къ Д. И. Хвостову (отъ 29 августа 1796) Суворовъ между прочимъ пишетъ:

«.... Турецкая ваша война.... нѣтъ, а приняться за корень, бить «Французовъ... отъ нихъ она родится. Когда она будетъ въ Польшѣ, «тогда они будутъ только 200, 300. Варшавою дали хлыстъ въ руки

(1) Т. е. Французы, революціонеры.

«прусскому королю. У него тысячъ 100. Сочтите Турокъ.... Россіи «выходитъ имѣть до полумилліона. Нынѣ же когда Французовъ искать «въ нѣмецкой землѣ, надобно на всѣ сіи войска только половину сего... «Публика меня посылаетъ съ 50—60 т. противъ Французовъ; вы одинъ «молчите....»

Суворова весьма тревожили слухи о томъ, будто бы не ему предназначается начальство надъ войсками, отправленными противъ Франціи: говорили о Дерфельденѣ, о гр. Валеріанѣ Зубовѣ, отличившемся тогда въ Дагестанѣ. Суворовъ уже замышлялъ объ удаленіи «въ хижину», въ Кобринское свое имѣніе. Хвостовъ успокоивалъ фельдмаршала: «Императоръ (германскій) требуетъ именно васъ и настоитъ на посылкѣ войскъ вашихъ....» (Письмо Д. И. Хвостова въ октябрѣ 1796 г.; см. также письма самого Суворова, Мандрыкина и кн. Алексѣя Ив. Горчакова къ Хвостову, въ августѣ 1796 г., въ Сб. князя А. А. Сув. кн. 3).

X. Не разъ уже описано было, какъ Суворовъ получилъ горестное извѣстіе о кончинѣ своей благодѣтельницы; но самая достовѣрная и любопытная статья, написанная Столыпинымъ, адъютантомъ Суворова, напечатана въ Москвитянинѣ 1845 г. часть III № 5. Въ первое время по воцареніи новаго монарха, Суворову служило нѣкоторымъ утѣшеніемъ паденіе прежнихъ его враговъ. «Съ одной стороны я плачу, съ другой возношу хвалу Всевышнему, что повалилъ кумировъ. Великому государю я вѣренъ полвѣка»!... Такъ писалъ Суворовъ Д. И. Хвостову отъ 18 ноября 1796 (Сб. кн. А. А. Сув. кн. 3).

Въ другомъ письмѣ также къ Д. И. Хвостову, читаемъ: «Вы меня восхищаете милосердымъ нашимъ государемъ. Богъ вамъ даруй его благоволеніе. Для себя я начинаю забывать, но не какъ неблагодарный,—невозратную потерю»....

Но въ томъ же письмѣ фельдмаршалъ отзывался съ сожалѣніемъ о перемѣнѣ политики въ отношеніи къ Франціи: «Уклонъ отъ войны съ Французами наклонитъ вятщую войну: мнѣ полно; но кровь лить не для славолюбія,—что мнѣ не знакомо, а для пользы великаго Монарха. Воля Божія опредѣленія и Его»!... (Сборн. кн. А. А. Суворова кн. 5).

24 ноября, въ день тезоименитства покойной государыни, Суворовъ писалъ къ Хвостову:

«Сей день печальный! я отправлялъ.... послѣ заутрени безъ собранія одинъ въ олтарѣ, на колѣняхъ съ слезами. Неблагодарный усопшему государю будетъ неблагодаренъ царствующему. Среди гоненія кн. Платона» (Зубова), «въ Херсони я ходилъ на гробъ кн. Г. «А. Потемкина, помня его одни благодѣянія.... Нынѣ у меня въ тор-

«жественные дни пушки не стрѣляютъ. Какъ-то въ Петербургѣ?— «Для восшествія на престолъ великаго государя подарите моимъ «русскимъ крестьянамъ всѣмъ по рублю изъ оброковъ». (Сб. кн. А. А. Сув. кн. 3).

XI. Начало этого рескрипта было слѣдующее:

«Графъ Александръ Васильевичъ! Не безпокойтесь по дѣлу Врон- «скаго; я велѣлъ коммисіи разсмотрѣть; его же употребить (1). Что «было прежде, того не воротить. Кто старое помянетъ, тому глазъ «вонъ; у иныхъ, правда, и безъ того по одному глазу было». А далѣе какъ въ текстѣ.

Внизу же приписка собственноручная государя: «Приводи своихъ въ мой порядокъ пожалуй»....

Въ отвѣтѣ своемъ на этотъ рескриптъ Суворовъ писалъ (отъ 29 декабря 1796 г.):

«Вашего Императорскаго Величества войска, мнѣ ввѣренныя, по «штатамъ Высочайше апробованнымъ самопоспѣшнѣйше приводить «буду. По Всемилостивѣйшему повелѣнію, ежели какія особливости «здоровья препятствовать не будутъ, я въ надлежащее время отъѣду «въ Москву и паду къ освященнѣйшимъ В. И. В—ва стопамъ. Въ та- «ковомъ случаѣ весьма здѣсь потребенъ генералъ-аншефъ кн. Вол- «конскій». (Сб. кн. А. А. Сувор. кн. 3).

XII. Въ сборн. кн. А. А. Сув. кн. 3—есть довольно много Суворовскихъ писемъ и замѣтокъ, относящихся къ этому предмету: старый фельдмаршалъ дѣлаетъ всякаго рода намеки неодобрительные на нововведенія и подражанія прусской системѣ:

«Русскіе пруссковъ всегда бивали; что же тутъ перенять?»—(Письмо отъ 3 января 1797, по ошибкѣ выставлено 1796). — «Я лучше «прусскаго покойнаго короля; я милостію Божіею баталіи не про- «игрывалъ».... (Замѣтки 12 января). — «Солдаты не веселы, унылы; «разводы скучны. Шагъ мой уменьшенъ въ 3/4, и тако на не- «пріятеля вмѣсто 40—30 верстъ.... я пахарь въ Кобринѣ, лучше не- «жели только инспекторъ, каковымъ я былъ подполковникомъ»... «Со «дня на день умираю».... (2 января).

(1) Въ Варшавѣ производилось уже нѣсколько лѣтъ слѣдственное дѣло по доносу на неправильное употребленіе казенныхъ суммъ въ войскахъ Суворова. Дѣло это чрезвычайно безпокоило фельдмаршала, на котораго наложены были значительныя взысканія, равно какъ и на многихъ изъ окружавшихъ его лицъ. Въ 1799 году большая часть этихъ взысканій сложена, по особой Высочайшей милости; но дѣло тянулось до послѣднихъ дней Суворова.

Въ письмѣ Тихановскаго, одного изъ приближенныхъ Суворова, къ Д. И. Хвостову (отъ 14 января 1797 изъ Тульчина), читаемъ:

«Сей податель, г. Мерлинъ, посланъ къ вамъ въ Петербургъ, и «графъ послалъ съ нимъ 18 прошеніевъ, кои приказалъ намъ подать «въ отставку, и мы, по привязанности къ нему, оное выполнили. Не«удовольствіе его явно всѣмъ, которое не скрываетъ и публично го«воритъ, что идетъ изъ службы.... Чистосердечно вамъ скажу, гра«фа въ такомъ безпокойствѣ я еще не видалъ и неудовольствіи. Въ «полной мѣрѣ у насъ все по прежнему; отмѣны ни въ чемъ ни на «волосъ нѣтъ»....

XIII. Рескриптъ Императора Павла графу Суворову-Рымникскому, отъ 10 декабря 1796 г.:

«Графъ Александръ Васильевичъ! Давъ уже повелѣніе Наше о не«медленномъ собраніи къ своимъ полкамъ и командамъ тѣхъ нижнихъ «воинскихъ чиновъ, кои по злоупотребленіямъ до сего вкравшимся, «находились въ приватныхъ услугахъ по деревнямъ, дачамъ и домамъ, «такъ какъ и излишнихъ сверхъ положеннаго числа деньщиковъ, нуж«нымъ почитаемъ чрезъ сіе подтвердить всѣмъ инспекторамъ, въ томъ «числѣ и вамъ, дабы въ дивизіи, вами командуемой, вышеизображенное «повелѣніе Наше въ самой точности и безъ малѣйшаго замедленія ис«полнено было, что Мы возлагаемъ на особливое ваше наблюденіе и «взысканіе, пребывая впрочемъ вамъ благосклонны.»

Письмо графа Ростопчина къ графу Суворову, отъ 15 декабря 1796 г.:

«Сіятельнѣйшій графъ,

Милостивый государь!

«По повелѣнію Государя Императора, при семъ отправляю къ Ваше«му Сіятельству двухъ фельдъегерей, коимъ и находиться при васъ для «посылокъ, вмѣсто употребляемыхъ прежде сего офицеровъ.

«Препоручая себя при семъ случаѣ въ милость вашу, имѣю честь «пребыть съ глубочайшимъ почтеніемъ,

Сіятельнѣйшій графъ,

Милостивый государь,

Вашъ покорнѣйшій слуга

Федоръ Ростопчинъ.»

XIV. Уже послѣ сего издано 7 января особое Высочайшее повелѣніе, подтверждавшее не употреблять офицеровъ въ курьерскія и другія партикулярныя должности. (Полн. Собр. Закон. XXIV.)

XV. Отъ того же числа (14 янв.) гр. Ростопчинъ писалъ Суворову:

«Милостивый государь мой

Графъ Александръ Васильевичъ!

«По случаю увольненія Вашимъ Сіятельствомъ въ отпускъ сюда под-

«полковника Батурина,—который тотчасъ по пріѣздѣ и высланъ на-«задъ,—Его Императорское Величество Высочайше указать соизво-«лилъ Вашему Сіятельству сообщить, чтобы въ отпускъ сюда никого «не увольнять, не испросивъ прежде на то Высочайшаго соизволенія» и т. д.

XVI. Отъ 26 января 1797 г. послѣдовали слѣдующіе два Высочайшіе рескрипта Суворову:

1) «Господинъ генералъ-фельдмаршалъ гр. Суворовъ-Рымникскій! «Донесеніе ваше получа, немедленно повелѣлъ возвратить его къ вамъ, «означа непонятныя въ немъ два мѣста. По предписаніямъ Нашимъ «исполнять въ точности, не доводя до напоминовенія долгу службы».

2) «Господинъ фельдмаршалъ гр. Суворовъ-Рымникскій! Съ полу-«ченіемъ сего немедленно отправтесь въ Петербургъ.»

XVII. Отъ 11 января Суворовъ писалъ государю:

«Государь Всемилостивѣйшій, Вашего Императорскаго Величества «при побѣдоносныхъ войскахъ обстоитъ благополучно, здоровы, и «ихъ съ прошлаго Маія по новой годъ умеръ сотой человѣкъ. На гра-«ницѣ болѣзни не вкрадывались, и всегда было спокойно. Въ дисци-«плинѣ, субординаціи, порядкѣ службы и ея пріятности, во все время «исправны.

«Мои многія раны и увѣчья убѣждаютъ Вашего Императорскаго «Величества всеподданнѣйше просить для исправленія отъ дни въ день «ослабѣвающихъ моихъ силъ о Всемилостивѣйшемъ увольненіи меня «въ мои здѣшнія Кобринскія деревни на сей текущій годъ.»

Но вѣроятно, кромѣ сего прошенія, было еще другое, оставшееся намъ неизвѣстнымъ; ибо въ Высочайшемъ приказѣ, отданномъ при паролѣ 6 февраля 1797 г., изображено такъ:

«Фельдмаршалъ гр. Суворовъ отнесся къ Его Императорскому Величеству, что такъ какъ войны нѣтъ и ему дѣлать нечего, за подобный отзывъ отставляется отъ службы.»

Отъ 14-го же февраля 1797 года гр. Ростопчинъ писалъ Суворову:

«Сіятельнѣйшій графъ,

Милостивый государь!

«Государь Императоръ, получа донесеніе Вашего Сіятельства отъ «3 февраля, соизволилъ указать мнѣ доставить къ свѣдѣнію вашему, «что желаніе ваше предупреждено было, и что вы отставлены еще 6-го «числа сего мѣсяца. Пребывая съ глубочайшимъ почтеніемъ и пре-«данностію».... и проч.

XVIII. См. письмо Корицкаго къ Д. И. Хвостову отъ 25 апрѣля 1797: «25 числа въ 10 ч. по полуночи постигло насъ несчастіе чрезъ отъѣздъ его сіятельства съ нарочно присланнымъ, въ боровицкія его

деревни».... и т. д. Всѣ приближенные къ фельдмаршалу были отставлены; но Суворовъ, для обезпеченія имъ средствъ существованія, назначилъ каждому по деревнѣ изъ числа пожалованныхъ ему въ окрестностяхъ Кобрина. Нѣкоторые изъ этихъ лицъ даже самовольно завладѣли деревнями и распоряжались ими, какъ собственностію. (См. письмо Суворова отъ 25 ноября 1797 въ Сб. кн. А. А. Сув. кн. 3; другое отъ 7 января 1799 въ кн. 4).

Щедрость ко всѣмъ окружавшимъ можетъ одна объяснить, какимъ образомъ Суворовъ, при своей спартанской жизни, впалъ въ значительные долги. При отъѣздѣ изъ Тульчина онъ долженъ былъ занять 2,000 руб., въ то же время поручалъ онъ Д. И. Хвостову уплатить въ Петербургѣ болѣе 6,000 р. долгу. Но въ особенности разстроились хозяйственныя дѣла Суворова вслѣдствіе взысканій, наложенныхъ по упомянутому выше дѣлу Вронскаго и по многимъ другимъ претензіямъ и жалобамъ, которыя начали съ разныхъ сторонъ подавать корыстолюбивые пролазы, лишь только распространилась вѣсть о немилости государя къ знаменитому полководцу. Такъ между прочимъ 35,000 руб. требовалъ съ него владѣлецъ мѣстечка Крупчицъ, сожженнаго въ дѣлѣ 1794 года; другой требовалъ вознагражденія за какой–то лѣсъ, будто бы истребленный во время военныхъ дѣйствій; и т. д. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Д. И. Хвостову, Суворовъ упоминаетъ, что употребляя почти всѣ свои доходы на уплату долговъ, отдѣлилъ на свое содержаніе только отъ 3 до 4 тысячъ руб. въ годъ. Собственно для себя Суворовъ и не желалъ многаго; но безпокоился за своихъ дѣтей и не хотѣлъ оставить имъ въ наслѣдство разстроенныя имѣнія. Въ концѣ 1798 года фельдмаршалъ рѣшился даже подать прошеніе и государю, и наслѣднику престола о сложеніи несправедливыхъ взысканій. Вся переписка по этимъ дѣламъ находится въ Сборн. князя А. А. Сувор. въ кн. 1 и 4.

XIX. Въ Кончанскомъ находился безотлучно при Суворовѣ боровицкій городничій премьеръ–маіоръ Алексѣй Львовичъ Вындомскій. Старый полководецъ и въ этомъ скромномъ убѣжищѣ не укрылся отъ преслѣдованій злобы и клеветы. Находили предосудительнымъ, что онъ водится съ сосѣдями и приглашаетъ ихъ къ себѣ. По этому предмету находимъ какъ бы оправданія Суворова въ нѣсколькихъ письмахъ его къ Д. И. Хвостову:

«Бездушные крамольники да не вмѣнятъ во зло, что я здѣсь иногда «упражняюсь съ моими сосѣдями непорочно въ дружескихъ утѣхахъ; «они меня любятъ за мое чистосердечіе, какъ любили солдаты. Тако «препроводя святые вечера, съ наступленіемъ коихъ васъ поздрав«ляю, изготовлюсь къ великому посту, препроводить оный въ постѣ

«и молитвахъ съ обычнымъ моимъ благочестіемъ....» (Отъ 18 декабря 1798 г.)

«Войскъ здѣсь нѣтъ; обращеніе мое двѣ трети года съ дворянами. «Государскіе дни званы были разъ 5, 6; ихъ не торжествовать я щи-«талъ за грѣхъ. Незваные по дружбѣ въ другіе праздники и дни были «у меня къ службѣ Божіей и одному обѣду разъ до 8, человѣкъ отъ «3 до полдюжины; самъ я былъ въ гостяхъ меньше 10 разъ; прочее «время препровождалъ я въ глубокомъ уединеніи самъ другъ, самъ «третей съ священникомъ...» (Письмо отъ 18-же декабря, тамъ же).

XX. Покойный генералъ Данилевскій (въ первомъ изданіи Исторіи войны 1799 г.) относитъ пріѣздъ Суворова въ Петербургъ къ сентябрю 1798 года. Но въ Сборн. князя А. А. Сув. кн. 7, попался намъ въ копіи рескриптъ императора къ князю Горчакову слѣдующаго содержанія:

«Ѣхать вамъ, князь, къ графу Суворову, сказать ему отъ меня, что «естьли было что отъ него мнѣ, я сего не помню; что можетъ онъ «ѣхать сюда; гдѣ надѣюсь не будетъ поводу подавать своимъ пове-«деніемъ къ наималѣйшему недоразумѣнію.»

«Павелъ.»

Въ низу сдѣлана помѣтка: «получено въ С.-Петербургѣ февраля 12 дня 1798 г.»

Поставленный этою помѣткою въ нѣкоторое недоумѣніе, я рѣшился обратиться прямо къ князю Андрею Ивановичу Горчакову, который письменно (отъ 25 февраля 1854 г.) подтвердилъ, что означенный высочайшій рескриптъ дѣйствительно былъ полученъ имъ въ февралѣ 1798, что самъ Суворовъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ тотъ же мѣсяцъ и оставался тутъ около трехъ недѣль, (а не трехъ дней, какъ было сказано у генерала Данилевскаго). Въ послѣдствіи князь Горчаковъ словесно повторилъ мнѣ то же при подробномъ разказѣ о пребываніи Суворова въ столицѣ.

XXI. Прошеніе это напечатано Левшинымъ въ его «Собраніи анекдотовъ и писемъ», и перепечатано отсюда Н. Полевымъ; но когда именно было оно подано, положительно не указано; г. Левшинъ только присовокупилъ въ примѣчаніи свое предположеніе, что оно относится къ 1798 году.

XXII. Этотъ рескриптъ отъ 4 февраля 1799, помѣщенъ въ Сб. князя А. А. Суворова; въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ находимъ совсѣмъ другой рескриптъ, неизвѣстно откуда взятый:

«Теперь намъ не время расчитываться: виноватаго Богъ проститъ. «Римскій императоръ требуетъ васъ въ начальники своей арміи и «поручаетъ вамъ судьбу Австріи и Италіи. Мое дѣло на сіе согла-

«ситься, а ваше — спасти ихъ. Поспѣшите пріѣздомъ сюда и не от-«нимайте у славы вашей времени, а у меня удовольствія васъ видѣть.
«Пребываю вамъ доброжелательный....»

См. Сборн. писемъ и анекдотовъ и проч. (Левшина). Москва 1814, стр. 42.—Жизнь Суворова, С. Глинки. Ч. 2., стр. 123.—Ист. князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго, соч. Н. Полеваго, стран. 219. Во французскомъ переводѣ Антинга (изд. 1802 г. ч. III. стран. 5), и у Лаверня (стр. 332) помѣщенъ еще третій варіантъ, который также, какъ и предыдущій, должно считать поддѣльнымъ (апокрифнымъ).

XXIII. «La cour de Vienne m'ayant demandé le maréchal comte Souworow-Rimniksky pour le mettre à la tête de ses troupes et des miennes en Italie, Je l'ai fait chercher, en vous faisant savoir d'avance qu'en cas de son acceptation et pendant le tems de son commandement vous ayez l'oeil sur les entreprises qu'il pourroit tenter au préjudice des troupes et de la cause, en donnant essor à son imagination, qui peut lui faire oublier tout au monde. Ainsi, quoiqu'il soit vieux pour être un Télemaque, mais vous n'en serez pas moins un Mentor, dont les conseils et les avis doivent modérer la fougue et l'audace de ce guerrier blanchi sous les lauriers.» (Подл. рескриптъ Императора Павла генер.-лейт. Герману въ Императ. Публичной Библіотекѣ).

XXIV. «En respectant l'age de m-r le maréchal comte de Souworow, l'éclat de ses victoires, la fortune qui a constamment accompagné toutes ses entreprises, je ferai tout mon possible pour me faire au génie de ce guerrier fameux. Nos idées sur la manière de combattre ces revolutionnaires atroces, seront sûrement analogues. Il est généralement beaucoup pour l'ordre profond dans un jour de combat; moi aussi, avec la différence cependant qu'il doit être adapté à l'ordre parallèle pour diminuer l'effet de l'artillerie ennemie. Quant à la direction des marches et des campemens des troupes, par la nature de ma charge de maréchal-des-logis des armées, je puis les soigner, et c'est un point important d'où dépend souvent le succès de toute une campagne. D'une manière ou d'une autre j'espère d'être utile au service de V. M. et à la cause commune de tous les gouvernemens légitimes. Je suis convaincu d'avance que l'arrivée des troupes de V. M. I. sur le théâtre fera changer totalement la face des affaires, et que la fougue impétueuse de ces hordes barbares, énorgueillies et aveuglées par des victoires aisées, se brisera infailliblement contre la fermeté inébranlable de ses troupes.... и т. д. (Донесеніе генералъ-лейтенанта Германа отъ 14-го февраля 1799 изъ Брацлавля, въ Моск. А. Инсп. Деп.).

XXV. Анекдотъ этотъ помѣщенъ почти во всѣхъ біографіяхъ Суворова. Грамота, пожалованная Суворову на орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго и подписанная 13 февраля, напечатана у Фукса II. 11.

XXVI. Рескрипты императора Павла графу Суворову-Рымникскому.

1). Отъ 13 февраля 1799.

«Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Суворовъ-Рымникскій! Отправляя васъ по требованію вѣрнаго союзника нашего, римскаго императора, и сходственно съ желаніемъ Нашимъ, для предводительства войсками, подъ начальствомъ эрцгерцога Іосифа Палатина венгерскаго назначенными въ Италію дѣйствовать противъ Французовъ, предоставляемъ вамъ право, когда вы нужнымъ признаете, требовать умноженія числа войскъ Нашихъ, относясь лично къ Намъ. Впрочемъ подвиги ваши, усердіе и вѣра всѣмъ извѣстны. Продолжайте съ Богомъ, и врагъ блага общаго вами же пораженъ будетъ. Пребываемъ вамъ благосклонны.

«Павелъ.»

2). Отъ 1 марта 1799.

«Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Суворовъ-Рымникскій! За нужное признаемъ мы отдать вамъ въ совершенное распоряженіе назначенныя къ соединенію и дѣйствію въ Италіи съ цесарскими войсками, корпусы войскъ Нашихъ, подъ командою генерала Розенберга и генералъ-лейтенанта Германа, включая тутъ и баталіоны, для составленія Мальтійскаго гарнизона отправленные. Объявя сей рескриптъ, силою онаго примите начальство надъ оными войсками, распоряжая оными къ пользѣ общей. Мы же молимъ Бога нашего, да благословитъ ополченіе наше, даруя побѣду на враги вѣры христіанской и власти отъ Всевышняго постановленной, и да пребудутъ воины россійскіе словомъ, дѣломъ и помышленіемъ истинными сынами отечеству и Намъ вѣрноподданными.»

3). Отъ того же 1-го марта.

(Собственноручный).

«Графъ Александръ Васильевичъ! Нужнымъ нахожу, чтобы вы приказали обоимъ корпусамъ Розенберга и Германа относиться во всемъ къ вамъ, а не ко мнѣ, мимо васъ. Желаю вамъ здоровья; ибо за успѣхами не станетъ. Есьмъ вашимъ.»

(Сб. кн. А. А. Сув.—Фуксъ, II, 12 и 13).

XXVII. См. «Собраніе писемъ и анекдотовъ, относящихся до жизни А. В. князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго». Москва, 1809 (3-е изд. 1814).

СЕМЕЙНЫЯ СЦЕНЫ.

Никто не увлекается такъ легко, какъ безстрастные люди.

Ив. Тургеневъ.

I.

Осенній день клонился къ вечеру. Морозило. Небо выяснилось передъ закатомъ солнца, тонувшаго въ багровомъ заревѣ. Сквозь остовы деревьевъ яркіе проблески свѣта падали на дорожки деревенскаго сада, засыпанныя сухими листьями. Мертво и пустынно было въ саду, по которому шли съ поспѣшностью двѣ молодыя женщины. Одна изъ нихъ, въ атласной синей накидкѣ, высокая и стройная, казалось мало заботилась о рѣзкомъ сѣверовосточномъ вѣтрѣ, который, лукаво пробираясь между кустовъ, шевелилъ тюлевою косыночкой, наброшенною на ея темные волосы; другая же, напротивъ, увернувъ голову клѣтчатымъ платкомъ, прятала руки подъ кацавейку, обшитую вытертымъ бѣличьимъ мѣхомъ, и слѣдуя за барышней, дрожала отъ холода, ярко разрумянившаго ея круглыя щеки. Это была Стеша, дочь конторщика, крестница старой барыни и неизмѣнная спутница барышни Любови Васильевны во всѣхъ ея деревенскихъ прогулкахъ и продѣлкахъ. На этотъ разъ свѣженькое личико Любаши носило отпечатокъ безпокойства и заботливости, рѣдко посѣщавшей его. Она говорила тихо и отрывисто.

— Ты увѣрена, Стеша, что никто не видалъ насъ?

— Да будьте же покойны, барышня! кому видѣть?... Бабушка дремлетъ въ сумерки; тетенька у себя въ комнатѣ книжку читаетъ.

— Ну а Василиса Трофимовна?... Я ее ужасно боюсь.... Это шпіонка.

— Она, барышня, у дьякона въ гостяхъ, тамъ вѣдь крестины...

— Ну, слава Богу! бѣги же впередъ, отвори калитку.... Скажи, что я иду.... Позови Сергѣя Ивановича.

Догадливая Стеша въ одно мгновенье исчезла изъ глазъ и минутъ черезъ десять явилась въ сопровожденіи мужчины довольно высокаго и стройнаго, лѣтъ тридцати пяти, которому Любаша съ увлеченіемъ и довѣренностію протянула руку.

— Спасите меня! сказала она взволнованнымъ голосомъ:—какъ человѣкъ благородный, для котораго всякая женщина, прибѣгающая къ его защитѣ, становится сестрою....

— Успокойтесь, прошу васъ, успокойтесь! прервалъ Сергѣй Ивановичъ, слегка пожавъ ея руку: — сядьте! будемъ говорить мирно, какъ будто ничего не случилось. Зачѣмъ волноваться? Дѣло уладится.

— О! какъ вы добры! произнесла Любаша, опускаясь въ плѣнительномъ утомленіи на дерновую скамью и не сводя глазъ съ своего избавителя:—я думала, что вы будете смѣяться надо мною. Я вамъ писала.... Согласитесь, что въ осьмнадцать лѣтъ писать къ молодому человѣку, умолять его о помощи, повѣрять ему семейныя тайны, странно.... и смѣшно въ глазахъ свѣта. За это осуждаютъ насъ бѣдныхъ.... но вы, вы не осудили меня!

— Сохрани меня Богъ отъ такого низкаго чувства! воскликнулъ Сергѣй Ивановичъ съ такою искренностію и добродушіемъ, что лице его, за минуту передъ тѣмъ спокойное и весьма обыкновенное, внезапно озарилось огнемъ души, въ которомъ заключается истинная красота каждой физіономіи.—Могли ли вы думать, что я обвиню васъ, продолжалъ онъ, за то, что по неопытности, свойственной вашимъ лѣтамъ, вы поставили себя въ нѣсколько щекотливое положеніе. Виноваты тѣ, которые должны были бы заботиться о вашемъ счастіи, но не....

— Не говорите мнѣ объ этомъ! прервала съ грустью Любаша: Богъ съ нею, съ моею теткою, я не желаю ей зла; но она много вредила мнѣ. Бабушка стара, и совершенно отдалась въ руки дочери, которая воображаетъ, что все сдѣлала для меня, если дала мнѣ воспитанье, не удѣливъ мнѣ ни одной искры сочувствія и любви. Одинъ холодный долгъ руководилъ ею. Меня убиваетъ ея

невыносимое педантство; я гибну, я уничтожаюсь, я сойду съ ума въ этой ледяной атмосферѣ. Сердце мое требуетъ дружбы и привязанности.... О! какъ я могла бы любить!

Сергѣй Ивановичъ былъ растроганъ.

— Дайте мнѣ вашу ручку! сказалъ онъ наконецъ: —и успокойтесь! Все уладится. Я вамъ ручаюсь, что этой глупой дуэли не будетъ.

Любаша вскрикнула отъ радости и чуть было не бросилась на шею къ молодому человѣку, но опомнившись, въ ту же минуту закрыла лице руками и потупила голову. Въ этомъ движеніи было столько непринужденной граціи и простоты, что Сергѣй Ивановичъ невольно подумалъ: «Какая прелесть!»

— Вы не будете раскаяваться въ довѣренности, которою вамъ угодно было почтить меня, Любовь Васильевна! сказалъ онъ съ чувствомъ: — одно только.... скажите откровенно! Можетъ быть Григорій Андреевичъ нравится вамъ....

Эти слова произнесъ онъ тихо и нерѣшительно.

— Я его терпѣть не могу! воскликнула Любаша открывая лице, раскраснѣвшееся отъ волненья и мороза.—Нѣтъ, Сергѣй Ивановичъ, если *я люблю*, то конечно не его....

Сергѣй Ивановичъ не смѣлъ спросить, кого же она любитъ; а только опустилъ голову и въ задумчивости сталъ палкою расчищать дорожку, усѣянную желтыми листьями. Любаша бросила на него сухой и быстрый взглядъ.

— Мнѣ пора, Сергѣй Ивановичъ! сказала она послѣ минутнаго молчанья: —прощайте!

Онъ поднялъ голову и взглянулъ на нее почти безсмысленно.

— Прощайте! повторила Любаша еще выразительнѣе и грустнѣе прежняго.—Когда же мы опять увидимся?

— Скоро, скоро!... заговорилъ онъ оживляясь и энергически протягивая руку молодой дѣвушкѣ:—успокойтесь и не думайте ни о чемъ, будьте веселы! Я васъ увѣряю, что все это пустяки, которые останутся безъ послѣдствій.... Я уже принялся хлопотать!...

— Да благословитъ васъ Богъ! произнесла Любаша съ сверкнувшею на глазахъ слезою; и въ ту же минуту, пожавъ руку Сергѣю Ивановичу, повернулась и ушла, сопровождаемая Стешей, которая вовсе неожиданно, какъ заяцъ, выскочила изъ-за куста, и проворно побѣжала за барышней.

*

Сергѣй Ивановичъ долго сидѣлъ на скамейкѣ и смотрѣлъ вслѣдъ Любаши. Что онъ перечувствовалъ въ это время—трудно изобразить. Завлеченный, противъ воли, въ таинственные извороты семейной драмы, происходившей у людей совершенно ему посторонних, онъ долго не могъ прійдти въ себя и сообразить всѣ обстоятельства; но вспомнивъ красоту Любаши, ея довѣрчивый, невинный взглядъ, ея непріятное положеніе у старой бабушки, подъ гнетомъ капризной, взыскательной тетки, пережившей свою молодость и замѣнившей мечты свои сухою прозою—онъ рѣшился во что бы то ни стало помочь Любашѣ. «Бѣдная дѣвочка! она погубитъ себя!» думалъ онъ: «такая живая, довѣрчивая. Писала ко мнѣ.... Хорошо, что я не такой человѣкъ.... Ну, а другой пожалуй воспользовался бы ея неопытностію. Эта тетка говорятъ умна, да что въ томъ толку? какъ мало заботится о племянницѣ!»

Всѣ эти размышленія привели его къ тому заключенію, что Любаша хороша собою, очень простодушна и что нельзя не сдѣлать ей удовольствія, хотя бы это стоило ему жизни. Дѣло въ томъ, что двое молодыхъ людей должны были драться за нее на дуэли. Воспитанная въ сельской простотѣ, не имѣя привычки размышлять и предвидѣть зло, слѣпо повинуясь влеченію молодой натуры къ разсѣянью и забавамъ, Любаша безъ всякаго намѣренія кокетничала то съ однимъ изъ нихъ, то съ другимъ. Сначала все шло хорошо. Любаша танцовала, смѣялась и радовалась своей ловкости; какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро, злая волшебница, въ видѣ сосѣдки, въ чепцѣ съ зелеными лентами, въ платьѣ болотнаго цвѣта, прервала очарованье, растолковавъ молодымъ людямъ смыслъ и значенье Любашиныхъ словъ, намѣреній и стремленій; разожгла, распалила ихъ умы, да и сѣла за преферансъ, который, послѣ сплетень, составлялъ ея спеціяльность. Молодые люди были очень молоды, они схватились за ножи, но пораздумавъ и успокоившись, назначили порѣшить дѣло дуэлью. Узнавъ объ этомъ, Любаша пришла въ неописанное волненье и начала придумывать средства отклонить отъ себя бѣду.

— Да на чтожь лучше Сергѣя-то Иваныча, шепнула ей Стеша.

— Ахъ! въ самомъ дѣлѣ! вскричала Любаша:—онъ такой славный человѣкъ !

— Добрѣйшая душа.... Кузьма говоритъ просто ангелъ.... прибавила Стеша.—Ну и помѣщикъ не бѣдный!

Любаша между тѣмъ бросилась къ столу и написала письмо самое отчаянное, самое трогательное, самое увлекательное, такое что кажется не выискалось бы ни одного мужчины, который бы не оказалъ по этому призыву чудесъ храбрости и самоотверженія. Стеша смастерила все, какъ слѣдуетъ, чрезъ посредничество брата, такого же смышленаго малаго какъ она сама.

Послѣ окончательнаго разговора съ Сергѣемъ Ивановичемъ въ саду, Любаша прибѣжала домой, сѣла къ окну и устремивъ глаза на слетавшихся грачей, размышляла такимъ образомъ: «Чудесный человѣкъ этотъ Сергѣй Ивановичъ; такой мужъ—просто находка.... Еслибъ онъ влюбился въ меня!... Почемужь бы и не такъ?... Что ему дѣлать въ деревнѣ? Говоритъ до зимняго пути не уѣдетъ въ Москву—вотъ и прекрасно!»

А тетка между тѣмъ, эта бѣдная Прасковья Николаевна, которую Любаша умѣла представить такою грозною и взыскательною, ходила по комнатѣ и вспоминала свою прошлую жизнь, свои убитыя надежды и настоящее грустное положеніе между старухой матерью, которая нѣкогда управляла деспотически ея судьбою, а теперь требовала, какъ дитя, самыхъ неусыпныхъ попеченій, и племянницей, никогда ни въ чемъ ей не сочувствовавшей, не смотря на то, что росла въ глазахъ ея съ трехлѣтняго возраста. Прасковья Николаевна и Любаша ни въ чемъ не сходились между собой. Любаша увѣряла всѣхъ, что тетка ея педантка, капризница и ничѣмъ недовольна; а Прасковья Николаевна, хотя и не жаловалась встрѣчному и поперечному на племянницу, но все таки невольно показывала, что Любаша пустая дѣвочка, которой воспитаніе не принесло добрыхъ плодовъ. Бывали однакожь минуты, когда спокойствіе водворялось въ семействѣ и все какъ будто шло своимъ порядкомъ. Любаша притихала, ласкалась къ теткѣ, занималась чтеніемъ, заигрывала съ бабушкиной кошкой, кормила тетушкину собачку, звонко и непринужденно смѣялась за чаемъ съ молодыми сосѣдками, которыя пріѣзжали навѣстить ихъ, и Прасковья Николаевна, глядя на эту беззаботную, ребяческую веселость Любаши, не разъ упрекала себя въ излишней строгости къ ней. Ей приходило на мысль сиротство племянницы, она умилялась, съ грустною нѣжностью взглянувъ на Любашу; Любаша цѣловала у ней руку и пользуясь этимъ расположеніемъ, вѣчно выпрашивала чего нибудь у тетки. Прасковья Николаевна добродушно говорила ей:

хорошо! пожалуй! возьми!. . Любаша хлопала въ ладоши, подпрыгивала и обнимала тетку.... и тетка говорила иной разъ, вмѣстѣ съ бабушкою: «Экая шалунья!» За то случалось Любашѣ, не въ добрый часъ, такъ раздразнить тетку, что страшно было смотрѣть.... Любаша не прощала Прасковьѣ Николаевнѣ рѣзкихъ выговоровъ и раздражительности, въ которую она впадала по временамъ, вслѣдствіе горькаго убѣжденія, что Любаша не понимаетъ и не любитъ ее. Прасковья Николаевна имѣла вообще серіозный и неприступный видъ, но на дѣлѣ была добра и чувствительна до слабости. Любаша знала это очень хорошо.

Занятія Прасковьи Николаевны, проведшей всю свою молодость за книгами, были слишкомъ серіозны и сухи для Любаши, порывавшейся на волю, въ свѣтъ, туда, гдѣ бархатныя портьеры, пушистые ковры, плѣнительный полусвѣтъ, и хорошенькая, нарядная хозяйка невольно привлекаетъ свѣтскаго юношу. Любашѣ болѣе всего въ мірѣ хотѣлось нравиться и веселиться. Отсюда-то произошла непреодолимая холодность въ отношеніяхъ между теткой и племянницей, холодность, перетолкованная такъ удачно Любашею въ свою пользу, какъ мы это видѣли изъ разговора ея съ Сергѣемъ Ивановичемъ.

— Ты бы, Люба, поиграла на фортепьяно! сказала Прасковья Николаевна, останавливаясь передъ племянницей:—вѣчно сидишь безъ дѣла. Это не хорошо. Ты должна пріучаться къ занятіямъ, къ чтенію, чтобы приносить современемъ пользу семейству.

— Я и такъ, тетенька, читаю....

— Читаешь романы, изъ которыхъ черпаешь одни легкомысленныя понятія и ложные взгляды....

— Чтожь мнѣ читать?... Не Вольтера же и Руссо! проговорила съ нетерпѣніемъ Любаша.

— Кто тебѣ говоритъ про Руссо и Вольтера!

— Вѣдь это только вы, тетушка, читаете Гумбольдта и восхищаетесь, а меня Богъ избавилъ отъ этой напасти; и право, я не въ накладѣ. Жизнь моя, не безпокойтесь, будетъ не хуже вашей. Что̀ вы выиграли? Сидѣли, сидѣли, при дѣдушкѣ, читали, читали.... Ну что̀ же вышло изъ этого? Жить и умереть въ глуши, въ этомъ скверномъ домишкѣ, оклеенномъ газетною бумагой, при сальной свѣчкѣ.... ей-Богу не завидно!

— Ты всегда выводишь меня изъ терпѣнья своими глупостями! прервала Прасковья Николаевна, возвысивъ голосъ.

— Какими же глупостями, тетушка?...

— Правда, что̀ я выиграла?... прошептала Прасковья Николаевна, опускаясь въ кресла и какъ бы говоря сама съ собою:— развѣ то, что эта дѣвочка, о которой я заботилась и пеклась почти со дня ея рожденія, безпрестанно говоритъ мнѣ дерзости....

— Я говорю правду....

— И отравляетъ послѣдніе годы моей страдальческой жизни.... прибавила нѣсколько громче Прасковья Николаевна.

— Полноте, тетенька, вы совершенно здоровы.

— Какая добрая душа! сколько въ ней состраданія къ ближнему, какая мягкость въ выраженіяхъ, какая любовь....

— За что это, тетушка, вы меня все браните, что̀ я вамъ сдѣлала?...

Въ эту минуту въ комнату вошла бабушка Ѳедосья Ивановна, въ большомъ чепцѣ съ оборками, худенькая старушка, при видѣ которой Любаша разочла, что ей довольно выгодно заплакать, и потому закрывъ лице платкомъ, опустила голову и начала всхлипывать.

— Что̀ тамъ еще? спросила встревоженная бабушка:—Люба, о чемъ ты плачешь? Опять исторія! Да оставь ты ее, Параша, въ покоѣ! Что̀ тебѣ? Вѣчно придираешься къ ней.... вѣдь она еще ребенокъ. Надо имѣть къ ней снисхожденіе. Обижать Любу! фи! стыдно тебѣ, Параша! въ твои лѣта.... Ну, о чемъ ты плачешь, душечка? скажи!

Прасковья Николаевна остолбенѣла, машинально слѣдуя глазами за всѣми движеніями матери, которая нагнулась съ нѣжностію къ молодой дѣвушкѣ и упрашивала ее повѣрить ей настоящую причину своихъ слезъ. Что̀ сказать Любѣ? Она долго молчала, наконецъ, видя настойчивость бабушки, прошептала едва внятно:

— Тетенька требуетъ, чтобъ я читала Гумбольдта....

— Вотъ какой вздоръ! закричала старушка, оживляясь:—всякую чепуху и читать; да что̀ она за ученая такая? Зачѣмъ эта ученость? Ну къ чему она и тебѣ-то послужила, говори, Прасковья? Что̀ за радость, что ты этихъ философовъ-то читаешь?... Ну кому отъ этого легче? Лучше бы ты вовсе грамоты не знала да дѣвочку бы не мучила.

Прасковья Николаевна поблѣднѣла какъ полотно и ухватившись за замокъ двери, долго не могла выговорить ни слова; наконецъ

волненіе ея такъ усилилось, что перешло въ гнѣвъ, и она заговорила дрожащимъ, но звучнымъ голосомъ:

— Любаша лжетъ, маменька! Развѣ вы не понимаете ея безстыдной клеветы на меня. Прошу васъ выдти вонъ изъ комнаты, Любовь Васильевна!

— Куда? зачѣмъ ей идти? завопила Ѳедосья Ивановна, обнявъ внучку, а та, укрываясь подъ крылышко бабушки, внутренно забавлялась раздражительностію тетки. — Поди сама въ свою комнату, если хочешь, а Любашу отъ меня не гони! продолжала дрожащимъ голосомъ старушка.

Уничтоженная Прасковья Николаевна, чтобъ не продолжать нелѣпой сцены, вышла изъ комнаты.

«Вѣдь обѣ они—дѣти!» подумала она, стараясь успокоиться, но тяжко вздыхая.... «Богъ съ ними! Не сердиться же мнѣ въ самомъ дѣлѣ на нихъ!»

II.

Дня черезъ два, часу въ седьмомъ вечера, Любаша занималась приготовленіемъ чая и болтала съ бабушкой; а Прасковья Николаевна, облокотясь на столъ, читала «Revue des deux mondes», который выписывала въ продолженіе многихъ лѣтъ.

— Сергѣй Ивановичъ пріѣхалъ! проговорилъ лакей, появляясь мгновенно въ дверяхъ.

Любаша вскрикнула.

— Проси! проси! торопливо проговорила старушка, бросаясь къ Любашѣ и повторяя:—что̀ съ тобой, родная? что̀ съ тобой?

— Руку обожгла! отвѣчала молодая дѣвушка, состроивъ страдальческую мину.

Ѳедосья Ивановна начала звонить изо всей силы. Въ это время входитъ Сергѣй Ивановичъ.

— Здравствуйте, батюшка, садитесь! сказала она скороговоркой, не переставая звонить и кликать Грушу.

— Что̀ случилось? спросилъ Сергѣй Ивановичъ, замѣтя суматоху и садясь подлѣ молодой дѣвушки.

— Да вотъ Люба обожглась кипяткомъ.... произнесла съ глубокимъ сокрушеніемъ старушка.

— Э! покажите ручку, Любовь Васильевна!

— Это право ничего! шептала краснѣя Любаша и вмѣсто того чтобъ протянуть руку, прятала ее, завернувъ въ платокъ.

— Нѣтъ, покажите! настойчиво просилъ Сергѣй Ивановичъ, стараясь овладѣть больною рукой Любаши.

— Да покажи, душечка! проговорила бабушка.

Любаша, вся сконфуженная, протянула руку молодому человѣку.

— Ахъ, бѣдный пальчикъ! какая жалость! сказалъ онъ, пристально разсматривая маленькую ручку.

И вдругъ нагнулся и какъ будто совершенно случайно поцѣловалъ ладонь. Въ эту минуту Прасковья Николаевна закрыла книгу и уставилась на Любашу.

«Змѣя!» подумала молодая дѣвушка, бросивъ съ своей стороны мѣткій взглядъ на тетку и высвободивъ свою руку изъ рукъ Сергѣя Ивановича, который, опершись на столъ, не переставалъ любоваться смущеніемъ хорошенькаго личика.

— Я жду чаю! сказала Прасковья Николаевна сухимъ тономъ.

— Сейчасъ, ma tante! отвѣчала Любаша, опустивъ глаза и торопливо ополаскивая чашку.

Ѳедосья Ивановна все хлопотала о хлопчатой бумагѣ, которую наконецъ принесла Аграфена.

— Какъ же вы обожглись? спросилъ Сергѣй Ивановичъ въ то время какъ увертывали пальчикъ Любаши.

— Да какъ? Все шалитъ! начала бабушка съ добродушной улыбкой. Вошелъ Павелъ, говоритъ: Сергѣй Ивановичъ пріѣхалъ! Голосъ у него такой дикой, точно изъ трубы. Я сама вздрогнула; а Любаша въ это время доливала чайникъ, да какъ вскрикнетъ... Что́ такое? обожглась! Такъ что даже вся поблѣднѣла, прибавила бабушка, бросивъ чувствительный взглядъ на внучку, которая казалось была окончательно приведена въ замѣшательство словами бабушки.

«Очень понятно!» подумалъ Сергѣй Ивановичъ:—«бѣдняжка! она ждетъ, добрую или дурную вѣсть я ей принесъ»!

Сергѣй Ивановичъ, по скромности, не смѣлъ приписывать смущенье молодой дѣвушки единственно своему появленію, но все таки испытывалъ какое-то сладостное чувство умиленья. Она показалась ему такъ мила и такъ жалка! А тутъ эта тетка, съ своими большими, сѣрыми глазами, сухое, бездушное созданье! Съ

какою холодною наблюдательностью слѣдитъ она за всѣми движеніями дѣвочки! Она вѣроятно завидуетъ ея красотѣ, ея молодости...

О! какъ все это было ясно для Сергѣя Ивановича, который во весь вечеръ не сказалъ ни слова Прасковьѣ Николаевнѣ; а обращался преимущественно къ Өедосьѣ Ивановнѣ, находя въ ея снисходительной улыбкѣ всѣ признаки бабушки-баловницы и прощая ей отъ души эту слѣпую любовь къ хорошенькой внучкѣ.

Домъ Өедосьи Ивановны былъ убранъ по старинному. Гостиная, наивно расписанная рукою домашняго маляра, походила на всѣ деревенскія гостиныя Россійской имперіи. Двѣ двери, двѣ печи, между которыми находится диванъ, по стѣнкамъ кресла, на столѣ двѣ свѣчи и подносъ съ вареньемъ, мочеными яблоками и пастилой. Бабушка сѣла на диванѣ, пригласивъ гостя занять стоявшее подлѣ печки кресло.

— А я поближе къ бабушкѣ и поближе къ варенью! сказала игриво Любаша, и подсѣла подъ бочекъ къ старушкѣ, наложивъ тотчасъ же себѣ на блюдечко порядочную порцію китайскихъ яблочковъ.

«Какое дитя»! подумалъ Сергѣй Ивановичъ и обернулся, ища глазами Прасковью Николаевну; она сидѣла въ тѣни, поодаль, и отказалась отъ варенья, которое предложила ей мать.

— Хорошо ли, Сергѣй Ивановичъ, спросила Өедосья Ивановна у гостя, который началъ ѣсть китайскія яблочки, чтобъ сдѣлать удовольствіе Любашѣ. Могу похвастать: внучка варила, батюшка... Да!.. такая хозяйка! Тортъ ли, соленье ли, пастилу ли сдѣлать—все это отлично!

Любаша улыбалась, не спуская глазъ съ бабушки.

— Видите, Сергѣй Ивановичъ, какіе у меня таланты! сказала она съ звонкимъ смѣхомъ. А вы вѣрно думаете про себя: хороша дочка Аннушка, коли хвалитъ мать да бабушка.

«Какъ все это натурально, какъ мило!..» помышлялъ Сергѣй Ивановичъ. «Деревня-то, деревня, какой рай!.. Ну гдѣ найдешь *въ свѣтѣ* такое прелестное дитя!..» Добрая старушка была дѣйствительно въ восторгѣ отъ талантовъ и ума своей хорошенькой внучки. Сергѣй Ивановичъ вполнѣ раздѣлялъ ея взглядъ на Любашу и съ восхищеніемъ слушалъ веселую, наивную, хотя нѣсколько несвязную болтовню молодой дѣвушки. Что́ касается до

Прасковьи Николаевны, то она, не сказавъ ни слова, встала и ушла къ себѣ.

«Какой мрачный, сухой характеръ! понятно какъ Любашѣ тяжело зависѣть отъ нея!» сказалъ онъ внутренно самому себѣ, провожая глазами Прасковью Николаевну, закутанную большимъ платкомъ. Едва скрылась за дверью небольшая фигура тетки, какъ Любаша вскочила съ дивана и сѣла подлѣ Сергѣя Ивановича.

— Какъ я рада васъ видѣть! сказала она тихо, но съ чувствомъ: —бабушка немножко глуха... не бойтесь! Сверхъ того она не имѣетъ привычки подозрѣвать меня... Это не то что тетенька: бабушка такъ меня любитъ!

— Что́ ты тамъ шепчешь? отозвалась старушка.

— Ничего, бабушка! разказываю, что вы позволяете мнѣ иногда самой править въ кабріолетѣ и что я ѣзжу въ сосновую рощу.

— Почему же не позволить. Скажите, батюшка! заговорила Ѳедосья Ивановна, обращаясь къ гостю: это отъ дому всего съ полверсты. Параша сердится, зачѣмъ я ее пускаю. Въ деревнѣ— великая важность! Вотъ, еслибъ она въ Москвѣ, Подъ-Новинскимъ, ѣздила одна — это другое дѣло... На гуляньи это не годится, а то въ деревнѣ, въ глуши! Да Параша у меня такая строгая, что не приведи Богъ. Молодая-то жила словно затворница при покойномъ отцѣ, и замужъ не пошла, все училась, читала... Ну хорошо... да зачѣмъ же дѣвочку-то взаперти держать.

— Педантка! прошепталъ сквозь зубы Сергѣй Ивановичъ.— Стало быть вы мало выѣзжаете? спросилъ онъ у Любаши.

— Этого нельзя сказать, подхватила Ѳедосья Ивановна. Прошлую зиму ѣздили на выборы... тамъ были спектакли и балы... Ну и Параша не тяготилась вывозить ее...

— Только всякій разъ непріятности... прошептала мимоходомъ Любаша.

Сергѣй Ивановичъ выразительно взглянулъ на нее и прибавилъ очень тихо:

— Pauvre enfant!

Молодая дѣвушка была такъ тронута этимъ участіемъ, что нашла средство пожать ему руку, такъ что бабушка не замѣтила этого.

— Вы въ какое время катаетесь по рощѣ? спросилъ онъ оживляясь.

— Часу въ пятомъ, послѣ обѣда... вѣдь мы обѣдаемъ въ два, отвѣчала такъ равнодушно Любаша, что можно было подумать, что она не придаетъ никакой важности этому отвѣту.—Вы любите музыку? Хотите ли я вамъ сыграю что нибудь? прибавила она съ живостью.

И не дождавшись отзыва, вскочила и въ одно мгновенье очутилась за фортепьяно. Вслѣдъ за нею пошелъ и Сергѣй Ивановичъ; даже бабушка встала, приговаривая:

— Люба у меня славно играетъ.

— Какъ идутъ наши дѣла? спросила Любаша, играя съ увлеченіемъ мазурку.

— Хорошо! не безпокойтесь! Я все уладилъ за бутылкою шампанскаго.

— О! какъ вы добры, Сергѣй Ивановичъ! Завтра я буду въ рощѣ... мы переговоримъ обо всемъ.

— Хорошо... отвѣчалъ Сергѣй Ивановичъ, перевертывая наугадъ ноты.

Сергѣй Ивановичъ жилъ въ восьми верстахъ отъ Любаши. Деревянный домъ его съ плоскою крышею, бельведеромъ и большими окнами, стоялъ на ровномъ мѣстѣ, не отличавшемся никакими видами, но все кругомъ него было отдѣлано такъ нарядно, и садъ, посреди котораго онъ красовался своею итальянскою архитектурою, былъ содержанъ въ такомъ порядкѣ, что въѣхавши въ село Маматово, каждый невольно думалъ: «славный хозяинъ этотъ Сергѣй Ивановичъ». Въ домѣ же все дышало гостепріимствомъ добраго русскаго барина, какимъ дѣйствительно былъ Сергѣй Ивановичъ.

Послѣ вечера, проведеннаго съ Любашею, онъ возвратился домой совершенно влюбленный. «Какая простота, непринужденность, довѣрчивость! И какъ мило обожгла себѣ пальчикъ, какъ очаровательно надула бабушку, съ какимъ ребяческимъ восторгомъ разказывала, какъ обманываетъ кавалеровъ въ мазуркѣ!.. что̀ за прелестное созданье! Эти синенькіе глазки съ черными рѣсницами, эта густая, темнорусая коса, которая слишкомъ велика для ея маленькой головки... и вдругъ все это погибнетъ въ деревенской глуши! Тетка надоѣдаетъ ей; бабушка безъ памяти балуетъ ее. Печальная будущность ожидаетъ этого ребенка, предоставленнаго судьбѣ... Какъ будетъ грустно и тяжело этой дѣвочкѣ, когда

она пойметъ свое положеніе!.. Вѣдь этотъ роскошный цвѣтокъ, эта любящая, пылкая натура никогда не сдѣлается, какъ ея тетка, педанткой! О! нѣтъ, нѣтъ! никогда!..»

Сергѣй Ивановичъ долго не засыпалъ, краснорѣчиво доказывая самому себѣ, что Любаша несчастлива, что не худо было бы спасти ее отъ погибели... Спасти? но какъ? какимъ образомъ? На этомъ пунктѣ мысли его такъ спутались, что невидя возможности выбраться изъ лабиринта, въ который онъ попалъ, Сергѣй Ивановичъ съ отчаянья уснулъ. На утро, какъ лучъ, блеснула ему возможность быть любимымъ... Отчего же, какъ дуракъ, не могъ онъ въ первую минуту сообразить всего этого? Оттого что свѣтъ испортилъ насъ... Оттого, что всякому, даже самому доброму человѣку, пожившему сколько нибудь въ обществѣ, трудно рѣшиться на безкорыстный, прекрасный поступокъ. Впрочемъ что́ за великодушіе, въ самомъ дѣлѣ? Любаша хороша, молода, образована. Сергѣй Ивановичъ началъ думать, что онъ не достоинъ счастія получить ея руку, и что для этого не мѣшаетъ употребить всѣ усилія. Разгоряченное воображеніе Сергѣя Ивановича повлекло его отъ одной мечты къ другой съ такою силою, что онъ едва могъ придти въ себя, когда пробилъ часъ назначеннаго свиданія въ рощѣ... «Лишь бы только не помѣшала ей эта скверная тетка», думаетъ онъ, садясь въ экипажъ и отдавая приказаніе везти себя какъ можно скорѣе.

Сергѣй Ивановичъ былъ не только человѣкъ съ доброю душой, но энтузіастъ и фанатикъ въ дѣлѣ сердца, особенно если обстоятельства настраивали его на этотъ ладъ. Еще наканунѣ своего сближенія съ Любашей, онъ былъ кротокъ, миренъ и спокоенъ; теперь же, при содѣйствіи самолюбія, всегда неразлучнаго съ чувствами мужчины, онъ готовъ былъ на всѣ крайности въ мірѣ.

Въ рощѣ Любаша съ полною откровенностью разказала ему свою печальную исторію, раскрыла передъ нимъ тайныя гоненія и несправедливости тетки, свои слезы, страданія и перспективу ужасной будущности, которую, не смотря на беззаботность своего характера и неопытность юности, предугадывала бѣдная Любаша. Сергѣй Ивановичъ переродился, слушая ее. Глаза его загорѣлись, сердце взволновалось; онъ какъ безумный произнесъ тысячу клятвъ и моленій, изъ которыхъ ясно поняла молодая дѣвушка, что онъ влюбленъ въ нее.

— Прощайте, томно произнесла она, вставая съ обожженнаго грозою пня:—смеркается... мнѣ пора домой! Когда же мы увидимся теперь?

— Скоро, скоро! можетъ быть завтра же я буду у васъ! отвѣчалъ Сергѣй Ивановичъ, не сводя съ нея взгляда, пылавшаго любовью.

— Нѣтъ, не завтра... это слишкомъ часто Я боюсь, что тетенька станетъ подозрѣвать. Не лучше ли избѣжать этого? Стеша васъ будетъ ожидать у калитки сада и проводитъ на деревню. Тамъ по крайней мѣрѣ мы можемъ поговорить на свободѣ; тогда какъ у насъ въ домѣ, одинъ *ея* взглядъ леденитъ всѣ мои способности.

— Бѣдняжка! сказалъ восторженно Сергѣй Ивановичъ, прижавъ къ груди своей, потомъ къ губамъ бѣленькую ручку, охладѣвшую на морозномъ воздухѣ.—Вы озябли... холодно! Дайте другую ручку: я ее отогрѣю.

— Я не чувствую ни холода, ни жара, когда душа взволнована! сказала Любаша, протягивая ему обѣ руки съ такою неподражаемою граціей, что надобно было видѣть все это, чтобъ понять положеніе Сергѣя Ивановича.

Уже совсѣмъ стемнѣло, а Любаши все нѣтъ какъ нѣтъ. Прасковья Николаевна ходитъ по комнатѣ и безпокоится. Старушка раскладываетъ пасьянсъ и удивляется тревогѣ, въ которую впала дочь.

— И что́ ты вѣчно придумываешь, мать моя! говоритъ Ѳедосья Ивановна:—великая важность! около дома катается съ Стешей, вотъ и все. Не на привязи же держать ребенка.

Прасковья Николаевна не отвѣчала ни слова, а продолжала ходить изъ угла въ уголъ, потупивъ голову. Наконецъ влетѣла Любаша и прямо бросилась къ бабушкѣ. Съ какимъ хохотомъ стала она разказывать ей «трагическое происшествіе» птичнаго двора... какъ старая Акулина, не выпуская изъ своихъ объятій убитаго индѣйскаго пѣтуха, съ воплемъ бросилась къ ногамъ барышни и умоляла ее о наказаніи убійцы. Все это происшествіе было разказано въ лицахъ Любашею, и чрезвычайно понравилось бабушкѣ, но Прасковья Николаевна пристально и безъ улыбки смотрѣла на племянницу, и когда та окончила свою болтовню, спросила у ней:

— Гдѣ ты была такъ долго?

— Ахъ, Боже мой, тетенька! Сейчасъ и подозрѣніе! Не могу шагу сдѣлать; право, это ужасно...

— Это подлинно ужасно! подхватила бабушка, и тревожно закачалась на диванѣ, смѣшавъ карты.

— Вы хотите, чтобъ я зачахла и умерла, сидя въ четырехъ стѣнахъ! продолжала Любаша съ большею смѣлостью при видѣ подкрѣпленія:—я молода; мнѣ нуженъ воздухъ и движеніе... а здѣсь я какъ въ тюрьмѣ...

— Она какъ въ тюрьмѣ здѣсь... зачахнетъ, право зачахнетъ!.. повторила старушка дрожащимъ голосомъ.

— Какіе пустяки! сказала въ полголоса Прасковья Николаевна и улыбнулась.

— Въ тебѣ нѣтъ жалости... Ты хочешь вѣрно, Параша, чтобъ она зачахла!.. вскричала съ возрастающимъ волненіемъ Ѳедосья Ивановна.

— Я хочу, чтобъ она по крайней мѣрѣ держала себя прилично, произнесла съ достоинствомъ Прасковья Николаевна.

— Чѣмъ же она неприлична? Право, матушка, у тебя умъ за разумъ зашелъ. Э, Параша, не хорошо!

— Право, какая я несчастная! пропищала Любаша сквозь слезы, опустивъ голову на плечо къ бабушкѣ.

— Полноте разыгрывать комедіи, Любовь Васильевна! довольно!

Любаша заплакала на взрыдъ, закрываясь шерстянымъ платкомъ Ѳедосьи Ивановны. Прасковья Николаевна не спускала съ него глазъ, разгорѣвшихся отъ негодованія.

— Бѣдная Люба! вскричала растроганная старушка. Голубушка ты моя, дай я тебя поцѣлую.

Любаша бросилась въ объятія бабушки. Прасковья Николаевна быстро направилась къ двери и скрылась.

III.

Любаша окончательно вскружила голову Сергѣю Ивановичу. Онъ оставилъ всѣ свои агрономическія занятія, для того, чтобъ на свободѣ думать объ ней, писать къ ней и ожидать свиданія съ нею. Стеша была какъ нельзя больше полезна барышнѣ, за то

Любаша и привязалась къ ней, наперекоръ Прасковьѣ Николаевнѣ, которая не разъ настаивала на томъ, чтобъ удалить эту дѣвчонку отъ сообщества Любаши; но Ѳедосья Ивановна никакъ не могла рѣшиться на это, говоря, что Стеша ея крестница и что притомъ она предобрая и преуслужливая дѣвочка. Постоянно разыгрывая наединѣ съ Сергѣемъ Ивановичемъ роль влюбленной, Любаша кончила тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ пристрастилась къ нему и не могла уже провести дня, не видавъ его или не получая отъ него письма.

Съ какимъ трепетомъ и волненьемъ выходила она на большую дорогу, къ старому, брошенному строенію, которое нерѣдко укрывало ихъ отъ глазъ прохожихъ! Какъ ждала она, въ дождливые дни, того часа, когда Стеша приходила раздѣвать ее и ловко подсовывала подъ подушку маленькую записочку, пропитанную насквозь самыми страстными выраженіями любви и преданности! Сколько накопилось такихъ писемъ у Любаши! и какъ часто, перечитывая ихъ, она восклицала: «Да что жь онъ не сватается?...»

Дѣйствительно было отъ чего придти въ уныніе: настали осеннія бури, предвѣщавшія близость зимы. Садъ одѣлся инеемъ, какъ горностаевою опушкой; въ куртинахъ, гдѣ цвѣли розы, чернѣются груды печальнаго можжевельника; дорожки стали непроходимы; высохшія деревья покорно клонятся къ землѣ, по волѣ прихотливаго вѣтра, который безъ умолку шумитъ надъ головой ихъ, какъ самый неугомонный наставникъ.

Прасковья Николаевна любитъ осень: задумчивый взглядъ ея съ невольнымъ влеченіемъ слѣдитъ за порывами бури, которая бросается въ окно, осыпая его мелкою изморосью, стучитъ по кровлѣ и воетъ, разстилая густой дымъ по двору; небо словно сковано стальною броней, изъ-за которой не смѣетъ выглянуть самое солнце, душа творенія.

Прасковья Николаевна, положа книгу, засмотрѣлась въ окно на кружившагося въ вихрѣ одинокаго, застигнутаго бурею голубя, и вовсе не замѣтила, что въ комнату вошла Любаша. Бросивъ пытливый взглядъ на тетку, замечтавшуюся подъ завываніе бури о буряхъ жизни и о свѣтлыхъ дняхъ, Любаша думаетъ: «Вотъ и прекрасно! она ничего не видитъ!» и поспѣшно подкладываетъ измятое письмецо подъ книжку, оставленную на бюро Прасковьей Николаевной; а сама, посуетясь немножко, какъ человѣкъ, который ищетъ чего нибудь, беретъ канвовый узоръ и уходитъ.

Помечтавъ и соскучась видомъ сѣвернаго неба, карканьемъ воронъ, скрипомъ ставень, свистомъ вѣтра, Прасковья Николаевна встала, чтобъ взять книгу и продолжать чтеніе, прерванное на блестящемъ описаніи какой-то итальянской виллы. Какъ ни была разсѣянна она, но письмецо, исписанное кругомъ, бросилось ей въ глаза; сперва она машинально развернула его; потомъ пробѣжавъ нѣсколько строкъ, почувствовала такое волненье, что сѣла и приложила руку къ сердцу, которое сильно билось.

«Эта Любаша своею опрометчивостью надѣлаетъ бѣдъ!» прошептала она, не скоро приходя въ себя. «Но Боже мой! сколько любви въ душѣ этого человѣка, если вѣрить словамъ его!» подумала она, снова принявшись за чтеніе письма: «какъ все это просто и сильно высказано! Не ужели въ самомъ дѣлѣ подъ этою личиной благородной искренности кроется низкій замыселъ, и Любаша будетъ обманута и оставлена!»

Прасковья Николаевна почувствовала состраданіе; она забыла оскорбительныя выходки племянницы, всю испорченность этой юной, но уже расчетливой натуры, ей представилось одно разбитое, уязвленное сердце молодой дѣвушки, обреченной на долгое страданье, утихающее только съ лѣтами, страданіе, которое она сама быть можетъ испытала и пережила.

Прасковья Николаевна стала ходить по комнатѣ и пріискивать въ головѣ своей средство спасти Любашу. Никакіе извороты не входили въ голову бѣдной Прасковьѣ Николаевнѣ, привыкшей дѣйствовать всегда прямо и открыто. Она блуждала въ лабиринтѣ мысли, не находя спасительной нити, смущалась нерѣшительностію своего характера, чувствуя всю необходимость высказать безъ обиняковъ Сергѣю Ивановичу все что̀ у нея на душѣ. И что̀ онъ за человѣкъ? спрашиваетъ она у себя, теряясь въ догадкахъ. Богъ знаетъ какъ смотритъ онъ на женитьбу. Если слова, внушенныя ей сердцемъ, будутъ перетолкованы имъ въ дурную сторону.... что̀ тогда? Кто знаетъ, чѣмъ все это кончится? Между тѣмъ, не худо было бы хорошенько побранить Любашу за всѣ эти штуки, приходитъ наконецъ въ голову Прасковьѣ Николаевнѣ; но какъ бранить се за чувство, въ которомъ она не вольна? Если она въ самомъ дѣлѣ любитъ Сергѣя Ивановича, чтожь съ этимъ дѣлать?

Во время всѣхъ этихъ размышленій вѣтеръ стихъ, и снѣгъ повалилъ хлопьями на влажную землю. Къ вечеру стало морозить. Изъ-за церкви, по косогору, показались крестьянскія розвальни, за которыя цѣплялась шумная ватага ребятишекъ. Вотъ наконецъ совсѣмъ стемнѣло; по небу раскинулись безчисленныя группы звѣздъ, и изъ-за легкой, прозрачной тучки выплылъ давно не появлявшійся мѣсяцъ. Бѣлоснѣжная равнина, какъ скатерть, разстилалась передъ домомъ до самой рощи, таинственно сливавшейся въ полусвѣтѣ съ краями стемнѣвшаго неба.

По первому пути, то есть на другой же день явился Сергѣй Ивановичъ: лишь только доложили о его пріѣздѣ, какъ Прасковья Николаевна, у которой сердце забилось сильнѣе обыкновеннаго, пошла въ комнату къ Любашѣ и съ кротостью сказала ей:

— Любаша, я тебя попрошу не входить въ гостиную пока тамъ будетъ Сергѣй Ивановичъ.

— Отчего же это, тетенька?

— Оттого что я *все узнала* и не желая подвергнуть твою репутацію толкамъ и пересудамъ, рѣшилась переговорить съ Сергѣемъ Ивановичемъ.... А тамъ, увидимъ что̀ будетъ.

Любаша сконфузилась и потупила глаза, пристально разсматривая вензель, вышитый на ея платкѣ.

— Скажи мнѣ, Любаша, откровенно, любишь ли ты *его?*

Любаша молчала, краснѣя и перебирая съ замѣшательствомъ платокъ.

— Я надѣюсь, милая, что ты будешь на столько благоразумна, что во всемъ положишься на меня.

Любаша бросилась на шею къ теткѣ и съ подобострастіемъ поцѣловала у ней руку.

— Я вполнѣ довѣряюсь вамъ! прошептала она взволнованнымъ голосомъ:—Не оставьте меня, ma tante!

Прасковья Николаевна поцѣловала ее въ голову и вышла изъ комнаты, тронутая чуть не до слезъ.

Сергѣй Ивановичъ сидѣлъ на диванѣ подлѣ Ѳедосьи Ивановны и казалось былъ недоволенъ, даже смущенъ отсутствіемъ Любаши. Прасковья Николаевна вошла, поклонилась ему съ своею обыкновенною сухостью и сѣла къ окну. Ѳедосья Ивановна продолжала свой разказъ о томъ, какъ негодный мельникъ Кондратъ Осиповъ самовольно отмежевалъ у ней три десятины земли.

Сергѣй Ивановичъ притворялся, что слушаетъ. Между тѣмъ подали чай. Сергѣй Ивановичъ все посматриваетъ на дверь и переминается; наконецъ спрашиваетъ робкимъ голосомъ у Ѳедосьи Ивановны: гдѣ же Любовь Васильевна?

— Сейчасъ здѣсь была.... Вѣрно въ своей комнатѣ.... отвѣчаетъ спокойнымъ тономъ старушка.

Прасковья Николаевна молчитъ, выжидая свободной минуты чтобъ остаться наединѣ съ Сергѣемъ Ивановичемъ. Какъ будто подслушавъ ея затаенную мысль, Ѳедосья Ивановна, выпивши свою чашку, встала и ушла въ дѣвичью, чтобъ распорядиться на счетъ варенья и пастилы.

Сдѣлавъ надъ собою усиліе, Прасковья Николаевна подошла къ Сергѣю Ивановичу. Онъ взглянулъ на нее недовѣрчиво и сердито.

— Я буду говорить съ вами безъ предисловія, сказала она, стараясь сохранить всю свою твердость. Моя племянница любитъ васъ. Судя по одному изъ писемъ.... оно случайно попалось мнѣ въ руки....

— А!... въ самомъ дѣлѣ?... Странно!... Ну чтожь вамъ угодно?

— Судя по этому письму, я полагаю, что и вы не равнодушны къ ней.... Она сирота. Бабушка и я—мы плохая защита молодой дѣвушкѣ ... Подумайте!

— Я право не понимаю... что жь изъ этого?...

— Сообразите всѣ обстоятельства.... я васъ прошу... я васъ умоляю, какъ человѣка съ правилами и честью...

— Я право не дитя, Прасковья Николавна! сказалъ онъ, судорожно коверкая что-то въ рукѣ:—наставленья мнѣ не подъ лѣта, и не къ лицу слава Богу.... Къ чему столько вычурныхъ фразъ?...

— Я говорю фразы?... О Боже мой!... Когда вы видите, что я теряюсь и страдаю...

— Я не психологъ и не знатокъ въ этомъ.

— Но вы не захотите внести горе въ наше семейство, и за что же?... за то что Любаша привязалась къ вамъ.

— Я самъ люблю и уважаю Любовь Васильевну... не смотря на это, меня трудно, почти невозможно принудить къ чему либо... я неподатливъ; имѣю собственную волю и кой-какой здравый смыслъ....

*

— Стало быть вы не любите ея! прервала съ лихорадочнымъ волненьемъ Прасковья Николаевна:—О! я никакъ не ожидала отъ васъ такого *двусмысленнаго* поступка!

— Почему же не ожидали? спросилъ онъ иронически:—съ вашей опытностію, съ вашимъ умомъ вы должны бы....

— Да Любаша-то молода и неопытна.

— Такъ надо было держать ее нѣсколько построже... отвѣчалъ задѣтый за живое Сергѣй Ивановичъ.

— Я можетъ быть въ самомъ дѣлѣ заслужила этотъ упрекъ! сказала она со вздохомъ:—но послушайте! Любаша привязана къ вамъ, за что же вы хотите такъ ужасно растерзать ея сердце? Что́ она сдѣлала вамъ? Если вы не чувствуете къ ней любви, то съ нынѣшняго дня, умоляю васъ, оставьте ее въ покоѣ! Можетъ быть она забудетъ обо всемъ и разсѣется...

— Я люблю ее... но есть обстоятельства... я не могу вамъ открыть ихъ... которыя препятствуютъ моему... Наконецъ, я не понимаю этой поспѣшности съ вашей стороны. Неужели вамъ такъ хочется поскорѣе сбыть съ рукъ племянницу, что первый встрѣчный, почти незнакомый вамъ человѣкъ....

— О! замолчите! не продолжайте! я васъ уважала до сихъ поръ. Бѣдная Любаша!... Я надѣюсь, Сергѣй Ивановичъ, что больше не встрѣчу васъ въ нашемъ домѣ....

— Постараюсь оправдать ваши надежды! отвѣчалъ онъ съ принужденною улыбкой и обернулся.

Передъ нимъ стояла Ѳедосья Ивановна съ блюдечкомъ варенья въ рукѣ.

— Не угодно-ли, батюшка? спросила она, привѣтливо улыбаясь.

Сергѣй Ивановичъ такъ обрадовался появленію Ѳедосьи Ивановны, прервавшей нестерпимый для него разговоръ, что готовъ былъ на все и отчаянно принялся за варенье.

Пользуясь этой минутой, Прасковья Николаевна ускользнула изъ комнаты и съ невыразимою грустью пришла къ себѣ. Минутъ черезъ десять, Сергѣй Ивановичъ взялся за шляпу и простился съ Ѳедосьей Ивановной. Въ сѣняхъ мимо него скользнуло что-то похожее на женскую фигуру, но такъ скоро, что разсмотрѣть лица не было возможности, только можно было чувствовать письмецо, которое она, съ быстротою молніи, вложила ему въ руку и

исчезла. Онъ догадался, что это Стеша, и потому бережно спряталъ письмо въ карманъ.

Скоро бѣжали рысаки Сергѣя Ивановича по гладкой снѣжной дорогѣ, но онъ все былъ недоволенъ ѣздою и отъ времени до времени покрикивалъ на кучера. Мысли не давали ему покоя. Болѣе чѣмъ когда либо не любилъ онъ Прасковьи Николаевны и хотѣлъ себя увѣрить, что имѣлъ все право негодовать на нее за ея глупое и дерзкое вмѣшательство въ его дѣла. Вслѣдъ за этимъ являлось передъ нимъ милое личико Любаши, которая вѣроятно въ эту минуту горько плачетъ, припавъ къ подушкѣ, и онъ упрекалъ себя въ жестокости и равнодушіи. «Зачѣмъ же эта злая тетка взбѣсила меня! говорилъ онъ, стараясь оправдать передъ самимъ собою свой поступокъ. Не принуждай она меня жениться, такъ я можетъ быть завтра же сдѣлалъ бы предложеніе Любашѣ. А теперь—не хочу! Ни за что не хочу!...

Въ это время сани подъѣхали къ крыльцу. Сергѣй Ивановичъ поспѣшно выпрыгнулъ изъ нихъ и не снимая шубы подбѣжалъ къ лампѣ, горѣвшей въ лакейской.

«Я въ отчаяньи! (писала ему Любаша) тетенька все узнала и «разсердилась. Ты знаешь ея характеръ. Теперь мнѣ нѣтъ спа-«сенья, нѣтъ пощады, нѣтъ ни минуты отдыха; она вѣкъ не про-«ститъ мнѣ моей любви, моей безумной любви къ тебѣ и све-«детъ меня въ могилу. Я больна.... У меня жаръ, лихорадка, «можетъ быть даже начало горячки. Прощай, о другъ мой! зна-«ла-ли я, что вижу тебя въ послѣдній разъ! Если я умру, вспоми-«най обо мнѣ, какъ о той, которая искренно любила тебя. «Будь счастливъ съ другою! Я была недостойна тебя.»

Сергѣй Ивановичъ сбросилъ съ себя шубу и какъ бѣшеный побѣжалъ въ кабинетъ. — «*Недостойна меня, она!* повторялъ онъ въ порывѣ сильнаго волненья. Дитя, милое дитя! Она въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что я откажусь отъ нея — дурочка! А между тѣмъ ни одного упрека, какъ будто такъ и должно быть. Нѣтъ! нѣтъ! я вырву тебя изъ когтей этого коршуна. Ты будешь моею, наперекоръ Прасковьѣ Николаевнѣ, которая вѣроятно поднялась на хитрости съ тѣмъ, чтобъ помѣшать. И слезы на глазахъ, и трепетъ, и волненье.... притворщица! эгоистка! Взбѣсить меня, навязывая мнѣ свою племянницу, чтобъ я бросилъ все и уѣхалъ въ Москву—вотъ ея расчетъ.... А я, какъ мальчишка, наго-

рилъ ей дерзостей.... Теперь она торжествуетъ. Но я докажу ей, что Любаша можетъ обойдтись безъ ея покровительства.»

И Сергѣй Ивановичъ нѣсколько успокоенный легъ спать и уснулъ довольно крѣпко. Утромъ онъ всталъ какъ шальной. Что̀ дѣлать? на что рѣшиться? Въ тревожномъ недоумѣньи, переходя отъ одного чувства къ другому, онъ не зналъ гдѣ найдти спасенье, когда глаза его остановились на вчерашней запискѣ: скомкавъ ее въ рукѣ онъ вскочилъ и громко закричалъ:

— Одѣваться!... да заложить сани тройкой....

Въ само̀е это время Прасковья Николаевна утѣшала Любашу, которая металась и плакала, повторяя, что никогда не будетъ любить другаго.

— Впрочемъ, тетенька, Сергѣй Ивановичъ хорошо сдѣлалъ, что отказался отъ меня! сказала она, внезапно перемѣняя тонъ:— я сама не соглашусь идти замужъ, не имѣя состоянія. Неужели я захочу чтобъ женихъ шилъ мнѣ приданое.

— Какой вздоръ, Любаша! я заложу Холмино и сдѣлаю тебѣ приданое.

— Э! какъ это можно, тетенька! будто вы это сдѣлаете.

— Если говорю, то сдѣлаю.

Любаша не знала что̀ сказать на это великодушное предложеніе тетки и обратила весь разговоръ въ шутку.

— Сергѣй Ивановичъ пріѣхалъ! раздалось надъ ихъ головою.

Любаша вскрикнула, Прасковья Николаевна измѣнилась въ лицѣ.

— Подите, тетенька, въ гостиную! заговорила съ живостью Любаша.

— Нѣтъ, я не пойду.... Пусть приметъ его маменька.

— Такъ попросите бабушку, милая тетенька!... говорила Любаша:—а я между тѣмъ одѣнусь.

Прасковья Николаевна вышла изъ комнаты; Любаша начала одѣваться.

IV.

Сергѣй Ивановичъ поговорилъ съ полчаса наединѣ съ Ѳедосьей Ивановной.

— Если вы согласны, сказалъ онъ наконецъ, то позовите Любовь Васильевну.... что̀ она скажетъ.

— Я согласна, отъ всей души согласна, батюшка! повторяла старушка, обливаясь слезами: —послалъ Богъ счастье сиротѣ.... Груша! позови поди Любашу!... Вѣдь круглая сирота, батюшка, круглая. Шести лѣтъ осталась у насъ на рукахъ. Мы воспитанье дали ей. Состоянья нѣтъ у ней никакого.... Что же дѣлать! отецъ съ матерью все промотали.

Сергѣй Ивановичъ не слушалъ ея; онъ всталъ и прошелся по комнатѣ въ ожиданіи Любаши. Вошла Любаша сконфуженная, взволнованная, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ.

— Вотъ Сергѣй Ивановичъ проситъ твоей руки... проговорила старушка сквозь слезы умиленія, обильно струившіяся по ея морщинистому темному лицу.

— Я не знаю.... будете-ли вы согласны.... прибавилъ робко Сергѣй Ивановичъ.

Любаша взглянула на него съ нѣжнымъ упрекомъ и молча подала ему руку.

— О! какъ я счастливъ! воскликнулъ онъ, сжимая молодую дѣвушку въ объятіяхъ.

Старушка разливалась какъ рѣка; Любаша тихо плакала, прижавшись къ груди своего жениха, у котораго тоже мелькали слезы и вырывались несвязныя слова восторга.

— Гдѣ же Прасковья Николаевна? спросилъ онъ наконецъ, вспомнивъ о теткѣ.

— Я ее тотчасъ позову! сказала Ѳедосья Ивановна и встала, чтобъ идти за дочерью.

У Прасковьи Николаевны, когда она вышла въ гостиную, было такое радостное лице, что еслибъ Сергѣй Ивановичъ могъ размышлять въ подобную минуту, то конечно понялъ бы многое; но онъ весь былъ преданъ одной мысли и кромѣ Любаши не смотрѣлъ ни на кого.

— Забудемъ все, Прасковья Николаевна, сказалъ онъ, протягивая ей руку: — я вамъ отъ души прощаю!..

«Что же это такое?»... подумала Прасковья Николаевна: «Въ чемъ я виновата передъ нимъ?»... Но какъ не время было заводить процессъ и искать поясненій, то она, крѣпко пожавъ ему руку прибавила:

— Дай Богъ вамъ счастья, Сергѣй Ивановичъ!

Весь тотъ день прошелъ радостно и счастливо; Стеша получила въ подарокъ два платья и салопъ. Но на слѣдующее утро Прасковья Николаевна нашла Любашу въ горькихъ слезахъ. Тетка встревожилась, забросала ее вопросами; Любаша, избѣгая положительнаго объясненія, повторяла только: «Мнѣ-ли идти замужъ!.. быть счастливой!..»

Такимъ образомъ прошло нѣсколько дней. Любаша оживлялась только въ присутствіи жениха, но едва выходилъ онъ изъ комнаты какъ лице ея принимало грустное выраженіе, глаза наполнялись слезами, и цѣлые часы оставалась она, поникнувъ головой въ какомъ-то тяжкомъ раздумьи. «Что̀ съ нею?» думала про себя Прасковья Николаевна и наконецъ рѣшилась дознаться во что бы ни стало, отъ чего Любаша такъ печальна.

— Послушай, милая! сказала она племянницѣ, когда уѣхалъ женихъ ея:—Я давно замѣчаю, что ты сама не своя. Что это значитъ, скажи ради Бога! не мучь меня. Ты знаешь мой характеръ: я не терплю недоразумѣній и таинственности.

Любаша отвернулась и украдкой вытерла слезы.

— Ужь не поссорилась-ли ты съ Сергѣемъ Ивановичемъ?

— Развѣ можно ссориться съ такимъ человѣкомъ какъ онъ! прервала съ оживленіемъ Любаша: — это олицетворенная доброта.

— Такъ чтоже наконецъ?

— Да такъ, тетенька!.. Я все думаю, что моя свадьба разстроится...

— Это что за идея? Какъ будто ты не увѣрена въ чувствахъ Сергѣя Ивановича...

— Совершенно увѣрена. Но согласитесь, тетенька, что есть вещи... есть такія препятствія, которыя... да что про это говорить!..

— Опять таинственность и полупризнаніе! говори же наконецъ просто и ясно. Мнѣ право тяжело на тебя смотрѣть. На чемъ основаны твои опасенія?

— Да на томъ, тетенька, что дѣвушка безъ состоянія не должна мечтать о счастіи.

— Опять не понимаю ни слова!

Любаша не выдержала и зарыдала, припавъ къ креслу. Рас-

троганная, удивленная Прасковья Николаевна сѣла подлѣ нея и взяла ее за руку.

— Не ребячься же, Любаша, разкажи мнѣ все, что̀ у тебя на душѣ; я увѣрена, какіе нибудь пустяки...

— Какіе же пустяки, когда я рѣшаюсь отказать Сергѣю Ивановичу.

— Ты мнѣ кажется не въ своемъ умѣ, Любаша! Отказать такому жениху! Кромѣ того, что онъ имѣетъ порядочное состояніе, онъ человѣкъ образованный и добрый. Всѣ говорятъ, что онъ рѣдкій человѣкъ. «Повздорилъ со мною сгоряча, да въ ту же минуту и опомнился!» договорила она мысленно.

— Какъ онъ ни добръ, а все таки не просить же мнѣ у него денегъ.

— Какихъ денегъ?

Любаша замялась, и начала смотрѣть въ сторону.

— Ужь не о тряпкахъ ли ты говоришь съ такою важностью, Люба? прибавила Прасковья Николаевна, улыбаясь: — такъ будь покойна. Я тебѣ сдѣлаю приданое.

— Можно ли это!.. воскликнула Любаша, бросаясь на шею къ теткѣ. — Нѣтъ, нѣтъ! это невозможно! Я этого не сто̀ю... Я лучше не пойду за мужъ...

— Опять заговорила чепуху! Да полно дурачиться, Любаша! Я сказала, что приданое будетъ, такъ оно и будетъ—вотъ и все!

Любаша разцѣловала руки у тетки и вдругъ стала необыкновенно весела и разговорчива.

— А я все мучилась, все думала какъ представлюсь сестрѣ Сергѣя Ивановича. Что это за сандриліонку привезъ, скажетъ Юлія Ивановна. Вѣдь она извѣстная щеголиха въ Москвѣ... Вотъ я думала, думала и рѣшилась сказать Сергѣю Ивановичу: поѣзжайте одни въ Москву, найдите себѣ другую невѣсту и будьте счастливы... а я...

— Ну полно, полно! прервала Прасковья Николаевна, потрепавъ ее по щекѣ. — Вотъ я на дняхъ отправлюсь въ Москву и все устрою.

Любаша была въ восторгѣ отъ всѣхъ этихъ распоряженій. Слезы уступили мѣсто самой лучезарной улыбкѣ, придававшей красотѣ ея столько привлекательности, что Сергѣй Ивановичъ, увидя ее на слѣдующее утро, невольно воскликнулъ:

— Ахъ Любаша! ты все хорошѣешь?

— Не мудрено: я счастлива! отвѣчала она, ласково протягивая ему руку.

Опять день прошелъ въ свѣтлыхъ мечтахъ и пріятныхъ разговорахъ. Сама Прасковья Николаевна оживилась и сдѣлалась непринужденно весела. Она внутренно примирилась съ Сергѣемъ Ивановичемъ. Пріѣхали кой кто изъ сосѣдей, и устроилась прогулка въ саняхъ, окончившаяся смѣшною катастрофой. Молодой человѣкъ, близорукій и разсѣянный, исполнялъ должность кучера. Предавшись разговору съ барышнею въ розовой шляпкѣ, онъ не замѣтилъ сугроба, нанесеннаго утреннею вьюгой, и вывалилъ всю компанію въ снѣгъ. Поднялись крикъ, хохотъ, суматоха; близорукаго кучера приговорили ко внесенію штрафа, состоявшаго изъ пяти фунтовъ конфетъ. Любаша рѣзвилась, какъ дитя и хохотала, опираясь на руку Сергѣя Ивановича.

Скоро Прасковья Николаевна начала готовиться къ отъѣзду, сказавъ Сергѣю Ивановичу, что ѣдетъ Москву, для того чтобъ нанять домъ.

— Вотъ и прекрасно! замѣтилъ онъ: — а мнѣ сестра каждый день пишетъ, что пора въ Москву. Такъ мы всѣ вмѣстѣ и отправимся.

Все казалось шло хорошо и счастливо. Сергѣю Ивановичу и въ умъ не приходило, что Прасковья Николаевна ѣдетъ закладывать свое небольшое имѣніе. Любаша умалчивала объ этомъ обстоятельствѣ. Черезъ нѣсколько дней Ѳедосья Ивановна съ Любашей и женихомъ отправилась въ Москву, по полученіи письма отъ Прасковьи Николаевны, которая въ короткое время успѣла устроить многое. Она исключительно занялась приданымъ Любаши. Ни трудовъ, ни усталости не боялась Прасковья Николаевна, лишь бы вещи купленныя ею нравились Любашѣ. Не разъ приходилось ей мѣнять и передѣлывать то, что̀ не удовлетворяло вкусу племянницы. Пользуясь преимуществомъ невѣсты, Любаша позволяла себя прихоти и съ каждымъ днемъ становилась взыскательнѣе къ жениху и теткѣ; но оба они смотрѣли на это какъ на ребячество и наперерывъ спѣшили угодить ей. Прасковья Николаевна зябла на морозѣ и цѣлый день толковала съ швеей, съ обойщикомъ, съ модисткой. Любимыя занятія ея оставлены; но всего тяжеле для Прасковьи Николаевны было возить Любашу къ

роднымъ Сергѣя Ивановича, которые всѣ болѣе или менѣе считали себя аристократами.

Сестра Сергѣя Ивановича, Юлія Ивановна, дама модная и чрезвычайно *элегантная*, сперва посердилась на брата за его сельскую страсть — passion champêtre — какъ выразилась она, но вскорѣ смягчилась и просила Сергѣя Ивановича познакомить ее съ его невѣстою. Любаша одѣлась къ лицу, но очень просто, и въ сопровожденіи Прасковьи Николаевны отправилась къ Юліи Ивановнѣ. Это была женщина лѣтъ тридцати, высокая, бѣлокурая съ желтоватымъ цвѣтомъ лица, съ неправильными чертами, но живымъ, выразительнымъ взлядомъ и замѣчательно стройною фигурой. Она слыла въ свѣтѣ за любезную женщину и потому приняла весьма привѣтливо, хотя нѣсколько покровительственно, будущую свою невѣстку и тетку ея. Любаша съ перваго взгляда показалась ей доброю дѣвушкою, что̀ называютъ французы bonne enfant, воспитанною въ сельской простотѣ нравовъ и послушаніи. Юлія Ивановна стала обращаться съ нею какъ съ ребенкомъ.

— Да какъ вы славно говорите по французски! сказала она Любашѣ: — у васъ вѣрно была хорошая гувернантка.

— Я всѣмъ обязана тетенькѣ! отвѣчала Любаша, бросивъ умильный взглядъ на Прасковью Николаевну: — она меня научила англійскому языку и музыкѣ.

— Браво! Стало быть вы отлично воспитаны... Это мнѣ пріятно. Ваша тетенька очень любитъ васъ, какъ я вижу! прибавила Юлія Ивановна, взглянувъ съ улыбкою свѣтской дамы на Прасковью Николаевну, которая, чтобъ избѣжать отвѣта, отвернулась и заговорила съ Сергѣемъ Ивановичемъ.

«Провинціалка!» подумала Юлія Ивановна, снова обращаясь къ Любашѣ, которая обворожила ее своею невинною простотою и французскимъ акцентомъ.

— Сержъ очень добръ! сказала она: — ему именно нужна была такая жена какъ вы. Сколько вамъ лѣтъ?

— Восьмнадцать.

— Вы безъ сомнѣнья мало выѣзжали въ деревнѣ... Какіе же тамъ выѣзды!.

— Я все училась... отвѣчала Любаша.

— И хорошо дѣлали. Скажите, тетенька ваша строга? спросила она, нѣсколько понизивъ голосъ.

— Нѣтъ, не очень, отвѣчала съ игривостью Любаша: — да нельзя безъ строгости, я была большая шалунья.

— Ахъ, какъ это мило! Сержъ! я въ восторгѣ отъ твоей невѣсты. Прелесть какъ мила! заключила она, притягивая къ себѣ Любашу и нѣжно поцѣловавъ ее въ лобъ.

Юлія Ивановна посадила ее ближе къ себѣ и начала распрашивать о ея деревенской жизни, о бабушкѣ, о любви къ Сергѣю Ивановичу. Каждое слово Любаши вызывало пріятную улыбку на лице Юліи Ивановны и заставляло ее убѣждаться все болѣе и болѣе, что братъ ея будетъ счастливъ съ такою неопытною и неподдѣльною натурой. На Прасковью Николаевну смотрѣла она искоса и боялась вступить съ ней въ разговоръ, потому что считала ее отчасти педанткой, отчасти провинціалкой, неподатливою на обыкновенный свѣтскій разговоръ, и думала: « У этихъ людей свои понятія обо всемъ!» А Прасковья Николаевна просто скучала посреди ея нарядной гостиной, гдѣ собралось довольно большое общество незнакомыхъ ей людей.

— Скоро ли вы отпустите насъ, Сергѣй Ивановичъ? спросила она съ полуулыбкой утомленья: — не забудьте, что мы деревенскіе жители привыкли ложиться рано.

— Сейчасъ, сейчасъ, говорилъ Сергѣй Ивановичъ и пошелъ хлопотать около сестры, не отпускавшей отъ себя Любашу.

Наконецъ-то онѣ простились, и Прасковья Николаевна могла спокойно дремать въ возкѣ вплоть до дому.

— Ты обворожила сестру, Любаша! сказалъ на другой день Сергѣй Ивановичъ своей хорошенькой невѣстѣ: — она увѣряетъ, что ея дочери далеко не будутъ такъ милы, какъ ты.

Прасковья Николаевна между тѣмъ становилась все мрачнѣе и печальнѣе. Она одна начинала понимать Любашу, пристальнѣе всматриваясь въ нее съ нѣкоторыхъ поръ. Нѣтъ, не ребячество видѣла она уже въ поступкахъ Любаши, а самый хитрый и вѣрный расчетъ. Грустно ей становилось, что Сергѣй Ивановичъ, этотъ добрый, благородный человѣкъ, будетъ подъ башмакомъ у жены, которая, какъ Сикстъ V, высоко подниметъ голову, какъ скоро найдетъ ключи. А до того блаженнаго времени остается всего восемь дней.

При всемъ своемъ желаніи заблуждаться и прощать, Прасковья

Николаевна не могла же наконецъ не замѣтить истины и не грустить втихомолку о томъ, что каждый день сказывалось ей ярче и живѣе.

Разъ, за два дня до свадьбы, Юлія Ивановна дала танцовальный вечеръ. Красота Любаши была очень эффектна. Ее окружили молодые люди, стараясь наперерывъ вымолить у ней кадриль, вальсъ, мазурку, а если нельзя и этого, то хоть одинъ взглядъ ея свѣтлыхъ, смѣющихся глазъ. Сергѣй Ивановичъ уже давно пересталъ танцовать, но снисходительно смотрѣлъ на эту толпу и шепнулъ Любашѣ, которая взглядомъ ловила его согласіе, что она можетъ смѣло танцовать съ кѣмъ ей угодно; она улыбнулась и подала руку улану.

Прасковья Николаевна не была расположена въ тотъ вечеръ играть въ карты и потому сидѣла у стѣнки подлѣ незнакомой ей дамы и машинально слѣдила, съ помощью лорнета, за танцующею молодежью. Сергѣй Ивановичъ, увидя ее, подошелъ къ ней и сѣлъ по другую сторону.

— Вамъ я думаю скучно, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Нѣтъ, ничего! отвѣчала Прасковья Николаевна, отводя лорнетъ отъ танцующихъ:—Да и вамъ я думаю не веселѣе моего безъ Любаши. Зачѣмъ вы насъ привезли сюда, если сами не танцуете?

— Такъ вы меня считаете за страшнаго эгоиста! возразилъ онъ съ жаромъ:—за человѣка, способнаго обречь молодую жизнь на тюремное заточеніе, потому только что самъ пересталъ брать участіе въ удовольствіяхъ молодости. Нѣтъ, я очень хорошо понимаю, что мужъ, который вдвое старше жены своей, долженъ смотрѣть снисходительно, почти отечески на забавы и развлеченія жены; а иначе это будетъ не жизнь, а пытка. О! вы можете быть увѣрены, что Любаша не перестанетъ танцовать и веселиться вышедши замужъ: я не ревнивъ.

— Этоочень благородно и можетъ быть благоразумно съ вашей стороны, Сергѣй Ивановичъ, отвѣчала спокойно Прасковья Николаевна:—я понимаю вашу довѣрчивую и снисходительную любовь. Есть женщины однакожь, которыхъ опасно баловать.

— Любаша конечно не принадлежитъ къ ихъ числу.

Прасковья Николаевна не отвѣчала ни слова и вновь навела

лорнетъ на вальсирующія пары. Сергѣю Ивановичу стало досадно и неловко.

—Не думайте однакожь, чтобъ у меня былъ слабый характеръ! произнесъ онъ нерѣшительно и какъ бы оправдываясь.

— Я доброту не называю слабостью, хотя многіе говорятъ, что онѣ родныя сестры, замѣтила мимоходомъ Прасковья Николаевна.

«Что жь она хочетъ сказать этимъ!» подумалъ взволнованный Сергѣй Ивановичъ: «Не намекаетъ ли она, что Любашу надо держать въ рукахъ...»

—Посмотрите, какъ хороша сегодня Наталья Алексѣевна! сказала Прасковья Николаевна, указывая глазами на одну изъ танцующихъ дамъ.

Сергѣй Ивановичъ сердито взглянулъ на нее и отвернулся, прошептавъ:

— Черна, какъ цыганка.

Любаша случайно взглянула на своего жениха и замѣтила его нетерпѣливое движенье.

— Ну такъ посмотрите на ея кузину, продолжала Прасковья Николаевна.

— Вся въ веснушкахъ.... удивительная красавица!...

« Что́ это съ нимъ!» подумала съ безпокойствомъ Любаша. «Чѣмъ это разсердила она его?»

— Какъ вы угрюмы сегодня, Сергѣй Ивановичъ.

« По неволѣ угрюмъ, какъ досадно!» хотѣлъ было онъ сказать, однако удержался, а только двусмысленно взглянулъ на Прасковью Николаевну, которая въ эту минуту поняла, что въ душѣ его родилось сомнѣнье. Боже мой! Несчастный! зачѣмъ потрясать его слѣпую вѣру!.. Это безуміе, чистое безуміе! шепталъ ей внутренній голосъ. И кто угадаетъ будущее? Можетъ быть Любаша будетъ хорошею женою.... Прасковья Николаевна смутилась и потупилась, встрѣтясь глазами съ Сергѣемъ Ивановичемъ. Ей стало жаль его, она давно въ душѣ сочувствовала ему.

Въ эту минуту кончилась кадриль, и Любаша, оставивъ своего кавалера, торопливо подошла къ теткѣ. Сергѣй Ивановичъ всталъ.

— Садись, ты устала, мой ангелъ! сказалъ онъ заботливо невѣстѣ.

— Мнѣ хотѣлось бы уѣхать, ma tante! сказала тревожно Любаша.

— Какъ уѣхать? балъ только начинается.

— Я не буду больше танцовать. Сержъ, прошу тебя, поѣдемъ! я не хочу танцовать.

— Да что съ тобою? спросила изумленная Прасковья Николаевна.

— Сергѣй Ивановичъ не танцуетъ... зачѣмъ же мнѣ танцовать?.. наивно произнесла Любаша, бросивъ нѣжный взглядъ на жениха.

— Нѣтъ, Любаша, что за ребячество! воскликнулъ онъ съ сіяющею на лицѣ радостью: — Ты непремѣнно должна танцовать. Пустяки, танцуй! Я этого требую, положительно требую!.. Слышишь-ли? Любаша?

— Какой деспотъ, возразила она улыбаясь: — Ma tante, поѣдемте! Сергѣй Ивановичъ, дайте мнѣ руку! я вамъ говорю, что мнѣ скучно на балѣ. Какъ же *вы смѣете требовать*, чтобы я скучала? Развѣ вы думаете, что я васъ допущу до такого самовластнаго тиранства... Ошибаетесь!

Сергѣй Ивановичъ былъ самъ не свой отъ восторга, подалъ руку невѣстѣ и съ торжествомъ повелъ черезъ всю залу. Прасковья Николаевна была совершенно сбита съ толку. Что это такое? Новая ли хитрость, искреннее ли чувство? Она въ раздумьи вышла въ слѣдъ за ними изъ залы, окуталась шубой и сѣла въ карету. Какъ сонъ мелькалъ передъ нею этотъ балъ, эта ярко освѣщенная зала, звуки музыки и толпа танцующихъ. Любаша, сопровождаемая сожалѣніемъ и вздохами всей публики, была весела какъ птичка и безъ умолку щебетала въ каретѣ, отвѣчая порой летучимъ поцѣлуемъ на нѣжныя, ласковыя слова своего влюбленнаго жениха.

Сергѣй Ивановичъ довольно потратилъ денегъ на свадьбу. Накупилъ мебелей, экипажей и разныхъ разностей для украшенія дома, подарилъ невѣстѣ бриліянтовъ и другихъ модныхъ прихотей, отдѣлалъ за-ново домъ и доставилъ Любашѣ неописанное удовольствіе принимать у себя нѣкоторыхъ знатныхъ дамъ и молодыхъ людей, посѣщавшихъ только самое высшее общество. Любаша едва вѣрила своему счастію и горячо благодарила мужа. Сергѣй Ивановичъ съ восторгомъ глядѣлъ на жену, и повторялъ, что существуетъ только для нея, что наряжать ее будетъ первымъ благополучіемъ его жизни и пр. и пр.

Черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы, Прасковья Николаевна собралась ѣхать въ деревню. Ѳедосья Ивановна долго не рѣшалась разстаться со внучкою, предчувствіе-ли то было, не знаю, только вскорѣ по возвращеніи во свояси, старушка занемогла и отправилась на тотъ свѣтъ, оставивъ бѣдную дочь свою въ самомъ грустномъ одиночествѣ.

V.

Прошло семь лѣтъ. Деревенская жизнь наскучила до такой степени Прасковьѣ Николаевнѣ, что воспользовавшись первымъ случаемъ, она пріѣхала въ Москву. Любаша въ это время сдѣлалась матерью двоихъ дѣтей. Саша, старшая дочь ея, была дѣвочка чрезвычайно хорошенькая, но неподвижная и безжизненная, какъ картинка англійскаго кипсека. Одѣта она была всегда со вкусомъ, завита и причесана необыкновенно тщательно: за всѣмъ этимъ строго наблюдала m-lle Ernestine, дѣвушка лѣтъ двадцати восьми, высокая и довольно красивая брюнетка. Что же касается до Вани, четырехлѣтняго сына Любови Васильевны, то это было самое жалкое дитя, не внушавшее никому ни малѣйшаго участія. Англійская болѣзнь изуродовала его до такой степени, что неуклюжая его голова, тусклые стеклянные глаза на выкатѣ, шафранный цвѣтъ лица, одутловаго и болѣзненнаго, заставляли каждаго смотрѣть на него какъ на маленькое чудовище. Прибавьте къ этому вовсе не дѣтское, насмѣшливое выраженіе физіономіи. Не только Степанида, возведенная въ должность первой горничной, но даже и Ѳеклушка, и Архипка, и Машка съ наслажденіемъ дразнили маленькаго барченка, необыкновенно рѣчистаго и всегда готоваго отвѣчать бранью на брань. M-lle Ernestine, или какъ въ домѣ звали ее — Эрнестина Ѳедоровна, была восьми лѣтъ привезена изъ Франціи въ Россію и потому совершенно ознакомилась съ языкомъ, нравами и обычаями страны. Въ кругъ ея обязанностей не входилъ присмотръ за Ванею, къ которому была приставлена няня, недавно взятая изъ деревни, молодая вдова, бойкая, румяная, вѣчно окруженная вздыхателями, избранными ею преимущественно изъ поварскаго званія, вѣроятно по причинѣ пристрастія ея къ гастро-

номіи. Съ какимъ усердіемъ посѣщала она кухню каждый разъ, какъ только могла улучить свободную минуту! Бывало, мало мальски есть возможность, смотришь — ужь ребенокъ (онъ былъ *сидпнь*) переданъ на руки Машки, одиннадцатилѣтней дѣвчонки, взятой въ верхъ для того только, чтобъ быть, какъ говорится, на *побпгушкахъ*. Машка эта, въ отсутствіе няньки, была постоянною собесѣдницею Вани, питавшаго къ ней неодолимое отвращеніе, не смотря на то, что каждый вечеръ, присѣвъ на скамейкѣ, подлѣ кровати маленькаго, она разказывала ему сказки, нелѣпость которыхъ доходила до высочайшей степени.

По пріѣздѣ въ Москву, Прасковья Николаевна остановилась въ гостинницѣ, и на другое же утро отправилась къ племянницѣ. Ей сказали въ передней, что Любови Васильевны дома нѣтъ.

— А Сергѣй Ивановичъ? спросила Прасковья Николаевна.

— Въ присутствіи-съ... отвѣчалъ лакей.

— А дѣти?

— Барышня въ залѣ-съ, танцуютъ.

— А Ваня?

— Въ дѣтской-съ.

Собравъ всѣ эти свѣдѣнья, Прасковья Николаевна сперва зашла въ залу посмотрѣть на Сашу. Однообразные звуки какого-то танца непріятно раздавались въ пустой комнатѣ, гдѣ все было мертво и нарядно; паркетъ блестѣлъ какъ зеркало, бѣлыя мраморныя стѣны дышали холодомъ; Прасковья Николаевна дошла до половины залы, казавшейся ей необозримою пустыней послѣ маленькихъ деревенскихъ клѣточекъ, и все еще никого не видала; наконецъ вдали за колонной представилась ей крошечная дѣвочка въ бѣленькомъ открытомъ платьецѣ, старательно выдѣлывавшая какое-то мудреное *па*. Маленькія ручки ея съ трудомъ придерживали юбочку, ножки дрожали, тоненькая талья колебалась во всѣ стороны, а строгая гувернантка била тактъ и наблюдала за всѣми движеніями ребенка, не переставая тяжело ударять по клавишамъ.

Прасковья Николаевна, въ дорожномъ платьѣ и капорѣ, подошла къ малюткѣ.

— Что̀ вамъ угодно? спросила гувернантка, окинувъ гордымъ взглядомъ ея незамысловатый костюмъ. Прасковья Николаевна назвала себя. Тогда только Эрнестина Ѳедоровна встала и предложила ей сѣсть. Прасковья Николаевна сухо поблагодарила ее, об-

няла Сашу и пошла на верхъ, уговоривъ гувернантку продолжать урокъ. Подходя къ дверямъ дѣтской, она услышала визгъ, брань, возьню, перемѣшанную съ хохотомъ и слезами.

— Окаянная! отстань! провались сквозь землю! повторялъ ребенокъ, взвизгивая на всю комнату.

— Вишь, вишь аспидъ какой! пищалъ женскій голосокъ.

— Гадкая! гадкая! Подай!

— На, возьми, подавись! Я тебя ужò!.. Дай срокъ...

На эту пору вошла Прасковья Николаевна. Глазамъ ея представилось грустное зрѣлище. На полу сидѣлъ больной ребенокъ и жадно теребилъ зубами пріобрѣтенную имъ съ боя деревенскую лепешку, а растрепанная дѣвчонка, присѣвъ передъ нимъ на корточкахъ, дразнила его языкомъ и надѣляла сильными эпитетами, между которыми *чертенокъ* игралъ не малую роль.

— Сама бѣсовка! сама бѣсовка! бормоталъ скороговоркой ребенокъ, уплетая лепешку.

Завидя Прасковью Николаевну, дѣвчонка вскочила и начала утирать носъ фартукомъ, въ знакъ замѣшательства.

— Это Ваня? сказала Прасковья Николаевна, подходя къ ребенку.

— Какже-съ... Иванъ Сергѣевичъ...

— Кто это, Машка? спросилъ съ неподражаемою важностью мальчикъ, устремивъ глаза на Прасковью Николаевну.

Вмѣсто отвѣта, Машка бросилась оправлять его рубашечку; пользуясь удобнымъ случаемъ, Ваня ловко и быстро размахнулся и далъ ей такую оплеуху, что дѣвчонка, пораженная нечаянностью, вскочила, ухватилась за щеку и пропищала сквозь слезы:

— Драчунъ какой!...

Прасковья Николаевна, глядя на этого ребенка, чувствовала невыносимую грусть.

— Гдѣ же няня? спросила она нетерпѣливо:—развѣ ты здѣсь одна?

— Нѣтъ-съ... есть Степанида Лаврентьевна, Анна Прохоровна, Агаѳья...

— Да гдѣ же онѣ?

— Въ дѣвичьей чай пьютъ.

Прасковья Николаевна отправилась въ дѣвичью и застала всю компанію за самоваромъ. Тутъ было человѣкъ шесть разнаго пола

и возраста. Между ними отличалась няня Вани, Агаѳья, своими румяными щеками и веселою, не застѣнчивою физіономіей. Степанида, одѣтая уже не такъ какъ въ деревнѣ, а со всею щеголеватостью модной камеристки, увидя Прасковью Николаевну, вскочила и бросилась «къ ручкѣ». Поваръ и два лакея необыкновенно быстро шмыгнули за дверь, какъ люди привычные къ неожиданностямъ, сама Агаѳья перестала смѣяться и поставивъ не допитое блюдечко на столъ, направилась къ дверямъ дѣтской. Самоваръ остался въ одиночествѣ на кругломъ столѣ. Прасковья Николаевна вошла опять въ дѣтскую вмѣстѣ съ нянею и другими дѣвушками. Ваня былъ уже посаженъ въ кроватку и вмѣсто лепешки, которую вѣроятно успѣлъ скушать, вертѣлъ въ рукѣ барабанъ. Прасковья Николаевна сдѣлала нѣсколько вопросовъ нянѣ касательно ребенка и самой Любови Васильевны.

— Онѣ рѣдко входятъ въ дѣтскую, отвѣчала няня, стараясь придать своему лицу по возможности благочестивое выраженіе: — сами посудите, сударыня, пріятно ли матери видѣть ребенка, который, можно сказать, уродъ... Извольте посмотрѣть... просто страсть!

Ребенокъ хладнокровно глядѣлъ на Прасковью Николаевну, которую послѣднія слова няни взволновали до безконечности.

— Что̀ ты говоришь... это вздоръ! воскликнула она, поцѣловавъ Ваню въ голову:—онъ хорошій, добрый мальчикъ...

Но вдругъ остановилась и вскрикнула, потирая руку... Ваня ущипнулъ ее.

— Вотъ изволите видѣть, сударыня, какой онъ баловникъ! сказала няня съ достоинствомъ обиженнаго самолюбія:—вы его цѣлуете, а онъ...

— Я злой! я злой! кричалъ ребенокъ, ударяя изо всей силы по барабану.

Прасковья Николаевна опустилась на стулъ подлѣ кроватки и грустно смотрѣла на ребенка.

— Бѣдное дитя! произнесла она съ глубокимъ сожалѣніемъ.

Ваня пересталъ бить въ барабанъ и снова устремилъ свои серіозные, большіе глаза на Прасковью Николаевну.

— Милый мой! сказала она съ кротостью: — перестань сердиться. Дай мнѣ ручку, поцѣлуй меня! я тебя люблю, такъ же какъ и мамаша твоя.

*

— Мамаша меня не любитъ; она любитъ Сашу. Да мнѣ и не нужно.

— Кто же это тебѣ сказалъ?

— Да всѣ... и Машка говоритъ.

— Ты этому не вѣрь, голубчикъ. Мамаша тебя любитъ и я тебя люблю—поди сядь ко мнѣ на ручки!

Прасковья Николаевна вынула Ваню изъ кроватки и посадила къ себѣ на колѣни. Ваня сталъ уже привѣтливѣе смотрѣть на нее.

— Ты не будешь меня дразнить какъ Эрнестина: монстръ, монстръ? спросилъ онъ, пристально всматриваясь въ лице Прасковьи Николаевны.

— Сохрани меня Богъ! отвѣчала она и крѣпко обняла ребенка.

На этотъ разъ онъ не ущипнулъ ее, а только шепнулъ на ухо:

— Тётя, ты не позволяй меня бить!

— Дитя все выдумываетъ! запищало нѣсколько голосовъ:—не вѣрьте, сударыня!

Но Прасковья Николаевна заставила ихъ молчать и снова обратилась къ ребенку, отчасти уже понявшему ея ласковое обращеніе.

— Теперь, Ваня, я буду съ тобою, и тебя никто не тронетъ.

— А Машку прогонишь?

Прасковья Николаевна не отвѣчала ни слова.

Машка захныкала въ углу.

Ваня прижался къ Прасковьѣ Николаевнѣ и тоже замолчалъ. Лице его сдѣлалось спокойнѣе и свѣтлѣе, онъ какъ будто отдыхалъ послѣ тяжкихъ трудовъ. Прасковья Николаевна гладила его по головѣ и думала о жалкой судьбѣ этого ребенка; въ дѣтскую вошелъ Сергѣй Ивановичъ. Боже! какъ онъ постарѣлъ! Лице его приняло видъ озабоченный, глубокія морщины охватили лобъ; волосы почти посѣдѣли, станъ потерялъ прежнюю щеголеватость, при которой онъ казался такимъ моложавымъ.

Прасковья Николаевна привѣтливо протянула ему руку. Сергѣй Ивановичъ съ уваженіемъ, съ чувствомъ, котораго прежде не было замѣтно въ его отношеніяхъ къ теткѣ, поцѣловалъ ея руку.

—Посмотрите, какъ Ваня полюбилъ васъ! какъ онъ ласково прижался къ вамъ! сказалъ онъ, бросивъ грустный взглядъ на ребенка:—спасибо вамъ, Прасковья Николаевна, вы приголубили его... Бѣдный Ваня!

«Мы съ нимъ подружились, Сергѣй Ивановичъ!» сказала она, потрепавъ Ваню по щекѣ. Но Ваня вдругъ ни съ того ни съ другаго укусилъ ей палецъ. Прасковья Николаевна, какъ будто не замѣтивъ этого, продолжала: «Онъ добрый мальчикъ! я вамъ ручаюсь, что мѣсяца черезъ два вы бы не узнали его, еслибъ...»

— Ахъ, Прасковья Николаевна! будьте такъ милостивы, займитесь этимъ несчастнымъ ребенкомъ! воскликнулъ Сергѣй Ивановичъ, схвативъ обѣ ея руки съ живостью, въ которой проявлялось столько истиннаго чувства: — Любаша не можетъ вполнѣ посвятить себя Ванѣ. Согласитесь: молодая женщина... притомъ у ней есть дочь, хозяйство, да и я тоже... она вѣдь очень добра, заботлива... Потомъ Любаша такъ нервна, такъ горячо принимаетъ всякое горе, такъ все сильно чувствуетъ, что самый видъ этого больнаго ребенка невыносимъ для нея... Она страдаетъ ...

— Я понимаю все это! сказала Прасковья Николаевна, въ раздумьи опустивъ голову: — я съ радостью займусь сколько могу Ваней... Онъ меня живо интересуетъ, повѣрьте!

Сергѣй Ивановичъ покрылъ поцѣлуями ея руки и просилъ принять участіе въ дѣтяхъ его, которымъ она можетъ быть полезна во всѣхъ отношеніяхъ.

Едва вышли они оба изъ дѣтской, какъ дѣвушки стали толковать между собою вполголоса:

— Вотъ наслалъ Господь бѣду! Намъ теперь житья не будетъ съ этой-то!

Степанида выступила на средину комнаты и самыми черными красками очеркнула личность Прасковьи Николаевны. Но вотъ возвратилась домой и сама Любаша. Она очень любезно приняла Прасковью Николаевну, показала ей *свой домъ*, коснулась слегка своихъ нарядовъ, похвасталась громкимъ знакомствомъ, но все это такъ... мимоходомъ и умно. И въ ней Прасковья Николаевна нашла большую перемѣну: она удивительно похорошѣла, пріобрѣла благородство въ манерахъ, какой-то *applomb*, котораго прежде не имѣла, какую-то граціозность, что-то аристократическое, что-то такое, чему нѣтъ положительнаго названья, но что̀ невольно чаруетъ. Словомъ, Любаша стала вполнѣ прелестная женщина.

— Что̀, какъ вы находите Любашу? спросилъ Сергѣй Ивановичъ, подходя къ женѣ, которая въ это время разговаривала съ Прасковьей Николаевной.

— Необыкновенно похорошѣла... Видно московскій воздухъ ей полезенъ, отвѣчала Прасковья Николаевна.

Сергѣй Ивановичъ съ гордою нѣжностью приласкалъ жену.

— А вѣдь какая охотница рыскать по баламъ, не повѣрите, тетушка! прибавилъ онъ улыбаясь и нѣжно посматривая на жену: — пляшетъ какъ дитя! пріѣдетъ домой, разказываетъ мнѣ всякіе пустяки. Такой вздоръ ее занимаетъ, что трудно представить себѣ.

Любаша съ улыбкой взглянула на мужа.

— Я видѣла твоихъ дѣтей, сказала ей Прасковья Николаевна.

— А!... дѣтей? Что, какъ вы нашли ихъ? спросила разсѣянно Любовь Васильевна.

— Сашенька очень хороша; красавица будетъ, если не подурнѣетъ... Ну а Ваня...

Прасковья Николаевна не окончила фразы, задумалась и вздохнула.

— И Ваня поправится, вы увидите! замѣтила Любаша: — лѣтомъ я буду сажать его въ песокъ...

— Надо бы еще консиліумъ сдѣлать, прибавилъ вполголоса Сергѣй Ивановичъ, и грустно покачалъ головою.

— Ахъ, помилуй! зачѣмъ консиліумъ? Избавь меня отъ этого. Чѣмъ больше докторовъ, тѣмъ хуже. Они съѣдутся и по латынѣ поговорятъ между собою о погодѣ, а мы растрогаемся и вообразимъ, что они горячо занялись нашимъ больнымъ. Нѣтъ! доктора залѣчатъ Ваню. Я того мнѣнія, что надо предоставить натурѣ...

— А какъ хуже будетъ, Любаша?

— Ахъ, Сержъ, не твоя ли это мысль? Не самъ ли ты мнѣ говорилъ столько разъ противъ докторовъ, и даже вчера, кажется, доказывалъ, что Ваню не надо лѣчить до лѣта. Я повторяю то, что̀ слышала отъ тебя...

Сергѣй Ивановичъ поневолѣ убѣдился, что все, что̀ ни думаетъ и ни говоритъ жена его, внушено ей имъ самимъ и вытекаетъ прямо изъ собственнаго его опыта. Прасковья Николаевна молча слушала этотъ разговоръ.

— А что̀ гувернантка у тебя хороша? спросила она, желая узнать мнѣніе Любаши о воспитаніи.

— Превосходная! Лучше вообразить себѣ нельзя. Во первыхъ, она очень привязана къ намъ, и хотя не балуетъ, но любитъ Сашу какъ нельзя больше. Во вторыхъ, нельзя не поставить ей въ заслугу

того, что прежде эта дѣвочка была своенравна и упряма до безконечности, ни одна нянька не могла сладить съ ней, а Эрнестина Ѳедоровна такъ исправила Сашу въ короткое время, что ее не слышно въ домѣ. Она стала какъ большая. И какая славная дѣвочка! Мило смотрѣть! На елкѣ у княгини Барбъ всѣ восхищались моею Сашей. Да вотъ и она сама, моя крошка! Поди сюда!... поди скорѣй!

И Любовь Васильевна подозвала къ себѣ дочь; малютка подошла и очень чинно присѣла тетушкѣ, а мать въ это время поправила на ребенкѣ пелеринку.

— Скажи, Сашенька, весело было тебѣ на елкѣ? спросила она, играя пышными локонами маленькой дѣвочки: —сами вьются, не завиваю... посмотрите, что за волосы!... прибавила она, обращаясь восторженно къ Прасковьѣ Николаевнѣ; и та протянула руку и погладила Сашу по головкѣ.

— Отвѣчай же: весело было? Съ кѣмъ ты танцовала? повторила Любовь Васильевна, допрашивая дочку.

— Съ Лёлей Крайскимъ, онъ за мною ухаживалъ весь вечеръ.

— Слышите ли, тетушка, ухаживалъ... Умора! Лёлѣ десять лѣтъ.

— Нѣтъ, мамаша, одиннадцать. А мнѣ сказала гувернантка Китти, что онъ mauvais sujet. Онъ унесъ у меня конфетку съ картинкой.

Любаша расхохоталась еще пуще прежняго и разцѣловала свою Сашу, на лицѣ которой не появилось ни малѣйшаго оживленія во время всего этого разговора. «Чтó за странная дѣвочка! «подумала Прасковья Николаевна: она точно роль повторяетъ, и какъ будто спѣшитъ все высказать, боясь быть наказанной за незнаніе урока.» Любовь Васильевна, натѣшившись вдоволь дочерью, послала ее играть съ куклою. Дѣвочка безпрекословно повиновалась, усѣлась въ уголъ на табуретѣ, взяла куклу и безъ всякой мысли, безъ всякаго участія, повертывала ее въ разныя стороны.

Сергѣй Ивановичъ былъ заваленъ дѣлами, онъ занималъ одинъ двѣ должности съ тѣхъ поръ, какъ доходъ съ деревень его оказался недостаточнымъ для поддержанія блеска, къ которому приучила себя Любовь Васильевна. Все это казалось такъ естественно Сергѣю Ивановичу, что онъ и не думалъ удерживать жену отъ новыхъ издержекъ и новыхъ знакомствъ. Само собою разумѣется,

что по мѣрѣ того какъ расширялся кругъ ея, умножались и потребности разнаго рода. Но какъ не побаловать такую миленькую жену какъ Любаша? Всегда весела, всегда хороша, всѣми любима, любезна въ обществѣ, безъ жеманства, безъ малѣйшей принужденности; однимъ словомъ, восхитительная женщина и женщина съ тактомъ. Даже Эрнестина Ѳедоровна не нахвалится ею: онѣ истинныя пріятельницы. На другой день послѣ бала, едва проснется Любовь Васильевна, какъ m-lle Эрнестина бѣжитъ къ ней, садится на кровать, у ногъ ея, и выслушиваетъ ея разказы: онѣ ничего не скрываютъ другъ отъ друга. За то хорошо жить на свѣтѣ и Эрнестинѣ Ѳедоровнѣ. Что за комната у ней! Что за подарки она получаетъ по праздникамъ, а иногда и въ будни! Эрнестина Ѳедоровна вообще горда, но Степанида съ нею на дружеской ногѣ, она часто разговариваетъ запросто съ «мамзелью», и когда никого нѣтъ въ комнатѣ, возьметъ стулъ и сядетъ подлѣ Эрнестины Ѳедоровны, подгорюнится и толкуетъ о разныхъ житейскихъ разностяхъ. Вся эта патріархальная обстановка съ перваго раза не понравилась Прасковьѣ Николаевнѣ, которая впрочемъ на первыхъ же порахъ испытала всю невыгоду своихъ убѣжденій: ей порядочно нагрубили въ дѣвичьей.

Не смотря на это, Прасковья Николаевна всѣ дни проводила у племянницы, которая смотрѣла на это довольно снисходительно, находя, что тетка полезна ей во многихъ отношеніяхъ. Прасковья Николаевна въ особенности занялась Ванею, участь котораго примѣтно улучшилась съ тѣхъ поръ, и нравъ сталъ смягчаться. Саша же, эта загадочная дѣвочка, похожая на картинку, тихая, безотвѣтная, замученная, искаженная воспитаніемъ, долго не смѣла подойдти къ ней, потому что не знала, *прилично ли* ей приласкаться къ теткѣ, и не будутъ ли ее бранить за это. Прасковья Николаевна скоро разгадала причину этой чопорной холодности. Эрнестина Ѳедоровна, чтобъ менѣе безпокоиться въ послѣдствіи, съ самаго начала запугала дѣвочку и скоро достигла того результата, что всѣ стали довольны гувернанткой и ребенкомъ, который пересталъ безпокоить большихъ и вовсе не подавалъ знака жизни. Любаша хвасталась такою дочкою и нерѣдко, одѣвши ее въ костюмъ величественной маркизы прошлаго столѣтія, устраивала для нея маскарадъ, гдѣ всѣ восхищались красотою и благоразуміемъ удивительной дѣвочки. На Прасковью Ни-

колаевну тяжело дѣйствовало это благоразуміе. Не отнимая правъ у гувернантки, она незамѣтно дѣйствовала на душу Саши, и уже Саша начала нѣсколько оживляться и отвѣчать ласкою на ласки ея.

Прасковья Николаевна возобновила знакомство съ сестрою Сергѣя Ивановича, Юліей Ивановною, и дочерью ея Лиденькою, которую знала еще ребенкомъ. Теперь Лиденька стала взрослою дѣвушкою, отличавшеюся необыкновенно тонкою тальею и прекрасными глазами. При всемъ этомъ Лиденька не слыла хорошенькою, хотя съ перваго взгляда понравилась Прасковьѣ Николаевнѣ. Юлія же Ивановна ни на волосъ не измѣнилась въ семь лѣтъ: все та же скорость движеній, веселый, бѣглый разговоръ о пустякахъ, любезная улыбка, добродушный смѣхъ и непоколебимый оптимизмъ, съ которымъ такъ легко живется на свѣтѣ инымъ людямъ. Она не понимала зла и плохо вѣрила несчастію. Отсюда можетъ быть проистекала ея поразительная недальновидность. Ей все казалось легко, весело и возможно. Съ такою золовкою, безусловно доброй по природѣ своей, не мудрено было ужиться Любашѣ. Онѣ дѣйствительно были неразлучны. Въ свѣтѣ, Любовь Васильевна много выигрывала черезъ эту дружбу съ Юліей Ивановной, которая пользовалась наилучшею репутаціей.

Разъ рѣчь зашла о великолѣпномъ балѣ, на которомъ Любашѣ хотѣлось быть; толковали, что нарядъ будетъ дорого стоить. Сергѣй Ивановичъ пожималъ плечами и ворчалъ сквозь зубы:

— Какъ знаешь... А по мнѣ бы лучше не ѣхать. Право, денегъ нѣтъ....

— Ну какъ тебѣ не стыдно, Сержъ! вмѣшалась Юлія Ивановна:—отказывать женѣ въ такомъ невинномъ удовольствіи....

— Оно конечно.... да знаешь, Жюли....

— Нѣтъ, ничего не хочу знать! Любаша, благодари мужа: онъ соглашается.

Любовь Васильевна протянула руку Сергѣю Ивановичу, онъ поцѣловалъ ее и прибавилъ:

— Вотъ вѣдь какая!

— Пусть веселится пока молода! замѣтила Юлія Ивановна: — вотъ моя Лидія гораздо страннѣе. Вообразите, Прасковья Николаевна, она не любитъ выѣздовъ. Ну каждый разъ исторія. Скучно, говоритъ, мнѣ. Все бы ей дома сидѣть.... Вотъ только сюда ѣздитъ охотно.

Эти послѣднія слова вызвали яркій румянецъ на блѣдное лице Лидіи, она нагнулась и еще прилежнѣе стала вышивать. Прасковьѣ Николаевнѣ показалось, что она вздохнула. Скоро Сергѣй Ивановичъ ушелъ въ кабинетъ, заниматься дѣлами.

Комната, гдѣ находилось это небольшое общество, была не велика, но чрезвычайно миловидна. Пріятный полусвѣтъ успокоивалъ зрѣніе дамъ. Любаша занялась разматываніемъ пунцовой шерсти, Эрнестина Ѳедоровна держала мотокъ, ловко опершись одною рукой на кресло, въ которомъ нѣжилась Любаша, отдыхая послѣ утреннихъ подвиговъ: она сдѣлала двѣнадцать визитовъ! Прижавшись меланхолически въ уголку, малютка Саша тихо играла съ куклою. У стола Юлія Ивановна разрѣзывала длинный французскій романъ и разказывала съ живостью какую-то исторію; а подлѣ нея сидѣла Лиденька, прямая какъ струнка, и занималась работою, не обращая вниманія на окружавшіе ее предметы. Можно было подумать, что она шьетъ назаказъ, такъ серіозно было выраженіе ея лица. Прасковья Николаевна не работала, а просто смотрѣла и слушала. Подали самоваръ. Юлія Ивановна вызвалась разливать чай, чтобъ избавить Любашу отъ излишней усталости.

— Вѣдь она нынче ѣдетъ на балъ къ Авдотьѣ Петровнѣ, сказала она:—а я прямо домой и лягу спать.

— Отчего же такъ? спросила Прасковья Николаевна.

— Да Лидія говоритъ, что у ней разболѣлась голова, отвѣчала мать, плохо скрывая свое неудовольствіе.

— Полно, Лиденька, поѣдемъ! вмѣшалась Любовь Васильевна: будетъ весело!

Лиденька покачала головой.

— Вотъ всегда такъ! право скучно! прервала мать, обращаясь добродушно къ сострадательному участію Прасковьи Николаевны.

— Да вѣдь всякій ищетъ удовольствія тамъ, гдѣ находитъ его... Это старая пословица! сказала Прасковья Николаевна въ защиту бѣдной Лиденькѣ.

— Согласитесь, что въ молодости для всѣхъ одно удовольствіе— танцы, замѣтила Юлія Ивановна; и видно было, что она сильно убѣждена въ истинѣ этихъ словъ.

Въ комнату вошелъ молодой человѣкъ.

— Хоть бы Андрей Борисовичъ уговорилъ мою отшельницу ѣхать на балъ! прибавила она, обращаясь къ новому лицу.

Но Андрей Борисовичъ наскоро поклонился Лидіи и тотчасъ же сѣлъ подлѣ Любаши и началъ говорить. Слова его лились какъ рѣка, но смыслъ ихъ былъ вполнѣ понятенъ только одной Любашѣ. Эрнестина Ѳедоровна удалилась, предложивъ Лидіи походить по комнатѣ. Маленькая Саша, простившись съ мамашей и тетеньками, ушла спать. Но Прасковья Николаевна, какъ заколдованная, не сводила глазъ съ молодаго человѣка. Какое поразительное сходство! думала она, какая странная игра случая! Это онъ, Олончеевъ, Андрей Олончеевъ воскресъ передъ нею, хорошъ и молодъ какъ былъ за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ! Сильно замерло сердце Прасковьи Николаевны, и она впала въ глубокую мечтательность, затронутая живымъ воспоминаньемъ прошлаго времени.

По видимому Андрей Борисовичъ былъ очень коротокъ въ домѣ. Любовь Васильевна не давала себѣ труда занимать его, какъ гостя, а просто вытянула ножки на табуретъ, скрестила руки, прислонила головку и съ полуулыбкой выслушивала молодаго человѣка. Казалось у него со вчерашняго дня накопился такой запасъ разговора, что едва можно было переслушать все въ одинъ вечеръ. Его живая физіономія, полная жизни и воображенія, его голосъ и статная фигура, все въ немъ нравилось Прасковьѣ Николаевнѣ. Не простаго говоруна видѣла она въ этомъ молодомъ человѣкѣ, такъ деспотически завладѣвшемъ Любашею, но глубокую, поэтическую натуру, подъ свѣтскою формой. «Отчего же такое сходство!» думала она, и чѣмъ болѣе вслушивалась въ его рѣчь, тѣмъ живѣе казалось ей, что все, что̀ ни говорилъ онъ Любашѣ, было проникнуто задушевностью и теплотою. Любовь Васильевна, то иронически улыбалась его словамъ, то вдругъ становилась серіозна и останавливала выразительный взглядъ на молодомъ человѣкѣ, увлекавшемся далеко въ міръ фантазіи.

Юлія Ивановна занялась чаемъ, въ то время какъ дочь ея ходила по комнатѣ съ Эрнестиной Ѳедоровной, съ трудомъ поддерживая утомительный разговоръ. Прасковья Николаевна раза два взглянула на Лиденьку и прочла въ глазахъ ея затаенную грусть, какъ бы свыкшуюся съ ея душею.

Пробило десять часовъ.

— Тебѣ пора одѣваться, Любаша! сказала Юлія Ивановна.

Любаша лѣниво поднялась съ кресла и протянула руку молодому человѣку.

— Прощайте! сказала она: — вѣдь вы не ѣдете сегодня къ Линовскимъ?

— Нѣтъ, не ѣду.

— А завтра?

— Завтра увидимся. Я люблю маскарады.... то есть les bals costumés. Я воображаю, какъ вы будете хороши Неаполитанкой!...

При этомъ онъ бросилъ горячій взглядъ на Любашу: — А вы будете? прибавилъ онъ, разсѣянно обращаясь къ Лидіи.

— Непремѣнно! сказала она и вся покраснѣла.

Но Андрей Борисовичъ уже не смотрѣлъ на нее, онъ снова обратился къ Любашѣ, которая вдругъ вспомнила, что не познакомила его съ Прасковьей Николаевной.

— Извините, тетенька, что я до сихъ поръ не представила вамъ Андрея Борисовича Олончеева, сказала она.

Молодой человѣкъ поклонился. Уничтоженная, смущенная до безконечности этимъ именемъ, Прасковья Николаевна опустилась въ кресло и едва могла проговорить:

— Покойный Андрей Александровичъ Олончеевъ?

— Былъ мнѣ родной дядя. Я ношу его имя.

— Вы напоминаете его.

— Всѣ это говорятъ. Я помню дядю какъ сквозь сонъ, однакожь помню. Мнѣ мать часто говаривала объ немъ, какъ о человѣкѣ необыкновенно интересномъ... У ней даже сохранились листки изъ его дневника. Онъ былъ очень уменъ и превосходный музыкантъ....

— И такъ рано умеръ!

— Слишкомъ рано для своего семейства, въ которомъ былъ искренно любимъ, но во̀-время для себя, повѣрьте! Грустно переживать свои убѣжденья и, такъ сказать, самаго себя, тяжело оглядываться назадъ, послѣ долгихъ лѣтъ. Я всегда завидую тому, кто умираетъ въ молодости.... Сколько я знаю, по преданью, характеръ моего дяди, то думаю, что онъ не былъ бы счастливъ.

— Вы правы можетъ быть! сказала грустно Прасковья Николаевна, и увлекаясь воспоминаніемъ былаго и давно минувшаго

счастія, прибавила:—нашъ міръ не созданъ для такихъ людей... они не долго живутъ въ немъ.

«А я живу! я пережила его!» мысленно дополнила она, потупивъ голову.

— Личность дяди осталась для меня такою поэтическою личностью, что я всегда говорю объ немъ *con amore*, сказалъ молодой Олончеевъ, и прибавилъ, что ему очень пріятно встрѣтить Прасковью Николаевну, которая знавала его когда-то.

Но Прасковья Николаевна молчала, разсматривая узоръ на цвѣтной салфеткѣ, покрывавшей столъ. Она едва замѣтила какъ опустѣла гостиная, и опомнилась только тогда, какъ увидѣла себя въ нумерѣ гостиницы, гдѣ остановилась по пріѣздѣ въ Москву.

VI.

Долго не засыпала Прасковья Николаевна, забывая окружающую ее дѣйствительность. И вотъ ей показалось, что на нее пахнулъ весенній воздухъ и жарко стало въ саду, гдѣ деревья стоятъ плотно прижавшись другъ къ другу, какъ солдаты во фронтѣ; захотѣлось имъ въ поле, тамъ на свободѣ гуляетъ вѣтеръ, и они побѣжали къ калиткѣ, и хохочутъ, обгоняя другъ друга. Она потеряла свой букетъ изъ ландышей, бѣлокурые волосы ея растрепались и выбиваются изъ-подъ шляпки, лучше снять ее и понести на рукѣ.

— Дай мнѣ свою шляпку! говоритъ онъ:—зачѣмъ она тебѣ? Развѣ ты боишься загорѣть?

— Что̀ загаръ! я боюсь маменьки; она велитъ мнѣ надѣвать шляпку. Говоритъ: кожа испортится; а по мнѣ пусть портится.

Говоря это, она сбросила съ себя соломенную шляпку, и молодой человѣкъ повѣсилъ ее себѣ на руку.

Ему было девятнатцать лѣтъ. Онъ былъ свѣжъ и хорошъ собою: улыбка нерѣдко оживляла его физіономію, но въ черныхъ глазахъ его свѣтилась природная мечтательность, особенно въ то время, когда онъ садился за фортепьяно. Онъ любилъ *ее* съ дѣтскихъ лѣтъ какъ братъ, какъ другъ, какъ покровитель, и эта рѣзвая, живая дѣвочка, не признававшая никакой власти, слушалась только его, слѣпо повиновалась ему, любила то, что̀ онъ любилъ, и

если не всегда понимала въ пятнадцать лѣтъ серіозный складъ его рано-созрѣвшаго ума, то инстинктивно покорялась его вліянію и была счастлива. Онъ какъ будто готовилъ ее къ чему-то, но еще не время было высказать ей все, что̀ такъ сильно занимало его. Ея младенческое сердце было совершенно покойно, и убѣждена она была, что никто не можетъ такъ заботиться объ ней какъ онъ, что никто такъ глубоко и серіозно не любитъ ея. Между тѣмъ ни слова любви не было произнесено между ними.

— Какъ мнѣ жарко... какъ я устала! сказала она, срывая съ себя пелеринку, которая скоро была присоединена къ шляпкѣ.— Въ полѣ тоже жарко, Андрей; дай мнѣ руку, пойдемъ въ монастырь, тамъ тѣнь.

И они направились къ зубчатой каменной оградѣ, обнесенной вокругъ величаваго, древняго собора. Золотые кресты, воздвигнутые надъ могилами, жарко горѣли на солнцѣ; она читала эпитафіи, смѣялась, перебѣгала отъ одного памятника къ другому, любовалась картиною города, потомъ вдругъ останавливалась и съ грустью говорила:

— Здѣсь лежитъ младенецъ Ольга! Бѣдная мать! я воображаю, какъ она плакала.... А вотъ старикъ... восмидесятилѣтній старикъ! И какая трогательная надпись! Андрей, неужели и тебѣ будетъ когда нибудь восемьдесятъ лѣтъ?

Но онъ шелъ за нею молча и задумчиво. Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, она отбросила отъ лица волосы, и изнемогая отъ жара, опустилась на траву. Двѣ березы бросали тѣнь на памятникъ, къ которому она прислонилась головкой, сказавъ молодому человѣку:

— Сядемъ! здѣсь хорошо.

Онъ сѣлъ противъ нея на камнѣ. Розовое холстинковое платье ея живописно ложилось на бѣлый мраморъ мавзолея. Она зѣвнула, потянулась и закрыла глазки, вся предавшись сладкой дремотѣ. Тихо колебалась надъ ней береза, скрадывая слишкомъ яркіе лучи солнца, скользившіе по бѣлому, прозрачному личику утомившейся дѣвочки. Но молодой человѣкъ не смотрѣлъ на нее, не любовался этою хорошенькою головкой, этими бѣлокурыми кудрями. Онъ думалъ тяжелую думу. Не красота ея поглощала все вниманіе его, нѣтъ! онъ думалъ съ неимовѣрною болью въ сердцѣ, что не-нынче-завтра она должна узнать тяжелую вѣсть. Онъ рѣшился самъ ей объявить это и не позднѣе какъ сейчасъ;

а между тѣмъ слезы набѣгали на глаза его, и онъ не имѣлъ силъ говорить, но посмотрѣлъ на беззаботно лежавшую дѣвочку, на крестъ, осѣнявшій ее, на небо, раскинутое надъ ея головою, и сталъ спокойнѣе. «Богъ не оставитъ ея!» подумалъ онъ и ободрившись, сталъ звать ее по имени. Она раскрыла вполовину глаза и лѣниво проговорила:

— Нужно очень будить!

Снова силы оставили молодаго человѣка, онъ опустилъ голову и прилегъ на траву.

— Поленька! наконецъ сказалъ онъ вставая,—пойдемъ домой, пора! Скоро обѣдать.... Слышишь, вечерня.

Въ самомъ дѣлѣ загудѣлъ колоколъ, разсыпались серебристые звуки въ воздухѣ и понеслись далеко. Она встала, надѣла шляпку, пелеринку и подала ему руку.

— Пойдемъ! пора! я думаю маменька воротилась изъ города.

— Знаешь-ли, что̀ я скажу тебѣ, Поленька? вдругъ заговорилъ онъ; голосъ его дрожалъ: слышались въ немъ какіе-то торжественные звуки, приготовлявшіе къ чему-то важному, но продолжать онъ не могъ. Она остановилась какъ вкопаная и устремила на него свои свѣтлые, большіе глаза, въ которыхъ ужь зажглось безпокойство.

— Что̀ такое? говори, Андрей!... Прошу тебя, говори скорѣй!

Онъ молчалъ и глядѣлъ въ землю.

— Андрей, мой милый другъ! умоляла она, заглядывая ему тревожно въ лице.

Поздно было притворяться, и онъ рѣшился сказать просто и ясно.

— Я на дняхъ вступаю въ службу и ѣду изъ Москвы....

Она вскрикнула и повисла у него на шеѣ, насилу онъ довелъ ее до сада, примыкавшаго къ ихъ дачѣ, и посадилъ на скамью. Она горько плакала, прижавшись къ его плечу; онъ гладилъ ея волосы и говорилъ:

— Послушай, Полина, ты теперь дитя. Но помни, что я ежеминутно думаю о тебѣ, что ты должна быть моею женою. Я до сихъ поръ не говорилъ тебѣ объ этомъ; но теперь разставаясь съ тобою, я открою тебѣ мою душу и всѣ мои планы. Не забывай

того, что никакая другая женщина не замѣнитъ мнѣ тебя... что въ твоихъ рукахъ счастіе моей жизни.

— О! я буду достойна тебя! сказала она, гордо поднявъ голову:— я не дитя! я умѣю цѣнить людей, повѣрь, мой другъ! Теперь всѣ шалости въ сторону! объ одномъ только я буду думать: сравняться во всемъ съ тобою. Ты увидишь, когда воротишься.... Но когда же воротишься ты? прибавила она и снова залилась слезами.

— Черезъ три года, отвѣчалъ онъ вполголоса и уже не могъ больше говорить. Онъ не въ силахъ былъ удерживаться долѣе отъ слезъ, опустилъ голову на руки и заплакалъ.

— Не плачь, не плачь! заговорила дѣвочка, почувствовавъ пробуждавшуюся въ душѣ своей энергію:—я съумѣю сдѣлаться въ эти три года достойною тебя. Я буду учиться, я буду думать... я буду... Ты не знаешь еще всѣхъ моихъ способностей ... я до сихъ поръ лѣнилась.... Потомъ мы обвѣнчаемся, и тогда никто не разлучитъ насъ.... Не правда ли?

— Дитя! прошепталъ онъ, улыбаясь сквозь слезы:—три года, это легко сказать! Тебя станутъ вывозить, ты полюбишь другаго....

Она покачала головою, выраженіе лица ея было такъ не по дѣтски серіозно, что весь характеръ ея высказался въ этомъ движеніи. Онъ всталъ и довѣрчиво пожалъ ей руку.

— Итакъ, ты моя! сказалъ онъ ей:—помни же это, Поленька!

Много перемѣнъ произошло въ три года. Она выросла, стала дѣвушка серіозная; всѣ занятія, всѣ помыслы ея клонились къ одной цѣли, *все свое* принесла она этой любви и много ждала отъ нея радостей. Ни семейныя непріятности, ни свѣтскія суеты, ничто не отвлекало ее отъ господствующей мысли. Въ жизни ея была цѣль, составить счастіе дорогаго, милаго ей человѣка, и она жила полною жизнію въ ожиданіи блаженной минуты свиданья. Она наступила, эта минута; сколько радостей вмѣстѣ съ нею! сколько радужныхъ надеждъ! Онъ былъ въ восторгѣ отъ ея успѣховъ; она была счастлива его любовью, такою испытанною, глубокою любовью. Но семейныя обстоятельства были такого рода, что свадьбу надо было отложить еще на годъ, а можетъ быть и на два.

— Подождемъ! говорилъ онъ печально.

Она была готова на все. Настала опять разлука; а за разлукою много улетѣло игривыхъ, свѣтлыхъ надеждъ. Она стала задумываться, стала грустить, испытаніе казалось ей не по силамъ, письма его становились все серіознѣе и грустнѣе, въ нихъ часто выражалъ онъ нѣкоторое опасеніе на счетъ будущности ея, говорилъ, что надо ей укрѣпиться духомъ религіи и прибавлялъ нѣсколько загадочныхъ словъ, сильно тревожившихъ душу молодой дѣвушки; она знала, что любовь его не уменьшилась, не взирая на это, боялась и ждала чего-то.... Наконецъ она слышитъ отъ родныхъ, что онъ самъ ѣдетъ въ Москву, но ѣдетъ больной. Страшное предчувствіе сдавило ея сердце, ей сдѣлалось дурно, и она слегла на нѣсколько дней въ постель. Ихъ первое свиданіе растерзало душу тѣхъ, которые были свидѣтелями этой сцены, исключая Ѳедосью Ивановну, которая ничего не поняла. Онъ одѣлся и вышелъ въ гостиную какъ здоровый, лице его было оживлено, глаза блестѣли, онъ шутилъ, смѣялся, скрывая по возможности свои страданья, увѣряя, что кашель этотъ привязался къ нему на дорогѣ; но трудно обмануть проницательность любящей женщины: она взглянула на него и въ минуту поняла, что дни его сочтены и что приговоръ ея подписанъ; но и она нашла въ себѣ на столько силы душевной, чтобъ улыбаться и вести обыкновенный разговоръ. Горе было слишкомъ велико. Прошло еще нѣсколько дней въ какомъ-то оцѣпенѣніи и притворной бодрости; напослѣдокъ молодой человѣкъ не выдержалъ, онъ пожелалъ говорить съ нею наединѣ. Онъ просилъ ее выйдти за мужъ, и въ предсмертной волѣ своей умолялъ ее не предаваться горю, а жить для пользы и добра. Молодая дѣвушка не упала въ обморокъ, но твердо сказала ему: «Замужъ не пойду.... И если переживу тебя, то для того только, чтобъ быть достойной соединиться съ тобою въ лучшемъ мірѣ...»

Она поддерживала его въ послѣдніе дни, молилась вмѣстѣ съ нимъ и наконецъ закрыла ему глаза. Все схоронила она вмѣстѣ съ нимъ, и оставшись одна, посвятила себя семейству. Тогда началась для нея другая эпоха жизни. Проходили длинные, однообразные года, она не замѣчала ихъ. Отецъ ея былъ человѣкъ образованный, но больной и раздражительный; она не отходила отъ него въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, сопровождая его вездѣ. Изъѣздили они не мало по Россіи. Она

полюбила умственныя занятія, пристрастилась къ ботаникѣ, изучила многихъ иностранныхъ писателей, и отвлеченные вопросы стали сильно занимать ее. Только міръ науки и воображенія доставлялъ ей отрадныя мгновенія; но она не щеголяла своею образованностью, какъ праздничнымъ платьемъ. Безъ любви, безъ радостей, прошла ея молодость. Потерявъ единственную привязанность свою, она не перестала однакожь жить сердцемъ. Умеръ отецъ, на попеченіи ея осталась мать, не привыкшая къ дѣламъ, неспособная ни къ чему и странная женщина, эгоистка по природѣ своей, но неопытная и добродушная какъ ребенокъ. Старшая дочь ея Маша (мать Любаши) была уже давно замужемъ; кому же заняться домомъ какъ не Парашѣ, разсуждала Ѳедосья Ивановна; а тутъ года черезъ три умерла вскорѣ послѣ мужа и Марья Николаевна, оставивъ сироту дочь на рукахъ матери. Прасковья Николаевна пристрастилась къ этому семилѣтнему ребенку, мечтая, что со временемъ найдетъ въ ней друга и утѣшеніе, но не сбылись ея ожиданія, и Любаша не могла сойдтись съ теткою ни чувствами, ни понятіями. Наконецъ Любаша замужемъ и Прасковья Николаевна, лишившись матери, осталась одна. Деревенская скука, возрастая съ каждымъ днемъ, начала наконецъ душить ее, и она прискакала въ Москву, посмотрѣть на Любашиныхъ дѣтей.

Какая буря воспоминаній взволновала душу ея при видѣ молодаго Олончеева, живо напомнившаго своего дядю!

Какой грустный взглядъ бросила она на свое прошедшее! — Боже! зачѣмъ же я жила? вырвалось изъ устъ ея.

Она встала и начала ходить по комнатѣ. Вдали догарала свѣча, бросая полосы свѣта на закоптѣлый потолокъ гостинницы; въ углу дремала ея горничная; подъ окномъ на морозѣ скрипѣли полозья проѣзжавшаго экипажа, кой гдѣ слышались голоса, хриплые возгласы запоздалаго гуляки, справлявшаго масляницу. Все показалось ей мертво и нелѣпо. И вдругъ пришло ей на память грустное личико Лидіи, ея отчужденіе, ея равнодушіе къ свѣту. «Не такая ли и я была въ ея лѣта?» подумала она, и ей показалось, что она поняла эту дѣвушку лучше нежели тѣ, съ которыми она жила постоянно вмѣстѣ.

VII.

Снова жизнь потекла своимъ чередомъ: по вечерамъ нерѣдко Прасковья Николаевна видѣла Андрея Борисовича, постоянно занятаго только Любашею. Нерѣдко посѣщала ее Юлія Ивановна, всегда разговорчивая и беззаботно-веселая, и Лиденька, на которую, какъ замѣтно, тяжело дѣйствовало все окружающее. Она старалась удаляться отъ Любаши, подходила къ Прасковьѣ Николаевнѣ и вступала съ нею въ разговоръ. Прасковья Николаевна дивилась основательности сужденій этой молодой дѣвушки и начала находить удовольствіе быть съ нею чаще. Лидія съ своей стороны уступила своему влеченію къ Прасковьѣ Николаевнѣ, и скоро начала называть ее *тетушкою*, завидуя Любашѣ, которая имѣла право давать ей это имя.

Отношенія Прасковьи Николаевны къ Сергѣю Ивановичу тоже совершенно измѣнились. Онъ сталъ оказывать ей довѣренность и полное уваженіе и радъ былъ радехонекъ, когда она бывало зайдетъ къ нему въ кабинетъ, сядетъ съ ногами на диванъ и заведетъ рѣчь о томъ, что̀ близко каждому русскому сердцу. Сергѣю Ивановичу разговоръ ея былъ вдвое пріятнѣе всѣхъ карточныхъ партій, которыя жена его устраивала для него въ тѣ дни, когда онъ былъ менѣе занятъ. Скоро Прасковья Николаевна убѣдилась, что привязанность Сергѣя Ивановича къ Любашѣ до того исключительна и горяча, что составляетъ всю силу души его и весь нравственный смыслъ его жизни. Страшно стало Прасковьѣ Николаевнѣ, когда она убѣдилась въ этомъ. Хотя Любаша пользовалась самою почтенною репутаціею въ свѣтѣ, однако Прасковья Николаевна не поручилась бы за нее, особенно съ тѣхъ поръ какъ начала присматриваться къ ея житью бытью. Незамѣтна была наблюдательность Прасковьи Николаевны для окружавшихъ ее, напротивъ того, она снисходительнымъ и кроткимъ обращеніемъ отдаляла отъ себя всякое подозрѣніе, да и сама-то не совсѣмъ умѣла объяснить, какъ давалось ей то, что̀ она угадывала и замѣчала лучше другихъ. Многое въ изученіи сердца человѣческаго приходило къ ней какъ бы извнѣ и ей только оставалось мысленно подтверждать эти внушенія. Какъ ни хитрила Эрнестина Ѳедоровна, какъ ни осторожно вела себя Любаша въ присутствіи тетки, какъ ни удалялась отъ нихъ Прасковья

Николаевна, проводя цѣлые дни съ дѣтьми, или Сергѣемъ Ивановичемъ, но обо многомъ догадывалась она, и многое становилось ей съ каждымъ днемъ яснѣе и понятнѣе, и заставляло ее задумываться.

Странна казалась Любаша Прасковьѣ Николаевнѣ, уже давно отставшей отъ такъ-называемаго свѣта. Пріѣдетъ ли какой нибудь артистъ или танцовщица съ громкою славою, Любаша словно обезумѣетъ, платитъ огромныя деньги за ложу, за букетъ, за два, за десять, которые броситъ на сцену; ожидаетъ чуть не въ лакейской возвращенія домой знаменитости, которую привѣтствуетъ бокаломъ шампанскаго, или рѣчью... Разъ докурила сигару послѣ тенора, спрятала лоскутокъ отъ перчатки танцовщицы, и позволила какому-то заморскому скрипачу самому вынуть золотую булавку, которою прикалывалась ея пелеринка, и почистить въ зубахъ... бывало плачетъ отъ восторга и вездѣ изъ первыхъ бросается по слѣдамъ артиста, приглашаетъ къ себѣ, а это стоитъ не малыхъ издержекъ, какъ извѣстно... И изъ чего все это?

— Да вѣдь я знаю, что ты вовсе не любишь музыки, говорила Прасковья Николаевна, удивляясь ея бурному восторгу.

— Ахъ, тетушка, развѣ въ музыкѣ дѣло... Дѣло въ томъ, что весело и пріятно...

— То есть пріятно быть замѣченной въ обществѣ графини Лихвидовой, которую тебѣ хотѣлось бы перещеголять умомъ и заносчивостью... Пріятно потолкаться тамъ, гдѣ всѣ... Ну, признаюсь, я не понимаю такого восторга.

— Это отъ того, тетушка, что вы зажились въ деревнѣ! говоритъ со смѣхомъ Любаша, и тутъ же спѣшитъ высказать свое неудовольствіе Эрнестинѣ за то, что она заплатила неимовѣрно дорого за bouquet-monstre, который впрочемъ былъ замѣченъ вчера всею публикой.

Шумно восторгаются эти дамы; шумно совершаютъ онѣ благотворительные подвиги. Придетъ ли бѣдная маіорша съ дѣтьми, Любаша готова душу отдать. «Зачѣмъ, говоритъ, вамъ пѣшкомъ идти въ такую грязь, дѣти озябнутъ, на дворѣ холодно... Я велю вамъ заложить карету.» Да сама и уѣдетъ, препоручивъ Степанидѣ заняться *бѣдною*. Степанида по природѣ своей была вовсе не филантропка; она разъ возьми да и спровадь маіоршу въ холодную комнату, гдѣ находилась часть гардероба барыни. Бѣдная

женщина съ дѣтьми продрогла и проголодалась жестоко; Прасковья Николаевна случайно провѣдала объ этомъ, велѣла дать имъ ѣсть и отправила домой, снабдивши кой чѣмъ... Любаша возвратилась уже вечеромъ и совершенно забыла о маіоршѣ. Начнется ли базаръ, бѣда да только. Суматоха, шитье, глаженье, весь домъ преданъ благотворенью. Лидія положительно отказалась работать для базара, Любаша насмѣхается надъ нею и называетъ ее прозелиткой тетушки Прасковьи Николаевны.

Разъ какъ-то вечеромъ Любови Васильевны не было дома, Лидія пріѣхала одна навѣстить Сашу, которая была не совсѣмъ здорова. Лидія очень любила свою маленькую кузину. Внизу пріемныя комнаты не были освѣщены; Прасковья Николаевна, уложивъ дѣтей, засвѣтила свѣчу и сѣла въ маленькой гостиной съ книгою. Въ залѣ послышались чьи-то шаги, но она не обратила на это никакого вниманія. Немного погодя, вошла въ комнату Лидія и сказала съ какою-то странною улыбкой:

— Еслибъ вы видѣли какъ суетится Эрнестина!.. Старалась всѣми силами удержать меня въ дѣтской. Неужели она думаетъ, что я ничего не вижу и не понимаю.

— А что̀ такое?

— Да развѣ вы не слышите, что кто-то ходитъ по залѣ.

— Да въ залѣ темно.

Лидія опять улыбнулась.

— Что̀ это, тетушка? вы, какъ маменька, ничего не замѣчаете.

Прасковья Николаевна встала и хотѣла было идти въ залу, освѣдомиться кто тамъ, но Лидія остановила ее.

— Не ходите, умоляю васъ! закричала она, живо схвативъ ее за руку:—нѣтъ, тетушка, не мѣшайтесь въ эти дѣла. Они васъ возненавидятъ.

— Да кто, мой другъ?

— А вотъ кто.

И Лидія, озираясь кругомъ, осторожно вынула изъ кармана клочекъ бумаги, какъ замѣтно, оторванный отъ какого-то письма, и положила на столъ передъ Прасковьею Николаевной. Легко было догадаться, что записка была написана къ m-lle Эрнестинѣ. Прасковья Николаевна внимательно прочла слѣдующія слова: «Вы «однѣ приняли во мнѣ участіе и угадали мою безпредѣльную, мою «отчаянную любовь. Въ вашихъ жилахъ течетъ не сѣверная

«холодная кровь и вы созданы понимать всѣ чувства и всѣ «страсти...»

— Кто же этотъ обожатель m-lle Эрнестины? спросила Прасковья Николаевна:—и отчего ты такъ взволнована, Лидія?

— Я вовсе не взволнована, тетушка, сказала Лидія, краснѣя и теряясь:—а «обожатель» этотъ вовсе не обожатель m-lle Эрнестины, я вамъ за это ручаюсь. Это Андрей Борисовичъ...

— А!.. Андрей Борисовичъ! проговорила Прасковья Николаевна, быстро мѣняя тонъ:—я принимаю участіе въ этомъ молодомъ человѣкѣ и желала бы знать, что̀ кроется подъ этими словами?

— Кажется, ясно... Онъ влюбленъ въ тетеньку Любовь Васильевну.

Прасковья Николаевна обернулась и пристально посмотрѣла на Лидію. Онѣ долго молчали обѣ.

— Какъ ты это знаешь, мой другъ? спросила наконецъ Прасковья Николаевна.

Лидія вздохнула и закрыла лице руками. Замѣтно было, что по тѣлу ея пробѣжала дрожь.

Прасковья Николаевна, желая убѣдиться въ истинѣ Лиденькиныхъ подозрѣній, встала и направилась къ залѣ. Лидія опять ухватилась за нее, повторяя:

— Тетушка, ангелъ! ради Бога!

Но Прасковья Николаевна, не слушая ее на этотъ разъ, взяла свѣчу и отправилась въ залу. Въ залѣ никого не было.

— Ты видишь, Лиденька, тамъ никого нѣтъ, сказала она возвратясь въ гостиную.

— Онъ здѣсь, я навѣрное знаю.

— Почему ты это знаешь?

— Мнѣ сказала... знаете вотъ эта дѣвочка, что у дѣтей... Маша ее зовутъ, отвѣчала Лидія съ плохо-скрытымъ замѣшательствомъ.

Прасковья Николаевна пожала плечами.

— Можетъ быть *онъ* въ кабинетѣ у дяди, прибавила молодая дѣвушка:—дяди дома нѣтъ

— Такъ постой же, я пойду въ кабинетъ!

И Прасковья Николаевна прошла нѣсколько неосвѣщенныхъ комнатъ и очутилась у дверей кабинета; тамъ слышались голоса.

— Успокойтесь, Андрей Борисовичъ! говорила гувернантка:—

я вамъ ручаюсь за Любовь Васильевну... Она такъ добра, вы ее знаете.

— Ахъ! Эрнестина Ѳедоровна, если бы вы знали какъ я люблю эту женщину!...

— Будто я не вижу этого! Довольно взглянуть на васъ, чтобъ убѣдиться въ вашей пламенной страсти къ ней. Я иногда боюсь за васъ въ обществѣ: вы вовсе не умѣете скрывать ваши чувства.

— До того ли мнѣ!... Я такъ страдаю, такъ измученъ...

Прасковья Николаевна отступила на два шага отъ двери и задумалась, прижавшись къ стѣнѣ. Сомнѣнья, которыя имѣла она, исчезли, уступивъ мѣсто самому безотрадному и печальному убѣжденью. Она тихими шагами выбралась изъ корридора и возвратилась въ гостиную, гдѣ нашла Лидію въ сильномъ волненьи.

— Я никого не видала, сказала Прасковья Николаевна, рѣшившись скрыть отъ Лидіи подслушанный ею разговоръ.

Молодая дѣвушка печально покачала головою и закрыла лице платкомъ.

Прасковья Николаевна съ теплымъ участіемъ посмотрѣла на нее. Лидія долго молчала.

— Мнѣ пора! наконецъ отрывисто проговорила она, отирая слезы, которыхъ не могла скрыть: — Каково мученье! я должна ѣхать съ Эрнестиной! прибавила она, нетерпѣливо надѣвая перчатки, и даже разорвала одну изъ нихъ.

— Зачѣмъ тебѣ Эрнестина?

— Маменька не позволяетъ мнѣ ѣздить одной, даже въ каретѣ. Сюда меня привезла наша гувернантка m-lle Годе. Боже мой! какъ мнѣ противна эта m-lle Эрнестина! Я скоро перестану ѣздить сюда... Зачѣмъ мнѣ *его* видѣть? Зачѣмъ мнѣ терзать себя? Ахъ, тетушка! я вамъ все разкажу когда нибудь... а теперь мнѣ пора домой...

И она позвонила.

— Позови сюда Эрнестину Ѳедоровну! сказала она появившемуся лакею:—скажи, что я ѣду домой.

Лиденька надѣла шляпку, шаль, боа и снова бросилась въ кресло. На лицѣ ея выражалось сильное волненіе, слезы поминутно набѣгали на глаза, щеки пылали.

— Я готова, пожалуйте, Лидія Дмитріевна! сказала m-lle Эрнестина, величественно показываясь въ дверяхъ.

Лидія вскочила, поцѣловала Прасковью Николаевну и только что хотѣла выдти, какъ услышала шумъ въ сосѣдней комнатѣ; черезъ минуту вошла Любовь Васильевна.

— А вы здѣсь еще, тетушка? сказала она съ оттѣнкомъ неудовольствія, которое по временамъ не трудилась скрывать: — а ты что̀ тутъ дѣлаешь, Лидія?

— Я пріѣхала навѣстить вашу дочь, отвѣчала Лидія въ свою очередь не безъ надменности, вызванной гордымъ тономъ Любаши:—а теперь спѣшу домой. Прощайте, Прасковья Николаевна!

И она убѣжала, не поклонившись теткѣ, которая выразительно посмотрѣла ей вслѣдъ; потомъ Любовь Васильевна сказала Прасковьѣ Николаевнѣ, что она *можетъ* ѣхать домой въ ея каретѣ и пошла величаво въ свою уборную. Прасковья Николаевна не занялась ни минуты высокомѣрнымъ тономъ, которымъ Любаша вдругъ заговорила съ нею: она знала, что̀ значитъ *не угодить* Любови Васильевнѣ, и нисколько не безпокоилась о томъ. Ея мысль была занята Лидіей, Сашей, Ваней, которые имѣли нужду въ ея попеченіяхъ и къ которымъ уже она сильно привязалась въ короткое время. Проходя мимо дверей кабинета, въ которомъ уже не было таинственнаго посѣтителя, Прасковья Николаевна заглянула туда. На бюро лежалъ небольшой портфель, на которомъ были сигары и между прочимъ визитныя карточки Андрея Борисовича Олончеева. Она взяла бумажникъ и поѣхала домой.

На другой день Прасковья Николаевна сидѣла у Лиденьки въ комнатѣ. Лиденька была очень печальна. Меньшія сестры ея учились въ классной, Юліи Ивановны не было дома: она каждое утро путешествовала по магазинамъ.

— Неужели вы думаете, тетушка, что я создана для такой жизни! говорила Лидія отрывисто и грустно: — нѣтъ! не легко мнѣ хитрить, скрываться, раболѣпствовать передъ Любовью Васильевной, прислушиваться къ сплетнямъ, которыя происходятъ въ дѣвичей, допрашивать дѣвчонку, которая понимаетъ все, и по ненависти къ Степанидѣ пересказываетъ мнѣ всѣ продѣлки Эрнестины Ѳедоровны. Я вижу, что тетенька завлекаетъ Андрея Борисовича... Онъ влюбленъ въ нее безъ памяти, онъ гибнетъ безвозвратно; для нея онъ готовъ на все, готовъ употреблять самыя неблагородныя средства... Я все это вижу, для меня ничего нѣтъ тайнаго въ этомъ домѣ. Я презираю Любовь Васильевну;

а *его* не могу разлюбить. Нѣтъ! не въ силахъ. Вы видите, что изъ любви къ нему я унижаю себя въ собственныхъ глазахъ. Я утратила всю свѣжесть и благородство души съ тѣхъ поръ какъ стала слѣдить за нимъ. Но мнѣ жалко его, столько же какъ и себя. Вы не знаете какъ я любила его! Вы видите: я сижу одна въ этой комнатѣ, какъ въ тюрьмѣ, и думаю объ немъ. Въ этомъ одномъ я нахожу утѣшеніе… другихъ мнѣ не надо.

— Чтò же маменька твоя?

— Маменька разумѣется ничего не знаетъ; мое равнодушіе къ свѣтскимъ удовольствіямъ она приписываетъ робости характера, неразвязности, не знаю право чему еще… Но маменька—дитя. Развѣ съ ней можно быть такъ откровенной, какъ съ вами напримѣръ? Притомъ же она боготворитъ Любовь Васильевну.

— Потому что не знаетъ ея.

— И вы думаете, что есть средство раскрыть глаза маменькѣ? Ни малѣйшаго, повѣрьте! Она такъ добра, что не повѣритъ самой очевидности. А вѣдь меня какъ любитъ, просто обожаетъ! Ее истинно сокрушаетъ мысль, что я не люблю танцовать, не люблю наряжаться, хотя она и не приписываетъ всѣхъ этихъ странностей ничему другому, кромѣ природной дикости моей. Дать замѣтить маменькѣ, что я страдаю, значило бы убить ее. Вы не повѣрите какое это сердце!

— Все такъ, но состояніе твоей души меня тревожитъ…

— Дайте мнѣ совѣтъ, тетушка! я такъ вѣрю вамъ!

— Совѣтъ? Ахъ, мой другъ! совѣтовать легко… Если я скажу тебѣ: развлекайся, забудь объ немъ…

— Не могу, тетушка, не могу!…

— Ну вотъ видишь! Во всякомъ случаѣ, я прошу тебя рѣже бывать у Любаши. Это сближеніе вредитъ тебѣ во многихъ отношеніяхъ. Возвысься надъ несчастіемъ, другъ мой, будь благородна, и ты скорѣе успокоишься.

— Правда, правда, я чувствую, что нравственно погибаю, когда дышу однимъ воздухомъ съ этою женщиной.

Прасковья Николаевна грустно поникла головой и не сказала ни слова.

Въ комнату Лидіи торопливо вошла Юлія Ивановна съ сіяющимъ лицемъ и какимъ-то новымъ барежемъ. Тутъ начались пренія о цвѣтѣ и качествѣ покупки, а Прасковья Николаевна между

тѣмъ ускользнула изъ комнаты и поѣхала къ Любашѣ. Вчерашнее нездоровье Саши безпокоило Прасковью Николаевну.

Едва вошла она въ комнату, какъ замѣтила суматоху и безпокойство въ домѣ, гдѣ обыкновенно царствовало устройство, тишина и порядокъ; Любовь Васильевна строго наблюдала за этимъ.

— Что̀ случилось? спросила Прасковья Николаевна у людей.

— Барыня нездорова, отвѣчалъ кто-то.

Да вотъ и самъ Сергѣй Ивановичъ. Боже мой! какъ онъ встревоженъ! На немъ лица нѣтъ, онъ какъ шальной отдаетъ разомъ десять приказаній, противорѣчащихъ одно другому, и чуть было не сшибъ съ ногъ Прасковью Николаевну

— Ахъ тетушка, это вы! говоритъ онъ второпяхъ; ради самого Бога, не проговоритесь при ней, что Маматово сгорѣло.

— Какъ сгорѣло? Я ничего не знаю.

— Неужели не знаете? Сгорѣло до тла... Да это пустяки, главное то, что Любаша-то больна.

— Да что̀ съ ней?

— Ночью сдѣлался жаръ, простудилась, должно быть. Вѣдь неосторожна какъ! танцуетъ, танцуетъ, да къ форточкѣ. Эрнестина Ѳедоровна, матушка, не забудьте въ два часа лѣкарство дать.

— Будьте покойны, Сергѣй Ивановичъ, отвѣчала Эрнестина Ѳедоровна и съ грустною важностью прошла мимо.

— Пойдемте къ Любашѣ, пойдемте! сказалъ Сергѣй Ивановичъ, взявъ за руку Прасковью Николаевну.

— А Сашенька-то какъ себя чувствуетъ? вѣдь вчера у ней горло болѣло.

— Сашенька? право не знаю. Меня Любашина болѣзнь такъ перепугала, что я самъ себя не помню.

Для Сергѣя Ивановича Любаша была дороже дѣтей, дороже всего на свѣтѣ. Оказалось, что Любовь Васильевна вовсе не въ такомъ отчаянномъ и опасномъ положеніи, какъ воображалъ испуганный мужъ ея. Къ вечеру доктора объявили Сергѣю Ивановичу, что нѣтъ ни малѣйшей опасности, и что болѣзнь Любови Васильевны самая пустая, но онъ не вѣрилъ имъ и забывъ на этотъ разъ свои многочисленныя дѣла, безпрестанно входилъ въ спальню, гдѣ лежала больная. Юлія Ивановна суетилась не меньше его самого. Явились еще двѣ молодыя дамы, пріятельницы Любаши, и граціозно изъявили свое участіе. Лиденьки не было. На вопросъ объ ней, Юлія Ивановна

отвѣчала, что у дочери ея лихорадка. Все это маленькое общество усѣлось около самовара; за отсутствіемъ хозяйки, Юлія Ивановна разливала чай. Сергѣй Ивановичъ былъ въ тотъ вечеръ менѣе разговорчивъ чѣмъ когда либо: онъ задумчиво допивалъ второй стаканъ, когда въ комнату вошелъ Олончеевъ. Они молча пожали другъ другу руку.

— Знаете ли, вѣдь у насъ Любаша очень больна! сказала Юлія Ивановна, привѣтливо кланяясь ему.

Олончеевъ не сказалъ на это ни слова, но Прасковья Николаевна съ ужасомъ замѣтила, что онъ блѣднѣетъ. Надо было спасти бѣднаго молодаго человѣка: смущенье его легко могло бы быть перетолковано съ невыгодной стороны этими дамами; да и что̀ бы подумалъ самъ Сергѣй Ивановичъ?

— Андрей Борисовичъ! пожалуста, оживите огонь въ каминѣ, сказала она, съ живостью обращаясь къ нему: — я цѣлый вечеръ зябну...

Олончеевъ поспѣшилъ исполнить ея приказанія, бросился къ камину, раздулъ мѣхами огонь и постоялъ нѣсколько минутъ у огня, усердно грѣя руки. Волненіе его успѣло утихнуть, когда онъ снова подошелъ къ столу и взялъ чашку изъ рукъ Юліи Ивановны. Сергѣй Ивановичъ задумчиво глядѣлъ на самоваръ въ ожиданіи третьяго стакана и въ надеждѣ, что чай разсѣетъ его мрачныя опасенія. Разговоръ шелъ въ полголоса между Юліей Ивановной и двумя дамами. Олончеевъ чувствовалъ необходимость сказать нѣсколько словъ Сергѣю Ивановичу, долго думалъ и ничего не выдумалъ кромѣ вопроса, будетъ-ли онъ завтра въ клубѣ на знаменитомъ обѣдѣ, устроенномъ въ честь какого-то извѣстнаго лица. «Врядъ ли!..» отвѣчалъ лаконически Сергѣй Ивановичъ, не переставая думать о Любашѣ и смотрѣть въ сторону, какъ человѣкъ, который не принимаетъ ни малѣйшаго участія въ разговорѣ, но вдругъ лице его оживилось, онъ устремилъ выразительный взглядъ на Прасковью Николаевну.

— Горчичники-то отняли ли? спросилъ онъ.

Ему отвѣчали, что давно это сдѣлано. Сергѣй Ивановичъ успокоился и снова принялся мѣшать ложечкою чай. Замѣтно было, что на душѣ его камнемъ лежало безпокойство. Допивъ стаканъ, онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ. Послѣ чая, дамы простились и уѣхали. Сергѣй Ивановичъ пошелъ къ женѣ. Оставшись

наединѣ съ Олончеевымъ, Прасковья Николаевна сказала ему:

— Вы кажется забыли здѣсь портфель.

Олончеевъ покраснѣлъ до ушей и началъ разсматривать узоры ковра.

— Вы оставили его въ кабинетѣ у Сергѣя Ивановича, продолжала она, не спуская съ него испытующаго взгляда: — помните?

Онъ упорно молчалъ.

— Я вамъ возвращаю его съ условіемъ...

Олончеевъ быстро взглянулъ на нее, и опять потупился.

— Съ условіемъ, что вы включите меня въ число людей, которые принимаютъ въ васъ особенное участіе, и будете у меня. Я завтра вечеромъ дома.

— Я воспользуюсь этимъ, сказалъ тихо Олончеевъ, и уже поглядѣвъ на нее нѣсколько довѣрчивѣе, прибавилъ: —Благодарю васъ, искренно благодарю васъ, Прасковья Николаевна.

— Вотъ вамъ портфель и поѣзжайте съ Богомъ! сказала она, отдавая принадлежавшую ему вещь.

Олончеевъ поцѣловалъ у ней руку и вышелъ изъ комнаты смущенный, уничтоженый, унося на душѣ неясное понятіе объ этой женщинѣ. Бояться ли ея, любить ли ее? думалъ онъ теряясь въ догадкахъ.

Е. Нарская.

ПУШКИНЪ.

Сочиненія Пушкина. Изданія П. В. Анненкова. 6 томовъ, въ 8 д.

IV (*).

Случалось ли вамъ испытывать то тягостное состояніе, когда сердце упорно безмолвствуетъ на призывъ когда-то милый, когда-то всевластный? то состояніе мучительной борьбы между дорогимъ воспоминаніемъ, между требованіемъ сердечной совѣсти, и безсиліемъ сердца отвѣчать живымъ біеніемъ на это требованіе, почувствовать въ настоящемъ то, что̀ прошло для него невозвратно, и утратило живую связь съ нимъ? Былое просится къ намъ въ душу, но пути его заросли и забыты, и призывный голосъ будитъ только воспоминаніе, и слезами нашими искренно плачетъ только жалость, что сердце не хочетъ плакать? Вотъ случай жизни. Его, повторимъ, могъ испытать каждый, и многіе могли про себя сознавать его. Но является поэтъ, и эту исповѣдь сердца возводитъ онъ до общаго сознанія; темное и глухое дѣло жизни становится свободнымъ представленіемъ. Онъ находитъ средство такъ выразить особый случай жизни, что въ душѣ каждаго произойдетъ подобіе такого состоянія. Можно было бы высказать это явленіе души, какъ общій фактъ, можно было бы сказать, какъ сказано нами выше, что то-то и такъ-то бываетъ. Но

(*) См. «Русскій Вѣстникъ», т. I. январь, книжка 1 и 2.

Пушкинъ беретъ одинъ случай изъ жизни, и изображая его, высказываетъ общій смыслъ этого явленія:

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
Она томилась, увядала....
Увяла наконецъ, и вѣрно надо мной
Младая тѣнь уже летала;
Но недоступная черта межъ нами есть.
Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой,
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною, томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ муки, гдѣ любовь? увы! Въ душѣ моей
Для бѣдной, легковѣрной тѣни,
Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни тѣни.

Дѣйствіемъ этихъ стиховъ въ душѣ нашей изображается, во всей своей особенности, случай жизни, слагается подобіе того состоянія, на которомъ онъ основанъ; мы испытываемъ то же, что̀ испытываетъ человѣкъ, дѣйствительно бывшій въ подобномъ состояніи, но испытываемъ не въ самой жизни, а въ воображеніи, въ созерцаніи, въ представленіи. Наше отношеніе къ факту, воспроизведенному искусствомъ, есть отношеніе теоретическое, то самое отношеніе, какое составляетъ сущность знанія. Творчествомъ поэта тяжкая тайна сердца возводится въ свободную сферу созерцанія. Мы можемъ со всею энергіею чувствовать изображенное здѣсь состояніе, но тѣмъ не менѣе мы чувствуемъ его не какъ нѣчто дѣйствительно съ нами происходящее; мы получаемъ не связь общихъ представленій, а явленіе жизни во всей его индивидуальности, во всей такъ сказать его личности; мы испытываемъ жизнь, но не въ самой жизни, а въ изображеніи, — и ничѣмъ инымъ, какъ только дѣйствіемъ художественнаго изображенія, случайное явленіе дѣйствительности пріобрѣтаетъ общее значеніе. Въ художественномъ изображеніи заключается эта тайна чарующаго соединенія безконечной особенности и случайности явленія съ общимъ, существеннымъ значеніемъ.

Въ чемъ же состоитъ общій смыслъ изображенія? Въ его истинѣ. Всѣ черты изображенія дышатъ этою истиной; частный

случай становится его прозрачнымъ выраженіемъ. Художникъ уловилъ въ случаѣ его сущность, и каждое слово, каждая подробность имѣетъ въ цѣломъ свою силу. На этомъ маленькомъ стихотвореніи, приведенномъ нами для анализа, мы можемъ испробовать всѣ главные эстетическіе законы. Въ этомъ примѣрѣ мы можемъ элементарно почувствовать, что̀ значитъ отвлеченная формула, говорящая о воплощеніи идеи въ опредѣленной формѣ, о томъ, что художникъ представляетъ мысль въ образахъ, о сліяніи въ его творчествѣ безконечнаго съ конечнымъ и т. п. Повторивъ этотъ анализъ на многихъ подобныхъ примѣрахъ, мы будемъ внѣ опасности потеряться въ отвлеченности формулъ и будемъ понимать дѣло въ самомъ дѣлѣ. Но возвратимся къ нашему стихотворенію.

Дѣйствительно ли былъ этотъ случай съ Пушкинымъ, какъ онъ изображенъ въ приведенномъ стихотвореніи, или онъ родился въ воображеніи поэта, этого рѣшить мы не можемъ, хотя по нѣкоторымъ указаніямъ г. Анненкова можно положительно заключать, что это точно быль сердца. Предположимъ однако, что именно этого случая не было съ нимъ: истина стихотворенія, его очарованіе отъ того нисколько не уменьшится. Это очарованіе состоитъ только въ томъ, что въ душѣ нашей изображается совершенно индивидуальное состояніе, вызывается живое чувство со всею опредѣленностію своего настроенія, вся его музыка, какъ предметъ внутренняго вниманія. Очевидно, что произведеніе поэта будетъ тѣмъ выше въ художественномъ отношеніи, чѣмъ дѣйствительнѣе будетъ его слово, то есть чѣмъ живѣе, опредѣленнѣе, индивидуальнѣе образъ. Надобно, чтобы явленіе, изображаемое поэтомъ, казалось произведеніемъ не отвлеченной мысли, а дѣйствительности; надобно, чтобы оно совершенно свободно выражало свою идею, чтобы каждая черта его, взятая порознь, была совершенно случайна, и чтобы только въ своемъ совокупномъ впечатлѣніи всѣ эти случайности становились существеннымъ выраженіемъ своей истины. Она могла бы умереть не подъ голубымъ небомъ своей родины, могъ бы умереть кто либо другой, могло бы наконецъ вовсе не быть рѣчи о смерти: для общаго смысла, который можемъ мы извлечь изъ приведеннаго стихотворенія, это было бы дѣломъ совершенно случайнымъ, и именно въ этой-то внѣшней случайности состоитъ художественное очарованіе

приведенной піески. Только жизнь можетъ вызвать наше участіе, только живое можемъ мы чувствовать, а чтобы узнать живое надобно его почувствовать. Чѣмъ по видимому случайнѣе предметъ поэтическаго изображенія, чѣмъ оно индивидуальнѣе, тѣмъ глубже простирается его дѣйствіе, тѣмъ оно выше въ художественномъ отношеніи, тѣмъ плодотворнѣе, и, если хотите, тѣмъ полезнѣе, потому что оно несетъ съ собою въ эти глубины свѣтъ сознанія и покоряетъ идеѣ случайныя явленія дѣйствительности.

Послѣ этого небольшаго анализа мы скажемъ уже не пустую фразу, говоря, что Пушкинъ внесъ въ наше образованіе начало художественное, начало чистой поэзіи. Мы можемъ теперь передать смыслъ этой фразы другими, болѣе ясными словами: Пушкинъ, можемъ мы сказать, впервые въ исторіи нашего умственнаго образованія коснулся того, что составляетъ основу жизни, коснулся индивидуальнаго, личнаго существованія. Русское слово въ лицѣ Пушкина, нашло путь къ жизни и пріобрѣло способность выражать дѣйствительность въ ея внутреннихъ источникахъ. До него поэзія была дѣломъ школы; послѣ него она стала дѣломъ жизни, ея общественнымъ сознаніемъ. Потому то Пушкина и назвали первымъ народнымъ поэтомъ нашимъ. Онъ былъ дѣйствительно народнымъ поэтомъ, хотя не въ томъ смыслѣ, что бралъ предметы для своихъ произведеній изъ среды въ тѣснѣйшемъ смыслѣ народной. Пушкинъ, какъ извѣстно, въ этомъ смыслѣ не народенъ. Общій инстинктъ назвалъ его народнымъ потому, что въ немъ съ особенною силою почувствовалось живое и оригинальное движеніе мысли въ русскомъ словѣ.

Вотъ еще стихотвореніе, которое имѣетъ въ себѣ нѣчто родственное съ приведеннымъ, хотя и отдѣляется отъ него значительнымъ промежуткомъ времени: первое относится къ 1825 или 1826 году, а то, которое мы выписываемъ здѣсь, къ 1830.

Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальной
Я долго плакалъ предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.

Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила: въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.

Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой —
Исчезъ и поцѣлуй свиданья....
Но жду его: онъ за тобой.

Въ чемъ заключается невыразимое очарованіе этого стихотворенія? Въ индивидуальности минуты, въ немъ изображенной. Оно дышитъ чѣмъ-то своимъ, чѣмъ-то совершенно особеннымъ. Эта минута есть нѣчто единственное въ своемъ родѣ, нѣчто до безконечности оригинальное. Въ этихъ немногихъ строкахъ цѣлая повѣсть. Читая ихъ, вы чувствуете, какъ на душѣ вашей слагается это полное мгновеніе, которое вы потомъ отличите отъ тысячи другихъ. Вы никогда не забудете этого настроенія. Поэзія овладѣла этою минутою и принесла ее въ даръ общему сознанію. Для мысли нашей нѣтъ большей радости, какъ выйдти изъ своего одиночества и найдтись въ жизни, и чѣмъ индивидуальнѣе, чѣмъ особеннѣе предметъ сознанія, тѣмъ глубже наше наслажденіе. На этомъ-то чувствѣ индивидуальности и основано очарованіе искусства.

Намъ скажутъ: что же за важность въ нашихъ личныхъ состояніяхъ? и за чѣмъ прибѣгать для этого къ поэзіи, когда мы въ жизни можемъ сколько угодно даромъ наслаждаться ихъ сознаніемъ? Все замѣчательное, что съ нами бываетъ и что происходитъ въ насъ, сопровождается болѣе или менѣе своимъ сознаніемъ. Но въ томъ-то и дѣло, что все въ жизни сопровождается *своимъ* сознаніемъ, и каждый человѣкъ имѣетъ *свое* сознаніе. Такое частное, личное сознаніе недостаточно: оно невольная принадлежность жизни и ничѣмъ отъ ней не отличается. Оно не умѣетъ выска-

заться. Вотъ внезапное горе постигло человѣка: подхватите слово, которое вырвется у него невольно. Рядъ междометій или хотя бы и болѣе знаменательныхъ словъ, хотя бы наконецъ цѣлый потокъ краснорѣчія, обыкновенно представляютъ самый неопредѣленный смыслъ, простое общее мѣсто. Они сами принадлежатъ къ тому состоянію, которое ихъ вызвало, и необходимо другаго рода сознаніе, чтобы уразумѣть или изобразить это состояніе. Такое сознаніе есть дѣло свободной мысли, которая раскрывается въ томъ, что̀ мы называемъ просто знаніемъ, а также въ искусствѣ и поэзіи; такое сознаніе есть общая сила, властвующая надъ отдѣльными умами, и служащая средою для ихъ сближенія. Все развитіе, все образованіе совершается въ этомъ общемъ сознаніи и черезъ него. Говорятъ, что художникъ выражаетъ какую либо общую мысль въ образахъ. Это выраженіе не совсѣмъ точно и можетъ быть невѣрно понято. Иногда, дѣйствительно, общій смыслъ дѣла ясно обнаруживается въ художественномъ произведеніи, какъ напримѣръ въ первой приведенной нами піескѣ Пушкина; но иногда бываетъ почти невозможно перевести поэтическую прелесть изображенія на языкъ отвлеченныхъ понятій. Такъ, на примѣръ, просимъ попробовать это на стихотвореніи «Для береговъ отчизны дальной». Безъ сомнѣнія, тутъ есть идея; но извлечь ее изъ этихъ звуковъ и образовъ трудно, не разрушая ихъ очарованія. Есть идея въ прекрасномъ человѣческомъ лицѣ, есть идея въ прекрасномъ пейзажѣ, но какъ выразите вы эту идею отвлеченными понятіями, общими словами? Художникъ уловляетъ ее въ своемъ изображеніи. Художественное изображеніе явленій жизни, возводя ихъ въ общее сознаніе, тѣмъ самымъ даетъ имъ общее значеніе. Идея не состоитъ непремѣнно въ отвлеченныхъ формулахъ или сентенціяхъ. Жизнь и живое сознаніе, вотъ гдѣ находитъ идея свое глубочайшее выраженіе. Піеса Пушкина, которая такъ крѣпко замкнута въ себѣ, такъ упорно противится анализу, тѣмъ не менѣе проникнута идеальнымъ значеніемъ. Откуда же и самая глубина производимаго ею впечатлѣнія, которое сотрясаетъ столько струнъ въ душѣ, возбуждаетъ въ ней столько движеній? откуда и это единство, эта гармонія, откуда сліяніе всѣхъ этихъ звуковъ, всѣхъ этихъ душевныхъ движеній, въ одно цѣльное настроеніе, въ одну рѣчь, понятную всякой живой и разумѣющей душѣ? Каждое слово въ этомъ стихотвореніи дѣйству-

етъ на душу и могущественно вызываетъ изъ сердечной глубины всѣ тѣ тонкія чувствованія, которыя въ своемъ сліяніи изображаютъ идею стихотворенія. Вдали, какъ основа картины, чувствуется благодатный край юга, край жизни и любви. Съ этимъ яркимъ аккордомъ сливается мысль о печальной странѣ изгнанія, и посреди этого общаго настроенія разыгрывается сцена.... Поэтъ не ограничился простымъ извѣщеніемъ о своемъ чувствѣ, онъ передалъ всю особенность его проявленія, и передалъ двумя тремя чертами, которыя представили намъ живой образъ, проникнутый всею силою «печальнаго» мгновенія. Какъ сильно дѣйствуютъ эти простыя слова: «я долго плакалъ предъ тобой»! Какая истина въ этомъ движеніи хладѣющихъ рукъ, въ этомъ стонѣ, умоляющемъ продлить томительную минуту разставанія! Какъ слышится, въ поэзіи этой сцены, присутствіе нѣжнаго, милаго женскаго существа! Ни одною чертою не обозначенъ ея образъ, но онъ невольно чувствуется вами. Какъ хорошо и какъ кстати, что именно *она* прерываетъ «это страшное томленіе разлуки»! Женскому чувству особенно свойственно хранить мѣру въ самомъ увлеченіи; женскому чувству сроднѣе, чѣмъ мужскому, остановиться въ порывѣ и замкнуться въ самоотреченіи или въ надеждѣ. Какою тихою прелестью звучатъ въ ея устахъ слова утѣшенія и надежды! Надежды не сбылись, она умерла подъ голубымъ небомъ своей родины, и прощальныя слова поэта запечатлѣны чудною нѣжностію и вмѣстѣ важностію. При строгой мысли о смерти, чувство поэта помнитъ еще объ обѣщанномъ поцѣлуѣ свиданія; это нѣжное чувство устояло передъ скорбною торжественностію минуты. Бѣдное сердце человѣческое не потерялось, не отреклось отъ своихъ правъ и предъ зіяющею бездною смерти.

Однако мы не можемъ вовсе уклониться отъ вопроса, въ чемъ же состоитъ идея этого стихотворенія? что даетъ ему внутренній и существенный интересъ? Вопросъ этотъ тѣмъ настоятельнѣе, что выбранное нами стихотвореніе служитъ характеристическимъ образчикомъ поэзіи Пушкина.

Конечно, было бы нелѣпо переводить живую лирическую піеску на языкъ отвлеченныхъ сентенцій подъ видомъ раскрытія ея идеи, и умерщвлять поэзію подъ предлогомъ объясненія ея смысла. Но очень можно и должно показать, подъ какимъ небомъ рас-

пустился благоухающій цвѣтокъ, изъ какой почвы произошла прелесть его красокъ. Всеобщее начало отражается въ отдѣльной піескѣ, и слѣдуя скромнымъ путемъ наведенія, мы отъ малаго примѣра можемъ сдѣлать заключеніе къ той системѣ сознанія, которая была внесена въ наше образованіе поэзіей Пушкина.

Небольшая разсмотрѣнная нами піеска, вмѣстѣ съ другими родственными ей звуками лиры Пушкина, есть выраженіе великой идеи, идеи, для которой много работала исторія. Это идея человѣческой личности, это права человѣческаго сердца. Звуками Пушкина предъявлены были эти права въ нашемъ общественномъ сознаніи; его поэзіей, преимущественно, эта идея была усвоена русской жизни. Не удивляйтесь, что мы коснулись такого тяжелаго вопроса, по поводу такой легкой вещицы, такого мелкаго стихотворенія, или хотя бы цѣлаго ряда такихъ стихотвореній, — подумайте, что и ничтожный цвѣтокъ, который вы бросаете, подышавъ его запахомъ, есть произведеніе многихъ великихъ силъ природы, что онъ свидѣтельствуетъ также о цѣлой системѣ зиждительныхъ началъ и о великой подземной работѣ.

Все человѣческое, и сердце человѣческое, какъ глубочайшая основа жизни, имѣетъ свои безсмертныя права и свою великую цѣнность. Но была нужна цѣлая исторія, чтобы эти права пріобрѣли силу въ сознаніи и жизни, чтобы эта цѣнность достигла всеобщаго признанія. Никакое общественное состояніе не можетъ быть удовлетворительно, въ которомъ не признана вполнѣ и свято человѣческая личность, никакое дѣло не можетъ имѣть полнаго человѣческаго достоинства, если не запечатлѣно нравственною свободою лица, если не коренится въ убѣжденіяхъ сердца. И вотъ за многими великими идеями, которыя осуществляются въ историческомъ движеніи общества, приходитъ чередъ и до признанія личности человѣческой, какъ самостоятельной силы, до признанія правъ человѣческаго сердца, до признанія его интересовъ въ нихъ самихъ, безъ отношенія ко всему иному, что̀ можетъ направлять ихъ въ разныя стороны и давать имъ еще особую цѣнность Если самостоятельность личнаго существованія необходима для общества, то она прежде чѣмъ можетъ проявить себя въ общественныхъ направленіяхъ, должна быть признана безотносительно и безкорыстно. Съ признаніемъ правъ человѣческой личности вообще, не раздѣльно и признаніе женщины. Безъ женщины не можетъ быть

истинно-человѣческаго общества; безъ женской стихіи не можетъ быть истинно-человѣческой жизни и истинно-человѣческаго сердца. Здѣсь красота и поэзія жизни, въ тѣснѣйшемъ значеніи этихъ словъ, и ни чѣмъ въ мірѣ нельзя замѣнить эту стихію тамъ, гдѣ ея недостаетъ.

Развитіе и образованіе не создаютъ сердца. Личность человѣческая существуетъ и тамъ, гдѣ права ея не признаны. Нѣжные звуки любви слышатся намъ и въ безыскусственной пѣсни простыхъ дѣтей природы. Но дѣло не въ этомъ: дѣло въ томъ, чтобы *существующее* было понято и признано какъ нѣчто *существенное*, какъ начало, какъ право.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ общественнаго образованія у насъ было освобожденіе женщины изъ домашняго заключенія. Преобразователь Россіи, съ свойственною ему пылкостію и энергіею, принудительно требовалъ появленія женщинъ въ учрежденныхъ имъ ассамблеяхъ. Но прошло болѣе столѣтія прежде чѣмъ общественное сознаніе могло раскрыться для принятія того начала, которое грубо знаменуется этимъ фактомъ. Иноземными вліяніями вносились въ умы представленія, вытекавшія изъ обще-человѣческаго образованія; но они были мертвою реторикою въ нашей словесности. Справедливо была замѣчена, въ ходѣ нашего образованія, историческая важность легкихъ произведеній Карамзина, его сентиментальныхъ стихотвореній, его «Лизина пруда». Еще болѣе важности имѣлъ въ этомъ отношеніи Жуковскій. Но все это носило болѣе или менѣе подражательный характеръ, все это лишено было художественной силы; все это было или призраки, блѣдныя тѣни, или общія мѣста; все это было только выраженіемъ потребности, но не было ея удовлетвореніемъ.

Сравните, чтобы не ходить далеко, приведенныя нами стихотворенія Пушкина со всѣмъ, что̀ въ этомъ родѣ было писано до него, со всѣми Темирами, Плѣнирами и т. п. Между тѣмъ и другимъ цѣлая бездна. Вы смѣетесь, читая какое нибудь изъ сентиментальныхъ стихотвореній стараго времени, но оно писано не для смѣха; очень можетъ быть, что чувствительный поэтъ точно орошалъ слезами струны своей лиры; можетъ быть онъ и дѣйствительно что нибудь чувствовалъ, и въ его воображеніи точно носился образъ Плѣниры. Но стихотвореніе не имѣетъ никакой силы; оно не производитъ въ душѣ ни-

чего опредѣленнаго, ничего не изображаетъ, между тѣмъ какъ произведеніе художественное заключаетъ въ себѣ силу, изображающую въ душѣ нѣчто особенное. Стихотворенія, лишенныя художественнаго достоинства (какихъ впрочемъ есть много и у самого Пушкина), значатъ что нибудь только въ совокупности, въ массѣ, какъ выраженіе какого нибудь интереса, возникающаго въ общественномъ сознаніи, или какъ общая характеристика времени, или наконецъ по техникѣ, по языку; но каждое изъ нихъ, взятое отдѣльно, ничего не выражаетъ и ничего не значитъ. Такого рода произведенія блѣднѣютъ и исчезаютъ съ теченіемъ времени. Произведеніе же художественное не умираетъ, какъ бы ни казалось оно незначительнымъ по своему объему и даже по содержанію. Оно и не старѣетъ, и стихъ поэта, отдаленнаго отъ насъ тысячелѣтіями, звучитъ въ душѣ также свѣжо, какъ въ свое время; а это потому, что въ немъ заключена сила, заставляющая насъ почувствовать нѣчто особое, нѣчто свое, сила, дѣйствующая на душу всякаго развитаго человѣка, въ комъ есть элементы, необходимые для образованія психическихъ сочетаній, которыхъ требуетъ идея художники.

Итакъ если признаніе правъ человѣческаго сердца было и у насъ давнею потребностію, то полное удовлетвореніе себѣ нашла она впервые въ поэзіи Пушкина. Вотъ главная идея его поэзіи, существенное значеніе его лирики, и вотъ истина, которая утверждена была имъ въ общественномъ сознаніи.

V.

Не все, оставленное намъ Пушкинымъ, имѣетъ равное достоинство; есть многое въ его произведеніяхъ, что̀ имѣетъ интересъ только по отношенію къ языку, и что даже вовсе не имѣетъ интереса. Такъ напримѣръ, мы всегда съ непріятнымъ чувствомъ перелистываемъ, въ полномъ собраніи сочиненій Пушкина, бо̀льшую часть его лицейскихъ стихотвореній. Намъ пришлось бы, можетъ быть, поспорить по этому поводу съ почтеннымъ издателемъ сочиненій Пушкина. Намъ кажется, что дѣтскіе опыты музы Пушкина не заслуживали бы мѣста на ряду съ произведеніями, составляющими его славу и богатство русской литературы. Мало ли что могло быть написано великимъ поэтомъ, не только въ школьные годы, но

даже и въ зрѣлую пору жизни? Только по истинѣ достойное должно, по нашему мнѣнію, войдти въ собраніе, хотя бы и полное, сочиненій писателя; все же прочее могло бы найдти себѣ мѣсто или въ матеріялахъ его біографіи или въ особомъ приложеніи. Но мы не будемъ настаивать на этомъ мнѣніи, и не хотимъ спорить о такомъ несущественномъ пунктѣ съ издателемъ, который вдумывался въ планъ своего предпріятія, и вѣроятно на какомъ нибудь основаніи рѣшился поступить такъ, а не иначе.

По особенной природѣ своего генія, Пушкинъ былъ поэтъ мгновенія. Его даръ состоялъ въ изображеніи отдѣльныхъ состояній души, отдѣльныхъ положеній жизни. Онъ воспроизводилъ движенія сердца во всей полнотѣ жизни и истины; основное настроеніе даннаго момента умѣлъ онъ возводить до типическаго выраженія. Но не было въ его дарованіи переходить въ непрерываемомъ развитіи отъ положенія къ положенію, и изъ одного момента выводить другой. Напрасно стали бы мы искать у Пушкина полныхъ характеровъ: лица, выводимыя имъ, большею частію исчезаютъ въ поэзіи отдѣльныхъ мгновеній, или служатъ только внѣшнею связью, соединяющею различныя положенія жизни. Пушкинъ не обладалъ даромъ созерцать въ единствѣ многообразіе явленій; для него все сосредоточивалось въ отдѣльномъ моментѣ. Исчерпавъ одно, онъ обращался къ другому, и въ цѣлом ъ ходѣ его повѣствованія или драматическаго движенія рѣдко мы усматриваемъ внутреннюю послѣдовательность. Цѣлое всегда распадается у него на отдѣльныя положенія и сцены, но такъ однако, что каждая часть представляетъ собою нѣчто относительно цѣльное. Вспомнимъ, какъ любилъ Пушкинъ форму драматическихъ сценъ, изъ которыхъ, по самому свойству его природы, не развивалось полнаго драматическаго движенія, но въ которыхъ тѣмъ не менѣе, съ удивительною полнотою и силою, изображаются часто довольно сложныя отношенія, раскрывается съ художественною истиною психическое состояніе, и со всею индувидуальностію изображается положеніе жизни. Таковы «Скупой рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Каменный Гость», «Русалка» и др. Единственное полное драматическое произведеніе Пушкина «Борисъ Годуновъ» въ сущности вовсе не есть драма, а представляетъ собою только рядъ внѣшнимъ образомъ связанныхъ между собою сценъ. Но за то эти отдѣльныя сцены отличаются удивительною художественностію.

Чтò видимъ въ произведеніяхъ драматической формы, то находимъ и въ повѣствовательныхъ произведеніяхъ Пушкина. Вездѣ отдѣльные моменты, изображенія отдѣльныхъ положеній, нигдѣ нѣтъ послѣдовательнаго развитія. Либо цѣлое распадается на эпизоды, и повѣствованіе служитъ только нитью, на которой нанизывается великолѣпный рядъ картинъ, очерковъ, образовъ, лирическихъ мѣстъ. Таковъ «Евгеній Онѣгинъ», любимое дитя фантазіи Пушкина, и дѣйствительно самое полное выраженіе всѣхъ особенностей его генія; такой же характеръ имѣютъ «Русланъ и Людмила», «Полтава». Либо вся поэма представляетъ собою одно какое либо положеніе, богато обставленное разнообразными подробностями. Таковы: «Кавказскій Плѣнникъ», «Бахчисарайскій Фонтанъ», «Цыганы», «Мѣдный Всадникъ», и пр. Либо поэтъ, замысливъ цѣлое, остается при началѣ или при какомъ нибудь отрывкѣ изъ замышленаго повѣствованія; замыселъ не развивается, и поэтъ останавливается на какомъ либо моментѣ, который болѣе и сильнѣе всего прочаго занялъ его мысль: таковы всѣ эти отрывки или начала поэмъ, которыхъ такъ много у Пушкина; сюда относятся «Галубъ», отрывокъ или два отрывка, которые стòятъ многихъ цѣлыхъ поэмъ по удивительной художественности образовъ и стиха; превосходная піеса, называемая въ изданіяхъ «Началомъ поэмы» («Стамбулъ гяуры нынѣ славятъ») и пр.

Въ прозаическихъ повѣстяхъ своихъ Пушкинъ какъ бы превозмогаетъ эту особенность своей природы и пробуетъ вести связный разказъ отъ начала до конца; но дарованіе его падаетъ подъ этимъ усиліемъ. Разказы его, по большей части, вялы и безцвѣтны. Кто чтò ни говори о красотахъ «Повѣстей Бѣлкина», мы съ своей стороны не видимъ въ нихъ большаго достоинства; это простые разказы, не отличающіеся даже и внѣшнею занимательностію. Хвалятъ въ нихъ языкъ; дѣйствительно, языкъ въ нихъ гладокъ, чистъ и правиленъ, свободенъ отъ реторики: но что это за качества, когда рѣчь идетъ о произведеніяхъ такого таланта, какъ Пушкинъ? Выше «Повѣстей Бѣлкина» разказы: «Дубровскій» и «Пиковая дама»; но особеннаго достоинства, признаемся, не видимъ мы и въ этихъ разказахъ. Фигура Германа, въ послѣднемъ, набросана бойко, но имѣетъ только достоинство эскиза; вся повѣсть представляетъ два-три интересныя положенія, и только. Намъ кажется, что сюжетъ этой повѣсти много бы выигралъ,

еслибъ Пушкинъ изложилъ его не въ прозѣ, а въ стихахъ. Только въ мѣрной рѣчи нашъ художникъ умѣлъ творчески выражать самыя живыя особенности чувства; только увлекаясь мѣрнымъ движенiемъ слова, мысль его выражалась откровенно, только въ стихѣ освобождалась она отъ какой-то стыдливости, отъ какой-то сжатости и холодности. Пушкину, который такъ много черпалъ изъ тайниковъ собственнаго сердца и изъ опыта жизни, Пушкину была особенно нужна искусственная форма стиха. Какъ оркестръ и рядъ лампъ отдѣляютъ въ театрѣ сцену отъ зрителей, такъ рядъ риѳмъ и музыкальность стиха ставятъ поэта въ нѣкоторое разобщенiе съ дѣйствительностiю; мысль его отдѣляется отъ неволи жизни и возносится на ту идеальную высоту, съ которой свободнѣе можетъ она обращаться къ явленiямъ жизни и извлекать изъ нихъ языкъ страсти, боли и радости. Такъ сценическiй художникъ, съ удивительною силою страсти, съ поразительною истиною всѣхъ ея оттѣнковъ дѣйствующiй подъ мантiею героя, является, сошедши со сцены, самымъ простымъ и нерѣдко самымъ прозаическимъ смертнымъ. Чтобы представить какое либо душевное движенiе, художнику нужно имѣть въ собственной душѣ, въ исторiи своего сердца, элементы этого движенiя, и творчество его состоитъ въ томъ, чтобы приводить эти элементы въ такiя сочетанiя, какiя требуются идеею представляемаго характера и положенiя. Пушкинъ не любилъ касаться этихъ внутреннихъ струнъ, иначе какъ въ оградѣ стиха. По свойству его природы, чувствованiя, хранившiяся въ его душѣ, какъ результаты личнаго опыта, все извѣданное и пережитое имъ въ собственномъ сердцѣ не легко переносилось въ новыя сочетанiя, не легко входило въ составъ новыхъ творческихъ образованiй. Быль сердца по большей части восходила у него къ своему прямому выраженiю. Все въ ней оставалось какъ бы на своемъ мѣстѣ, и восходя изъ жизни въ поэтическое представленiе, только очищалось отъ всего посторонняго и несущественнаго. Вотъ почему Пушкина можно назвать по преимуществу поэтомъ лирическимъ. Но никакъ нельзя сказать, чтобъ Пушкинъ въ своихъ произведенiяхъ изображалъ только самого себя. Онъ могъ уловлять жизнь въ самыхъ разнообразныхъ проявленiяхъ, и даже въ проявленiяхъ совершенно чуждыхъ ему лично; но образъ, возникавшiй въ его фантазiи, удовлетворялъ его своимъ мгновеннымъ появленiемъ, и онъ не развивалъ схваченнаго момента.

«Капитанская Дочка» составляетъ блистательное исключеніе изъ повѣствовательной прозы Пушкина. Въ этой повѣсти есть развитіе, цѣлость и много прекраснаго. Занятіе матеріялами для исторіи Пугачевскаго бунта не осталось въ Пушкинѣ безплоднымъ. «Капитанская Дочка» несравненно болѣе знакомитъ насъ съ эпохою, мѣстами и характеромъ лицъ и событій, нежели самая исторія Пугачевскаго бунта, написанная Пушкинымъ. Удивительная вѣрность изображеній была новостію въ нашей литературѣ. Послѣ «Бориса Годунова» повѣсть эта явилась новымъ доказательствомъ способности Пушкина возсозидать бытъ прошедшихъ временъ. Но и здѣсь главное достоинство все же заключается не въ развитіи цѣлаго, а въ подробностяхъ и отдѣльныхъ положеніяхъ. Образъ Пугачева намѣченъ мастерски: это одна изъ самыхъ цѣльныхъ характеристикъ у Пушкина. Прочія лица въ этой повѣсти: сама героиня, ея отецъ и мать, Савельичъ, также хороши по замыслу и по исполненію. Но какъ ни сильно поддерживало, какъ ни возбуждало производительную силу повѣствователя обиліе матеріяловъ, изъ которыхъ выработанъ этотъ разказъ, оно не могло однако вполнѣ замѣнить то, чего недоставало самой природѣ его дарованія. И «Капитанская Дочка», изобильная прекрасными частностями, не составляетъ опредѣленнаго и сильно организованнаго цѣлаго. Въ разказѣ нельзя не замѣтить той же самой сухости, которою страдаютъ всѣ произаическіе опыты Пушкина. Изображенія либо слишкомъ мелки, либо слишкомъ суммарны, слишкомъ общи. И здѣсь также мы не замѣчаемъ тѣхъ сильныхъ очертаній, которыя даютъ вамъ живаго человѣка, или изображаютъ многосложную связь явленій жизни и быта.

Не одно природное свойство дарованія Пушкина было виною указаннаго недостатка въ его произведеніяхъ; виною тому, конечно, было также и недостаточное развитіе умственныхъ и нравственныхъ интересовъ въ общественномъ сознаніи, котораго органомъ былъ Пушкинъ. Чтобы постигать многообразіе жизни, надобно обладать обширною и богатою системою воззрѣній. Каждая сторона жизни требуетъ особаго воззрѣнія и особаго интереса. Что бы ни происходило въ насъ и вокругъ насъ, все пропадетъ даромъ для нашего разумѣнія, если въ насъ не окажется замѣчающихъ, наблюдающихъ, постигающихъ понятій. Весьма есте-

ственно, что у Пушкина такъ часто, или лучше сказать почти всегда, обрывалась нить развитія въ изображеніяхъ: обрывался интересъ, изсякало вдохновеніе, недоставало понятій, чтобъ слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ дѣла.

Есть у Пушкина одно стихотвореніе, въ которомъ случайно, но очень вѣрно и очень живо, характеризуется замѣченная нами особенность его дарованія. Мы разумѣемъ превосходное стихотвореніе «Осень», написанное имъ въ 1830 году, въ самую зрѣлую эпоху его развитія (1). Обрисовавъ живыми чертами времена года и свою любимую осень, въ которую онъ чувствовалъ всегда съ особенною силою призывъ къ творчеству, поэтъ изображаетъ свое состояніе въ эти минуты, которымъ мы обязаны его произведеніями.

Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ, и звучитъ, и ищетъ какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ—
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И риѳмы легкія на встрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ
Минута, и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ.
Но чу... матросы вдругъ кидаются, ползутъ,—
Вверхъ, внизъ—и паруса надулись вѣтра полны:
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.

Плыветъ.... кудажь намъ плыть?...

На этомъ стихѣ прерывается стихотвореніе, и этотъ видъ неоконченности еще усиливаетъ знаменательность образа. Все готово къ отплытію,—но куда плыть? Кажется, даны были всѣ условія для обширнаго и могущественнаго творчества, но что-то задерживало его развитіе. Насталъ мигъ вдохновенія, все живо заговорило въ душѣ поэта; но едва успѣла мысль его двинуться впередъ, какъ мигъ прошелъ, передъ нею безвѣстный путь; ничто не манитъ далѣе—плыть некуда, и мысль остается на прежнемъ мѣстѣ, въ ожиданіи новаго мгновенія, и тоже повторится,

(1) См. Соч. Пушкина Т. 2. стр. 517.

когда оно наступитъ. Блеснетъ мгновеніе, и изольется вдохновеннымъ словомъ; но оно исчезнетъ, не оставивъ поэту путеводной идеи для его воображенія.

VI.

Перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, развивался ли, и въ какой мѣрѣ развивался талантъ нашего поэта съ теченіемъ времени?

Появленіе «Руслана и Людмилы» поразило и привело всѣхъ въ неописанный восторгъ. Свѣжесть и свобода языка, юная, почти дѣтская безпечность и рѣзвость мысли, граціозные очерки, все дышало чѣмъ-то новымъ и неслыханнымъ. И теперь еще, перечитывая эту поэму, мы легко переносимся воображеніемъ въ первое время пушкинской поэзіи, легко поддаемся тому обаянію, какое должна была производить эта поэма на современное поколѣніе. Это обаяніе проснувшейся жизни не исчезло вмѣстѣ съ минутою появленія этой поэмы; она уноситъ его съ собою и въ потомство. Очень естественно, что Пушкина называли по преимуществу творцемъ «Руслана и Людмилы»: позднѣйшія болѣе зрѣлыя произведенія его не могли изгладить первое впечатлѣніе, произведенное имъ на общественное сознаніе. Содержаніе его ничтожно: это пустая сказка, ни на чемъ не основанная; герои не запечатлѣны никакимъ опредѣленнымъ характеромъ мѣста и времени, это какіе-то воздушные призраки. Внутренняго творчества въ ней нѣтъ; но есть творчество выраженія; въ ней слышится слово, которое вырвалось на вольный просторъ жизни; реченія и обороты языка являются здѣсь во всей чистотѣ и силѣ своей. Къ тѣмъ мысленнымъ движеніямъ, которыя вызываются ими въ читателѣ, не примѣшивается ничего искажающаго и стѣсняющаго ихъ раскрытіе. Эти движенія раскрываются съ тою непринужденностію и тою чистотою, на которыхъ основано чувство граціи и красоты. Чтобы на самомъ дѣлѣ почувствовать это значеніе новаго слова, полезно сличить языкъ «Руслана и Людмилы» съ старѣйшимъ произведеніемъ русской словесности, которое приближается къ нему по своему характеру и въ свое время пользовалось большою славою. Мы разумѣемъ «Душеньку» Богдановича. Нельзя не признать нѣкотораго достоинства и въ этой поэмѣ. Содержаніе, какъ

извѣстно, заимствованное Богдановичемъ изъ Лафонтена, лучше и интереснѣе содержанія «Руслана и Людмилы.» Но способъ выраженія въ поэмѣ Богдановича свидѣтельствуетъ еще о неустановившемся броженіи языка. Между этимъ словомъ и нашею мыслію нѣтъ прямой и живой связи. Часто воображеніе наше отказывается представить то, чего требуетъ это слово. Образъ, который по своему замыслу долженъ бы былъ раскрыться съ легкою и идеальною граціею, даетъ точно такъ же чувствоватъ себя, какъ чувствуется нами претензія полуобразованной женщины на грацію и прелесть манеръ. Малѣйшее уклоненіе отъ истинной нормы движенія производитъ на насъ непріятное впечатлѣніе и не только лишаетъ образъ поэтическаго очарованія, не только отнимаетъ у него силу дѣйствовать пріятно, но сообщаетъ ему силу дѣйствовать въ обратномъ отношеніи, въ смыслѣ противоположномъ его идеѣ. Передайте нѣкоторыя мѣста изъ поэмы Богдановича на какой нибудь иностранный языкъ, они могутъ производить пріятный эффектъ; но въ формахъ той русской рѣчи, какою писалъ Богдановичь, они дѣйствуетъ на насъ иначе, потому что эти формы возбуждаютъ въ нашей душѣ несоотвѣтственныя настроенія. Тамъ изъ-за Душеньки выглянетъ фигура подъячаго, здѣсь запахнетъ семинаріей, въ другомъ мѣстѣ вмѣсто Купидона невольно мерещится фризовая шинель. Здѣсь

— — — Хоръ пѣвицъ протяжистымъ маneромъ
Съ приличнымъ нѣкакимъ размѣромъ
Воспѣлъ стихи, возвысивъ тонъ,
Толико медленно, толико слуху внятно и т. д.

Тамъ:

Царевна, вышедши изъ бани наконецъ,
Со удовольствіемъ раскидывала взгляды
На выбранны для ней и платья и наряды,
И нѣкакой вѣнецъ.

Надобно имѣть слишкомъ сильную способность отвлеченія, чтобы, при чтеніи подобныхъ мѣстъ, удерживать воображеніе отъ разныхъ примѣсей, которыя ужь конечно не требуются сущностію представленія. Только благодаря такой способности можемъ мы вынести изъ чтенія бѣдную схему образа, отказавшись совершенно отъ всего, что̀ могло бы дать ему сколько нибудь жизни, сколько нибудь движенія и поэтической цѣнности.

Карамзинъ, Батюшковъ, Жуковскій вынесли изъ этихъ пучинъ русское слово и передали его Пушкину. Съ первыхъ шаговъ своихъ онъ достигъ уже того значенія, съ какимъ останется навсегда въ исторіи русской литературы. Лирическія піесы, относящіяся ко времени «Руслана и Людмилы» (1817—1820), соотвѣтствуютъ этой поэмѣ. Онѣ отличаются живостію и свѣжестію слова, но внутренняго, болѣе глубокаго значенія, они не имѣютъ, за исключеніемъ двухъ трехъ стихотвореній, относящихся къ послѣднимъ годамъ этой поры. Мы не можемъ не упомянуть здѣсь о прекрасной элегіи («Увы, зачѣмъ она блистаетъ!»), которая исполнена необыкновенной нѣжности, грустной и задумчивой нѣжности, такъ часто звучащей въ самыхъ зрѣлыхъ произведеніяхъ нашего поэта.

Отъ 1820 года, въ который Пушкинъ окончилъ «Руслана и Людмилу,» до 1825, слѣдуетъ рядъ поэмъ: «Кавказскій Плѣникъ», «Бахчисарайскій Фонтанъ,» «Цыганы,» первая глава «Евгенія Онѣгина», поэмъ, которыя, равно какъ и лирическія піесы, ихъ сопровождавшія, очевидно показываютъ постепенность въ развитіи нашего поэта. Въ самомъ дѣлѣ это очевидно теперь для всякаго, благодаря умной заботливости издателя о хронологическомъ порядкѣ сочиненій (1).

Промежутокъ времени отъ 1820 по 1825 годъ имѣетъ, въ развитіи Пушкина, характеръ эпохи переходной. Дѣтская рѣзвость «Руслана и Людмилы» смѣняется порывами юношеской страстности, броженьемъ возбужденнаго чувства, туманностію мысли. Онъ плачетъ съ Кавказскимъ Плѣнникомъ, ревнуетъ съ Заремой, колобродитъ съ Алеко, жалуется на людей и жизнь, хандритъ и скучаетъ съ Онѣгинымъ. Въ лирикѣ его слышатся уже звуки души, начавшей жить; стихъ становится выразительнѣе и сильнѣе; творческая сила обнаруживается не въ одной прелести выраженія, но и въ замыслѣ. Отъ сказачнаго міра, отъ игры воображенія, мысль его все болѣе и болѣе обращается къ дѣйствительности, по временамъ задумывается надъ ея явленіями, старается схватить ихъ и постигнуть ихъ значеніе. Здѣсь уже обозна-

---

(1) Впрочемъ, нѣкоторые пункты въ этомъ отношеніи остаются не достаточно объясненными, и съ нѣкоторыми заключеніями почтеннаго издателя нельзя вполнѣ согласиться.

чаются главныя черты его характера и генія, и чѣмъ далѣе, тѣмъ явственнѣе. Многія изъ мелкихъ піесъ этого времени, особенно изъ относящихся къ 1824 году, запечатлѣны истинною поэзіей и приближаются къ зрѣлой порѣ его музы. Въ его душѣ слышатся уже вѣщія струны, которыя отзываются на явленія природы и жизни. Видимыми предметами возбуждаются въ немъ тѣ думы, которыя въ поэтической душѣ звучатъ отголоскомъ внутренней сущности предмета. Какъ сердце подаетъ вѣсть сердцу, такъ и душа природы сказывается въ душѣ поэта, сначала туманно и не внятно, но уже сказывается. Мало помалу пріобрѣтаетъ онъ власть надъ сердцами. Иногда посреди общаго мѣста, которое впрочемъ не было для него общимъ мѣстомъ, вдругъ прозвенитъ стихъ, исполненный живой силы, которая никогда не утратитъ своего дѣйствія. У поэта уже есть прошедшее. Онъ вспоминаетъ о первыхъ годахъ своей юности, о первыхъ впечатлѣніяхъ, о первыхъ тревогахъ своей души. Онъ вспоминаетъ какъ въ ту раннюю пору посѣщало его вдохновеніе, и какъ впервые почувствовалъ онъ острое жало того искушающаго начала, которое льнетъ ко всему живому, и котораго не можетъ миновать никакое сильное развитіе.

Къ этому-то времени относится все, что̀ бывало говорилось о подражательности пушкинской поэзіи; сюда относятся тѣ байроническія вліянія, которыя въ ней обыкновенно отыскивались. Собственно говоря, Пушкинъ никогда не былъ подражателемъ; это природа въ высшей степени оригинальная. Характеръ подражательности, который замѣчали въ его менѣе зрѣлыхъ произведеніяхъ, есть не столько подражательность, сколько эта относительная незрѣлость, и объясняется съ одной стороны молодостью литературы, въ которой дѣйствовалъ Пушкинъ, съ другой—просто физіологическою причиною, молодостію самого поэта. Подражательность такъ мало свойственна его природѣ, что всему чужому, чего касалась его мысль, давалъ онъ совершенно новое значеніе и новый видъ. Онъ никогда не могъ быть прелагателемъ чужой мысли; всегда возбуждала она въ немъ самостоятельное творчество, изъ котораго выходило нѣчто другое, совершенно оригинальное. Вспомнимъ его позднѣйшія подражанія Данту, мнимыя заимствованія изъ англійскихъ поэтовъ, подражанія и заимствованія, принадлежащія къ самымъ оригинальнымъ произведеніямъ

Пушкина. Конечно, въ эту переходную пору своего развитія, Пушкинъ не могъ не подчиниться вліянію того мрачнаго и могущественнаго британскаго генія, который господствовалъ тогда надъ умами, «властителя думъ» тогдашняго поколѣнія. Но вліяніе Байрона на нашего поэта вовсе не было такъ глубоко; оно только возбуждало его, а вовсе не сообщало направленія его развитію. Въ Пушкинѣ нѣтъ и слѣдовъ той непреклонной демонической гордости, которою дышатъ байроновскіе герои. Въ «Кавказскомъ Плѣникѣ» и «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» вліяніе Байрона ограничивается самымъ общимъ возбужденіемъ и лишь внѣшнею стороною; кое гдѣ встрѣчаются нѣкоторыя техническія заимствованія. Болѣе напоминаетъ байроновскихъ героевъ Алеко: это у Пушкина единственный характеръ, въ которомъ чувствуется существенное вліяніе британскаго поэта. Но этимъ произведеніемъ Пушкинъ навсегда отдѣлался отъ Байрона, и уже въ первой пѣсни «Евгенія Онѣгина» слышатся только слабые отзывы его вліянія. Здѣсь Пушкинъ уже на своей почвѣ, и въ неустановившемся броженіи его мысли оказываются уже твердыя точки.

Эти поэмы носятъ на себѣ всѣ признаки переходнаго времени. Внутренняго, безотносительнаго достоинства, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, особенно въ «Цыганахъ», они не имѣютъ. Если мы спросимъ себя, чего именно недостаетъ имъ, то легко найдемъ, что имъ недостаетъ высшаго условія художественности: индивидуальности изображеній. Лица этихъ поэмъ еще какъ бы скрываются позади поэта, и передъ взорами его ложатся только тѣни отъ нихъ. Геній поэта не пріобрѣлъ еще столько творческой силы, чтобы давать образъ своимъ ощущеніямъ. Въ подобныхъ произведеніяхъ поэзіи часто видятъ преобладаніе внутренняго надъ внѣшнимъ, и называютъ ихъ субъективными; но, собственно говоря, въ подобныхъ произведеніяхъ столь же мало преобладаетъ сила внутренняго, сколько въ произведеніяхъ по истинѣ художественныхъ преобладаетъ внѣшнее надъ внутреннимъ. Сила внутренняго выражается не въ чемъ иномъ какъ въ организаціи внѣшняго; чѣмъ глубже и сильнѣе внутреннее, тѣмъ явственнѣе образъ его проявленія. Въ произведеніяхъ незрѣлыхъ именно внутреннему недостаетъ силы; это-то внутреннее въ нихъ слабо и незначительно. Какъ въ жизни чувство, не переходящее въ дѣло, есть чув-

ство не глубокое и незрѣлое; такъ и въ искусствѣ, представленіе, не имѣющее явственной организаціи, есть представленіе слабое и не зрѣлое. Чѣмъ выше стоитъ созерцающая мысль, тѣмъ опредѣленнѣе созерцаніе. Въ произведеніяхъ переходной эпохи развитія Пушкина, внутреннее зрѣніе не обнимаетъ своихъ предметовъ, а теряется въ ихъ неопредѣленности. Но слѣдуя художественному порядку происхожденія этихъ поэмъ, мы не можемъ не замѣтить, какъ творческая сила поэта постепенно крѣпнетъ и овладѣваетъ предметомъ. Образы «Бахчисарайскаго Фонтана» явственнѣе нежели «Кавказскаго Плѣнника»; чувствованія высказываются опредѣленнѣе и точнѣе, положенія обрисовываются живѣе. Въ «Цыганахъ» и въ первыхъ главахъ «Евгенія Онѣгина» видимъ еще бо́льшую зрѣлость представленія. Мысль въ этихъ произведеніяхъ очевидно свободнѣе и зорче; изъ тумана и мерцанія выдѣляются болѣе рѣшительныя линіи и болѣе явственные очерки, опредѣленнѣе обозначаются внѣшнія отношенія, и по мѣрѣ того ощутительнѣе сказывается внутреннее.

Въ фантазіи поэта уже зараждаются начатки произведеній, которыя раскрываются пышнымъ цвѣтомъ въ зрѣлую пору его развитія.

Первымъ начаткамъ самостоятельнаго творчества русской мысли соотвѣтствуютъ, далеко не такъ цѣнные, начатки современной Пушкину жизни, какъ она отразилась въ его первыхъ произведеніяхъ. Герои этихъ поэмъ представляютъ собою только-что пробудившуюся потребность жить собственнымъ сердцемъ и умомъ; они хотятъ держаться на своихъ ногахъ, быть нравственными единицами, но остаются еще при самыхъ скудныхъ элементахъ сознанія. Слишкомъ мало въ нихъ нравственныхъ силъ и положительныхъ началъ для самостоятельности, слишкомъ еще слабо держатся они на своихъ ногахъ и слишкомъ тѣсенъ кружокъ, въ которомъ они учатся ходить. Возбужденность въ нихъ сильная, но употребленіе ея слишкомъ ничтожное. Личность человѣческая тѣмъ самостоятельнѣе, чѣмъ меньше занята собою и чѣмъ болѣе отражаетъ въ себѣ великій всеобщій міръ, а эти господа только лишь и заняты собою. Они вышли изъ сплошной массы, они е хотятъ быть кирпичами, связанными чьею-то рукою въ какихъ-то постройкахъ, они хотятъ быть сами по себѣ, и все-таки остают-

ся тѣми же кирпичами, только сваленными въ несвязную кучу. Пушкинъ отличаетъ себя отъ Онѣгина:

Всегда я радъ замѣтить разность
Между Онѣгинымъ и мной,

Чтобы, продолжаетъ поэтъ, не подумали,

Что намаралъ я свой портретъ,
Какъ Байронъ, гордости поэтъ...

Но въ то же время поэтъ сознается въ своей близости къ тому же Онѣгину. Они пріятели и живутъ въ одной сферѣ.

Страстей игру мы знали оба,
Томила жизнь обоихъ насъ
Въ обоихъ сердца жаръ погасъ,
Обоихъ ожидала злоба
Слѣпой фортуны и людей
На самомъ утрѣ нашихъ дней.

Но надъ уровнемъ людей, къ которымъ болѣе или менѣе принадлежалъ самъ Пушкинъ, онъ возвышался своимъ высокимъ даромъ и историческимъ призваніемъ, возвышался надъ ними тѣмъ, что̀ по ложному стыду старался прятать подалѣе и прикрывать свѣтскимъ безличіемъ. Въ зрѣлую пору своей жизни Пушкинъ, кажется, освободился отъ этого ложнаго стыда, впрочемъ весьма естественнаго въ прежнее время, когда общество смотрѣло на литератора съ любопытствомъ, какъ на исключительное и нѣсколько странное явленіе,—когда человѣку, писавшему стихи, нельзя было показаться въ гостиную, чтобъ его не попросили продекламировать какое нибудь новое произведеніе его музы,—когда такому человѣку нельзя было задуматься, чтобы прелестныя уста не обратились къ нему съ вопросомъ: A quoi rêvez-vous, o poête?

Въ герояхъ первыхъ поэмъ Пушкина, взятыхъ изъ жизни, не могло быть никакихъ нравственныхъ столкновеній; въ нихъ, кромѣ смутно пробудившейся потребности жить и чувствовать, нѣтъ болѣе ничего; сердечнымъ влеченіямъ въ нихъ не съ чѣмъ столкнуться, не съ чѣмъ помѣряться, кромѣ развѣ «слѣпой фортуны». Кавказскій плѣнникъ плачетъ надъ воспоминаніями обманувшей его любви и страдаетъ, что не можетъ увлечься новою страстію. Алеко бѣжитъ изъ города въ степь, отъ «мучительныхъ сновъ сердца» въ цыганскій таборъ, тамъ ищетъ свободы отъ страстей, но ув-

лекается новыми страстями и возмущаетъ не очень завидный міръ цыганской вольности. Что бы такое могло изъ него выйдти, право не знаемъ. Онѣгинъ—праздношатающійся и скучающій чудакъ, который однимъ только серіозно занятъ — наукой любви, и по увѣренію поэта, достигъ въ ней глубокой премудрости; пустой фатъ, а впрочемъ добрый малый, изъ котораго могло бы выйдти что нибудь и болѣе путное, чего ужь никакъ нельзя сказать о преемникѣ его, Печоринѣ. Онѣгинъ еще только можетъ быть Печоринымъ, но можетъ быть и чѣмъ нибудь другимъ, а въ героѣ Лермонтова вполнѣ назрѣло нравственное ничтожество и загрубѣло въ непроницаемомъ эгоизмѣ.

Съ 1825 года начинается зрѣлая пора Пушкина, въ которую постепенно вырабатывались и являлись на свѣтъ произведенія, составляющія его истинную славу: «Полтава», послѣдующія пѣсни «Евгенія Онѣгина», изъ коихъ вторая была написана въ 1825—1826, а послѣдняя (восьмая) въ 1830; «Борисъ Годуновъ», давно уже замышленный, но получившій окончательный свой видъ только въ 1830 году, въ который были написаны и всѣ прочія произведенія драматической формы, кромѣ «Русалки», которая произошла позднѣе (1832); далѣе поэмы «Галубъ» (1829) и «Мѣдный Всадникъ» (1833); наконецъ, рядомъ съ этими болѣе или менѣе обширными произведеніями, самыя благоуханныя цвѣтки пушкинской лирики, небольшія піески, стоящія цѣлыхъ поэмъ, удивительныя по своей глубинѣ, силѣ и художественному совершенству.

Вотъ здѣсь-то мы встрѣчаемъ истиннаго Пушкина, въ этихъ-то произведеніяхъ раскрылись всѣ особенности его природы и генія! Окончательное сужденіе о Пушкинѣ должно основываться на произведеніяхъ этой эпохи.

Прежде всего будемъ отвѣчать на вопросъ, въ чемъ заключается дальнѣйшее развитіе поэзіи Пушкина, въ чемъ выражается зрѣлость его творческой силы? Не много надобно вглядываться въ произведенія этой эпохи, чтобы усмотрѣть, какъ русская мысль, въ лицѣ Пушкина, пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе силы для постиженія дѣйствительности, какъ становится она способною воспроизводить истину явленій души и жизни. Колеблющіяся фантастическія тѣни изчезаютъ и смѣняются ясностію дѣйствительнаго міра, чувство поэта собирается изъ неопредѣленныхъ

настроеній, сосредоточивается, крѣпнетъ и ростетъ въ глубину. Выраженіе достигаетъ необыкновенной силы и высочайшей художественной точности, которая столько же составляетъ необходимое условіе искусства, сколько и науки. Истинная поэзія должна столько же отличаться своего рода точностію, какъ и математика; вся сила поэзіи основана на этомъ качествѣ, повидимому вовсе не поэтическомъ. Точность поэтическаго выраженія заключается въ томъ, что оно производитъ то, а не другое впечатлѣніе, и производитъ его во всей чистотѣ и силѣ.

Въ «Полтавѣ» и въ «Борисѣ Годуновѣ» Пушкинъ касается исторіи. Мы не знаемъ съ точностію, которое изъ этихъ двухъ произведеній позднѣе по времени. Хотя, по указанію г. Анненкова, «Борисъ Годуновъ» замышленъ былъ поэтомъ еще въ 1824 году, и написанъ въ 1825; но извѣстно также, что это произведеніе было предметомъ долгихъ и усиленныхъ думъ, подвергалось передѣлкамъ, и только въ 1831 году увидѣло свѣтъ. «Полтава» была начата и окончена въ продолженіе одного мѣсяца, въ 1828 году. Поэма эта, по языку и въ частностяхъ изображенія, замѣчательна всею силою созрѣвшаго человѣка и созрѣвшаго дарованія. Стихъ здѣсь творитъ чудеса. Но въ цѣломъ это одно изъ слабѣйшихъ произведеній зрѣлой поры Пушкина. Собственно историческая часть поэмы зыбка, и не отличается еще тѣмъ спокойствіемъ воззрѣнія, которое необходимо въ произведеніяхъ этого рода. Битва блещетъ яркими красками, но не производитъ глубокаго историческаго впечатлѣнія. Изображеніе Петра исполнено страстнаго лирическаго движенія, но представляетъ мало опредѣленныхъ очертаній. Фигура Карла обозначена, говоря эстетическимъ терминомъ, объективнѣе. Поэтъ смотритъ на него съ бо́льшимъ спокойствіемъ. Что же касается до Мазепы, играющаго главную роль въ поэмѣ, то изображенію его сильно вредитъ нѣсколько мелодраматическій тонъ романа, который разыгрывается на исторической основѣ произведенія, но мало вяжется съ нею и отнимаетъ у ней главный интересъ поэмы. Взятый отвлеченно отъ своего историческаго значенія, этотъ образъ коварнаго и обаятельнаго старика, умѣвшаго внушить къ себѣ страстную любовь въ своей крестницѣ, мѣстами исполненъ художественной правды и запечатлѣнъ превосходными стихами. Кочубей, жена его, тоже довольно блѣдные какъ историческія лица, даютъ поэту поводъ изобразить

мастерскими чертами нѣкоторыя положенія. Какая сила въ выраженіи негодованія Кочубея на губителя его дочери! Позднѣйшія произведенія Пушкина не превзойдутъ силою стиха ни этого, ни многихъ другихъ мѣстъ «Полтавы». Далѣе въ этомъ отношеніи идти невозможно. Образъ Маріи прекрасенъ; страсть ея къ Мазепѣ, не смотря на свою неестественность, не лишена психологической правды. Ея объясненія съ Мазепой, во второй пѣсни, исполнены драматическаго движенія. Это совершенно особая сцена, которая отличается всѣми красотами драматическихъ сценъ, написанныхъ Пушкинымъ въ 1830 году.

Въ «Борисѣ Годуновѣ» Пушкинъ совершенно освобождается отъ лирическихъ увлеченій, и обнаруживаетъ высшее творчество въ изображеніи отдаленнаго историческаго времени.

Никто еще не воскрешалъ у насъ съ такою истиною, въ поэтическомъ представленіи, образы давней жизни нашего отечества. Пушкину ставятъ въ укоръ относительно Бориса Годунова, что онъ черпалъ духъ и краски этого произведенія не изъ первыхъ источниковъ, а изъ исторіи Карамзина, что онъ смотрѣлъ на древнюю Русь сквозь чуждую призму, что вслѣдствіе этого онъ внесъ въ ту жизнь какую-то торжественность и пышность, ей не свойственныя. Укоръ этотъ, сколько намъ помнится, впервые произнесенъ былъ въ «Московскомъ Телеграфѣ»; съ тѣхъ поръ онъ пошелъ въ ходъ и сталъ общимъ мѣстомъ критики. Всегда, какъ только рѣчь зайдетъ о «Борисѣ Годуновѣ», непремѣнно заговорятъ о Карамзинѣ. Но первый источникъ этого важнаго критическаго замѣчанія, переходящаго изъ устъ въ уста, былъ данъ самимъ же Пушкинымъ. Не посвяти Пушкинъ своего произведенія памяти Карамзина, не скажи, что произведеніе это есть трудъ, вдохновенный его геніемъ, критикъ «Телеграфа», ратовавшій въ то время противъ Исторіи Карамзина, можетъ быть и не подумалъ бы объ этомъ обстоятельствѣ. Но это посвященіе дало тему и пищу для критики: не входя во внутренній разборъ произведенія, критикъ могъ уже съ легкою совѣстью развивать мысли, возбужденныя заглавною страницею книги. Само собою казалось яснымъ, что «Борисъ Годуновъ» есть трудъ пропащій, что «Борисъ Годуновъ»—несчастная ошибка таланта, что въ немъ нѣтъ исторической правды. Нельзя не согласиться, что самостоятельное занятіе Пушкина историческими матеріялами, самими актами про-

шедшей жизни, могло бы быть весьма плодотворно. Его высокое художественное чувство вынесло бы оттуда много свѣжихъ красокъ, много удивительныхъ образовъ. Но мы не думаемъ, чтобы посредство Карамзина чѣмъ-нибудь существенно повредило исторической правдѣ произведенія Пушкина. Допустимъ, что образъ самого Годунова можетъ быть не совсѣмъ вѣренъ подлиннику; но исторія не сказала еще своего послѣдняго слова объ этомъ лицѣ, и многія относящіяся къ нему обстоятельства еще недостаточно объяснены. Если же характеръ этого лица у Пушкина не представляетъ полнаго драматическаго развитія, то въ этомъ надобно винить не какое либо постороннее вліяніе, а самое свойство дарованія Пушкина, замѣченное нами выше. Точно то же должны мы сказать и о прочихъ лицахъ этой драмы: развитія нѣтъ ни въ одномъ, и каждое является въ отдѣльныхъ сценахъ съ какою либо уже данною, уже готовою стороною своего нравственнаго или общественнаго положенія. Выше замѣчено, что не въ обычаѣ, не въ интересѣ нашего поэта слѣдить за постепеннымъ раскрытіемъ дѣла, слагать постепенно зиждительные элементы характеровъ и событій; онъ бралъ дѣло въ полнотѣ его однократнаго проявленія, въ раздѣльные его моменты. Каждый даръ имѣетъ свою особенность: этимъ недостаткомъ и этимъ свойствомъ опредѣляется, по нашему мнѣнію, особенность Пушкина. Возвращаясь къ «Борису Годунову», смѣло повторимъ высказанное уже нами мнѣніе о достоинствѣ этого произведенія: оно представляетъ вѣрное художественное воспроизведеніе древней Руси въ ея главныхъ типическихъ чертахъ. Въ этомъ отношеніи «Борисъ Годуновъ» далеко еще не оцѣненъ по своему достоинству и, прибавимъ, по своему значенію въ нашей литературѣ. Это произведеніе возникло въ ту пору, когда у насъ ни въ обществѣ, ни въ литературѣ, не поднимался еще вопросъ о древней русской жизни, о коренныхъ ея началахъ, не слышалось еще жалобъ на разобщенность новой русской жизни съ ея прошедшимъ. Пушкинъ не могъ предусматривать всѣхъ этихъ толковъ и споровъ, и мысль его, обращаясь къ прошедшему, могла сохранять то спокойствіе и ту свободу воззрѣнія, которыя столь же необходимы художнику, какъ и мыслителю или историку. Въ сценахъ своихъ онъ ничего не хочетъ доказывать, онъ только изображаетъ. Художественная истина этого изображенія состоитъ не въ подробностяхъ обстановки,

не въ обозначенiи внѣшнихъ примѣтъ быта, а въ постиженiи внутреннихъ основъ его, въ воспроизведенiи духа явленiй, который порождалъ ихъ существенныя черты. Въ произведенiи Пушкина мы чувствуемъ какъ древняя Русь неуклонно шла своимъ путемъ, какъ мало было въ ней самой существенныхъ побужденiй отрекаться отъ дальнѣйшаго хода, какъ глубоко напротивъ таилась въ ней потребность обновленiя. Но съ тѣмъ вмѣстѣ мы не чувствуемъ въ этихъ изображенiяхъ никакого отрицающаго дѣйствiя со стороны поэта, никакого желанiя представить внѣшнимъ образомъ недостатки или несостоятельность стараго быта. Потребность перехода является здѣсь какъ положительное начало самой жизни стараго времени.

Спросимъ себя, которое изъ типическихъ лицъ того времени, какъ они представлены у Пушкина, заключаетъ въ себѣ что либо враждебное этому переходу, которое изъ лицъ выражаетъ собою начало упора и сопротивленiя? Конечно, не этотъ смиренный старецъ, который въ тиши своей кельи, въ краткiе досуги отъ молитвы, пишетъ свои правдивыя сказанья; этотъ старецъ, отрекшiйся отъ мiра, но совершающiй для него скромное, безвѣстное, но благое дѣло? Перечтите эту сцену въ кельи Чудова монастыря, признанную за одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ цѣлаго произведенiя, прислушайтесь снова къ рѣчамъ добраго отшельника, къ этимъ рѣчамъ, которыя запечатлѣны всею силою художественной правды: нѣтъ, здѣсь такъ много мягкосердечiя и простоты! нѣтъ, отсюда не можетъ выйдти духъ сопротивленiя, и мысль отсюда легко обращается къ будущему и довѣрчиво предается влекущей силѣ, въ немъ заключенной. Другимъ характеромъ запечатлѣны слѣдующiя за нею сцены.

Но войдемъ въ царскiя палаты. Отдѣлимъ въ Борисѣ Годуновѣ то, что̀ придано ему его личнымъ положенiемъ, внутреннею неправдою его власти, неправдою, изъ которой раждается династическое своекорыстiе, — отдѣлимъ этотъ страхъ и трепетъ за себя передъ глухимъ ропотомъ народнаго мнѣнiя и самозванства, отдѣлимъ также оцѣпенѣлость полувосточныхъ завѣщанныхъ формъ, все, что̀ такъ вѣрно выражено Пушкинымъ, не смотря на пышность и нѣкоторую торжественность этого выраженiя, вовсе впрочемъ не чуждыя предмету, и въ основныхъ краскахъ своихъ и въ общемъ впечатлѣнiи, еще болѣе возвышающiя худо-

жественную вѣрность изображенія, и посмотримъ, что останется въ царственной мысли. Всѣ, вѣроятно, помнятъ прекрасную сцену Бориса въ своемъ семействѣ, кроткій образъ Ксеніи, обозначенный столь немногими, но столь поэтическими чертами, и разговоръ царя съ своимъ сыномъ.

А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? это что?

Чертежъ земли Московской, наше царство
Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,
Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море,
А вотъ Сибирь.

А это что такое
Узоромъ здѣсь віется?

Это Волга.

Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья!
Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣть
Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.
Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни.

. . . .

Учись, мой сынъ, и легче и яснѣе
Державный трудъ ты будешь постигать.

Истина изображенія здѣсь такъ живо, такъ гласно говоритъ сама за себя, что не требуетъ исторической повѣрки. Эти слова дышатъ всею особенностію жизни и духа времени.

Вотъ еще другое мѣсто. Недовольный своими боярами и воеводами, царь обращается къ Басманову:

. . . . . . я ими недоволенъ;
Пошлю тебя начальствовать надъ ними:
Не родъ, а умъ поставлю въ воеводы;
Пускай ихъ спѣсь о мѣстничествѣ тужитъ:
Пора пресѣчь мнѣ ропотъ знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

Ахъ, Государь, стократъ благословенъ
Тотъ будетъ день, когда разрядны книги
Съ раздорами, съ гордыней родословной
Пожретъ огонь.

День этотъ недалекъ...

День этотъ, какъ мы знаемъ, насталъ, и вскорѣ за нимъ наставали другіе дни, въ которые тотъ же огонь пожиралъ ограды невѣже-

ства и народной исключительности. И только изъ этихъ оградъ, а не изъ существенныхъ началъ, не изъ духа жизни происходило сопротивленіе дѣлу обновленія, протестъ противъ сближенія народовъ, противъ великаго дѣла исторіи, возводящаго всѣ отношенія и формы въ человѣческомъ мірѣ къ ихъ чистотѣ, къ ихъ разуму и къ несомнѣнной опредѣленности. Въ произведеніи Пушкина мы можемъ какъ бы предчувствовать, что когда придетъ часъ перехода—будетъ упоръ, но упоръ со стороны оцѣпенѣлаго и помертвѣвшаго обычая, упоръ со стороны звенящей мѣди и бряцающихъ кимваловъ, со стороны хранителей формы и ревнителей обрядности. Все по истинѣ живое и плодотворное должно было перейдти; осталось позади лишь внутренне-мертвое и негодное.

Вотъ что значитъ художественное изображеніе! Еслибъ Пушкинъ старался проводить въ своихъ очеркахъ древне-русской жизни какую либо мысль, если бы онъ хотѣлъ въ нихъ что либо доказывать, то исчезла бы истина изображенія, мы получили бы не истину жизни, а вовсе можетъ быть не нужное намъ мнѣніе Пушкина, мы получили бы ложь и относительно искусства и относительно дѣйствительности. Раздалось бы только лишнее горячее слово въ спорѣ, и только. Художнику болѣе всего нужно высокое безпристрастіе истины или, какъ мы выразились выше, свобода воззрѣнія. Первымъ признакомъ произведенія не-художественнаго было бы желаніе автора высказать прямо какія нибудь мысли. Лица являлись бы на сцену и высказывали бы эти мысли, высказывали бы можетъ быть очень хорошо, очень живо и увлекательно; но мысли, высказываемыя не въ логическомъ развитіи, могли бы только оглушить, увлечь васъ слѣпо, а внутренняго, въ васъ самихъ происходящаго процесса убѣжденія, никакъ не могли бы онѣ произвести. Между тѣмъ художникъ не только не навязываетъ вамъ какихъ либо готовыхъ мыслей, но и не подводитъ васъ хитро подъ ихъ вліяніе, особою, сообразною съ какими нибудь посторонними цѣлями, постановкою сцены; онъ только приближаетъ къ вашему разумѣнію сущность предмета и побуждаетъ васъ изображеніемъ дѣла дойдти до скрытыхъ въ немъ идей, заставляетъ васъ самихъ домыслиться до нихъ. Вамъ не сообщаются готовыя убѣжденія, вамъ сообщаются элементы для убѣжденія. Пименъ въ «Борисѣ Годуновѣ» ничего не говоритъ и не можетъ говорить ни въ пользу, ни противъ историческаго развитія

и общественнаго преобразованія; его сознаніе далеко отъ этихъ вопросовъ и вообще его жизнь не принадлежитъ міру; но въ немъ встрѣчаемъ мы духъ, который, чувствуемъ мы, никогда не озлобится противъ законнаго движенія міра, и который благословитъ всякое доброе дѣло, откуда бы оно ни исходило. Но очень вѣроятно, что братья Мисаилъ и Валаамъ, эти ханжи и лицемѣры, изображенныя Пушкинымъ съ неменьшею вѣрностію, стали бы, въ эпоху Петра, на сторонѣ противниковъ реформы.

Обзоръ всѣхъ произведеній зрѣлой поры Пушкина требуетъ особой статьи, которою мы и заключимъ наши замѣтки по поводу новаго изданія.

М. Катковъ.

О ПРОМЫШЛЕННЫХЪ ПРЕДПРІЯТІЯХЪ.

Traité théorique et pratique des entreprises industrielles commerciales et agricoles ou manuel des affaires, par J. G. Courcelle-Seneuil.—Paris. 1855. Теорія и практика предпріятій промышленныхъ, коммерческихъ и земледѣльческихъ, соч. Курсель-Сенёля.

Въ наше время говорить объ успѣхахъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ или объ обязанностяхъ лицъ, въ нихъ участвующихъ, то же что̀ было во времена давно минувшія говорить о побѣдахъ на блестящихъ турнирахъ и о долгѣ благороднаго рыцаря. Какъ ни далеко кажется разстояніе между великодушною доблестью средневѣковаго рыцаря и строгою расчетливостію и бережливостію хозяина промышленнаго предпріятія, но человѣчество прошло это разстояніе, и нынѣ съ тѣмъ же юношескимъ увлеченіемъ, съ тѣмъ же жаромъ первой любви толпятся люди вокругъ всемірныхъ рынковъ, какъ прежде толпились вокругъ всемірныхъ каруселей. Но какъ ни близки всѣмъ современнымъ интересамъ промышленныя предпріятія, какъ ни трепетны промышленныя надежды и ожиданія, весьма немногіе вникаютъ въ сущность промышленнаго дѣла, въ тѣ общія правила, которыя должны лежать въ его основаніи и служить руководствомъ для лица, имъ распоряжающагося,—для хозяина предпріятія (entrepreneur).

Всякую дѣятельность человѣка, стремящуюся къ какой нибудь цѣли и употребляющую всѣ зависящія отъ воли средства къ достиженію этой цѣли, можно назвать предпріятіемъ; но слово *промышленное предпріятіе* на общеупотребительномъ языкѣ выражаетъ рядъ такихъ именно дѣйствій, которыхъ прямая и явная цѣль —*пріобрѣтеніе большаго или меньшаго количества матеріяльнаго богатства*. Промышленное предпріятіе такая дѣятельность, которая производитъ какія либо цѣнности, предметы или услуги, удовлетворяющіе какимъ либо человѣческимъ потребностямъ, *для мѣны* ихъ, при существующихъ

условіяхъ, на другія цѣнности, предметы, или услуги, удовлетворяющія другимъ потребностямъ, или на тѣ всеобщія цѣнности, т. е. деньги, которыя, при современныхъ экономическихъ условіяхъ, могутъ быть вездѣ и во всякое время, въ свою очередь, промѣнены на всякіе нужные предметы и услуги. Въ обширномъ смыслѣ и трудъ работника на фабрикѣ, и лакея въ услуженіи, и ученаго, и чиновника,— можно назвать промышленнымъ предпріятіемъ, ибо взамѣнъ оказываемыхъ ими обществу услугъ всѣ они получаютъ отъ общества другія услуги или предметы, производство которыхъ находится внѣ сферы ихъ способностей и занятій. Но для одного разряда названныхъ лицъ пріобрѣтеніе матеріяльныхъ богатствъ не составляетъ главной цѣли ихъ занятій, по крайней мѣрѣ, во всякомъ случаѣ, при этой цѣли дѣйствуютъ иныя равносильныя или еще болѣе сильныя побужденія; а у другихъ—границы промышленныхъ занятій слишкомъ тѣсны, произвольное распоряженіе ими слишкомъ ничтожно. Подъ промышленнымъ предпріятіемъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, должно понимать такой кругъ дѣятельности, который во первыхъ имѣетъ главною и прямою цѣлію пріобрѣтеніе богатствъ или матеріяльныхъ цѣнностей, а во вторыхъ имѣетъ въ главѣ своей одно или нѣсколько лицъ, произвольно избравшихъ тотъ или другой родъ производства цѣнностей, и обдуманно, въ теченіе сколько нибудь продолжительнаго времени, соединяющихъ для своей цѣли всѣ самыя выгодныя, въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, условія и труды другихъ людей въ обществѣ. Такъ къ промышленнымъ предпріятіямъ относится какая нибудь фабрика, торговый домъ, сооруженіе путей сообщенія и проч. Непремѣнныя условія всякаго промышленнаго предпріятія, при современномъ общественномъ порядкѣ,—собственность и свободная мѣна произведеній. Существенная роль хозяина предпріятія или антрепренера— главное и самостоятельное распоряженіе всѣмъ дѣломъ; онъ направляетъ всѣ его операціи такимъ образомъ, чтобы оно могло принести наибольшія выгоды, онъ предусматриваетъ всѣ клонящіяся къ этой цѣли средства, и могущія возникнуть препятствія, пользуется всѣми барышами и терпитъ убытки и наконецъ отвѣчаетъ предъ обществомъ за всѣ успѣхи и неудачи предпріятія,—служитъ общественнымъ его представителемъ.

Въ каждомъ промышленномъ дѣлѣ есть двѣ стороны, которыя необходимо отличать одну отъ другой: *производство* и *сбытъ*. Эти двѣ стороны непремѣнно являются въ каждомъ предпріятіи, какого бы оно рода ни было: въ земледѣльческомъ, мануфактурномъ или собственно промышленномъ и торговомъ. Собственно говоря, человѣкъ никогда и нигдѣ не производитъ предметовъ, онъ не можетъ создать ни

одного атома матеріи; но онъ можетъ *приспособить* произведенія природы къ удовлетворенію различныхъ своихъ потребностей, или придать имъ съ помощію труда такія свойства, при которыхъ возможно ихъ употребленіе, однимъ словомъ, человѣкъ создаетъ *цѣнности* или способность вещей къ удовлетворенію потребностей. Въ этомъ смыслѣ должно понимать *производство*, т. е. производство не вещей, а цѣнностей. Такимъ образомъ земледѣлецъ воздѣлываніемъ полей увеличиваетъ качество и количество урожаевъ, фабрикантъ даетъ такую форму произведеніямъ природы, при которой употребленіе ихъ удобнѣе, наконецъ торговецъ выборомъ товаровъ, перевозкою ихъ съ одного мѣста на другое, посредничествомъ между земледѣльцами или фабрикантами и покупщиками дѣлаетъ товаръ болѣе способнымъ къ удовлетворенію требованій покупщиковъ; вездѣ производство новыхъ цѣнностей, или новыхъ свойствъ вещей къ удовлетворенію потребностей. Но при настоящемъ раздѣленіи труда въ обществѣ, никто, ни земледѣлецъ, ни фабрикантъ, ни купецъ, не довольствуются производствомъ непосредственно для себя; всѣ производятъ для *мѣны* добытыхъ или пріобрѣтенныхъ цѣнностей на другія цѣнности, вещи или деньги. Эта *мѣна* есть тò, чтò называется *сбытомъ* произведеній.

Эти двѣ стороны промышленнаго дѣла должны быть разсматриваемы сперва отдѣльно одна отъ другой и потомъ уже въ совокупности. Но прежде необходимо ясно себѣ представить цѣль, которую долженъ имѣть передъ собою хозяинъ всякаго промышленнаго предпріятія. Какъ чистая прибыль или барышъ во всякомъ промышленномъ дѣлѣ заключается въ излишкѣ цѣнности добытыхъ или пріобрѣтенныхъ предметовъ противъ расходовъ, сдѣланныхъ на добываніе или пріобрѣтеніе предметовъ (prix de revient), расходы же эти состоятъ вообще изъ процентовъ на употребленные капиталы и изъ платы за работу, то очевидно, что цѣль всякаго хозяина предпріятія: ***пріобрѣсти предметы, цѣнность которыхъ превышала бы цѣнность процентовъ на капиталы и заработной платы, или по крайней мѣрѣ равнялась бы ей;*** послѣдній случай можетъ имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ въ суммѣ процентовъ заключаются и проценты на собственный употребленный хозяиномъ предпріятія капиталъ, или въ суммѣ заработной платы заключается и какое нибудь вознагражденіе за его собственную работу, иначе не можетъ быть для него никакой прибыли отъ дѣла. Итакъ вся задача хозяина пріобрѣсти возможно бòльшую «по качеству или количеству» сумму произведеній съ возможно меньшею суммою расходовъ производства. Это основное, коренное начало всякаго предпріятія повидимому весьма просто, но многіе ли въ промышленномъ мірѣ строго примѣняютъ его къ каждому задуманному пред-

пріятію или сообразивъ всѣ его послѣдствія въ самомъ началѣ, неуклонно его держатся въ продолженіе всѣхъ оборотовъ предпріятія? Если бы можно было дать сколько нибудь утвердительный на это отвѣтъ, то конечно было бы въ промышленной жизни несравненно менѣе несбывшихся надеждъ и нежданныхъ неудачъ, какія мы ежедневно видимъ.

Намъ уже не разъ случалось употребить выраженіе *хозяинъ предпріятія* вмѣсто французскаго *антрепренеръ*. Иначе мы не умѣемъ перевести это слово: и едва ли возможно передать ближе на русскомъ языкѣ понятіе соединяемое съ французскимъ названіемъ. Хотя и употребляется у насъ слово *антрепренеръ*,—но въ немъ есть что-то не только чуждое языку, но и чуждое экономическимъ условіямъ народной промышленности. Иначе и быть не можетъ. Элементы, входящіе въ составъ экономической жизни, у всѣхъ народовъ и во всѣ времена одинаковы, какъ элементы политической, нравственной, юридической жизни. Но формы, въ которыхъ проявляются эти элементы у различныхъ народовъ въ различныя эпохи развитія, разнообразны до безконечности. Вслѣдствіе этого историческаго разнообразія формъ и тѣ *органы*, которые служатъ проявленіемъ разныхъ сторонъ общественной жизни, носятъ на себѣ особый народный отпечатокъ, заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя особенности, которыя только постепенно, при всемірномъ столкновеніи интересовъ, обобщеніи народной жизни, мало по малу стираются и исчезаютъ. Конечно въ экономической жизни народовъ эти особенности, вслѣдствіе безпрерывнаго движенія торговыхъ сношеній, могутъ быть менѣе рѣзки, и легче сглаживаются, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ народной дѣятельности, но тѣмъ не менѣе онѣ еще существуютъ. Названіе *антрепренеръ* въ понятіяхъ нашего народа названіе какъ-то не серіозное, не соотвѣтствующее его насущнымъ потребностямъ; до сихъ поръ употребляютъ слово антрепренеръ, когда говорятъ о какой нибудь заморской затѣѣ для общественнаго увеселенія, о театрѣ, око чующихъ труппахъ комедіянтовъ, музыкантовъ и проч., о чемъ-то непостоянномъ, случайномъ. Но *антрепренеръ* и не могъ у насъ получить того народнаго значенія, какое соотвѣтствуетъ этому слову на Западѣ. У насъ есть названіе: *подрядчикъ*, *барышникъ*, *хозяинъ*. Всѣ эти слова заключаютъ въ себѣ многія экономическія понятія, связанныя съ словомъ антрепренеръ: но подрядомъ нельзя назвать всякое промышленное предпріятіе, барышничество—представляетъ одну только сторону дѣятельности антрепренера и притомъ съ нѣкоторою примѣсью не совсѣмъ честнаго, по крайней мѣрѣ правильнаго труда; названіе *хозяинъ*, близко соотвѣтствуя значенію антрепренера, имѣетъ за собою дѣйствительное его

употребленіе на народномъ экономическомъ языкѣ,—хотя до сихъ поръ скорѣе въ менѣе важныхъ, промышленныхъ дѣлахъ. Наконецъ производное—*предприниматель* кажется намъ слишкомъ искусственнымъ, слишкомъ книжнымъ, а книжныя экономическія названія, не подходящія ни подъ дѣйствительные экономическіе факты страны, ни подъ народныя понятія, всегда кажутся чѣмъ-то чуждымъ, враждебнымъ наукѣ, которой лучшее, въ настоящее время, начало, лучшее убѣжденіе—это необходимость изслѣдованія только дѣйствительныхъ фактовъ жизни. Дѣло въ томъ, что внутренній строй нашего общества вовсе и не заключаетъ въ себѣ разряда людей, подвижнаго, не связаннаго ни съ какою постоянною недвижимою собственностію, предпріимчиваго, близкаго простому народу, по происхожденію и своимъ нравственнымъ наклонностямъ, но близкаго и самому высшему, по образованію; наконецъ проникнутаго привычкою къ труду простолюдина, жаждою пріобрѣтенія и вмѣстѣ независимаго по своему имущественному положенію въ обществѣ. Этотъ классъ стоитъ на Западѣ посредникомъ между трудомъ, капиталомъ, экономическими потребностями въ обществѣ и умственными успѣхами, или тѣми новыми приложеніями наукъ къ искусствамъ, которыя ежедневно возрастаютъ.

Три элемента входятъ въ составъ того значенія, которое имѣетъ въ производствѣ лице хозяина предпріятія онъ *владѣлецъ капитала*, затраченнаго въ предпріятіи: строеній, машинъ, денегъ, употребленныхъ на разные расходы, производства и проч., онъ *распорядитель* въ предпріятіи, наконецъ, и это самое главное при настоящихъ условіяхъ общественныхъ и гражданскихъ, онъ *представитель* предпріятія передъ обществомъ, онъ беретъ на себя всю отвѣтственность за неудачу или успѣхъ дѣла. Соотвѣтственно этому троякому значенію хозяина предпріятія, и тотъ доходъ, та доля произведеній, которая ему принадлежитъ по окончаніи производства, можетъ быть разложена на три элемента: 1) *Вознагражденіе за затраты—проценты на капиталъ*; 2) *Вознагражденіе за трудъ распоряженія*; 3) *Вознагражденіе за отвѣтственность, за рискъ или чистый барышъ*. Эти три рода вознагражденія, какъ и три рода ролей хозяина въ производствѣ, могутъ существовать отдѣльно одинъ отъ другаго, какъ мы дѣйствительно и встрѣчаемъ часто на практикѣ; но большею частію они соединены въ одномъ лицѣ. Указанные нами экономическіе элементы производства необходимо существуютъ и въ первоначальныхъ народныхъ формахъ производства, но тутъ они проявляются иначе. Такъ у насъ лице, стоящее во главѣ предпріятія, или слишкомъ близко или слишкомъ далеко стоитъ въ отношеніи къ рабочимъ

силамъ предпріятія; это или подрядчикъ, промышленникъ, барышникъ, и тогда его интересы весьма узки, отъ него не зависитъ общее направленіе дѣла, его вниманіе обращено только на самые близкіе заработки, а не на развитіе цѣлой промышленной отрасли, начертаніе обширнаго сознательнаго плана дѣйствій; или же въ главѣ предпріятія стоятъ лица, дѣятельность которыхъ побуждается не одними только чисто экономическими интересами предпріятія, не одними только чисто матеріяльными его выгодами. Впрочемъ съ развитіемъ промышленныхъ народныхъ силъ и капиталовъ и у насъ возникаетъ тотъ классъ людей, который, сосредоточиваясь на однихъ только промышленныхъ интересахъ страны, сознательно посвящаетъ свою дѣятельность тому или другому роду предпріятій, и самъ собою давая имъ направленіе, обращаетъ всѣ свои труды къ цѣлямъ промышленнымъ. Но кто бы ни былъ хозяинъ предпріятія, тѣ общіе элементы и условія промышленнаго предпріятія и вознагражденія хозяевъ или антрепренеровъ, которыя мы указали, должны встрѣчаться и у насъ на всѣхъ степеняхъ промышленной жизни, ибо экономическіе законы вездѣ и всегда одинаковы.

Возвращаемся къ нашему очерку главныхъ частей промышленнаго предпріятія и практическихъ правилъ для промышленной дѣятельности, истекающихъ изъ общихъ основаній. Обращаясь къ первой части промышленнаго предпріятія, *къ производству*, и припомнивъ высказанную нами цѣль всякаго предпріятія, мы непосредственно выводимъ отсюда то основное начало, которое должно преобладать во всѣхъ операціяхъ производства: хозяинъ долженъ возможно болѣе употреблять всѣ производящія силы, которыми онъ располагаетъ, — трудъ и капиталъ, не оставляя въ бездѣйствіи ни одну изъ нихъ.

Первая производящая сила въ каждомъ дѣлѣ—*собственный трудъ хозяина;* потому на него и должна быть обращены всего болѣе его бережливость и вниманіе. Сюда принадлежитъ правильное, обдуманное употребленіе хозяиномъ собственнаго его труда, такъ чтобы дѣло не страдало ни отъ недостатка распоряженія, которое должно приводить въ дѣйствіе и направлять постоянно къ одной и той же цѣли всѣ малѣйшія пружины, ни отъ излишка мелочнаго наблюденія, вдающагося въ однѣ подробности, хлопотливаго и безпокойнаго. Сюда также, и можетъ быть прежде всего, относится весь образъ жизни хозяина, который, по распредѣленію матеріяльныхъ условій, и по нравамъ и духу, долженъ въ точности сообразоваться съ характеромъ и требованіями предпринятаго дѣла.

Послѣ личной дѣятельности самого хозяина,—первое искусство въ промышленности—*искусство употребленія капиталовъ*. Собственно

всѣ расходы производства приводятся къ одному знаменателю—къ употребленію капиталовъ. Основное и очевидное начало—стараться извлекать изъ капитала возможно бо̀льшіе барыши, но это общее начало въ отдѣльныхъ случаяхъ видоизмѣняется до безконечности. Здѣсь можно указать только на самыя главныя правила, которыя отсюда проистекаютъ. Во первыхъ, для хозяина весьма важно, особенно при первоначальномъ устройствѣ предпріятія, затрачивать капиталы по возможности на такіе предметы, и при такихъ условіяхъ, которые бы позволяли ему всегда обратить ихъ на другое употребленіе, т. е. перемѣнить форму затраченныхъ капиталовъ. Конечно въ практикѣ не всегда легко примѣнить это правило, но его необходимо имѣть въ виду, и стараться слѣдовать ему по возможности. Во вторыхъ, не должно забывать, что расходы содержанія капиталовъ, какъ и людей, тягостны для предпріятія, и потому искусство хозяина должно состоять въ томъ, чтобы никогда не оставлять капиталовъ праздными; праздность капиталовъ постоянныхъ вреднѣе, чѣмъ оборотныхъ, ибо послѣдніе легко могутъ быть перемѣщаемы, и наконецъ возможность всегда и во всякую минуту употребить ихъ въ дѣло, въ случаѣ необходимости вознаграждаетъ нѣкоторымъ образомъ за расходы ихъ содержанія или проценты, когда они въ бездѣйствіи.

После употребленія капиталовъ вообще, особенное вниманіе должно быть обращено на употребленіе чужихъ капиталовъ или *на кредитъ*, играющій столь важную роль въ промышленности нашего времени. Капиталы могутъ быть занимаемы двояко: на самое устройство дѣла, на обзаведеніе и, временно, для облегченія текущихъ расходовъ предпріятія. Перваго рода кредитъ заключаетъ въ себѣ чрезвычайно много опасностей и требуетъ особенной осмотрительности. Прежде чѣмъ на него рѣшиться, необходимо здраво и хладнокровно обсудить, могутъ ли ожидаемые отъ дѣла барыши покрыть: 1) проценты по занятому капиталу, 2) вознагражденіе за личный трудъ хозяина и за рискъ его предпріятія, 3) премію для погашенія капитала, такъ чтобы эта премія могла его возстановить прежде срока платежа. Увѣренность въ возможности покрытія этихъ трехъ расходовъ должна быть необходимымъ условіемъ для подобнаго кредита. Кредитъ на обзаведеніе или первоначальное устройство большею частію кредитъ личный, ибо условливается личными качествами хозяина и прежнею его промышленною дѣятельностію, а не самымъ предпріятіемъ, успѣхи котораго еще въ будущемъ; потому точность въ выполненіи принятыхъ по этому кредиту обязательствъ должна быть предметомъ особенной заботливости, малѣйшая здѣсь неаккуратность внушаетъ недовѣріе къ личнымъ промышленнымъ (если можно такъ выразить-

ся) способностямъ хозяина, и можетъ поразить всю его будущую дѣятельность. Наконецъ этого рода кредитъ обнаруживаетъ въ глазахъ публики нѣкоторымъ образомъ слабость предпріятія въ самомъ его основаніи и весьма часто бываетъ причиною, хотя и не всегда справедливою,—недовѣрія къ дѣлу въ самомъ его началѣ. Заемъ для текущихъ расходовъ бываетъ обыкновенно или въ формѣ покупки матеріяловъ и товаровъ на кредитъ, или въ формѣ учета коммерческихъ векселей, которые бы должны безъ того сохраниться въ кассѣ до сроковъ платежей. Этого рода кредитъ менѣе опасенъ, ибо какъ его выгоды, такъ и невыгоды легко могутъ быть предвидѣны и исчислены. Самые прочные коммерческіе дома прибѣгаютъ къ нему; онъ даже сдѣлался необходимою принадлежностію всякаго предпріятія.

Подлѣ капитала стоитъ другой элементъ производства—*трудъ всѣхъ лицъ, призванныхъ къ участію въ дѣлѣ*. Условія, по которымъ хозяева промышленныхъ предпріятій пріобрѣтаютъ чужой трудъ, въ современныхъ образованныхъ обществахъ могутъ быть приведены къ тремъ главнымъ нормамъ: 1) Наемъ работы другаго лица за опредѣленную и постоянную плату, на опредѣленное количество времени, погодно, помѣсячно, понедѣльно, подневно. 2) Наемъ опредѣленнаго количества работы, за опредѣленную плату, посредствомъ условія платежа поштучно. 3) Наемъ опредѣленнаго количества времени или работы за опредѣленную плату и извѣстную часть прибыли отъ всего предпріятія или отъ нанятой работы. Первая форма условій самая общеупотребительная на фабрикахъ, въ торговлѣ и въ земледѣліи. Вторая встрѣчается рѣже, но съ развитіемъ просвѣщенія въ рабочемъ сословіи она болѣе и болѣе распространяется. Третья до сихъ поръ общеизвѣстна только въ коммерческихъ дѣлахъ, но начинаетъ входить и въ фабричную промышленность; обычай, скорѣе чѣмъ сознательное соображеніе всѣхъ чрезвычайно выгодныхъ, для всѣхъ участниковъ промышленнаго дѣла, сторонъ въ подобныхъ контрактахъ, ввелъ ихъ издавна въ употребленіе въ нѣкоторыхъ земледѣльческихъ областяхъ, какъ напримѣръ въ хозяйствѣ половниковъ. Но каковы бы ни были условія работы, хозяева всѣхъ безъ изъятія промышленныхъ предпріятій для своей собственной выгоды должны были бы понять, что между ихъ собственными интересами и интересами всѣхъ прочихъ участниковъ въ трудѣ производства, самая тѣсная связь и взаимнодѣйствіе, что всѣ выгоды ихъ зависятъ отъ правильнаго вознагражденія труда другихъ лицъ, что послѣдніе могутъ и должны участвовать въ ихъ дѣлѣ только въ мѣрѣ удовлетворенія ихъ выгодамъ, и что наконецъ просвѣщенный, сознательный трудъ, хотя бы онъ обходился и дороже грубаго труда необразованнаго ра-

ботника, въ нѣсколько разъ вознаграждается увеличеніемъ прибылей для самаго хозяина. Хозяева предпріятій должны смотрѣть (и это весьма важно) на условіе, по которому они пріобрѣтаютъ чужую работу, какъ на договоръ, свободно заключенный съ обѣихъ сторонъ, внѣ котораго ни та, ни другая сторона, не могутъ простирать никакихъ требованій. Для успѣшности дѣла, договоръ этотъ долженъ имѣть чисто экономическій характеръ; онъ долженъ влечь за собою экономическія, и только экономическія, а никакія другія, обязанности. Внѣ этихъ, строго экономическихъ предѣловъ, контрактъ найма работы вноситъ въ промышленный міръ только смѣшеніе понятій и матеріяльный и нравственный безпорядокъ.

Мы переходимъ ко второй части промышленнаго предпріятія, *къ сбыту* или *къ мѣнѣ* произведеній. Весьма ошибочно было бы мнѣніе, что законы и условія мѣны или торга важны только для торгующаго класса; они важны для всякаго безъ изъятія рода предпріятій, ибо всякій производитель, кто бы онъ ни былъ, фабрикнатъ, земледѣлецъ или купецъ, стремится произвести какъ можно болѣе не только по внутреннему качеству и достоинству, но и *по цѣнности*, которую его произведенія имѣютъ въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, а цѣнность обусловливается требованіями торга, требованіями лицъ, нуждающихся въ этихъ произведеніяхъ. Самыя цѣнныя вещи теряютъ всякую цѣну въ извѣстныя минуты, при недостаткѣ на нихъ спроса, и нерѣдко, при невозможности сохранить ихъ, пропадаютъ безвозвратно. Положеніе торга зависитъ отъ двухъ родовъ условій: отъ условій *предложенія* товара, дѣлаемаго производителями, и отъ условій *спроса* покупателями. Цѣна на всякій предметъ опредѣляется отношеніемъ спроса къ предложенію. Это отношеніе измѣнчиво, не постоянно, какъ самое предложеніе и спросъ, на которые имѣютъ вліяніе безчисленныя обстоятельства и случайности общественной и экономической жизни. Но если положеніе торга и цѣнъ не зависитъ отъ произвола каждаго хозяина предпріятія, если законъ отношенія спроса къ предложенію непреложенъ, слѣпъ, неумолимъ, не всегда справедливъ, иногда безчеловѣченъ, то приспособленіе предпріятія къ положенію торга всегда въ рукахъ хозяина предпріятія; свѣдующій и опытный хозяинъ всегда можетъ направить условія сбыта къ своей пользѣ, или по крайней мѣрѣ къ наименьшему убытку. Окончательная цѣль всякаго предпріятія посреди конкурренціи или совмѣстничества производителей и потребителей, имѣть не тѣ или другіе товары, въ томъ или другомъ количествѣ, а способность, силу мѣны, превосходную предъ предшествовавшими или предъ прочими производителями. Говоря о сбытѣ, нельзя не вспомнить истины, такъ

замѣчательно доказанной Сеемъ и такъ часто забываемой въ практикѣ: всѣ товары, являющіеся на торгъ, взаимно доставляютъ другъ другу сбытъ, и обширный сбытъ можетъ быть только тамъ, гдѣ много произведеній, т. е. много услугъ и много работы.

Самый любопытный феноменъ, который происходитъ отъ незнанія законовъ и условій мѣны,—это *коммерческій кризисъ*, который можно въ промышленномъ мірѣ сравнить съ бурями. Коммерческій кризисъ обнаруживается внезапнымъ разстройствомъ (perturbation) всѣхъ цѣнностей и цѣнъ: цѣнность нѣкоторыхъ товаровъ поднимается, другихъ, и даже бо̀льшей части, упадаетъ; иногда же возвышается въ цѣнѣ только монета, а все прочее упадаетъ. Тогда всѣ владѣльцы товаровъ, понизившихся въ цѣнѣ, терпятъ убытки, доходящіе до разоренія, и потому перестаютъ производить вовсе или на нѣкоторое время. Всякое событіе, которое по какакой бы то ни было причинѣ внезапно потрясаетъ все положеніе рынка и всѣ ожиданія торгующихъ, образуетъ коммерческій кризисъ. Этого рода событія можно отнести къ слѣдующимъ главнымъ:

1) Голодъ.

2) Новыя операціи, основанныя на ложныхъ расчетахъ и надеждахъ.

3) Большое число обязательствъ, связанныхъ съ ожиданіями, которыя не сбываются.

4) Политическій, паническій страхъ.

Должно замѣтить, что изъ всѣхъ этихъ причинъ коммерческихъ кризисовъ, только общій голодъ—вовсе не подчиняется предвидѣнію и предусмотрительности человѣческой.

Но хозяину промышленнаго предпріятія недостаточно удачно и счастливо вести дѣла свои. Для прочности ихъ онъ еще долженъ: во всякую минуту имѣть возможность знать всѣ факты и данныя, относящіеся къ предпріятію, сумму употребленныхъ капиталовъ и виды ихъ, обязательства его постороннимъ лицамъ и ихъ обязательства ему, имѣющіяся въ его распоряженіи средства къ исполненію обязательствъ, однимъ словомъ, знать ежеминутно результаты всѣхъ совершившихся операцій, знать *свое коммерческое положеніе*. Для удовлетворенія этой потребности служитъ правильная и приспособленная къ роду каждаго дѣла система счетоводства.

Прилагая общія начала къ практическому устройству каждаго отдѣльнаго предпріятія, мы можемъ войдти въ разсмотрѣніе болѣе и болѣе спеціяльныхъ условій, смотря по степени спеціяльности дѣла. Ограничимся и здѣсь по возможности болѣе общими указаніями. Приступая къ устройству какого нибудь предпріятія, необходимо прежде

всего обратить вниманіе на родъ произведеній, который долженъ быть избранъ, или *на подборъ* (assortiment). Раздѣленіе труда и производства въ практикѣ развивалось подъ вліяніемъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ; бо̀льшею частію здѣсь преобладали преданіе и рутина, и нельзя сказать, чтобы можно было указать на какую нибудь постоянную и раціональную систему, по которой должно идти раздѣленіе различныхъ отраслей промышленности и распредѣленіе родовъ производства. Вообще можетъ быть два рода подбора произведеній: *внутренній* или *фабричный*, и *внѣшній* или *коммерческій;* однимъ словомъ, хозяинъ предпріятія долженъ, съ одной стороны, заботиться о выборѣ произведеній наидешевѣйшихъ въ производствѣ, и съ другой стороны, такихъ, которыя бы были возможно дороже въ сбытѣ. Кромѣ избранія рода продуктовъ, нужно опредѣлить, какіе даны будутъ размѣры предпріятію; эти размѣры зависятъ отъ рода предпріятія, и своевременная обдуманность въ этомъ отношеніи много можетъ содѣйствовать успѣху. Какъ малыя, такъ и большія предпріятія имѣютъ свои достоинства и недостатки, которые должны быть всякій разъ соображаемы со способами производства и требованіями торга.

Мы старались самымъ бѣглымъ образомъ очертить весь кругъ понятій, входящихъ въ составъ промышленнаго предпріятія и непосредственныхъ практическихъ ихъ примѣненій, чтобы ближе заинтересовать читателя къ сочиненію, поставленному нами въ главѣ настоящей статьи и исчерпывающему до нельзя всѣ явленія, принадлежащія къ области промышленнаго предпріятія. Сочиненіе это и по предмету, и по способу изслѣдованія и изложенія составляетъ замѣчательное явленіе въ экономической европейской литературѣ; оно разрѣшаетъ много недоумѣній, торжествуетъ надъ многими скептическими взглядами на науку и должно привлечь къ ней многихъ невѣрующихъ. Задача автора, посреди множества всемірныхъ общественныхъ вопросовъ, затронутыхъ наукой политической или общественной экономіи, можетъ казаться довольно узкою:—объяснить устройство каждаго промышленнаго предпріятія и условія успѣховъ, и указать все то, что̀ можетъ быть въ этихъ условіяхъ полезно или пагубно интесамъ хозяевъ предпріятій. Но какъ предметъ этой задачи, такъ и практическая ея цѣль весьма не маловажны.

Промышленныя предпріятія составлютъ именно одну изъ тѣхъ характеристическихъ чертъ, которыми современныя западныя общества отличаются отъ всѣхъ прошедшихъ. Это та дѣятельность, съ помощію которой сдѣланы, въ столь короткое сравнительно время, исполинскіе шаги на пути сближенія мысли и слова всѣхъ концевъ

Земнаго Шара, на пути облегченія всѣхъ матеріяльныхъ препятствій къ умственному и нравственному совершествованію человѣка, на пути покоренія свѣту просвѣщенія самыхъ отдаленныхъ и разобщенныхъ съ общимъ движеніемъ человѣческихъ поселеній, однимъ словомъ, на пути улучшенія народнаго благосостоянія и земной участи человѣка. Вспомнимъ, что вся исторія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ есть, не болѣе, не менѣе, какъ исторія ряда промышленныхъ предпріятій, что желѣзныя дороги и телеграфы, совершенно измѣнившія общественную жизнь въ Европѣ, всемірныя выставки, безчисленныя ткани, давшія бѣднымъ классамъ народа возможность удовлетворенія прежде невѣдомыхъ имъ потребностей, и книгопечатаніе, въ своихъ колоссальныхъ размѣрахъ, и періодическая литература, заговорившая на всѣхъ языкахъ, людямъ всѣхъ состояній,—все это промышленныя предпріятія. Съ самаго перваго возникновенія, не только гражданскихъ обществъ, но и самыхъ дикихъ человѣческихъ поселеній, прилагался трудъ человѣка къ удовлетворенію тѣхъ или другихъ потребностей, и въ обширномъ смыслѣ промышленныя предпріятія сопровождаютъ человѣка на всѣхъ ступеняхъ его развитія, во всѣхъ его положеніяхъ. Пригонъ стада кочующими племенами для промѣна на хлѣбъ къ предѣламъ болѣе образованныхъ областей, и засѣваніе полей какимъ нибудь земледѣльческимъ поселеніемъ по тысячелѣтнимъ преданіямъ и обычаямъ предковъ, для собственной нужды и сбыта пріѣзжающимъ изъ-далека промышленникамъ, и продажа сельскимъ хозяиномъ въ ярмарочные дни въ ближайшихъ городахъ или селеніяхъ нѣкоторыхъ домашнихъ произведеній, и занятіе какимъ нибудь ремесломъ, вслѣдствіе обученія въ дѣтствѣ по непремѣнному желанію родителей,—все это промышленныя предпріятія въ обширномъ значеніи слова. Но, въ настоящую минуту, насъ интересуетъ именно та форма приложенія труда, которой особенно присвоено въ современныхъ обществахъ названіе промышленнаго предпріятія. Въ этой формѣ человѣкъ, какъ экономическій дѣятель, является не стѣсняемый никакими напередъ и насильственно навязанными ему цѣлями и обязанностями; онъ произвольно, намѣренно, обдуманно обращаетъ свою дѣятельность на такое, съ помощію труда и капитала, сопряженіе экономическихъ условій окружающаго его общества, чтобы оно могло доставить ему наибольшее количество личныхъ матеріяльныхъ выгодъ. Здѣсь вопросъ идетъ уже не о производствѣ разныхъ вещей для одного удовлетворенія собственныхъ, необходимыхъ потребностей, но о пріобрѣтеніи возможно бо̀льшаго количества чистыхъ барышей отъ предпріятія, о бо̀льшемъ или меньшемъ обогащеніи. Для того, чтобы сколько нибудь успѣшно дѣйство-

вать на этомъ поприщѣ и выдержать соперничество прочихъ промышленныхъ предпріятій, здѣсь уже недостаточно одного труда, здѣсь нужно извѣстное накопленіе напередъ затраченнаго труда или капитала. Здѣсь недостаточно также одной доброй воли, а необходимъ извѣстный запасъ свѣдѣній, или извѣстная доля умственнаго капитала, чтобы именно направить свои дѣйствія не на одни случайно попавшіеся подъ руку предметы, а на тѣ именно, которые наиболѣе представляютъ выгодъ при тѣхъ или другихъ существующихъ въ обществѣ экономическихъ условіяхъ. Такая форма дѣятельности сдѣлалась возможною на Западѣ лишь послѣ постепеннаго изчезновенія, въ прошедшемъ столѣтіи, всѣхъ разнообразныхъ феодальныхъ и сословныхъ стѣсненій, подъ гнетомъ которыхъ находилась прежняя промышленная дѣятельность, и послѣ накопленія и развитія въ народѣ капиталовъ и повсемѣстнаго распространенія просвѣщенія въ низшихъ классахъ.

Мы сказали, что движущая сила каждаго промышленнаго предпріятія—это *личный интересъ* хозяина его; на немъ зиждется все зданіе, имъ проникнута вся его жизнь. Нѣтъ сомнѣнія, что съ этимъ интересомъ могутъ вступать въ столкновенія другія экономическія силы въ обществѣ—интересы ли тѣхъ, которыхъ онъ употребляетъ какъ средства для своихъ цѣлей, или наконецъ и интересы всего общества. Но подъ вліяніемъ этого только начала личнаго интереса развилась вся промышленная дѣятельность вь Европѣ въ послѣднее пятидесятилѣтіе въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ мы ее видимъ теперь. Изъ доходовъ хозяевъ предпріятій (entrepreneurs) составились тѣ капиталы, съ помощію которыхъ совершены всѣ громадныя промышленныя сооруженія нашего времени, съ помощію которыхъ приложены къ промышленности всѣ усовершенствованія наукъ, и наконецъ, съ помощію которыхъ постепенно увеличивается доходъ всѣхъ прочихъ участниковъ промышленнаго труда. Авторъ занимающаго насъ сочиненія принимаетъ экономическія условія въ обществѣ такъ, какъ они существуютъ въ настоящее время; онъ не касается тѣхъ формъ, которыя, быть можетъ, суждено имъ принять когда нибудь при дальнѣйшемъ и безконечномъ развитіи общественныхъ силъ; онъ останавливается на томъ хозяйственномъ порядкѣ, въ какой сложились экономическія силы нынѣ, и сосредоточивъ все вниманіе свое на той именно группѣ этихъ интересовъ—*на барышахъ хозяина предпріятія* (profits de l'entrepreneur), которая составляетъ какъ бы первую основу этого порядка,—онъ только преслѣдуетъ тѣ начала, по которымъ развитіе этихъ интересовъ можетъ быть, при настоящихъ экономическихъ условіяхъ самое нормальное, и тѣ правила, которымъ должны слѣдовать хозяева

предпріятій для достиженія предположенныхъ цѣлей. Такова задача и таково направленіе книги г. Курсель-Сенёля; въ ней отражается для насъ вся современная организація промышленности въ Западной Европѣ, со всѣми ея свѣтлыми и черными сторонами.

Избравъ между всѣми современными экономическими интересами одну только группу и желая соединить въ одно стройное цѣлое всѣ полезныя для нихъ наставленія науки, нашъ авторъ сдѣлалъ изъ своего труда опытъ спеціяльной и прикладной политико-экономической теоріи, *практическое руководство*. Подобныя руководства сдѣлались принадлежностію всѣхъ естественныхъ наукъ и реальныхъ искусствъ, но въ политико-экономической наукѣ онѣ составляютъ замѣчательное нововведеніе, которое знаменуетъ важный успѣхъ въ наукѣ и жизни. Политическая экономія или наука о народномъ хозяйствѣ обнимаетъ собою всю совокупность экономическихъ интересовъ въ обществѣ. Между этими интересами есть отдѣльныя группы, весьма рѣзко отличающіяся одна отъ другой, такъ: интересы производителей и потребителей, землевладѣльцевъ, капиталистовъ, фабрикантовъ, работниковъ и проч. Хотя цѣль народнаго хозяйства и науки— развитіе всеобщаго благосостоянія, достиженіе полной гармоніи всѣхъ интересовъ, но многіе изъ нихъ находятся, при настоящемъ экономическомъ положеніи общества, въ столкновеніи и враждѣ. Всѣ указанные нами представители экономическихъ интересовъ въ обществѣ и всѣ прочіе нами не названные имѣютъ общее всякому интересу стремленіе: ***возможно бо́льшее накопленіе матеріяльныхъ способовъ удовлетворенія потребностей***, или, отрицательно,—***возможно бо́льшее удовлетвореніе потребностей при наименьшемъ количествѣ способовъ***,—но вмѣстѣ съ тѣмъ, при этомъ общемъ стремленіи, они имѣютъ и много особыхъ отличительныхъ свойствъ, и каждый разрядъ ихъ можетъ быть предметомъ особыхъ спеціяльныхъ теорій. Такъ могутъ быть спеціяльныя отрасли, занимающіяся исключительно сельскимъ хозяйствомъ, торговлею, или также хозяйствомъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ странъ или мѣстностей. Эти спеціяльныя теоріи должны, съ одной стороны, искать примѣненія общихъ началъ общественнаго хозяйства къ избраннымъ ими отдѣльнымъ интересамъ, искать точекъ соприкосновенія со всемірнымъ производствомъ и обращеніемъ цѣнностей, и этимъ путемъ указывать преграды, поставляемыя имъ всѣми прочими интересами, и тѣ стороны послѣднихъ, которыми спеціяльные интересы могутъ пользоваться для своихъ выгодъ и своихъ собственныхъ цѣлей. Съ другой стороны, теорія, проникая въ тѣсный кругъ отдѣльныхъ, иногда даже личныхъ интересовъ, не только выводитъ тѣ начала, которыми должны они сами руководиться, но вмѣстѣ съ

тѣмъ служитъ и общей наукѣ народнаго хозяйства, ближе изучая положеніе и направленіе отдѣльныхъ интересовъ, изъ совокупности которыхъ и возникаетъ общая экономическая теорія.

Въ наукахъ естественныхъ подобныя прикладныя знанія уже давно получили право гражданства и связали жизнь и науку неразрывнымъ союзомъ. Дѣйствительно, между чистою наукой или отвлеченнымъ закономъ, формулой, выражающей взаимное отношеніе какихъ либо явленій, и тѣмъ или другимъ практическимъ дѣйствіемъ человѣка, входящимъ въ столкновеніе съ этими явленіями,—обширное поле, на которомъ должны развиваться разнообразныя *прикладныя* воззрѣнія, служащія посредниками между собственною наукой и практикой. Чистая наука изслѣдуетъ истину для истины, ей невѣдомы тѣ стороны, условія закона природы, которыя входятъ въ соприкосновеніе съ человѣческими потребностями того или другаго времени. Такъ называемыя прикладныя науки, или собственно теоріи искусствъ, должны изучать окончательные современные результаты чистыхъ наукъ, а также преобладающія современныя практическія потребности, чтобы объяснить тѣ явленія, съ которыми практика входитъ въ непосредственное соприкосновеніе, вывести законы этихъ соприкосновеній и такъ образовать цѣлый кругъ особыхъ прикладныхъ свѣдѣній, которыя бы прямо могли быть примѣнены къ той или другой практической дѣятельности. Въ реальныхъ искусствахъ прикладныя техническія науки чрезвычайно разнообразны, смотря по тѣмъ практическимъ цѣлямъ, которымъ онѣ служатъ; между ними даже образовалась цѣлая іерархическая постепенность свѣдѣній, которыя мало по малу сближаютъ между собою самыя отвлеченныя истины науки съ самыми мелочными подробностями ихъ практическаго примѣненія. Такимъ образомъ возникли отдѣльныя теоріи путей сообщенія, желѣзныхъ дорогъ, электрическихъ телеграфовъ, дагеротипическаго и фотографическаго искусства и т. д. Эти специяльныя теоріи связаны съ чистыми науками, изъ которыхъ онѣ почерпаютъ силы для своего развитія и усовершенствованія,—рядомъ менѣе специяльныхъ прикладныхъ умозрѣній, которыя обнимаютъ болѣе обширныя потребности, болѣе общія примѣненія, такъ: инженерное искусство въ обширномъ смыслѣ этого слова, технологія, практическая механика и проч. Съ помощію этого постепеннаго и непрерывнаго отвлеченія и примѣненія, обобщенія и специялизированія, — наука и жизнь входятъ въ сближеніе, въ тотъ взаимный обмѣнъ соковъ, который замѣчается нынѣ въ реальныхъ искусствахъ.

Какъ мы сказали, многіе экономическіе интересы находятся, при настоящемъ положеніи общества, въ постоянной между собою борь-

бѣ; они даже въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ совершенно другъ другу противоположны, такъ: производители и потребители, фабриканты и работники и проч. Потому можетъ возникнуть вопросъ, какимъ образомъ, если конечная цѣль и задача народнаго хозяйства—всеобщее благосостояніе, всеобщая гармонія интересовъ,—какимъ образомъ можетъ быть полезна та дѣятельность въ наукѣ, которая разъединяетъ эти интересы, работаетъ надъ облегченіемъ имъ путей къ достиженію собственныхъ ихъ видовъ, нерѣдко противоположныхъ видамъ другихъ общественныхъ интересовъ. Но можетъ ли не быть полезною подобная дѣятельность, когда одна изъ главныхъ задачъ науки именно указать тѣмъ или другимъ экономическимъ интересамъ естественныя границы, въ кругу которыхъ должна обращаться ихъ дѣятельность, и нарушеніе которыхъ въ ущербъ другимъ общественнымъ нуждамъ и стремленіямъ, рано или поздно, въ силу естественнаго хода вещей, угрожаетъ имъ собственнымъ ихъ крушеніемъ? При томъ, чрезмѣрное развитіе однихъ какихъ либо экономическихъ интересовъ не можетъ быть страшно въ общемъ движеніи народной жизни, если только оно не поддерживается какими либо искусственными и насильственными мѣрами, ибо развитіе всякой силы, какъ въ природѣ физической, такъ и нравственной, необходимо носитъ въ себѣ самомъ начала своего равновѣсія съ прочими силами; дѣйствующія въ природѣ силы при развитіи своемъ еще легче приходятъ къ взаимному равновѣсію и гармоніи.

Новый трудъ г. Курсель-Сенёля выражаетъ весьма важный успѣхъ въ наукѣ, одинъ изъ тѣхъ успѣховъ, которые наиболѣе свидѣтельствуютъ о прочности выработанныхъ наукою началъ и наиболѣе ручаются за ея будущность: ибо конечно нельзя заподозрить шаткости въ основаніяхъ такой науки, которая, оставаясь вполнѣ вѣрною своимъ теоретическимъ началамъ, создаетъ практическія руководства или систему правилъ, непосредственно и немедленно примѣнимыхъ къ практикѣ. Но хотя возможность подобнаго труда дана была автору прежде всего зрѣлостію самой науки и особенно зрѣлостію рѣшеній ея по тѣмъ именно вопросамъ, которые входятъ въ кругъ избраннаго имъ предмета, тѣмъ не менѣе для совершенія труда необходимо было много личныхъ условій, которыми отличаются уже и прежнія его сочиненія: близкое, практическое знакомство съ промышленными операціями и малѣйшими подробностями ихъ внутренней организаціи, богатый запасъ свѣдѣній о разныхъ фактахъ и событіяхъ изъ промышленной жизни не только Франціи, но и другихъ странъ, умѣнье излагать на самомъ простомъ и общедоступномъ языкѣ предметы самые специяльные и малоизвѣстные, наконецъ вообще практич-

ность воззрѣній, то-есть, то направленіе изслѣдованія, которое, всегда исходя изъ дѣйствительныхъ фактовъ, изъ нихъ только выводитъ свои умозаключенія и къ нимъ же опять обращаетъ свои выводы.

Въ практическомъ промышленномъ мірѣ прежняго времени, теорія промышленныхъ предпріятій или руководство къ успѣшному ихъ веденію было бы встрѣчено насмѣшками; на него бы смотрѣли какъ на бредъ празднаго воображенія; но при настоящемъ развитіи промышленныхъ силъ въ Европѣ, теорія и для представителей этихъ силъ уже не химера; условія производства и мѣны, при непрерывномъ, усиленномъ и повсемѣстномъ промышленномъ движеніи, при быстротѣ сообщеній, при гласности каждой операціи и каждаго въ ней оборота, при распространеніи въ массахъ техническихъ свѣдѣній и грамотности, распредѣлились такъ равномѣрно, обобщились такъ повсемѣстно, пришли къ такимъ опредѣленнымъ уровнямъ и нормальнымъ формамъ, что исключительные, выходящіе изъ всякихъ законовъ вѣроятія, успѣхи какихъ либо предпріятій весьма рѣдки, общіе законы возможны и болѣе или менѣе примѣнимы для каждаго отдѣльнаго случая. Въ настоящее время лишь въ темныхъ углахъ промышленнаго міра, мало затронутыхъ просвѣщеніемъ и усиленнымъ промышленнымъ движеніемъ вѣка, существованіе *теоріи промышленныхъ предпріятій* можетъ показаться шуткою. Тамъ, гдѣ самымъ вѣрнымъ ручательствомъ успѣха какой нибудь операціи признается невѣжество того общества, посреди котораго она производится, и всякое усовершенствованіе производства считается празднымъ дѣломъ, годнымъ для забавы, но не для барыша, тамъ конечно трудно говорить о теоріи. Но при современномъ положеніи обществъ, исключительныя, мѣстныя условія промышленности не долговѣчны, и расчетъ на невѣжество не проченъ.

Съ помощію практическаго направленія въ наукѣ, какое проявляется въ настоящемъ сочиненіи г. Курсель-Сенёля, должно совершиться то давно желанное примиреніе теоріи съ практикой, которое въ наше время окончательно усвоено матеріяльной дѣятельности человѣка и запоздало въ нравственной и общественной. Нашему времени должна принадлежать честь этого примиренія, и уже принадлежитъ честь указанія путей, по которымъ должно идти это примиреніе, и всеобщаго сознанія его возможности. Примиреніе сдѣлалось возможнымъ съ тѣхъ именно поръ, какъ теорія отказалась отъ начертанія для человѣческой дѣятельности произвольныхъ формъ, по вкусу каждаго одареннаго воображеніемъ писателя, съ тѣхъ поръ какъ практическіе двигатели общественной дѣятельности убѣдились опытомъ, что эта дѣятельность имѣетъ свои условія и законы, столь же непрелож-

ные, какъ законы естественныхъ физическихъ явленій, что бо́льшій или меньшій успѣхъ всякой практической мѣры зависитъ отъ бо́льшаго или меньшаго знакомства съ тѣми условіями общественной жизни, которыхъ она касается. Теорія въ настоящее время и не имѣетъ другой задачи какъ изслѣдованіе тѣхъ условій и тѣхъ законовъ, по которымъ совершаются факты общественной жизни, съ тѣмъ чтобы дать практикѣ возможность *предусмотрѣть* послѣдовательность этихъ фактовъ и сообразовать съ ними свои дѣйствія. Такова задача науки въ сферѣ практической дѣятельности; таковъ путь ея примиренія съ практикой.

Чтобы снова возвратить мысль къ предмету, отъ котораго мы невольно, можетъ быть, слишкомъ далеко отвлеклись, заключимъ нашу статью прекрасными словами о направленіи и духѣ промышленныхъ предпріятій (esprit d'entreprise), которыми г. Курсель-Сенёль оканчиваетъ свою книгу:

«Духъ предпріимчивости можно назвать у насъ еще вольноотпущенникомъ, который тащитъ за собою обрывки тяжелыхъ феодальныхъ цѣпей: хозяева предпріятій весьма часто одушевлены чувствами чуждыми и противными духу ихъ занятій; они находятся подъ вліяніемъ предразсудковъ другихъ классовъ общества, и обычая вѣковъ минувшихъ. Воздаютъ честь труду, по теоріи и на словахъ,—въ душѣ уважаютъ праздность; прославляютъ дѣятельность, и негодуютъ на нее, когда она нарушаетъ наслажденіе лѣности; хвалятъ бережливость, и преклоняются предъ роскошью; превозносятъ промышленную независимость, и стараются успѣвать съ помощію насилія и возвышаться униженіемъ; наконецъ называютъ себя друзьями просвѣщенія, и нерѣдко питаютъ внутреннюю злобу противъ воспитанія и образованности».

В. Безобразовъ.

АФРИКА.

(отрывокъ).

Sic transit gloria mundi!

То было время грозной славы:
Междоусобіемъ томимъ,
Грань расширялъ своей державы
И задыхался старый Римъ.
Уже въ коварную угоду
Или сенату, иль народу—
Вожди, заспоря межь собой
Властолюбивою враждой,
Топтали древнюю свободу.
Въ то время Силла казнью мстилъ
Своимъ врагамъ и травлей новой
Роскошно тѣшилъ Римъ суровый,
А старый Марій уходилъ
И въ дальней Африкѣ за моремъ
Блуждалъ, несокрушимый горемъ.
Клонился въ море знойный день,
И блескомъ позднимъ позлащенный,
Ждалъ ночи берегъ раскаленный,
И тихо подступала тѣнь.
Бродящаго роптанья полны,
Средь колебанья дня и мглы,
Залива голубыя волны
Плескались въ бѣлыя скалы,
И воздухъ жаркій и лѣнивый
На берегъ вѣялъ молчаливый.

Тиха печальная страна!
Не нарушалъ уже полвѣка
Ея безвыходнаго сна
Ни трудъ, ни говоръ человѣка.
Давно въ пустынный край не шли,
Стремясь какъ птицъ крылатыхъ стая,
По морю веслами махая,
Съ товаромъ дальнимъ корабли;
Отъ Нила по степямъ песчанымъ
Не приходили съ караваномъ,
Рукой рабовъ навьючены,
Тяжелоступные слоны.
Давно съ жестокостью безумной
Здѣсь пронеслась чрезъ городъ шумный
Война кровавою пятой,
Оставя пепелъ за собой.
Добыча смерти или плѣна,
Исчезли люди Карѳагена;
Торговли жадной дни прошли,
Замолкли клики пышныхъ брашенъ,
Обломки гордыхъ стѣнъ и башенъ
Безмолвной грудою легли.
Съ тѣхъ поръ, спаленные, истлѣли
Цвѣты садовъ и злаки нивъ,
И лавры больше не шумѣли,
Ни зелень темная оливъ:
Лишь жизни волею могучей
Наслѣдникъ рушенныхъ дворцовъ —
Зеленой сѣтью плющъ ползучій
Разросся мирно вкругъ столбовъ,
И въ часъ полдневнаго досуга
Понѣжиться на солнцѣ юга
Изъ-подъ камней скользитъ змѣя,
Иль рѣзвыхъ ящерицъ семья;
И вновь въ томительномъ молчаньи
Лежитъ пустынная страна,
И только дышитъ въ колыханьи
Неугомонная волна.

Но римскій вождь, вѣнчанный славой,
Среди развалинъ одинокъ
Скитался тѣнью величавой,
Какъ бы преступникъ, иль пророкъ.
Суровъ былъ взглядъ его; ланиты
И лобъ морщинами изрыты
И въ кудряхъ черной бороды
Годовъ бѣлѣлися слѣды.
Но крѣпость мышцъ не измѣнила,
Все та же въ жилистой рукѣ
Плебейская дремала сила—
Какъ въ ненатянутомъ лукѣ;
Въ груди, покрытой броней мѣдной,
Таился тотъ же гласъ побѣдный,
Передъ которымъ вражья рать,
Смутясь, не въ силахъ устоять.
Давно ли онъ съ трибунъ народныхъ
Громилъ сенатъ въ рѣчахъ свободныхъ?
Давно ль средь боевыхъ тревогъ
Онъ былъ для войска нѣкій богъ?
Смиритель Кимвровъ и Тевтоновъ,
Давно ль онъ съ сонмомъ легіоновъ
Лавровѣнчанный въ Римъ вступалъ
И Римъ ему рукоплескалъ?
Но втунѣ смолкли клики славы,
Исчезла власть!... Предъ нимъ возникъ
Соперникъ смѣлый и лукавый,
Его же дерзкій ученикъ,
И старый вождь унесъ въ изгнанье,
Въ пріютъ далекій отъ людей—
Обиды горечь и сознанье
Величья гордаго скорбей.
Но не груститъ орелъ нагорный
Подобно горлицѣ лѣсной:
Вождь терпѣливый и упорный
Томился думою иной.
Въ себя въ немъ вѣра не уснула!
Онъ все жь былъ грозенъ какъ судьба:

Его зарѣзать дерзнула
Рука наемнаг раба!
И тѣ же волновали страсти
Скитальца непреклонный умъ,—
Любовь къ свободѣ, жажда власти
И жизни сильной блескъ и шумъ;
И мыслилъ онъ: еще поспоримъ!
И взоромъ Римъ искалъ за моремъ.

А съ неба знойнаго сходя,
Вечерній лучъ сіялъ печаленъ
На груды тихія развалинъ,
И образъ стараго вождя.
И вѣчнаго роптанья полны,
Далеко колыхались волны

Н. Огаревъ.

* * *

Ты, уцѣлѣвшій въ сердцѣ нищемъ,
Привѣтъ тебѣ, мой грустный стихъ!
Мой свѣтлый лучъ надъ пепелищемъ
Блаженствъ и радостей моихъ!
Одно, чего и святотатство
Коснуться въ храмѣ не могло,
Моя напасть, мое богатство,
Мое святое ремесло!

Проснись же, смолкнувшее слово!
Раздайся съ устъ моихъ опять;
Сойди къ избранницѣ ты снова,
О роковая благодать!
Уйми безумное роптанье,
И обреки ты сердце вновь
На безграничное страданье,
На безконечную любовь!

Каролина Павлова.

Дерптъ.
Февраль 1854.

сск

дерз

раб

